ЕВРАЗИЙСКАЯ № 3 (80) 2026

АДВОКАТУРА

Журнал основан в 2012 году.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации) по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки),
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
В соответствии с произведенным распределением журналов, входящих в перечень по категориям, журнал отнесен к категории «К2».

Редакционный совет:

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, Председатель правления Совета Медиации Азербайджанской Республики, заместитель председателя Комитета Организации Объединенных Наций по экономическим, социальным и культурным правам
(Азербайджанская Республика, г. Баку);

АМИНЕВ Фарит Гизарович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Башкортостан, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», председатель Общественного совета по экспертной деятельности в Республике Башкортостан (Российская Федерация, г. Уфа);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета
(Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института
(Нидерланды, г. Маастрихт);

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности
Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белграда (Республика Сербия, г. Белград);

18+

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».
Учредитель: Автономная некоммерческая организация
«Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.
Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва,
ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.**: +7 (495) 650-38-80, **website**: izv-udprf.ru.
Дата выхода в свет: 17.07.2026. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 23, 5. Тираж 500 экз. Свободная цена.
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210
website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail**: eurasian-advocacy@mail.ru, **мессенджеры**: +7-917-40-61-340

ГАРАДЖАЕВ Джейхун – доктор юридических наук, судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики в отставке, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета, член Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Совета Европы (Азербайджанская Республика, г. Баку);

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятского государственного университета (Российская Федерация, г. Улан-Удэ);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРОВА Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, начальник управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, со-президент Международного союза юристов и экономистов (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, руководитель центра социологии права и правоохранительных органов Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, почетный работник образования Республики Казахстан, Главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия», Ректор учреждения «Международная Академия труда» (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КОСТЮК Михаил Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, г. Москва);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, руководитель магистерской программы (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург);

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета (Российская Федерация, г. Москва);

МЕЙЗА Исса – доктор частного права, профессор факультета права и политических наук Университета Джельфы (Алжирская народная демократическая республика, г. Джельфа);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» (Российская Федерация, г. Москва);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор Российской академии образования, заведующий кафедрой конституционного и международного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), почетный работник сферы образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Калмыкия (Российская Федерация, г. Москва);

СВИРИН Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, почетный адвокат России, действительный член Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Москва);

ТАТАР Ольга Владимировна – доктор юридических наук, преподаватель кафедры частного права Комратского государственного университета Республики Молдова (Республика Молдова, г. Комрат);

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович – доктор юридических наук, руководитель центра международно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Москва);

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (Российская Федерация, г. Уфа);

ЧИХЛАДЗЕ Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного областного университета (Российская Федерация, г. Москва);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, Первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг);

ЯРТЫХ Игорь Семенович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федерального союза адвокатов России, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Института мировых цивилизаций (Российская Федерация, г. Москва).

Редакционная коллегия:

***Главный редактор*:**

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

ДЕМИНА Елизавета Петровна – руководитель направления технической проверки материалов;

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

EURASIAN № 3 (80) 2026
ADVOCACY
The journal has been published since 2012.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published (list of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in scientific specialties and the corresponding branches of science in which academic degrees are awarded:
5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),
5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),
5.1.3. Private law (civil law) sciences (legal sciences),
5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).
In accordance with the distribution of the journals included in the list by category, the journal is classified as "K2".

Editorial Advisory Board:

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Associate Professor, Chairman of the Board of the Mediation Council of the Republic of Azerbaijan, Vice Chairman of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights (Azerbaijan Republic, Baku);

AMINEV Farit Gizarovich – LLD, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Member of the Presidium of the Union «Chamber of Judicial Experts named after Yu.G. Korukhov (SUDEKS)», Chairman of the Public Council for Expert Activity in the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh);

CHIHLADZE Levan Teymurazovich – LLD, Professor, Head of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of the Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow);

DEHANOV Sergey Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law of the State University of Education, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy (Russian Federation, Moscow);

EGOROVA Maria Aleksandrovna – LLD, Professor, Head of the Department of International Cooperation, Professor of the Department of Competition Law of the Moscow State Law University, Deputy Chairman of the Executive Committee of the Moscow Branch of the Russian Bar Association, Co-President of the International Union of Lawyers and Economists (Russian Federation, Moscow);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, Professor, Head of the Center of Sociology of Law and Law Enforcement Agencies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – LLD, Head of the Center of International Legal Studies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Moscow);

GARMAEV Yuri Petrovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Head of the Laboratory of Comparative Law in the Asia-Pacific Region of Buryat State University (Russian Federation, Ulan-Ude);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, Associate professor, Advocate, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Advocacy of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KOSTYUK Mikhail Fedorovich – LLD, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow);

KHALIKOV Aslyam Nailevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, (Russian Federation, Ufa);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Master program manager (Russian Federation, St. Petersburg);

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich – LLD, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Civil and Commercial Law of the Ulyanovsk State University (Russian Federation, Moscow);

MAIZA Aissa – PhD, Professor of the Faculty of Law and Political Science of the Djelfa University (Algerian People's Democratic Republic, Djelfa);

QARACAYEV Ceyhun – LLD, the retired Judge of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of Baku State University, the member of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Azerbaijan Republic, Baku);

RAGULIN Andrey Viktorovich – Advocate, LLD, associate professor, head of the Centre for the study of the organization and operation of the advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal (Russian Federation, Moscow);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, Associate professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the East Kazakhstan State University, Chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, Advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, Professor of Law of the Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Kalmykia (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, Professor, First vice-rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Department of State Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of State Service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

SINN Arndt – PhD, Professor, Head of Institute of Economic Criminal Law, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of the University of Osnabruck, Director of the Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

SVIRIN Yuri Alexandrovich – LLD, Professor, Honorary Advocate of Russia, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow);

TATAR Olga Vladimirovna – LLD, Lecturer of the Department of Private Law of the Comrat State University of the Republic of Moldova (Republic of Moldova, Comrat);

VAN ERP Sjef – LLM, Professor of the Department of Civil Law and European Private Law, Head of the Private Law Department of the Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of the Executive Committee of the European Law Institute (Netherlands, Maastricht);

VINOGRADOVA Elena Valerievna – LLD, Professor, Chief Researcher of the Constitutional Law and Constitutional Justice Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, Professor, Vice-Rector of Russian University of Advocacy and Notaries Named by G.B. Mirzoev (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, Professor of the Faculty of Law of the University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

YARTYKH Igor Semenovich – LLD, Advocate, Vice-president of the Federal Union of Advocates of Russia, Professor of the Advocacy Department of the Moscow State Law University, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of World Civilizations (Russian Federation, Moscow);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, Advocate, Professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, Professor, Honorable worker of education of Kazakhstan, Chief expert of the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, First vice-president of the International Union (Commonwealth) of Advocates, President of the International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya», Rector of the International Labor Academy Institution (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board:

Editor-in-Chief:
RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board:
DEMINA Elizaveta Petrovna – Head of Technical Verification of Materials;
KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of Reviewing of Scientific Publications;
KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of Preprinting Preparation;
MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, Associate professor, Head of SMM;
POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of Literary Editing;
RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the Editor-in-chief;
FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала.
Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, а также создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения. https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Содержание

ПЕРСОНА

Уверенность в защите права. Интервью с адвокатом Бертраном Фавро 9

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ

РАГУЛИН Андрей Викторович
Методика профессиональной реабилитации преследуемых адвокатов при помощи проведения международной экспертизы на предмет установления произвольности прекращения статуса адвоката 36

Часть 1. Общая характеристика методики 37
1.1. Общие положения 37
1.2. Сущность методики 41
1.3. Профессиональная реабилитация преследуемых адвокатов и борьба с «замораживающим эффектом» 41
1.4. Необходимые условия (критерии применимости) методики 45
1.5. Компетенция независимой профессиональной ассоциации адвокатов 45
1.6. Вопрос, который ставится перед экспертами 45
1.7. Ограничения методики 45

Часть 2. Основы методики профессиональной реабилитации при помощи проведения международной экспертизы на предмет установления произвольности прекращения статуса адвоката 46
2.1. Основы методики 46
2.2. Пределы применимости аналогии с методикой Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям 47
2.3. Источниковая база международной экспертизы 48
2.4. Международные стандарты и основные подходы к правовому закреплению основ дисциплинарной ответственности адвоката и доказыванию в дисциплинарном производстве 48

Часть 3. Критерии произвольного прекращения статуса адвоката ...57
3.1. Понятие и критерии «произвольности» прекращения статуса адвоката 57
3.2. Категория I. Defectus Legis: прекращение статуса адвоката явно не может быть оправдано каким-либо правовым основанием 59
3.3. Категория II. Abusus Juris: прекращение статуса адвоката связано с осуществлением прав или свобод, гарантированных Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах 61
3.4. Категория III. Violatio legis, principii, aequitatis: полное или частичное несоблюдение норм о праве на справедливое разбирательство в независимом дисциплинарном органе или суде является столь вопиющим, что придает прекращению статуса произвольный характер 63
3.5. Категория IV. Ubi jus ibi remedium: статус адвоката прекращен без предоставления возможности пересмотра или средств правовой защиты 66
3.6. Категория V. Odium professionis: прекращение статуса представляет собой вмешательство в профессиональную деятельность адвоката, преследование за нее или за иную социально значимую деятельность либо акт дискриминации 68
3.7. Применимость к случаям прекращения статуса адвоката на основании приговора суда о признании адвоката виновным в совершении умышленного преступления 70

Часть 4. Процедура проведения международной экспертизы 71
4.1. Инициирование, сбор и систематизация материалов 71
4.2. Назначение эксперта 72
4.3. Методология экспертного исследования 73
4.4. Структура экспертного заключения 73
4.5. Рецензирование 74

Часть 5. Принятие решения о профессиональной реабилитации адвоката 74

Часть 6. Практические эффекты методики 75
6.1. Восстановление профессиональной репутации 75
6.2. Сохранение профессиональной идентичности 75
6.3. Использование результатов экспертизы в миграционных и визовых процедурах 75
6.4. Доказательство для обжалования 76
6.5. Международное давление 76
6.6. Превентивный и прецедентный эффект 76
6.7. Поддержка профессионального сообщества 76
6.8. Создание международного стандарта оценки преследования адвокатов 76

Часть 7. Перспективность применения методики 76
7.1. Предназначение адвокатского сообщества и экстерриториальность защиты профессии 76
7.2. Универсальность критериев 76
7.3. Независимость от национальной юрисдикции 77
7.4. Особая актуальность 77
7.5. Заполнение правового вакуума для преследуемых адвокатов 77
7.6. Международное документирование и внимание 78
7.7. Пределы международного признания статуса адвоката 78
7.8. Модели практической имплементации методики 78

Часть 8. Риски, связанные с применением методики, и способы их митигации 79
8.1. Отсутствие обязательности решения для государственных органов и органов страновых адвокатских объединений 79
8.2. Риски зависимости от конкретного эксперта 79
8.3. Риски непризнания со стороны национальных адвокатских объединений 79
8.4. Риски зависимости от солидарности международного сообщества 80
8.5. Риски злоупотребления методикой 81

Часть 9. Сохранение членства в ассоциации при прекращении статуса адвоката 81

Список источников 122

РАГУЛИН Андрей Викторович
Адвокатура в Российской Федерации: хроника кризиса (август 2025 г. – май 2026 г.): научно-практический доклад 125

Введение 126

Раздел 1. Вмешательство в адвокатскую деятельность и воспрепятствование ей, преследование адвокатов 127
1.1. Уголовное преследование адвокатов за профессиональную или общественную деятельность 127
1.2. Включение адвокатов и их объединений в проскрипционные списки 135
1.3. Обыски и оперативно-розыскные мероприятия в отношении адвокатов 136
1.4. Воспрепятствование в конфиденциальном общении с доверителем или участии в процессуальных действиях 137
1.5. Иное преследование адвокатов по инициативе государственных органов 139
1.6. Создание препятствий для осуществления профессиональной деятельности адвокатов 143
1.7. Применение насилия к адвокатам 144
1.8. Проблемы социального обеспечения адвокатов и оплаты юридической помощи 145

Раздел 2. Антиадвокатская деятельность Федеральной палаты адвокатов и адвокатских палат регионов России 147
2.1. Противоправное прекращение статуса адвоката 147
2.2. Продвижение Комплексной информационной системы адвокатуры России 147
2.3. Подавление свободы слова и нарушение права на выражение мнения 149
2.4. Затруднение доступа к юридической профессии и продолжению ее осуществления 149
2.5. Публичная демонстрация неподотчетности 150
2.6. Неспособность Федеральной палаты адвокатов и адвокатских палат выполнять свое функциональное предназначение 150
2.7. Обсуждение антиадвокатских изменений в Кодекс профессиональной этики адвоката 153
2.8. Политизация деятельности Федеральной палаты адвокатов и адвокатских палат регионов России 153
2.9. Нецелевые траты обязательных отчислений адвокатов 155
2.10. Продвижение «адвокатской монополии» 155

Заключение 164

Список источников 204

Contents

PERSONA

The Certainty of Defending the Law. Interview with Advocate Bertrand Favreau 9

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING

RAGULIN Andrey Viktorovich
Methodology of Professional Rehabilitation of Persecuted Lawyers Through the International Expert Review of the Arbitrary Termination of Advocate Status 36
Part 1. General characteristics of the methodology 83
1.1. General provisions 83
1.2. Essence of the methodology 86
1.3. Professional rehabilitation of persecuted advocates and the fight against the «chilling effect» 86
1.4. Necessary conditions (applicability criteria) of the methodology 89
1.5. Competence of an independent professional association of advocates 89
1.6. The question posed to the experts 89
1.7. Limitations of the methodology 89
Part 2. Fundamentals of the methodology of professional rehabilitation through conducting an international expert review to establish the arbitrariness of the termination of advocate status 90
2.1. Fundamentals of the methodology 90
2.2. Limits of applicability of the analogy with the methodology of the UN Working Group on Arbitrary Detention 91
2.3. The source base for international expert review 91
2.4. International standards and main approaches to the legal consolidation of the foundations of the disciplinary responsibility of an advocate and proof in disciplinary proceedings 92
Part 3. Criteria for arbitrary termination of advocate status 100
3.1. The concept and criteria of «arbitrariness» of termination of advocate status 100
3.2. Category I. Defectus Legis: termination of an advocate's status clearly cannot be justified by any legal basis 101
3.3. Category II. Abusus Juris: termination of the status of an advocate is connected with the exercise of rights or freedoms guaranteed by the Universal Declaration of Human Rights and the International Covenant on Civil and Political Rights 103
3.4. Category III. Violatio legis, principii, aequitatis: full or partial non-compliance with the norms on the right to a fair hearing in an independent disciplinary body or court is so egregious that it renders the termination of status arbitrary 105
3.5. Category IV. Ubi jus ibi remedium: the status of an advocate is terminated without providing the opportunity for review or means of legal protection 108
3.6. Category V. Odium Professionis: termination of status constitutes interference in the professional activity of an advocate, persecution for it or for other socially significant activity, or an act of discrimination 110
3.7. Applicability to cases of termination of advocate status on the basis of a court verdict finding the advocate guilty of committing an intentional crime 111
Part 4. Procedure for conducting an international expert examination 113
4.1. Initiation, collection, and systematization of materials 113
4.2. Appointment of an expert 113
4.3. Methodology of the expert study 114
4.4. Structure of the expert opinion 114
4.5. Review 115
Part 5. Adoption of a decision on the professional rehabilitation of an advocate 115
Part 6. Practical effects of the methodology 116
6.1. Restoration of professional reputation 116
6.2. Preservation of professional identity 116
6.3. Use of the expert review results in migration and visa procedures 116
6.4. Evidence for appeal 116
6.5. International pressure 116
6.6. Preventive and precedent-setting effect 117
6.7. Support of the professional community 117
6.8. Creation of an international standard for evaluating the persecution of advocates 117
Part 7. Prospects for the application of the methodology 117
7.1. The purpose of the advocates' community and the extraterritoriality of the defense of the profession 117
7.2. Universality of the criteria 117
7.3. Independence from national jurisdiction 117
7.4. Special relevance of the methodology 117
7.5. Filling the legal vacuum for persecuted advocates 118
7.6. International documentation and attention 118
7.7. Limits of international recognition of the status of an advocate 118
7.8. Models of practical implementation of the methodology 119
Part 8. Risks associated with the application of the methodology and methods for their mitigation 119
8.1. Lack of binding nature of the decision for state bodies and bodies of country bar associations 119
8.2. Risks of dependence on a specific expert 120
8.3. Risks of non-recognition by national bar associations 120
8.4. Risks of dependence on the solidarity of the international community 120
8.5. Risks of abuse of the methodology 121
Part 9. Maintenance of membership in the association upon termination of the status of an advocate 122
References 122

RAGULIN Andrey Viktorovich
The Bar in the Russian Federation: Chronicle of the Crisis (August 2025 – May 2026): Scientific and Practical Report 125
Introduction 167
Section 1. Interference with and Obstruction of Legal Practice, Persecution of Advocates 168
1.1. Criminal Prosecution of Advocates for Professional or Public Activity 168
1.2. Inclusion of Advocates and Their Associations in Proscription Lists 175
1.3. Searches and Operational-Search Measures in Relation to Advocates 176
1.4. Obstruction of Confidential Communication with Client or Participation in Procedural Actions 177
1.5. Other Ways of Persecution of Advocates Initiated by State Bodies 179
1.6. Creating Other Obstacles to the Implementation of the Professional Activities 183
1.7. Violence Against Advocates 184
1.8. Problems of Social Security of Advocates and Payment for Legal Assistance 185
Section 2. Anti-Advocacy Activity of the Federal Chamber of Advocates and Chambers of Advocates of the Regions of Russia 186
2.1. Unlawful Termination of the Status of an Advocate 186
2.2. Promotion of the Comprehensive Information System of the Advocacy of Russia 187
2.3. Suppression of Freedom of Speech and Violation of the Right to Express an Opinion 188
2.4. Hindrance to Access to the Legal Profession and the Continuation of its Implementation 188
2.5. Public Demonstration of Non-Accountability 189
2.6. Inability of the Federal Chamber of Advocates and Regional Chambers of Advocates to Fulfill their Functional Purpose 190
2.7. Discussion of Anti-Advocate Amendments to the Code of Professional Ethics of the Advocate 192
2.8. Politicization of the Activities of the Federal Chamber of Advocates and Regional Chambers of Advocates 192
2.9. Misuse of Mandatory Contributions of Advocates 194
2.10. Promotion of the «Advocate Monopoly» 194
Conclusion 202
References 204

УВЕРЕННОСТЬ В ЗАЩИТЕ ПРАВА

Интервью с адвокатом Бертраном Фавро

THE CERTAINTY OF DEFENDING THE LAW

Interview with Advocate Bertrand Favreau

Визитная карточка:

Бертран Фавро (Bertrand Favreau) – выдающийся французский адвокат и общественный деятель, бывший председатель (батоннье) Коллегии адвокатов Бордо, писатель и философ права, один из архитекторов системы международной институциональной защиты прав адвокатов.

Родился 19 апреля 1947 года в городе Бордо, Франция. Окончил юридический факультет Университета Бордо и Институт политических исследований Бордо. Начал адвокатскую практику в 1969 году, выступая специалистом широкого профиля: от гражданского, корпоративного, европейского и трудового права до уголовных процессов и защиты фундаментальных свобод. В 1984–1985 годах был Председателем (батоннье) Коллегии адвокатов Бордо.

Принимал участие в ряде знаковых для Франции судебных процессов. Был одним из ключевых адвокатов Ги Мовиллена, добившихся пересмотра дела и его оправдания, что стало одним из наиболее известных случаев судебной реабилитации во Франции.

Выступал представителем в процессе над коллаборационистом Морисом Папоном. Также представлял интересы французской миллиардерши Лилиан Беттанкур в рамках громкого гражданского спора о злоупотреблении слабостью и установлении опеки.

27 февраля 1984 года Бертран Фавро учредил Международную премию в области прав человека имени Людовика Трарье – старейшую и одну из наиболее престижных международных наград, присуждаемых адвокатами адвокату за защиту прав человека. Первым лауреатом премии в 1985 году стал Нельсон Мандела, находившийся в заключении; награду от его имени получила дочь Зенани Мандела-Дламини. По сей день Бертран Фавро является председателем жюри Премии.

Бертран Фавро является основателем и бессменным президентом Института прав человека Коллегии адвокатов Бордо (IDHBB), ставшего одной из первых специализированных адвокатских правозащитных институций в Европе.

В 1986 году стал президентом-основателем Союза европейских адвокатов (UAE) со штаб-квартирой в Люксембурге, а в 2001 году основал и возглавил Институт прав человека европейских адвокатов (IDHAE).

Бертран Фавро координирует выпуск ежегодного отчета Всемирной обсерватории по мониторингу нарушений прав защиты и прав адвокатов (Observatoire mondial des violations des droits de la défense et des droits des avocats, под эгидой IDHAE/IDHBB), документируя случаи преследований адвокатов по всему миру. Под его руководством ежегодный доклад Всемирной обсерватории стал одним из наиболее авторитетных международных источников информации о преследовании адвокатов и состоянии независимости адвокатуры в различных странах мира. Публикуемые материалы служат важным инструментом международного мониторинга, используются правозащитными организациями, европейскими институтами и национальными коллегиями адвокатов для защиты коллег в странах, где профессия адвоката подвергается систематическому давлению.

Бертран Фавро является автором многочисленных книг и статей на стыке права, истории и философии. Среди наиболее известных работ Фавро – «Жорж Мандель, или страсти по Республике (1885–1944)» (1996, «Georges Mandel ou la passion de la République (1885–1944)»), удостоенная Премии книги Национального собрания Франции; «За изолированным делом одного человека» (1996, «Derrière la cause isolée d'un homme»); «Право, справедливость, человечность» (2001, «Le droit, la justice, l'humanité»), посвященные взаимосвязи права, исторической памяти, демократии и защиты прав человека.

Бертран Фавро активно участвует в коллективных трудах, посвященных европейскому праву, независимости адвокатуры, процессуальным гарантиям и защите прав человека. Его публикации сочетают глубокий исторический анализ с актуальной правовой философией и подчеркивают роль адвоката как стража демократии и верховенства права.

В 2019 году Бертран Фавро был удостоен престижной премии UIA/LexisNexis Rule of Law Prize в знак признания его неустанной и твердой приверженности защите прав человека, верховенства закона и поддержке преследуемых адвокатов во всем мире.

Особое внимание Бертран Фавро уделяет ситуации с независимостью адвокатуры на постсоветском пространстве. Под его руководством международные адвокатские институты неоднократно выступали в защиту адвокатов России, Беларуси, Казахстана, Азербайджана и других государств региона, подвергавшихся

уголовному преследованию, дисциплинарному давлению или лишению профессионального статуса по мотивам осуществления адвокатской деятельности. За последние десятилетия фокус внимания жюри Международной премии в области прав человека имени Людовика Трарье под председательством Бертрана Фавро неоднократно обращался к юрисдикциям постсоветского пространства, отмечая высшей адвокатской наградой адвокатов, подвергшихся преследованиям за свою профессиональную деятельность.

На протяжении более четырех десятилетий Бертран Фавро остается одной из наиболее влиятельных фигур международного адвокатского сообщества, последовательно отстаивая независимость адвокатуры, верховенство права и защиту адвокатов, подвергающихся преследованию за профессиональную деятельность. Бертран Фавро играет ключевую роль в формировании общеевропейской системы институциональной защиты адвокатов, объединив деятельность национальных адвокатских палат, правозащитных институтов и международных профессиональных организаций. Благодаря его инициативам защита прав адвокатов была институционализирована на международном уровне и стала самостоятельным направлением правозащитной деятельности.

– Приветствую Вас, уважаемый мистер Фавро! Я рад, что Вы согласились и смогли найти время для интервью на темы, которые глубоко волнуют наших читателей! Перейду сразу к первому вопросу.

Блок I. Семейное наследие и презумпция невиновности

1. О деле Мари Беснар.

– Ваша мама, выдающийся адвокат Жаклин Фавро-Коломбье, обеспечивала защиту на историческом процессе по делу Мари Беснар. Двенадцать лет борьбы, три судебных процесса и противостояние со всей мощью государственного обвинения ради того, чтобы доказать невиновность. Как наблюдение за этой изнурительной битвой в годы вашей юности повлияло на формирование вашего собственного профессионального этоса и вашего понимания того, что такое презумпция невиновности?

– В качестве предварительного замечания я хотел бы уточнить, что я очень тронут тем, что вы попросили меня ответить на вопросы этого интервью. Это одновременно трогает и интригует меня, поскольку уже из вашего первого вопроса я вижу, что вы «погрузились» очень глубоко в историю моей жизни и даже моей семейной жизни. Вы также трогаете меня, подчеркивая роль моей матери – которая была адвокатом с 1938 года – в частности, в деле Мари Беснар. Доля правды в этом есть – поскольку вопрос почти включает в себя ответ, – я застал дело Мари Беснар в его острой терминальной фазе вплоть до 1962 года, и мне даже пришлось прожить свою юность в его ритме! Действительно, я часто встречался и даже обедал и ужинал с Мари Беснар, в невиновности которой моя мать не сомневалась ни доли секунды и которая в конечном итоге была признана.

Я не могу сказать, повлияло ли это на мое становление, но это, несомненно – что еще сильнее – определило мое призвание; я вынес из этого на будущее, что судебный процесс никогда не окончен и что адвокату необходимо бороться до конца, и даже за пределами конца, когда достигнут самый крайний предел... Я также думаю, что научился там тому, что сила невиновности не может быть предметом ни обсуждения, ни сомнения, а «презумпция невиновности» (которую вы цитируете) не может рассматриваться как фикция, присущая уголовному процессу, а напротив, как безусловное «золотое правило», которым должен руководствоваться адвокат при рассмотрении любого уголовного дела, чтобы гарантировать вынесение обоснованного и заслуживающего уважения приговора.

2. О трансформации профессии.

– Вы начали свою адвокатскую практику в 1969 году. Оглядываясь назад, какие фундаментальные изменения в сознании адвокатского сообщества вы наблюдали при переходе от консервативной модели к модели более открытой и ориентированной на защиту прав человека?

– Вы напоминаете мне, что я принес адвокатскую присягу в 1969 году, о чем я, к сожалению, не забыл... Это правда, что тогда профессия была ближе к той, что практиковалась в XIX веке, чем к тому, чем она стала сегодня. Во Франции все еще существовала смертная казнь, и ее требовали, как это было во Франции вплоть до 1981 года, равно как существовали и военные суды исключительной юрисдикции. Адвокаты были судебными ораторами, которые мало занимались процедурой, во всяком случае гражданской, но надо сказать, например, что концепция «справедливого судебного разбирательства» – в том виде, в каком она была установлена международными актами и отточена последующей судебной практикой – оставалась замкнутой в своих традиционных схемах, причем внутренний взгляд профессионального сообщества не был по-настоящему возмущен забвением принципов, которые, к счастью, с тех пор прочно вошли в позитивное право. В начале моей карьеры уголовный

процесс по делам о насильственных преступлениях в большинстве случаев длился всего несколько часов, максимум один день. Тем не менее, я сохраняю воспоминания о счастливой адвокатской юности, воодушевленной тщеславным чувством способности развивать гарантии, предоставляемые как в гражданских, так и в уголовных делах.

3. О деле Ги Мовиллена.

– В 1985 году вместе со своими коллегами вы способствовали оправданию Ги Мовиллена в Суде присяжных Жиронды после пересмотра его дела. Этот процесс обнажил глубокую уязвимость судебной и инквизиционной машины. Какие системные пороки уголовного правосудия той эпохи вам удалось разрушить, и сохраняются ли эти пороки в современном уголовном процессе?

– Я вижу, что ваши исследования привели вас к делу Мовиллена, в которое я вмешался только на завершающей стадии. На самом деле это Робер Бадентер, тогдашний министр юстиции, попросил меня присоединиться к уже существовавшей команде адвокатов, поскольку дело было направлено Кассационным судом на новое рассмотрение в Суд присяжных Бордо. Миссия была категоричной: добиться оправдательного приговора! Это правда, что дело выявило различные упущения, присущие недостаточности прав задерживаемого лица и дисбалансу инквизиционного процесса расследования того времени. Оно высвечивало роль «всемогущего» следственного судьи, о котором Бальзак писал еще в 1847 году, что «ничто его не останавливает и никто им не командует». Достижение пересмотра дела Робером Бадентером в бытность его адвокатом и условия организации процесса в Суде присяжных Бордо (который длился несколько дней вместо нескольких часов при первоначальном осуждении) с окончательным допросом всех свидетелей и всех экспертов, позволили – как, впрочем, и многие другие уголовные процессы той эпохи – несомненно, укрепить роль адвоката и права защиты путем постепенного изменения законодательства, что привело нас к ситуации, действующей сегодня. И здесь «мораль» этого дела заключается в том, что никогда нельзя переставать бороться, ибо миссия адвоката, как говорил лорд Деннинг, состоит в том, чтобы «делать все возможное, чтобы честно добиться триумфа дела своего клиента».

4. Гуманистический горизонт.

– В Ваших работах я увидел, что Вы выдвигаете идею о том, что судьба всего права решается в судьбе одного единственного человека. Как адвокату, поглощенному процессуальной рутиной, не терять из виду этот широкий гуманистический горизонт в каждом конкретном, порой даже самом обычном деле?

– Честно говоря, я не помню, чтобы писал или говорил это, но если вы запомнили именно так, я признаю, что не будет неправдой сказать, что судьба всего права может решаться в судьбе одного единственного человека. И наоборот. Столь многие правовые нормы, казавшиеся незыблемыми, поскольку они черпались из самых глубин человеческой мудрости или разума, смогли быть отменены или изменены из-за того, что их применение или опасность в судьбе конкретного человека в конечном итоге смогли потрясти человеческое сознание... Большинство «судебных ошибок» породили реформы уголовного процесса. Но то, что я действительно, как мне кажется, говорил, заключается в том, что во многих случаях применение права может – если быть неосторожным – столкнуться с человеческими судьбами или даже окончательно их уничтожить. Это то, что должен осознавать каждый судья. Традиция, или рутина, как точно выразился композитор Густав Малер, – это «расхлябанность и попустительство». Что как в музыке, так и в правосудии ни в коем случае не может быть приемлемым.

5. О бизнес-праве и этике.

– Ваша практика не ограничивается правами человека. Вы выступали в качестве адвоката Лилиан Беттанкур в крайне сложном конфликте вокруг империи L'Oréal. Различаются ли внутренние этические вызовы и деонтологические императивы для адвоката, когда он работает с крупным частным капиталом, по сравнению с делами политически преследуемых активистов?

– Послушайте, я думаю, что здесь необходимо напомнить один четкий принцип. Обязанностью каждого адвоката является оказание содействия или помощи своим голосом тому, кто его об этом просит. Хотя каждый адвокат волен принять или отвергнуть вверенное ему дело, мне кажется, что не возникает никакого фундаментального несовместительства по причине соответствующего состояния – реального или предполагаемого – этих лиц. Безвозмездная защита своих современников не обрекает вас на обобщение этой практики на всех граждан мира. Серьезность поставленных на карту интересов не оценивается мерилом богатства клиента.

Более того, согласие на защиту не означает какой-либо верности чему бы то ни было и тем

более не оправдывает какого-либо уподобления в чем бы то ни было. И здесь снова Жорж Кежман попросил меня обеспечить представительство в Бордо госпожи Беттанкур, женщины, к слову, замечательной, поскольку дело было направлено Кассационным судом в Бордо. Помимо этой ситуации, которая, несомненно, приведет вас к тому, что вы сочтете меня злостным «местным специалистом», я могу сказать вам, что это дело поднимало подлинную и важнейшую проблему, затрагивающую самую глубокую человечность существа. И больше мне по этому поводу нечего добавить.

Блок II. Правосудие, историческая память и пределы компетенции судов

6. О процессе Мориса Папона.

– Ваше участие в историческом и длительном процессе над Морисом Папоном стало вехой во французской судебной практике. Считаете ли вы, что правосудию тогда удалось осудить не только конкретного высокопоставленного чиновника, но и саму бюрократическую машину коллаборационизма режима Виши?

– Я процессуально вступил в дело в 1986 году, заявив себя гражданским истцом по просьбе Французской лиги защиты прав человека и гражданина, чьим адвокатом я оставался до окончания процесса в 1998 году. Если и верно то, что я мог представлять семьи жертв, то это исключительно в последующих процедурах, касающихся «компенсаций», которые множились после осуждения Мориса Папона. Кроме того, в ходе самого судебного процесса я представлял интересы Жерара Буланже, против которого Морис Папон подал иск о клевете, а также Жан-Клода Нико, высокопоставленного судьи, в отношении которого защита Мориса Папона выдвинула обвинения в связи с его действиями в период, когда он занимал должность следственного судьи в Бордо.

Вы обратили внимание на продолжительность. Но, как уже было сказано, процедуры по установлению – или, как в данном случае, по «восстановлению» – истины всегда занимают много времени. Я считаю, что необходимо учитывать и другой аспект. Примечательно прежде всего то, что сам процесс вообще смог состояться. Ведь, честно говоря, то небольшое число адвокатов, которым мы были в начале дела (пять или шесть человек, а не около тридцати, как в конце), столкнулось с таким количеством «препятствий», в том числе процессуальных, что долгое время можно было разумно сомневаться в том, что процесс когда-нибудь состоится. Я не могу здесь воссоздавать всю цепочку процессов по делам о преступлениях против человечности, которые проходили во Франции на правовой основе Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге и Лондонского соглашения от 8 августа 1945 года, разве только для того, чтобы подчеркнуть, что последним процессом, связанным со Второй мировой войной, был именно процесс над Морисом Папоном, и проходил он в Бордо.

Я думаю, что педагогические достоинства этого процесса заключаются в том, что он принес будущим поколениям дополнительное видение того, чем может быть преступление против человечности. Фактически, другие, такие как Барби, были нацистскими палачами, членами СС (организации, самой по себе признанной преступной), или как Тувье – милиционером, уже приговоренным к смертной казни, в то время как Папон был высокопоставленным чиновником, в высшей степени успешно перестроившимся в институциональные системы Четвертой, а затем Пятой республик, но которого сила очевидности настигла через несколько десятилетий после исполнения им своих обязанностей на службе режима Виши в Бордо. Осуждение Папона продемонстрировало неумолимую преступную цепь, порождающую преступление против человечности, которое для своего осуществления требует непрерывной череды индивидуальных участий; эти лица не могут впоследствии пытаться освободить себя от ответственности, ссылаясь на роль простых исполнителей или даже на подчинение полученным приказам. В этом отношении осуждение Мориса Папона остается образцовым во Франции. Тем более, что Суд присяжных Жиронды позаботился о том, чтобы скрупулезно детализировать личную активную роль, сыгранную Морисом Папоном в осуществлении этого процесса, даже если в конечном итоге суд освободил его от ответственности за знание об «окончательном решении». Напротив, его вердикт не вменил инкриминируемые факты там, где суд счел, что активное, физическое участие не было установлено. Помимо преступления, совершенного в целом, коллективно группой, преступление против человечности действительно подразумевает личные действия и ответственность каждого из его последовательных винтиков. Более того, процесс над Папоном продемонстрировал преступный характер, который неизбежно могло принять извращение бюрократии, утратившей всякую связь с фундаментальными правами человека.

7. О риторике ненависти.

– В вашей знаменитой речи на процессе над Папоном вы цитировали предвоенные

антисемитские издания («Аксион франсез», «Же сюи парту»), доказывая, что словесная дегуманизация предшествует физическому истреблению. Видите ли вы сегодня в Европе и в мире схожие тенденции к легализации «языка ненависти», способные привести к новым трагедиям?

– Спасибо. Позволю себе поблагодарить издательство «Editions du Passant» за публикацию моей защитительной речи полностью и одновременно выразить вам признательность за то, что вы ее прочли… Я отвечу на ваш вопрос в два этапа. С одной стороны, так сложилось, что уже с 20 лет, будучи студентом Института политических исследований Бордо, и работая над темой Жоржа Манделя, я читал большинство, если не сказать все, антисемитские газеты не только 30-х, но и, по правде говоря, начиная с 20-х годов. И урок, который я из этого вынес, заключался в том, что для определенной прессы было банальным, а значит, привычным для некоторых читателей, настойчиво поддерживать обыденную ненависть, отрицающую и уничтожающую другого. Феномен, который вы описываете, стал предметом многочисленных выдающихся трудов, и я воздержусь от того, чтобы добавлять к ним лепет каких-то дополнительных замечаний.

Тем не менее, вторая часть вашего вопроса заключается в том, существуют ли риски повторения или повторяется ли история. Это также означает: смогут ли – при прочих равных условиях – уроки Второй мировой войны предотвратить появление феномена ненависти, избежать нового возрождения из ряда вон выходящего преступного феномена, подобного тому, который уже был пережит? У меня нет достаточной компетенции, чтобы ответить на ваш вопрос. Однако я опасаюсь, что эти непрекращающиеся явления, не знающие успокоения, но, кажется, подчиняющиеся циклам, неизбежно ведут к пароксизму, из которого всегда вытекает как минимум насилие, гражданские войны, скрытые или открытые, а порой и вспышки насилия, которые никакая сила не умеет остановить. Европейский суд по правам человека не переставал утверждать в своих постановлениях, что защита свободы выражения мнений или ассоциаций не может применяться к «языку ненависти, основанному на нетерпимости», и, следовательно, ни в коем случае к расистским проявлениям или действиям, проповедующим отрицание другого. Это предел, который должен оставаться непреодолимым.

Однако, на мой взгляд, бесполезно систематически проецировать прошлые факты на текущую ситуацию, как бы предрекая их применение к будущей ситуации. К великому сожалению, ход истории всегда более извилист и тонок, чем предвидят ее комментаторы, и идентичное несчастье, а то и гораздо худшее, может произойти путями, которых никто не предвидел. Да, всегда есть повод для беспокойства.

8. О законе и истории.

– Фундаментальный труд, опубликованный под вашей редакцией «Может ли закон диктовать историю?» (2012), исследует взаимосвязь между правосудием и исторической истиной. Где, по вашему мнению, проходит граница между юридическим установлением фактов в суде и историческим исследованием?

– Я хочу сказать вам сразу: я являюсь одновременно защитником свободы выражения мнений, как ее, в частности, определил Европейский суд по правам человека ровно 50 лет назад (1976 г.), то есть идей, «которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство», но также и свободы исследований историка, для которого ни одно изыскание не должно быть запрещено. На этот счет высказывались простые мысли: не дело правосудия вершить историю. И, следовательно, правосудию также не надлежит мешать истории высказываться. Книга, о которой вы говорите, родилась в результате коллоквиума, организованного после волнения, вызванного вызовом в суд историка, автора книги о работорговле, которого хотели осудить за то, что он во имя научной строгости упомянул о существовании арабской и внутриафриканской работорговли в ходе истории.

К сожалению, эталон был задан по гнусным и заведомо злонамеренным крайностям ревизионистов или других экстремистов, чьи высказывания правосудие, очевидно, не могло пропустить без наказания. Здесь речь идет, разумеется, о книге «фальсификаторов истории». Помимо этого, существует целый спектр научных исследований, которые могут вызвать недовольство у некоторых активистов. И поскольку историки, к тому же, все меньше соглашаются друг с другом, существует неисчерпаемое поле вещей, которые не следует говорить или писать, и оно рискует только расширяться. Тогда рискует остаться – что пагубно – лишь презентация сокращенной или, что еще хуже, пересмотренной истории, история-слоган, история ad hoc для активистов, которая упоминалась бы сегодня лишь для нужд полемических сочинений или громогласной пропаганды.

9. О роли ЕСПЧ в историческом контексте.

– В вашей книге целая глава посвящена прецедентной практике Европейского суда

по правам человека. Как вы оцениваете влияние ЕСПЧ на формирование единого правового консенсуса в отношении конфликтов и тоталитарных режимов XX века?

– Очевидно, что прецедентная практика Европейского суда по правам человека, действуя как объединяющая сила, изменила и унифицировала восприятие фундаментальных прав не только внутренними судами, но, вероятно, в еще большей степени гражданами стран-членов Совета Европы. Потребовалось бы несколько томов, чтобы продемонстрировать глубокое и определяющее влияние этой судебной практики. Прежде всего, преамбула Конвенции устанавливает очень четкую связь между Конвенцией и демократией, заявляя, что обеспечение и развитие прав человека и основных свобод зиждятся, с одной стороны, на подлинно демократическом политическом режиме, а с другой – на общем понимании и соблюдении прав человека. Что касается нас более конкретно, я выделю два примера. Во-первых, вклад Страсбургского суда в разработку доктрины свободы выражения мнений (как я указывал вам в предыдущем вопросе). Своим решением по делу Хэндисайд 1976 года Суд вывел в удачной формулировке принцип, который отныне повторяется всеми судами демократических стран Европы. Но он также отточил свою теорию, придав ей определенную гибкость, в частности, в отношении политиков, которые должны принимать критику, вытекающую из свободы выражения мнений.

Пожалуй, именно в области как «права на безопасность», права на физическую свободу человека, так и его права на справедливое судебное разбирательство Суд внес наиболее весомый вклад, который, впрочем, не принимается определенной антиевропейски настроенной частью активистов в общественном мнении (хотя никто сегодня не призывает к выходу из Совета Европы и его Суда). Судебная практика на протяжении нескольких десятилетий демонстрировала в каждом конкретном случае, от страны к стране, что внутренние суды в Европе чаще всего оказывались неспособными выявить или заметить аномалии своей собственной системы. Таким образом, теория справедливого судебного разбирательства, которая гласит, что каждый человек имеет право на то, чтобы его дело было рассмотрено справедливо, публично и в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, разрабатывалась постепенно, от прецедента к прецеденту, от одной идиоматической аномалии к другой, чтобы составить сегодня максимальный стандарт, отступать от которого никто на самом деле не желает. Суд тем самым ввел в позитивное право в пользу европейских граждан понятие эффективного права, выходящее за рамки желательного, декларативного или заклинательного характера, который так долго использовался для прославления правосудия по всей Европе. Однако далеко не факт, что принцип процессуального равенства сторон как в гражданском, так и в уголовном процессе является сегодня ценностью, единодушно разделяемой во всем мире.

10. О наследии Жоржа Манделя.

– Ваша монография «Жорж Мандель, или страсти по Республике (1885–1944)» была удостоена премии Национального собрания Франции. Почему для вас было важно задокументировать жизнь этого политика, убитого вишистской милицией, и какой урок его мужество дает современным юристам?

– Книга о Жорже Манделе – это плод университетской работы, которую я вел в 1967–1968 годах, когда мне было 20 лет. Я действительно продолжал свои исследования этого политика на протяжении десятилетий. Важно обратиться к урокам жизни, память о которой история, большая история, не сохранила. Почему о нем забыли? Почему ему не поверили, когда он уже в 1933 году предупреждал о нацистской угрозе? Отчасти потому, что он был постоянной жертвой антисемитизма, и в частности, левого антисемитизма, начиная с его первых предвыборных кампаний в начале XX века и вплоть до шквала, который неизбежно обрушился в 30-е и 40-е годы. Это незавершенная судьба, которая первой выразила точное видение ситуации во Франции и в мире на пороге Второй мировой войны, видение, которое, к слову, было перенято почти дословно генералом де Голлем. Нужно любить тех, кто сопротивляется раньше всех. У Манделя был лозунг, состоявший из трех одинаковых слов: «Держаться, держаться, держаться!»

Блок III. Премия Людовика Трарье: сорок лет миссии по защите прав человека

11. Об истоках Премии.

– В 1984 году в знак уважения к Людовику Трарье, основавшему Лигу прав человека в самый разгар дела Дрейфуса, вы создали одноименную премию. В 2024–2025 годах Премия отметила свое 40-летие. Как за эти десятилетия изменилось ваше понимание того, что значит быть «адвокатом – защитником прав человека»?

– С моей точки зрения, в этом заключался глубокий смысл. По правде говоря, Людовик

Трарье тоже был «нелюбимцем» истории и коллегии адвокатов Бордо. Прибыв из своей родной Шаранты и отучившись в Париже, он очень быстро в 1870-х годах заявил о себе в Бордо, в коллегии, где все еще было много ярых роялистов (включая выборных лиц). Весьма показательно, что он был избран главой коллегии адвокатов Бордо в возрасте 37 лет в 1877 году, как раз в год знаменитого парламентского кризиса «16 мая», который стал поворотным моментом в укреплении республики во Франции. По правде говоря, после смерти в 1904 году Трарье был полностью забыт коллегией адвокатов Бордо, которая предпочитала из поколения в поколение прославлять других местных знаменитостей, олицетворявших иные заслуги. Надо сказать также, что, став депутатом от Жиронды в 1879 году, Трарье затем уехал, чтобы практиковать в коллегии адвокатов Парижа с 1881 года, что может объяснить, почему местная коллегия была мало склонна проявлять к нему долгую признательность. И тем не менее, он был «чистым продуктом здешней земли». Он сохранил семейную верность Бордо и Жиронде, и именно в Бордо, на протестантском кладбище, он был похоронен. Исходя из этого, окончание 80 лет забвения Людовика Трарье коллегией адвокатов Бордо должно было совпасть с важным актом, прославляющим главный выбор его жизни, а именно его обязательство, вопреки своим политическим и личным интересам, защищать невиновного – жертву невыносимого нарушения элементарных форм, которых требует справедливый суд, а в данном случае – уважения к правосудию и человечности.

12. О Нельсоне Манделе.

– 27 апреля 1985 года вы вручили самую первую премию дочери Нельсона Манделы, который в то время находился в южноафриканской тюрьме строгого режима. Могли ли вы представить в то время, что этот жест солидарности будет иметь такой исторический резонанс и что лауреат, Нельсон Мандела, изменит ход мировой истории?

– Хотя премия была учреждена в 1984 году, первая премия смогла быть присуждена только в 1985 году, поскольку после учреждения требовалось объявить сбор заявок, изучить досье, организовать жюри. Сегодня выбор Нельсона Манделы может показаться очевидным, если оглядываться на ситуацию того времени, а также на все то, что мы знаем с тех пор. Но все произошло далеко не так просто. Во-первых, нужно понимать, что в то время почти никто, особенно в адвокатских кругах, не знал, что Нельсон Мандела был адвокатом и что это единственная профессия, которой он когда-либо занимался, пусть даже очень скоро он по трагической иронии судьбы стал своим собственным единственным «клиентом», вынужденным защищать самого себя в судах. Он был первым чернокожим адвокатом в Южной Африке, и о его начале работы в юридической фирме с тех пор было много рассказано.

Второе замечание заключается в том, что, вопреки тому, что можно было бы подумать сегодня, кандидатура Нельсона Манделы в то время не была очевидной для всех. Нельсон Мандела действительно не был единственным кандидатом. Было несколько других, получивших голоса. Для некоторых членов жюри – и весьма авторитетных – Мандела все еще воспринимался как «террорист» (из-за прибегания к насилию со стороны вооруженного крыла АНК «Умконто ве Сизве») и «коммунист» (из-за того, что у АНК в то время не было другого выхода, кроме как опираться на коммунистическую поддержку, которая была практически единственной предоставляемой ему). Кроме того, общественность, похоже, считала – и в этом заключался смысл анонимных писем, которые получали члены жюри, – что любое освобождение Манделы может стать лишь отправной точкой для резни «белых в Южной Африке». Хотя сегодня мы знаем, что этого не произошло, надо отдать должное этому жюри за то, что оно мужественно выбрало кандидата, несомненно, самого известного на тот момент, но и того, кто мог вызывать наибольшие споры. В отличие от Нобелевской премии, которую он получил впоследствии, уже став президентом Южной Африки, в 1985 году премия Людовика Трарье пришла почтить человека, осужденного на пожизненное заключение за «терроризм и коммунизм». Несомненно, усилия, которые мы приложили (я бы сказал даже, хитрость), чтобы позволить дочери Нельсона Манделы приехать и публично принять премию от имени своего отца, способствовали известности этой награды.

13. О концепции Премии.

– Девиз премии – «Дань уважения адвокатов адвокату». Почему для вас принципиально важно, чтобы жюри состояло исключительно из представителей профессиональных ассоциаций адвокатов, а не из политиков или широкого круга правозащитных НПО?

– Первое жюри в 1985 году символически включало политиков, в частности Жака Шабан-Дельмаса, журналистов и даже судей европейских судов. Но впоследствии премия сосредоточилась на своей специфике. Ибо, как вы правильно заметили,

у этой премии есть специфика. Эта специфика заключается в том, что она может быть присуждена только адвокату и только адвокатами, вот почему ее подзаголовок, который часто повторяют: «дань уважения адвокатов адвокату». Каждому свое поле деятельности. Хотя мы, безусловно, сотрудничаем со многими особо активными НПО, мы ни в коем случае не намерены вступать в какую-либо конкуренцию или гонку амбиций. В то время не существовало правозащитной премии, предназначенной исключительно для адвокатов. Только коллегия адвокатов Парижа в силу своего престижа естественным образом выполняла миссию защиты без границ адвокатов, находящихся в опасности (что она, впрочем, продолжает делать и сейчас), как это было, например, когда глава Стамбульской коллегии адвокатов Орхан Апайдын был арестован в 1982 году... «Позвоните главе Парижской коллегии!» – кричал он, пока сотрудники служб безопасности в камуфляже хватали его. Это было за два года до создания премии. После 1985 года было создано много премий. Каждая организация, и даже каждая коллегия адвокатов хочет иметь сегодня свою премию. Премия Людовика Трарье должна сохранять свою специфику.

14. О роли Робера Бадентера.

– Робер Бадентер сыграл важную роль в истории Премии. Как удалось организовать его исторический визит в Бордо в 1984 году?

– Робер Бадентер действительно сделал мне самый прекрасный подарок, какой только можно сделать другу. Он приехал в Бордо, чтобы почтить память Людовика Трарье в 1984 году. Это было непросто. По традиции Хранитель печати посещал и выступал с речью на открытии судебного года коллегии адвокатов Парижа – что было само собой разумеющимся, – но не имел привычки посещать церемонии открытия региональных коллегий в то время, когда во Франции насчитывалось еще около 185 коллегий, из которых 35 или 36 находились при апелляционных судах. На самом деле именно благодаря Элизабет Бадентер – которой я хочу отдать здесь должное – нам удалось его убедить.

15. О коллективной защите.

– С 2016 года жюри присуждает звание «Коллегия адвокатов года». Какова эффективность этого инструмента международной солидарности, когда мишенью становится не отдельный адвокат, а весь орган адвокатского самоуправления?

– Хотя премия оставалась твердой в своих основополагающих принципах, она была вынуждена развиваться с течением лет с учетом обстоятельств и перипетий, случайных или даже злонамеренных, объектом которых она становилась. Так, она не могла быть присуждена с 1986 по 1990 год из-за разногласий с коллегией адвокатов Бордо, затем возобновилась с 1992 по 2002 год в своем двухлетнем ритме, после чего с 2002 года стала ежегодной и финансируемой крупными коллегиями адвокатов Европы и крупными организациями, представляющими адвокатов на европейском и международном уровнях. Точно так же во время своих обсуждений жюри сталкивалось с трудностями оценки некоторых обязательств, которые могли быть либо личными, либо выполненными в рамках коллективных действий. Таким образом, выяснилось, что в некоторых случаях, помимо индивидуальных действий и мужества отдельных адвокатов, уставной орган коллегии – который, конечно, иногда мог быть сам в некоторых случаях ответственен за страдания, причиняемые адвокатам, – мог, напротив, в некоторых случаях сам являться объектом давления, преследований, издевательств и нападок, для сопротивления которым порой требовалось немалое мужество. Таким образом, верность принципам независимости и сопротивления адвокатуры была отмечена специальным упоминанием жюри во время его заседания, получившим название «Коллегия адвокатов года», которое в следующем году отметит первые десять лет своего существования. Одной из первых коллегий, отмеченных таким образом, была как раз «Центральная коллегия адвокатов Крыма», которая после предписания Министерства юстиции Российской Федерации исключить из коллегии Эмиля Курбединова*, адвоката Меджлиса крымскотатарского народа**, твердо отклонила это требование в феврале 2019 года и сохранила статус Эмиля Курбединова* в коллегии. На сегодняшний день первыми лауреатами стали коллегии адвокатов Диярбакыра, Порт-о-Пренса, Бейрута, Варшавы, Туниса и Стамбула.

Блок IV. Евразийский фокус и системные атаки на адвокатуру

16. О Дмитрии Талантове (Лауреате Премии Людовика Трарье – 2025).

– В 2025 году Премия была присуждена российскому адвокату Дмитрию Талантову, лишенному свободы за свои антивоенные публикации. Какой главный посыл жюри хотело направить российскому юридическому сообществу через это решение?

– Я думаю, что и здесь все предельно ясно: в первую очередь Дмитрий Талантов демонстриру-

ет, как и многие его предшественники, мужество не принимать то, что человеческая совесть может воспринимать только как неприемлемое, выражать это и, как следствие, подвергать себя опасности, то есть рисковать потерять свободу или даже жизнь, чтобы направить мощный посыл всеобщего протеста. В данном случае, занимая публично ту позицию, которую он занял, он знал, что как минимум, учитывая недавно принятые репрессивные законы, со всяким профессиональным спокойствием для него покончено, и что гораздо более вероятно, со свободой покончено надолго. И тем не менее, он осознанно выбрал свой путь служения. В мире, где очень мало желающих лишиться своего комфорта ради вопросов свободы выражения мнений. Для адвоката в XXI веке это важнейший поступок, который должен был быть подчеркнут.

Мы, конечно, знаем, что многие другие также обладают этим мужеством. Мы выражаем поддержку Марии Бонцлер, адвокату из Калининграда, которая находится под стражей в ожидании приговора, суровости которого мы опасаемся, за то, что на протяжении всей своей карьеры в России защищала законные права призывников, военнослужащих и их семей. Тот посыл – несомненно, весьма недостаточный, – который можно направить сообществу российских адвокатов, за чьими страданиями мы следим каждый год на протяжении 40 лет, – это слова восхищения, а также неизменной поддержки, потому что они выбрали практиковать настоящую, единственную профессию адвоката и не желают оставаться чиновниками от правоприменения, довольствуясь лишь управлением рутиной правосудия и повседневной несправедливостью. Они являются закваской и острием возрожденной адвокатуры будущего, которая обеспечит триумф верховенства права.

17. О трагических параллелях.

– Премию, предназначенную Дмитрию Талантову, приняла его супруга, адвокат Ольга Талантова, зачитавшая его послание. Какие чувства вызывает у вас этот исторический цикл, повторяющийся с 1985 года, когда члены семей заключенных адвокатов оказывались вынуждены приезжать за их наградами?

– Да, вы правы, напоминая об этой трагической сорокалетней череде событий, что также является одним из суровых законов премии. Совершенно очевидно, что когда лауреат находится под стражей, он по определению не может приехать сам, чтобы получить свою награду, которая может быть окончательно присуждена только в случае ее вручения и принятия лауреатом. Так, с самого начала мы видели приезд дочери Нельсона Манделы, но, как и в случае с Дмитрием Талантовым, чаще всего именно жены приезжали получать премию за мужей, заключенных в тюрьму на долгие годы. Так было с Парвезом Имрозом в Индии, с Мухарремом Эрбеем в Турции, с Амирсаларом Давуди в Иране. За Дигну Очоа приезжал ее брат, за Эсбера Ягмурдерели – его сын, за Вадима Курамшина, заключенного в Казахстане, – его мать.

Но разве не стоит в качестве компенсации также порадоваться «счастливому» параллелизму? Разве не следует радоваться тому, что из 30 премий, присужденных на сегодняшний день, 14 лауреатов смогли приехать лично для получения своей награды? И прежде всего тому, что среди этих 14 лауреатов некоторые, бывшие в заключении на день присуждения награды, будучи тем временем досрочно освобождены, смогли получить свою премию на свободе и лично несколько месяцев спустя? Или тому, что в Китае, публично отказавшись от только что присужденной ему премии, лауреат смог выторговать взамен свое освобождение?

18. О философии сострадания.

– В своем тексте под названием «О воле к состраданию» Талантов написал из тюрьмы: «или мы перестанем быть трусами и реализуем свою волю к состраданию, или мы будем обречены на всеобщую и окончательную катастрофу». Как вы оцениваете духовную трансформацию, которую проходят адвокаты, когда они переходят из статуса защитников в статус узников совести?

– Это очень красивый текст. Никогда еще лауреат не умел столь точно выразить истинный смысл или вершину своего служения. Для Талантова, адвоката с многолетним стажем, бывшего руководителя Палаты, несомненно, здесь сработала сила откровения – того, которое затрагивает, трансформирует, преобразует. Вместо того чтобы согласиться молча заниматься своим делом, он понял, что с помощью простых слов обладает силой взывать к человеческой совести. Он мог бы промолчать и продолжать жить как прежде, но он предпочел этого не делать и перевернуть весь ход своей будущей жизни. Потому что посчитал, что не может молчать. Именно в этом смысле происходит трансформация, и адвокат становится чем-то большим, нежели просто талантливым юристом. Робер Бадентер прекрасно определил это, когда в 1998 году лично вручал премию того года китайскому диссиденту. Он сказал: «Перед лицом грубых и безжалостных сил этот активист

становится героем, пренебрегая своей жизнью. Он один взывает к нашему признанию». Несомненно, здесь происходит больше чем трансформация – метаморфоза, как сказали бы Овидий или Кафка. Каждому известно, что Пико делла Мирандола, столь ученый и превосходный во всем, определял метаморфозу как способность «стать всем, чем мы хотим быть», как он и написал в своем труде «Речь о достоинстве человека». Сам Трарье во время процесса над Дрейфусом произнес эту прекрасную фразу с трибуны французского Сената: «Не по чистому безумию ввязались мы в эту схватку, нас вел голос нашей совести и уверенность в том, что мы защищаем право». Именно в это мгновение самый компетентный и состоявшийся юрист, силой сострадания, путем преобразования, может стать тем, кем он хотел быть: адвокатом.

19. О Юлии Юргилевич (Лауреате Премии Людовика Трарье – 2023) и Беларуси.

– В 2023 году лауреатом стала Юлия Юргилевич, исключенная из коллегии адвокатов после 18 лет практики и приговоренная к 6 годам колонии в Беларуси. Наблюдаете ли вы системную ликвидацию независимой адвокатуры как института на постсоветском пространстве, и какие внешние юридические механизмы защиты могли бы быть здесь реализованы?

– Не мне судить о постсоветском пространстве. Поэтому вы простите меня, если – без какого-либо неуважения к вашему вопросу – я отвечу фактами, которые считаю простыми. Можно сколько угодно критиковать, презирать или проклинать западное общество, его институты и принципы, выкристаллизовавшиеся за столько лет опыта, усилий и, надо сказать прямо, лицемерия и неудач. Опасностью в данном случае было бы подражательство. С того момента, как любое общество объявляет себя правовым государством или искренне стремится им стать, ему, конечно, необходимо принять нормы, совместимые с международным правом, а точнее – с естественным правом, но ему также необходимы судьи и адвокаты. Однако если общество претендует на то, чтобы устанавливать во внутреннем праве правила, которые в конечном итоге приводят к утрате способности осуществлять правосудие и ограничивают права адвокатов в демократическом обществе, совершенно очевидно, что это не будет работать, оставаясь лишь фасадом.

И даже если предположить, что правовая норма является доступной, предсказуемой и уважающей фундаментальные права человека, это все равно не будет работать, если судьи не свободны судить, коллегии адвокатов зависимы, а адвокаты не имеют полной возможности защищать. Использование слов, принятых в другой правовой системе, тогда как сама их суть не имеет того же значения, приводит к введению общественности в заблуждение. Что означает звание, функция «адвоката» в правовой системе, где его хотят заставить замолчать, потому что хотят помешать ему защищать своего непопулярного клиента и тем самым лишить последнего единственной гарантии его защиты – помощи свободного и независимого адвоката, единственного, кто способен выбирать средства защиты, способствующие торжеству истины. Как не вспомнить здесь слова лорда Деннинга: «Обязанность адвоката перед своим клиентом... состоит в использовании всех честных средств для обеспечения триумфа его дела».

Поэтому нужно также приветствовать мужество Юлии Юргилевич, которая тоже нашла в себе силы потерять все, вернувшись в свою страну, чтобы предстать перед судьями, и в итоге была приговорена к суровому сроку тюремного заключения, исключена из коллегии и т.д. Юлия Юргилевич тем самым предпочла исполнить свой долг перед клиентом, дойдя до риска – и потери – своей карьеры и свободы, потому что хотела поставить на самый высокий уровень свою борьбу на благо исключительно правосудия и истины.

20. О Каринне Москаленко (Лауреате Премии Людовика Трарье – 2010) и Вадиме Курамшине (Лауреате Премии Людовика Трарье – 2013).

– Ранее Премия присуждалась Каринне Москаленко (Россия) и защитнику прав заключенных Вадиму Курамшину (Казахстан). Опираясь на досье этих лауреатов, выделяете ли вы методы административного и уголовного давления на адвокатов, которые специфичны и свойственны странам бывшего СССР?

– Как я уже отвечал ранее, одни и те же причины порождают одни и те же следствия. Опять же, адвокат, который мыслится лишь как ревностный исполнитель на службе права конкретной страны, ни в коем случае не может исполнять свою функцию в полной мере. Каринна Москаленко – первопроходец. Она одной из первых прекрасно поняла, что раз Россия являлась членом Совета Европы и находилась под юрисдикцией Европейского суда по правам человека, гарантированные ее соотечественникам права могли быть эффективно признаны только перед этим Судом. Очевидно, что именно это и навлекло на нее неприязнь властей ее страны. Адвокат, который не пользуется свободой выражения мнений, правом

выбирать свои средства защиты, законы, на которые он ссылается, или который подвергается давлению либо явной угрозе со стороны спецслужб, становится не более чем винтиком государства, характерной чертой которого явно остается подчинение постоянно возобновляющемуся полицейскому давлению. Это усугубляется отсутствием независимости профессиональных органов, регулирующих профессию, которые иногда – и слишком часто – превращаются в пособников репрессий против адвокатов посредством наложения на них взысканий и их исключения. Нужна адвокатура, свободная интеллектуально, индивидуально и коллективно. Она указала путь.

Блок V. Глобальная институциональная защита и Гаванские принципы ООН

21. О создании IDHAE и UAE.

– В 1986 году вы стали президентом-основателем Европейского союза адвокатов (UAE), а в 2001 году создали Европейский институт прав человека адвокатов (IDHAE). Каков был первоначальный «архитектурный» замысел этих институтов в контексте европейской интеграции?

– Создание Европейского союза адвокатов (UAE) – наименование, которым, должен сказать, я очень горжусь – подчинялось, я полагаю, параллельно тому же осознанию. Если нужно датировать истоки, я бы сказал, что все это восходит к визиту, который я смог нанести по приглашению того, что тогда называлось Судом Европейских сообществ (ставшим с тех пор Судом Европейского союза), в Люксембург в 1979 году. Это подтвердилось, когда я впервые выступал в этом Суде в 1984 году. Подлинное измерение адвокатуры ни в коем случае не может ограничиваться городом, регионом, судебным округом или даже национальной системой. Право нуждается в пространстве, а не в ограничениях или границах. Я увидел тогда, как функционирует другое правосудие, как выступают другие адвокаты, и должен сказать, что в то время не существовало чисто европейских организаций, объединяющих европейских адвокатов, гордящихся тем, что они таковыми являются. Вот почему в самом начале 1986 года я обратился к ряду коллег, у которых, как я не преминул заметить, были те же устремления. Мы провели первую встречу в июле 1986 года – ровно 40 лет назад – в Париже, правда, без особого публичного успеха. Но мы продолжили движение, чтобы в количестве 24 или 25 человек собраться на плато Кирхберг, в помещениях Суда Люксембурга, 21 октября 1986 года. И там мы наконец подписали устав того, чему суждено было стать Европейским союзом адвокатов, существующим вот уже 40 лет. Несколько месяцев спустя он объединял более тысячи адвокатских фирм-членов в Европе. Без страха быть опровергнутым, думаю, я могу сказать, что желанием всех подписантов было создание европейской адвокатуры. Это, возможно, было утопично и, во всяком случае, отнюдь не легко, поскольку тогда приходилось сталкиваться со всем сопротивлением существующих структур и «аппаратчиков» коллегий всех национальностей.

Затем из этой первой инициативы естественным образом родился IDHAE, поскольку я сам возглавлял комиссию по правам человека после своего президентства вплоть до 2001 года, и мне показалось очевидным, что нужно попытаться объединить все адвокатские инициативы, касающиеся продвижения и защиты прав человека в Европе. Так мы создали Европейский институт прав человека адвокатов (IDHAE), который я имел честь возглавлять до 2024 года и который опубликовал множество трудов. Не было ни архитектурного замысла, ни догматизма, но был призыв к личному участию каждого адвоката, приглашение к свободному объединению. Речь шла об инициативе sui generis, или, как написал Монтескье в эпиграфе к «Духу законов»: «Prolem sine matre creatam», то есть о дитя, рожденном без матери... хотя я горжусь – как вы понимаете, – тем, что был последовательно в некотором роде отцом обеих этих структур. Начиная с 2001 года IDHAE вносил свой важнейший вклад в функционирование премии Людовика Трарье наряду с 10 другими коллегиями адвокатов и организациями.

22. Об Обсерватории IDHAE.

– Под вашей координацией публикуется ежегодный доклад Всемирной обсерватории прав на защиту и нападений на адвокатов. География преследований огромна: от Ирана (Насрин Сотуде) до Мьянмы и Египта (Махинур Эль-Масри). Какие макрорегионы мира вызывают у вас сегодня наибольшее беспокойство?

– В рамках Института прав человека коллегии адвокатов Бордо, президентом которого я по-прежнему являюсь, IDHAE и их институциональных партнеров мы продолжили с 1984 года работу службы экстренного оповещения касательно адвокатов, которая функционировала издавна, поскольку первая серия срочных призывов была выпущена совершенно точно в сентябре 1984 года по случаю проведения конгресса AIJA в Бордо, что позволяет сделать однозначную датировку. Конечно, в то время это было скромным делом, но

тем не менее довольно полной работой по сбору данных – в эпоху, когда Интернета еще не существовало – обо всех известных посягательствах, совершенных против адвокатов. Эта служба развивалась и перешла от тиражирования к полноценной публикации: первый том, посвященный более чем 100 кейсам адвокатов по всему миру, вышел в 2011 году. От этих 100 случаев ежегодные методические поиски привели нас примерно к 500 случаям в 2024 году. Только эти 10 или 12 вышедших томов позволяют составить точное представление о масштабе и разнообразии средств, используемых против адвокатов, и определить амплитуду этих посягательств на всех широтах.

По правде говоря, с первых наших призывов 1984 года у нас был случай с одним гражданином СССР, который меня поразил, и я до сих пор помню его имя: его звали Левко Лукьяненко! Если составить краткую схему, можно сказать, что существует определенное постоянство: Иран, Турция и неизменный набор стран или регионов на протяжении 40 лет. Среди них Ливия, Сирия, Вьетнам, Таиланд или Палестина циклически становятся предметом возобновляемой обеспокоенности. На протяжении всех этих лет были также Тунис в две четкие волны – во времена Бен Али и после Бен Али, а также драматические ситуации, касающиеся Азербайджана, Таджикистана, Казахстана или Кыргызстана, равно как и Соединенных Штатов, или, в определенный период, Непала.

23. О «Дне адвоката в опасности».

– Вы активно поддерживаете проведение «Дня адвоката в опасности». Какова эффективность таких инструментов публичной дипломатии в диалоге с правительствами?

– Мы всегда поддерживали «День адвоката в опасности», причем еще до его создания. Так, мы участвовали во всех первых демонстрациях и помним, что в день, посвященный Филиппинам (дату нужно уточнить, так как она стерлась из моей памяти!), в Париже нас было всего трое опасных активистов на тротуаре, которых префектура полиции держала на почтительном расстоянии от посольства Филиппин. Как мы всегда говорили с 1984 года, когда чувствовали себя очень одинокими, любая новая инициатива вносит свой вклад в общее дело, кто бы ни был ее организатором. И этому стоит только порадоваться.

24. О Гаванских принципах ООН.

– Вы постоянно апеллируете к Основным принципам, касающимся роли адвокатов, принятым ООН (1990 г.), требуя прекращения практики отождествления адвоката с его клиентом. Почему, по вашему мнению, некоторые национальные юрисдикции упорствуют в игнорировании Принципа 18, отождествляя адвокатов с действиями их клиентов?

– Это определяющий текст. К слову, потребовалось много времени, прежде чем адвокаты и их объединения начали его использовать. Неизвестно почему. Можно по-прежнему удивляться тому, что они родились на заседании Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию с целью дать основы для гармонизации пенитенциарных правил между государствами! Но сегодня им уже более 35 лет, и можно только восхищаться их новаторским характером и их очень точной оценкой в целом всего спектра защиты, которой должны располагать адвокаты и их органы самоуправления во всем мире. Именно их универсальный характер делает их столь часто цитируемыми, поскольку они основаны на всеобщем и эффективном соблюдении прав и свобод человека, вдохновленном Уставом Организации Объединенных Наций.

Конечно, это то, что называют «мягким» правом, которое, в частности, рекомендует органам государственной власти обеспечивать, чтобы адвокаты – и коллегии – могли выполнять все свои профессиональные функции без препятствий, запугивания, преследования или ненадлежащего вмешательства, чтобы они могли свободно перемещаться и консультировать своих клиентов как внутри страны, так и за рубежом, и чтобы они не отождествлялись со своими клиентами или делом своих клиентов в силу исполнения своих обязанностей. Но именно эти очень точные обязательства некоторые государства мало склонны гарантировать своим адвокатам, и более того, некоторые государства в особенности преднамеренно нарушают их в отношении адвокатов своей страны. И, к сожалению, отождествление адвокатов с их клиентами сейчас переживает тревожное расширение во всех государствах, в частности под влиянием политики борьбы с терроризмом или организованной преступностью. Отныне есть основания опасаться регресса на международном уровне.

Помимо своего необязательного характера, ооновский текст – а это дипломатический компромиссный текст – содержит, очевидно, встроенный базовый порок. Он заключается в провозглашении того, что при осуществлении своих прав адвокаты должны вести себя в соответствии с законом, признанными стандартами и этикой профессии адвоката. Таким образом, каждое государство вольно ссылаться на свой национальный

закон для наказания поведения адвокатов. И здесь невозможно не вспомнить случай Юлии Юргилевич. «Принципы» доказали свою силу именно как принципы, однако следовало бы предпринять теперь все возможное, чтобы придать им силу обязательной нормы международного права, дабы из года в год мы не были вынуждены констатировать прискорбный факт, что, конечно, многое изменилось, но все остается по-прежнему или все возобновляется, как и прежде.

25. О дисциплинарных процедурах.

– Принцип 29 Гаванских стандартов формирует неделимый корпус правил для оценивания любого дисциплинарного проступка адвоката. Как защитить адвокатов от лишений статуса «по заказу» квалификационными комиссиями, подконтрольными министерствам юстиции?

– Я, как мне кажется, уже косвенно ответил на этот вопрос. Только делокализация или дерегионализация дисциплинарной власти в пользу, по крайней мере в последней инстанции, нейтральных институтов, выносящих решения в соответствии с международным правом (пусть даже рассматриваемым на региональном уровне), могла бы позволить наметить позитивное решение. Кроме того, без обязательного к исполнению документа, закрепляющего и обновляющего или развивающего Гаванские принципы, решения не будет. Остается надежда на принудительные региональные акты, но сумеют ли они в таком случае зайти так далеко в провозглашении прав и свобод, составляющих конститутивный принцип профессии адвоката? Сколько отступлений ради национальных нужд урежут тот декларативный идеал, который они могли бы содержать? Скольким адвокатам еще придется пожертвовать собой, чтобы попытаться продвинуть права своих коллег?

Блок VI. Философия профессии и взгляд в будущее

26. О диалектике права. Ваша книга «Благо, рожденное из зла: за пределами изолированного дела одного человека» (2007) рассматривает, как трагедии катализируют развитие права. Какое институциональное «благо» могло бы возникнуть в международном праве по итогам нынешних глобальных кризисов?

– Это очень личные вопросы, ответы на которые выражали бы лишь мою точку зрения. Вежливость велит мне ответить на них, но должен ли я сказать вам, что именно то, что называют, особо не определяя, «международным правом», в данный момент, мягко говоря, переживает тяжелые времена. Одни его ненавидят именно за его международный характер, другие высмеивают за неэффективность, а нарушают его практически все. И все же, можно ли разумно заставить людей поверить, что надежда может прийти от национальных законодательств в их множественности и разнообразии, которые, внезапно обретя единый порыв вдохновения, пришли бы к провозглашению защитных принципов и норм, тогда как история показывает, что государства часто первыми стремятся обойти их ради нужд своего отправления правосудия или общественной безопасности?

Остается фактом, что сегодня единственная эффективная помощь исходит от этого международного права, слишком часто оспариваемого. Так, для адвоката из Мексики, Колумбии или других стран Южной Америки единственная надежда все больше не связывается с применением статьи 63(2) Американской конвенции о правах человека, то есть временных мер, предписываемых Межамериканским судом в пользу активистов, среди которых многие подвергаются преследованиям, угрозам и гонениям. Несмотря на их, конечно, условный, ограничительный и временный характер, именно такие обеспечительные меры принесли реальную юрисдикционную гарантию превентивного характера. Все те, кто ими воспользовался – к сожалению, на ограниченный срок, – получили лишь эту помощь и никакую другую внутреннюю защиту. Международное право – это, следовательно, единственное, что остается, когда все остальное рухнуло или потерпело неудачу. И в конечном счете – да! Я верю в свете всего того, о чем мы уже сказали, и всего того, что вы сами подчеркнули, что «улучшение» может прийти только от обязательного к исполнению международного права.

27. Об угрозах независимости.

– Как вы оцениваете современные законодательные инициативы в ряде стран, направленные на усиление контроля исполнительной власти (министерств юстиции) над органами адвокатского самоуправления и над доступом к профессии?

– Это остается очень деликатным и глубоко политическим вопросом. Я не вхожу ни в какие административные институты адвокатуры. Поэтому у меня нет никакой власти влиять на будущие решения. Возможно, в этом и заключается «гордиев узел». Именно институтам, представляющим адвокатуру, надлежит найти единство, необходимое для реализации проектов, гарантирующих независимость адвокатов и эффективную защиту прав подзащитных. Возможно, это предполагает чер-

пание энергии и мужества в тех людях, которые борются именно за такие принципы, а не просто за получение должности? Ибо органы коллегии всегда должны сами желать своей независимости и бороться за ее обретение и сохранение. Независимость не даруется декретами, она завоевывается. Во многих регионах все еще остаются приверженцы фатальной примиренности с подчинением, а в некоторых – даже с благами «кнута».

28. О признании.

– В 2019 году вам была присуждена премия Верховенства права UIA/LexisNexis (Rule of Law Prize) за вашу непоколебимую поддержку преследуемых коллег. Что означает это признание для вас?

– Спасибо. Я очень благодарен Международному союзу адвокатов и компании LexisNexis за эту награду. Спешу вас заверить: я не добивался ее и, поверьте, не прибегал ни к каким маневрам или интригам любого рода ради ее получения. Я сам был удивлен первым. Скажем лишь так: поскольку я являюсь адвокатом уже более 55 лет, я могу по меньшей мере в силу стажа, обосновать наличие некоторых заслуг. Помимо этого, данная Премия является прекрасным новым институтом адвокатуры, и для меня лично было большой честью стать преемником в этой награде госпожи Рут Бейдер Гинзбург, судьи Верховного суда США, культовой фигуры в борьбе против дискриминации женщин, которая была предыдущим лауреатом. Для меня это означает просто то, что я на своем уровне сделал все, что мог.

29. Уверенность в защите права.

– В своем труде 2018 года «Уверенность в защите права» вы выступаете с призывом к жизнестойкости. По вашему мнению, как цифровизация и искусственный интеллект изменят парадигму судебной защиты в ближайшие 20 лет, и удастся ли адвокатам сохранить свою «жизнестойкость» в этих новых условиях?

– На этот вопрос я вижу только один ответ: жизнестойкость в данном случае может быть лишь слиянием сопротивления с доверием и надеждой. Любая новая технология, контуры и возможности которой плохо очерчены, всегда вызывала большой страх со стороны человека. Еще очень давно едкий австрийский юморист Карл Краус провозглашал: «Единственный способ для человека защитить себя от машины – это использовать ее». Но поскольку мы говорили о премиях, я думаю, лучшее здесь, чтобы хорошо ответить на ваш вопрос, – это напомнить слова Йоргоса Сефериса, сказанные им при получении в 1963 году в Стокгольме Нобелевской премии по литературе. Он сказал: «В этом мире, который сужается, каждый из нас нуждается во всех остальных. Мы должны искать человека везде, где бы он ни находился. Когда на пути в Фивы Эдип встретил Сфинкса, который задал ему свою загадку, его ответом было: Человек. Это простое слово уничтожило чудовище». Перед лицом страхов, которые вы упоминаете, это может быть – снова и всегда – единственным ответом, который адвокаты должны давать и претворять в жизнь.

30. Послание евразийским коллегам.

– В качестве заключения к нашему интервью, какой главный деонтологический совет, опираясь на ваш более чем полувековой опыт, вы дали бы молодым адвокатам евразийского правового пространства, вступающим в профессию в эти столь неспокойные времена?

– Все страдания, переносимые адвокатами по всему миру, но также именно в том географическом ареале, который вы указываете, доказывают это. Все возникающие дела, из которых мы смогли упомянуть здесь лишь малую часть, иллюстрируют это. Они приходят к нам сегодня не только посредством новых средств связи. Они новы сами по себе. Сходства или подобия не являются видимостью или иллюзией. Адвокаты поняли, в чем заключается их миссия и каковы их обязанности. Они на верном пути. Существует международное сознание подлинной защиты и общее стремление к новой адвокатуре. И здесь, как и везде, речь идет о применении энергетического принципа Уильяма Джеймса: «сначала продолжать, и только потом начинать!» Благодаря международному осознанию встает новая заря. У адвокатов мира назначена встреча с адвокатурой будущего.

– Спасибо Вам за интервью!

Беседовал главный редактор, адвокат,
доктор юридических наук, доцент Андрей Рагулин

Интервью подготовлено при участии сопредседателя Комитета по мониторингу нападений на адвокатов Международной ассоциации народных адвокатов (IAPL) мистера Стюарта Рассела

ПРИМЕЧАНИЯ:

** ВКЛЮЧЕН (А) В РЕЕСТР ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ И ЛИЦ, ПРИЗНАННЫХ УЧАСТНИКАМИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ*

*** ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИЗНАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ И ЗАПРЕЩЕНА*

English version text

Profile:

Bertrand Favreau is an outstanding French advocate and public figure, former President (Bâtonnier) of the Bordeaux Bar Association, writer and philosopher of law, and one of the architects of the system of international institutional protection of advocates' rights.

He was born on April 19, 1947, in Bordeaux, France. He graduated from the Faculty of Law of the University of Bordeaux and the Bordeaux Institute of Political Studies. He began his advocacy practice in 1969, acting as a general practitioner: from civil, corporate, European, and labor law to criminal trials and the defense of fundamental freedoms. In 1984–1985, he was the President (Bâtonnier) of the Bordeaux Bar Association.

He took part in a number of landmark trials in France. He was one of the key advocates for Guy Mauvillain, who secured a review of the case and his acquittal, which became one of the most famous cases of judicial rehabilitation in France.

He acted in the historic criminal trial of the collaborationist Maurice Papon. He also represented the interests of the French billionaire Liliane Bettencourt within the framework of a high-profile civil dispute concerning the abuse of weakness and the establishment of guardianship.

On February 27, 1984, Bertrand Favreau established the Ludovic Trarieux International Human Rights Prize – the oldest and one of the most prestigious international awards given by advocates to an advocate for the defense of human rights.

The first laureate of the prize in 1985 was Nelson Mandela, who was imprisoned; the award on his behalf was received by his daughter Zenani Mandela-Dlamini. To this day, Bertrand Favreau is the chairman of the Prize jury.

Bertrand Favreau is the founder and permanent president of the Human Rights Institute of the Bordeaux Bar Association (IDHBB), which became one of the first specialized advocates' human rights institutions in Europe.

In 1986, he became the founding president of the European Lawyers' Union (UAE) headquartered in Luxembourg, and in 2001 he founded and headed the Human Rights Institute of European Lawyers (IDHAE).

Bertrand Favreau coordinates the publication of the annual report of the World Observatory monitoring violations of defense rights and the rights of advocates (Observatoire mondial des violations des droits de la défense et des droits des avocats, under the auspices of IDHAE/IDHBB), documenting cases of persecution of advocates around the world. Under his leadership, the annual report of the World Observatory has become one of the most authoritative international sources of information on the persecution of advocates and the state of independence of the legal profession in various countries of the world. The published materials serve as an important tool for international monitoring and are used by human rights organizations, European institutions, and national bar associations to protect colleagues in countries where the profession of an advocate is subjected to systematic pressure.

Bertrand Favreau is the author of numerous books and articles at the intersection of law, history, and philosophy. Among Favreau's most famous works are «Georges Mandel, or the passions of the Republic (1885–1944)» (1996, «Georges Mandel ou la passion de la République (1885–1944)»), awarded the Book Prize of the French National Assembly; «Behind the isolated cause of one man» (1996, «Derrière la cause isolée d'un homme»); «Law, justice, humanity» (2001, «Le droit, la justice, l'humanité»), dedicated to the relationship between law, historical memory, democracy, and the defense of human rights.

Bertrand Favreau actively participates in collective works dedicated to European law, the independence of the legal profession, procedural guarantees, and the defense of human rights. His publications combine deep historical analysis with contemporary legal philosophy and emphasize the role of the advocate as a guardian of democracy and the rule of law.

In 2019, Bertrand Favreau was awarded the prestigious UIA/LexisNexis Rule of Law Prize in recognition of his relentless and firm commitment to the defense of human rights, the rule of law, and the support of persecuted advocates worldwide.

Bertrand Favreau pays special attention to the situation regarding the independence of the legal profession in the post-Soviet space. Under his leadership, international advocates' institutions have repeatedly spoken out in defense of advocates from Russia, Belarus, Kazakhstan, Azerbaijan, and other states in the region who have been subjected to criminal prosecution, disciplinary pressure, or deprivation of their professional status on the grounds of carrying out their activities. Over the past decades, the focus of the jury of the Ludovic Trarieux International Human Rights Prize, chaired by Bertrand Favreau, has repeatedly turned to the jurisdictions of the post-Soviet space, honoring with the highest advocate's award those advocates who have been subjected to persecution for their professional activities.

For more than four decades, Bertrand Favreau has remained one of the most influential figures in the international advocates' community, consistently defending the independence of the legal profession, the rule of law, and the protection of advocates subjected to persecution for their professional activities.

Bertrand Favreau plays a key role in forming the pan-European system of institutional protection for advocates, having united the activities of national bar associations, human rights institutes, and international professional organizations. Thanks to his initiatives, the defense of advocates' rights has been institutionalized at the international level and has become an independent area of human rights activity.

Hello, esteemed Mr. Favreau! I am glad that you agreed and were able to find the time for an interview on a topics that deeply concern our readers. I will ask the first question.

Block I. Family Heritage and Presumption of Innocence

1. On the Marie Besnard`s case.

– Your mother, the eminent lawyer Jacqueline Favreau-Colombier, provided the defense during the historic trial of Marie Besnard. Twelve years of struggle, three trials, and the confrontation with the full power of the public prosecution in order to prove her innocence. How did observing this exhausting battle in your youth influence the formation of your own professional ethos and your understanding of what the presumption of innocence is?

– By way of preliminary remarks, I would like to specify that I am very touched by the fact that you asked me to respond to this interview. This touches and intrigues me at the same time because I see, from your very first question, that you went to «dig» very deeply into the history of my life, or even my family life. You also touch me by highlighting the role of my mother – who was a lawyer from 1938 – notably in the Marie Besnard case. It is true-since the question almost includes the answer-that I knew the Marie Besnard case in its acute terminal phase until 1962 and that I even had to live my youth at its rhythm! Indeed, I often met and even had lunch and dinner with Marie Besnard, whose innocence my mother never doubted for a fraction of a second, and which was finally recognized.

I cannot say if it influenced my training, but it undoubtedly – which is even stronger – determined my vocation; I retained from it for the future that a trial is never over, and that a lawyer must fight until the end, and even beyond the end, when one has reached the very end of the end... I also believe I learned there that the force of innocence admits no debate and that the «presumption of innocence» (which you cite) cannot be considered a fiction inherent to criminal procedure but, on the contrary, an unconditional «golden rule» that a lawyer must follow when handling any criminal case in order to ensure that a fair and respectable verdict is reached.

2. On the transformation of the profession.

– You began your practice as a lawyer in 1969. In retrospect, what fundamental changes in the consciousness of the legal community have you observed during the transition from a conservative model to a more open model oriented towards the defense of human rights?

– You remind me that I took the lawyer's oath in 1969, which I have unfortunately not forgotten... It is true that it was then a profession closer to that practiced in the 19th century than to what it has become today. The death penalty still existed in France, and was requested as it was until 1981 in France, as were military courts of exception. Lawyers were litigators who hardly concerned themselves with procedure, at least in civil matters, but it must be said, for example, that the concept of a «fair trial» – as established by international texts and carved out by case law since – remained locked in its traditional frameworks without the profession's internal perspective being truly offended by the omission of principles that have fortunately established themselves in positive law since. In my early days, a criminal trial for a violent crime («crime de sang») usually lasted only a few hours, a day at most. I nevertheless retain the memory of a happy youth as a lawyer, animated by the presumptuous feeling of being able to advance the guarantees provided in both civil and criminal matters.

3. On the Guy Mauvillain`s case.

– In 1985, along with your colleagues, you contributed to the acquittal of Guy Mauvillain before the Court of Assizes of the Gironde after the review of his trial. This trial exposed the deep vulnerabilities of the judicial and inquisitorial machine. What systemic flaws in the criminal justice of that era did you succeed in breaking, and do these flaws persist in contemporary criminal procedure?

– I see that your research has led you to the Mauvillain case, in which I only intervened in the final part. It was actually Robert Badinter, then Minister of Justice, who asked me to join an existing team of lawyers because the case had been referred back by the Court of Cassation to be retried by the Court of Assizes of Bordeaux. The mission was peremptory: obtain an acquittal! It is true that the case revealed various shortcomings inherent in the insufficiencies

of the rights of the apprehended person and the imbalance of the inquisitorial investigative procedure of the time. It highlighted the role of the «all-powerful» examining magistrate (juge d'instruction), of whom Balzac already wrote in 1847 that «nothing stops him and nothing commands him». Obtaining the review by Robert Badinter while he was a lawyer and the conditions of the organization of the trial before the Court of Assizes of Bordeaux (which lasted several days instead of a few hours during the initial conviction), with finally the hearing of all witnesses and all experts, will have allowed – as indeed did many other criminal trials of that time – to succeed in undoubtedly strengthening the role of the lawyer and the rights of the defense through a progressive amendment of the texts to lead us to the situation in force today. There, again, the «moral» of this case is that one must never stop fighting because the mission of the lawyer, as Lord Denning said, is to «do everything to fairly ensure the triumph of his client's cause».

4. Humanistic Horizon.

– I see in your works, you put forward the idea that the destiny of all law is played out in the destiny of a single individual. How can a lawyer, absorbed by procedural routine, avoid losing sight of this vast humanistic horizon in each concrete, sometimes even ordinary, case?

– To be honest, I do not remember having written or said that, but if that is what you retained from it, I admit that it is not false to say that the destiny of all law can be played out in the destiny of a single individual. And vice versa. So many rules of law that seemed perennial because they were drawn from the depths of human wisdom or intelligence have been repealed or modified because their implementation or their danger in the destiny of an individual ultimately shook the human conscience. Most «miscarriages of justice» have engendered reforms of criminal procedure. But what I believe I said is that in many cases the application of the law can – if we are not careful – collide with or even definitively annihilate human destinies. This is what every judge must be aware of. Tradition, or routine, as the composer Gustav Mahler precisely said, is a complacent laxity. Which, in music as in justice, cannot be acceptable under any circumstances.

5. On business law and ethics.

– Your practice is not limited to human rights. You acted as the lawyer for Liliane Bettencourt in the extremely complex conflict surrounding the L'Oréal empire. Do internal ethical challenges and professional deontological imperatives for a lawyer differ when working with significant private capital compared to cases of politically persecuted activists?

– Listen, I think that here a clear principle must be recalled. It is the duty of each lawyer to provide the assistance or rescue of their voice to whoever asks for it. While each lawyer is free to accept or refuse the cause entrusted to them, there does not seem to me to be any fundamental incompatibility arising from the respective fortune – real or supposed – of individuals. Defending one's contemporaries pro bono does not condemn you to generalize this practice to all citizens of the world. The seriousness of the interests at stake is not measured by the client's wealth. Moreover, agreeing to defend does not signify any allegiance to anything whatsoever, nor does it further justify any assimilation to anything whatsoever. There, again, it was Georges Kiejman who asked me to handle the representation of Madame Bettencourt in Bordeaux – an admirable woman, by the way – because the case had been referred back to Bordeaux by the Court of Cassation. Beyond this situation, which will undoubtedly lead you to consider me a «regular local participant» in such cases, I can tell you that the case posed a real and crucial problem touching upon the deepest humanity of a being. And I will say no more.

Block II. Justice, Historical Memory and Limits of Judicial Competence

6. On the trial of Maurice Papon.

– Your participation in the historic long-distance trial of Maurice Papon set a milestone in French case law. Do you think that justice then succeeded in convicting not only a specific high-ranking official, but also the very bureaucratic machine of collaborationism of the Vichy regime?

– I procedurally entered the case in 1986, becoming a civil party (partie civile) at the request of the French League for the Defense of Human and Citizen Rights, of which I remained the lawyer until the end of the trial in 1998. While it is true that I was able to represent families of victims, it was solely in subsequent proceedings concerning the «reparations» that multiplied following the conviction of Maurice Papon. Furthermore, during the trial itself, I represented the interests of Gérard Boulanger, against whom Maurice Papon filed a defamation lawsuit, as well as Jean-Claude Nicod, a high-ranking judge, against whom Maurice Papon's defense brought accusations in connection with his actions during the period when he held the position of investigating judge in Bordeaux.

You have drawn attention to the duration. But, as has already been stated, the procedures for establishing – or, as in this case, for «restoring» – the

truth always take a long time. I believe that another aspect must also be taken into account. What is remarkable, first of all, is that the trial itself could take place at all. For, to tell the truth, the small number of lawyers that we were in the early stages of the case (five or six and not around thirty as at the end) encountered so many «obstacles», including procedural ones, that we could reasonably doubt for a long time that the trial would ever be held. I cannot here review the sequence of trials for crimes against humanity that took place in France on the legal basis of the charter of the Nuremberg International Military Tribunal and the London Agreement of August 8, 1945, except to emphasize that the last one relating to the Second World War was indeed that of Maurice Papon, and it took place in Bordeaux.

I think the pedagogical virtues of the trial mean that it brought a complementary vision of what a crime against humanity can be for future generations. In fact, the other, like Barbie, was a Nazi torturer and member of the SS, an association itself declared criminal, or like Touvier, a militiaman already sentenced to death, whereas Papon himself was a high-ranking official, remarkably reintegrated into the institutions of the Fourth and then the Fifth Republic, but whom the force of evidence caught up with several decades after the exercise of his duties in the service of the Vichy regime in Bordeaux. Papon's conviction demonstrated the inexorable criminal chain that generates crimes against humanity, which, to be realized, calls upon a continuous sequence of individual participations that cannot afterwards attempt to exonerate themselves by invoking a role of mere executors, or even obedience to orders received. In this, the conviction of Maurice Papon remains exemplary in France. All the more so as the Court of Assizes of the Gironde took care to meticulously detail the personal active role played by Maurice Papon in the accomplishment of the process, even if it ultimately exonerated him of having had knowledge of the «Final Solution». On the contrary, its verdict did not uphold the incriminated charges whenever it considered that active, physical participation was not established. Beyond a crime committed globally, collectively by a group, a crime against humanity indeed implies personal action and responsibility from each of its successive cogs. Beyond that, the Papon trial will have demonstrated the criminal character that could inevitably stem from the perversion of a bureaucracy that has lost all reference to the fundamental rights of the individual.

7. On the rhetoric of hate.

– In your famous closing speech at the Papon trial, you cited pre-war anti-Semitic publications («Action française», «Je suis partout»), proving that verbal dehumanization precedes physical extermination. Do you see today, in Europe and around the world, similar trends toward the legalization of «hate speech» that could lead to new tragedies?

– Thank you. I will therefore allow myself to thank «Editions du Passant» for having published my closing speech in extenso and to be grateful to you at the same time for having read it...

I will answer your question in two parts. On the one hand, it happens that from the age of 20, while a student at Sciences-Po Bordeaux, I was led to read, when I was working on Georges Mandel`s story, most if not all of the anti-Semitic newspapers not only from the 1930s, but in fact starting from the 1920s. And the lesson I drew from it was that it was commonplace for a certain press, and therefore usual for certain readers, to persistently maintain an ordinary, denying, and destructive hatred of the other. The phenomenon you describe has been the subject of many illustrious writings, and I will certainly refrain from adding any complementary stammerings of my own.

Nevertheless, the second part of your question is whether there are risks of recurrence, or if history repeats itself. Which also means, can the lessons of the Second World War – always all other things being unequal – prevent the emergence of hate phenomena, and prevent the resurgence of an extraordinary criminal phenomenon like the one already experienced? I do not have the competence to answer your question. I fear, however, that these nagging phenomena, which know no appeasement but seem to obey cycles, will inevitably lead to a paroxysm from which violence always stems at a minimum, civil wars, latent or open, and sometimes «outbursts» that no force knows how to prevent. The European Court of Human Rights has not ceased to affirm throughout its judgments that the protection of freedom of expression or association cannot apply to «hate speech based on intolerance» and therefore under no circumstances to racist approaches or those advocating the negation of the other. This is a limit that must remain impassable.

It is, however, in my opinion, useless to systematically map past facts onto a present situation, as if to apply them premonitorily to a future situation. Unfortunately, the course of history is always more sinuous and more subtle than its commentators predict, and an identical misfortune, or even worse, can occur through paths that no one will have foreseen. Yes, there is always reason to be worried.

8. On law and history.

– The fundamental work published under your direction, «Can the law dictate history?» (2012),

explores the relationship between justice and historical truth. Where, in your opinion, lies the boundary between the legal establishment of facts before the courts and historical research?

– I want to tell you right away, I am both a defender of freedom of expression as it was notably defined by the European Court of Human Rights exactly 50 years ago now (1976), that is to say ideas «that offend, shock or disturb», but also of the historian's freedom of research, from whom no exploration should be prohibited. Simple ideas have been expressed on this subject: it is not for justice to tell history. And therefore, it belongs no more to justice to prevent history from being told. The book you speak of was, moreover, born from a symposium organized following the emotion aroused by the legal summons of a historian, author of a book on the slave trade, whom some wanted to have convicted for having, in the name of scientific rigor, mentioned the existence of Arab and African slave trades throughout history.

Unfortunately, the benchmarking was done on the abominable excesses and knowingly malevolent intent of revisionists or other extremists whose remarks justice obviously could not let pass without sanctioning them. This is, of course, the problem of the historical falsifiers. In addition to this, there is a whole spectrum of scientific research that may cause discontent among certain activists. And since historians, moreover, agree less and less among themselves, there exists an inexhaustible field of things not to say or write, which only risks expanding. Then there is a risk that nothing remains – which is detrimental – except the presentation of abbreviated or, worse, revised history, slogan-history, ad hoc history for activists, which would only be invoked today for the needs of polemical writings or loud propaganda.

9. On the role of the ECHR in the historical context.

– In your book, an entire chapter is dedicated to the case law of the European Court of Human Rights. How do you assess the influence of the ECHR on the formation of a unified legal consensus concerning the conflicts and totalitarian regimes of the 20th century?

– It is evident that the case law of the European Court of Human Rights, acting with a unifying force, has modified and unified the perception of fundamental rights, not only by domestic courts but probably even more so by the citizens of the member countries of the Council of Europe. Several volumes would not suffice to demonstrate the significant and decisive impact of this case law. First of all, the preamble to the Convention establishes a very clear link between the Convention and democracy by declaring that the safeguarding and development of human rights and fundamental freedoms depend on a truly democratic political regime on the one hand, and on a common conception and a common respect for human rights on the other. As far as we are more precisely concerned, I will retain two examples. First, the contribution of the Strasbourg Court to the development of a doctrine of freedom of expression (as I indicated to you in the previous question).

Through its Handyside judgment of 1976, it adopted, in a felicitous formulation, a principle that is now chanted by all courts and tribunals in the democratic countries of Europe. But it also refined its theory, giving a certain flexibility, particularly regarding politicians who must accept criticisms stemming from freedom of expression. It is perhaps above all in the fields of both the «right to security», the right to physical liberty of the individual, and their right to a fair trial that the Court will have made its strongest contribution, which is moreover not understood by a certain anti-European activist section of public opinion (although no one today advocates withdrawing from the Council of Europe and its Court). For several decades, case law has demonstrated, case by case, country by country, that domestic courts and tribunals in Europe were most often unable to unearth or perceive the anomalies of their own system. Thus, the theory of a fair trial, which requires that every person has the right to have their cause heard fairly, publicly, and within a reasonable time by an independent and impartial tribunal established beforehand by law, was developed progressively, case by case, idiomatic anomaly by idiomatic anomaly, to constitute today a maximum standard from which no one really wishes to derogate. The Court has thus brought into positive law for European citizens the notion of an effective right, beyond the optative, the proclamatory, or the incantatory, which was for so long the norm to celebrate justice everywhere in Europe. However, it is far from certain that the theory of equality of arms in both civil and criminal trials is today a value unanimously shared throughout the world.

10. On the legacy of Georges Mandel.

– Your monograph, «Georges Mandel or the Passions of the Republic (1885–1944)», was awarded the prize of the French National Assembly. Why was it important for you to document the life of this politician, assassinated by the Vichy Militia, and what lesson does his courage transmit to contemporary jurists?

– This book is the fruit of an academic work that I conducted in the years 1967–68 when I was 20 years old. I have indeed continued my research on this politician for decades. It is important to devote oneself

to the lessons of a life whose memory history, grand history, has not retained. Why was he forgotten? Why was he not believed when he warned as early as 1933 about the Nazi peril? Partly because he was a constant victim of anti-Semitism, and notably a left-wing anti-Semitism from his very first electoral candidacies at the beginning of the 20th century until the surge that did not fail to occur in the 30s and 40s. It is an unfulfilled destiny, which was the first to express an exact vision of a situation of France and the world at the threshold of the Second World War, a vision that was, moreover, taken up almost word for word by General De Gaulle. One must love those who resist before everyone else. Mandel had a motto that consisted of three identical words: «Hold on, hold on, hold on!».

Block III. The Ludovic Trarieux Prize: Forty Years of Human Rights Defense Mission

11. On the origins of the Prize.

– In 1984, in tribute to Ludovic Trarieux, who founded the League for Human Rights at the heart of the Dreyfus affair, you created the eponymous prize. In 2024–2025, the Prize celebrated its 40th anniversary. How has your understanding of what it means to be a «lawyer defending human rights» evolved over these decades?

– From my point of view, there was a deep significance to this. In truth, Ludovic Trarieux had also been a «mal-aimé» (unloved figure) of History and of the Bordeaux bar. Arriving from his native Charente, by way of studies in Paris, he very quickly established himself in the 1870s in Bordeaux, in a bar that still counted many fervent (including elected) royalists. It is moreover demonstrative that he was elected at 37 years old as a young President of the Bar (Bâtonnier) of Bordeaux in 1877, the very year of the famous parliamentary crisis known as «May 16», which was to be a turning point in the consolidation of the Republic in France. To tell the truth, having died in 1904, Trarieux had been completely forgotten by the Bordeaux bar, which took pleasure in celebrating from generation to generation other local glories illustrating other merits. It must also be said that, having become a deputy for the Gironde in 1879, Trarieux then left to register at the Paris bar from 1881, which could explain why the local bar may have been little inclined to show him lasting recognition. And yet, he was a «pure product of the soil». He maintained a family loyalty to Bordeaux and the Gironde, and it was in Bordeaux, at the Protestant cemetery, that he was to be buried. From then on, the end of the 80 years of oblivion of Ludovic Trarieux by the Bordeaux bar was to coincide with a major act that could celebrate the great choice of his existence, and notably his commitment, regardless of his political and personal interests, to defend an innocent man, victim of the unendurable violation of the elementary forms required for a fair trial, and in this case, respect for justice and humanity.

12. On Nelson Mandela.

– On April 27, 1985, you presented the very first prize to the daughter of Nelson Mandela, who was then in a South African high-security prison. Could you imagine, at the time, that this gesture of solidarity would have such a historical resonance and that the laureate, Nelson Mandela, would change the course of world history?

– Although the prize was created in 1984, the first Prize could only be awarded in 1985 since, after the creation, it was necessary to launch calls for candidacies, review files, and organize a Jury. Today, the choice of Nelson Mandela may seem obvious, if we look back at the situation at the time but also at all that we have known since. But it did not happen that simply at all. First, one must understand that at the time, almost no one knew, particularly within the bars, that Nelson Mandela had been a lawyer, and that this was the only profession he had ever practiced, even if very quickly, he was to become his own sole «client», condemned to plead for himself before the courts by the tragic force of destiny. He was the first black lawyer in South Africa, and his beginnings in a law firm have since been widely recounted.

The second remark is that, contrary again to what one might think today, the candidacy of Nelson Mandela was not a matter of course for everyone at that time. Nelson Mandela was indeed not the only candidate. There were several others who received votes. For certain members of the jury – and not the least among them – Mandela was still perceived by many as a «terrorist» (due to the recourse to violence by the armed wing of the ANC, Umkhonto we Sizwe) and a «communist» (because the ANC of that era had no other option but to rely on communist support, which was practically the only support granted to it). Furthermore, it seems that the public perceived – and this is the meaning of the anonymous letters that the members of the jury received – that any release of Mandela could only be the starting point of a massacre of «white people in South Africa». While we know today that this did not happen, tribute must be paid to this jury for having courageously chosen the candidate who was undoubtedly the most famous at the time, but also the one who could be the most controversial. Unlike the Nobel Prize he was to receive subsequently, after becoming President of South Africa, it was the man sentenced to life imprisonment for «terrorism

and communism» that the Ludovic Trarieux Prize came to honor in 1985. Undoubtedly, the efforts we deployed (I would even say the ruse) to allow a daughter of Nelson Mandela to come to publicly accept the prize on behalf of her father contributed to the renown of the prize.

13. On the concept of the Prize.

– The motto of the prize is «The tribute of lawyers to a lawyer». Why is it fundamental for you that the jury be exclusively composed of representatives of professional lawyers' associations, and not of politicians or a wide range of human rights NGOs?

– The first jury, in 1985, symbolically included politicians, notably Jacques Chaban-Delmas, journalists, and even judges from European courts. But subsequently, the prize concentrated on its specificity. For, as you have correctly noted, this prize has a specificity. This specificity is that it can only be awarded to a lawyer and by lawyers, which is why its subtitle, often repeated, is: «the tribute of lawyers to a lawyer». To each their own field. While we certainly work with a certain number of particularly active NGOs, we have no intention whatsoever of engaging in any competition or one-upmanship. At the time, there was no human rights prize reserved for a lawyer. Only the Paris bar naturally performed, through its prestige, a mission of defense without borders for lawyers in danger (which it moreover continues to do), as was the case, for example, when the President of the Istanbul Bar, Orhan Apaydin, was arrested in 1982 «Call the President of the Paris Bar!», he shouted while security forces in fatigues seized him. That was two years before the creation of the prize. Many prizes were created after 1985. Every organization, and indeed every bar, wants to have its own Prize today. The Ludovic Trarieux Prize must retain its specificity.

14. On the role of Robert Badinter.

– Robert Badinter played a major role in the history of the Prize. How did you manage to organize his historic visit to Bordeaux in 1984?

– Robert Badinter indeed gave me the most admirable gift one can give to a friend. He came to Bordeaux to celebrate the memory of Ludovic Trarieux in 1984. This was not a given. Traditionally, the Keeper of the Seals (Minister of Justice) attended and spoke at the opening ceremony of the Paris Bar Association – which is the least of things – but was not in the habit of attending the opening ceremonies of provincial bars at a time when there were still some 185 bars in France, including 35 or 36 bars of courts of appeal. In reality, it is thanks to Élisabeth Badinter – to whom I want to pay tribute here – that we managed to convince him.

15. On collective defense.

– Since 2016, the jury has awarded the title of «Bar of the Year». What is the effectiveness of this tool of international solidarity when it is not an isolated lawyer who is targeted, but an entire self-regulating body of the bar?

– While the prize has remained firm on its founding principles, it has been forced to evolve over the years in view of circumstances, incidents, accidental or even malicious, of which it has been the object. Thus, it could not be awarded from 1986 to 1990, following a dispute with the Bordeaux bar, and then it resumed from 1992 to 2002 at its biennial rhythm, before becoming annual from 2002 onwards and funded by major bars in Europe and large representative organizations of lawyers at the European and international levels.

Likewise, during its deliberations, the jury found itself confronted with difficulties in assessing certain commitments, which could be either personal or accomplished within the framework of collective action. It thus appeared that in certain cases, beyond individual action and the courage of certain lawyers, the statutory organ of a bar – which, to be sure, could sometimes be responsible in certain cases for the suffering imposed on its lawyers – could conversely in certain cases itself be the object of pressure, harassment, bullying, and attacks, which required a great deal of courage to resist. Thus, fidelity to the principles of independence and resistance of the bar found itself highlighted by a special mention of the jury during its deliberation, called the «Bar of the Year» mention, which will celebrate its first ten years of existence next year. One of the first bars to be thus distinguished was precisely the «Central Bar of Crimea», which, after being ordered by the Ministry of Justice of the Russian Federation to disbar Emil Kurbedinov*, the lawyer for the Assembly of Crimean Tatars**, firmly rejected the request in February 2019 and maintained Emil Kurbedinov's* enrollment at the bar. To date, notably, the bars of Diyarbakir, Port-au-Prince, Beirut, Warsaw, Tunis, or Istanbul have been its first recipients.

Block IV. Eurasian Focus and Systemic Attacks Against the Bar

16. On Dmitry Talantov (Recipient of the Ludovic Trarieux Prize – 2025).

– In 2025 the Prize was awarded to Russian lawyer Dmitry Talantov, deprived of liberty for his anti-war publications. What main message did the jury wish to send to the Russian legal community through this decision?

– I believe that here again it is perfectly clear in the first instance: Dmitry Talantov illustrates, like many of his predecessors, the courage not to accept

what the human conscience can only perceive as unacceptable, to express it, and consequently, to expose oneself – that is to say, to risk losing his liberty, or even his life, to send a great message of universal protest. In this case, by publicly taking the stance he adopted, he knew that at the very least, given the repressive texts recently promulgated, it was the end of all professional tranquility for him, and that much more likely, it was over for a long time for his liberty. And yet, he deliberately chose his commitment. In a world where there are very few candidates for losing their comfort over questions of freedom of expression, this is a major act for a lawyer in the 21st century that had to be highlighted.

We are not unaware, of course, that many others also have this courage. We salute Madame Maria Bontsler, a lawyer from Kaliningrad, who is detained pending a sentence that we fear will be heavy, for having defended throughout her career in Russia the legal rights of conscripts, military personnel, and their families. The message – undoubtedly quite insufficient – that we can send to the community of Russian lawyers, whose martyrdom we have followed every year for 40 years, is a message of admiration but also of unfailing support because they chose to practice the real, the only profession of lawyer and not to remain civil servants of the enforcement of law, contenting themselves with managing the routine of justice and daily iniquity. They are the ferment and the spearheads of the regenerated bar of the future that will ensure the triumph of the rule of law.

17. On tragic parallels.

– The prize intended for Dmitry Talantov was accepted by his wife, the lawyer Olga Talantova, who read his message. What feelings does this historical cycle inspire in you, which has been repeating itself since 1985, when the family members of imprisoned jurists found themselves forced to come collect their awards?

– Yes, you are right to evoke the tragic procession of 40 years, which is also one of the harsh laws of the prize. It is quite obvious that when a laureate is in detention, they cannot by definition come receive their award themselves, which can only be definitively assigned if it is presented to and accepted by the laureate. We have thus known, since the beginning, the travel of Nelson Mandela's daughter, but as for Dmitry Talantov, it was most often the wives who came to receive the prize for a husband imprisoned for long years. Such was the case for Parvez Imroz in India, for Muharrem Erbey in Turkey, for Amirsalar Davoudi in Iran. For Digna Ochoa, it was her brother; for Esber Yagmurdereli, his son; for Vadim Kuramshin, imprisoned in Kazakhstan, it was his mother.

But shouldn't we, in compensation, also welcome a «happy» parallel? Should we not rejoice that out of 30 prizes awarded to date, 14 laureates were also able to come in person to receive their prize? And above all, that among these 14 laureates, some who were detained on the day it was awarded to them, having in the meantime been released early, were able to receive their prize free and in person a few months later? Or even that in China, by publicly refusing the prize that had just been awarded to him, someone was able to negotiate his release in exchange?

18. On the philosophy of compassion.

– In his text entitled «By Will of Compassion», Talantov wrote from his prison: «either we will stop being cowards and realize our will to compassion, or we will be doomed to a universal and final catastrophe». How do you assess the spiritual transformation that lawyers undergo when they transition from the status of defenders to that of prisoners of conscience?

– It is a very beautiful text. Never had a laureate known how to express in this way the true meaning or the acme of his commitment. For Talantov, a long-time lawyer, former head of his bar, there was undoubtedly the force of revelation, the kind that touches, transforms, and transmutes. Far from agreeing to practice his profession in silence, he understood that through simple words he had the strength to appeal to the conscience of men. He could have remained silent and continued his existence as before; he chose not to do so and to disrupt the course of his future existence. Because he felt that he could not remain silent. It is in this sense that the transformation occurs and a lawyer becomes something other than a talented jurist. Robert Badinter perfectly defined this when, in 1998, he himself presented that year's prize to a Chinese dissident. He said: «In the presence of brutal and implacable forces, this activist becomes a hero, regardless of his life. He alone calls for our recognition». Doubtless more than a transformation takes place – a metamorphosis, Ovid or Kafka would have said. Everyone knows that Pico della Mirandola, so learned and excellent in all things, defined metamorphosis as the capacity «to become everything we want to be», as he wrote under the title Oration on the Dignity of Man.

Trarieux himself, during the Dreyfus trial, spoke this very beautiful sentence from the podium of the French Senate: «It is not out of sheer madness that we engaged in the fray, it is guided by the voice of our conscience and the certainty of defending the law». It is precisely at this moment that the most competent and accomplished jurist, through the power of

compassion, by transmutation, can become what he wanted to be: an advocate.

19. On Yulia Yurghilevich (Recipient of the Ludovic Trarieux Prize – 2023) and Belarus.

– In 2023, the laureate was Yulia Yurghilevich, disbarred after 18 years of practice and sentenced to 6 years in a penal colony in Belarus. Do you observe a systemic liquidation of the independent bar as an institution in the post-Soviet space, and what legal mechanisms of external protection could be implemented here?

– It cannot be my place to judge the post-Soviet space. You will therefore kindly forgive me – without disrespect to your question – for responding with elements that I believe are simple.

One can criticize, despise, or loathe Western society, its institutions, and its principles stemming from so many years of experience, effort, and, it must also be said, hypocrisies and failures at will. The danger in this case would be mimicry. From the moment any society declares itself to be a rule-of-law state, or even sincerely aspires to become one, it must certainly adopt standards compatible with international law, or more precisely with natural law, but it also needs judges and lawyers. However, if a society claims to enact rules in its domestic law that ultimately result in preventing the power to judge and hindering the rights of lawyers in a democratic society, it is obvious that this will not work, beyond a facade. And even assuming that the rule of law is an accessible, predictable standard that respects the fundamental rights of the individual, it will work no better if judges are not free to judge, bars are not independent, and if lawyers do not have the full capacity to defend. Using words in force in another legal system, when their very substance does not have the same meaning, results in establishing a deception for public opinion.

What does the title, the function of «lawyer» mean in a legal system where one wants to reduce them to silence, because one wants to prevent them from defending their unpopular client and, in doing so, deprive the latter of the sole guarantee of their protection: the assistance of a free and independent lawyer, the only one capable of choosing the means of defense suited to ensure the triumph of truth. How can one fail to recall here the words of Lord Denning: «the duty of the lawyer to his client... is to employ all fair means to ensure the triumph of his cause».

Tribute must therefore also be paid to the courage of Yulia Yurgilevich who, she too, had the courage to lose everything by returning to her country to present herself before her judges and who ended up sentenced to a heavy prison term, disbarred, etc. Yulia Yurhilevich thus chose to fulfill her duty to her client, going so far as to risk – and lose – her career and her liberty because she wanted to place her struggle at the highest level, solely at the service of justice and truth.

20. On Karinna Moskalenko (Recipient of the Ludovic Trarieux Prize – 2010) and Vadim Kuramshin (Recipient of the Ludovic Trarieux Prize – 2013).

– Previously, the Prize was awarded to Karinna Moskalenko (Russia) and to the prisoners' rights defender Vadim Kuramshin (Kazakhstan). Based on the files of these laureates, do you identify methods of administrative and criminal pressure on lawyers that are specific and unique to the countries of the former USSR?

– As I replied previously, the same causes generate the same effects. Once again, a lawyer who is conceived only as a zealous executor in the service of the law of a given country can under no circumstances exercise the fullness of their function. Karinna Moskalenko is a pioneer. She understood well, as one of the first, that as soon as Russia was a member of the Council of Europe and subject to the jurisdiction of the European Court of Human Rights, the rights guaranteed to her compatriots could only be effectively recognized before that Court. It is clear that this is exactly what drew upon her the antipathy of her country's public authorities. A lawyer who does not benefit from freedom of expression, from the right to choose their means of defense, the texts they invoke, or who undergoes pressure or the explicit threat of intelligence services, becomes nothing more than a cog of the State whose characteristic clearly remains being subject to police heavy-handedness that is always restarted. This is aggravated by the lack of independence of the professional bodies governing the profession, which sometimes – and too often – turn into auxiliaries of the repression carried out against lawyers through their sanctioning and disbarring. A bar must be free intellectually, individually, and collectively. She showed the way.

Block V. Global Institutional Protection and the UN Havana Principles

21. On the creation of the IDHAE and the UAE.

– In 1986, you became the founder-president of the European Lawyers Union (UAE), and in 2001, you created the Human Rights Institute of European Lawyers (IDHAE). What was the initial architectural design of these institutions in the context of European integration?

– The creation of the European Lawyers Union (UAE), a title of which I must tell you I am very proud, parallelly stems, I believe, from the same

awareness. If one had to date its beginnings, I would say that all this goes back to a visit I was able to make at the invitation of what was then called the Court of Justice of the European Communities (since become the Court of Justice of the European Union) in Luxembourg in 1979. This was confirmed when I pleaded for the first time before this court in 1984. The true dimension of the bar can under no circumstances be limited to a city, a region, a jurisdiction, or even a national system. Law needs space, not limits or borders. I then saw another justice functioning, other lawyers intervening, and I must say that there did not exist at the time any purely European body gathering European lawyers proud to be so. That is how, from the beginning of 1986, I approached a certain number of colleagues of whom I did not fail to note that they had the same aspirations. We held a first meeting in July 1986 – exactly 40 years ago – in Paris, without great popular success, it is true. But we continued the march to find ourselves, 24 or 25 of us, on the Kirchberg plateau, in the premises of the Court of Justice of Luxembourg, on October 21, 1986. And there, we finally signed the statutes of what was to become the European Lawyers Union, which has now existed for 40 years. A few months later, it brought together more than a thousand member law firms in Europe. Without fear of being contradicted, I believe I can say that the wish of all the signatories was the creation of a European bar. This was perhaps utopian and was, in any case, hardly easy since it meant clashing with all the oppositions of existing bodies and the governing bodies of bars of all nationalities. The IDHAE was subsequently born naturally from this first initiative, since having chaired its human rights commission myself after my presidency until 2001, it appeared to me that we should try to group together all the initiatives of lawyers relating to the promotion and defense of human rights in Europe. And that is how we created the Human Rights Institute of European Lawyers (IDHAE), which I had the honor to chair until 2024 and which has published numerous works. There was no architectural intention, nor dogmatism, but a call to the personal commitment of each lawyer, an invitation to a free grouping. It was a sui generis initiative, or as Montesquieu wrote in the epigraph to The Spirit of the Laws: «Prolem sine matre creatam», that is to say, a child born without a mother... even if I take pride – as you can well imagine – in having been thus successively, so to speak, the father of both organizations. Starting in 2001, the IDHAE provided its essential assistance to the operation of the Ludovic Trarieux Prize, alongside 10 other bars and organizations.

22.On the IDHAE Observatory.

– It is under your coordination that the annual report of the Global Observatory of Defense Rights and Attacks Against Lawyers is published. The geography of persecution is immense: from Iran (Nasrin Sotoudeh) to Myanmar and Egypt (Mahienour El-Massry). Which global macro-regions inspire the greatest concern in you today?

– Within the framework of the Human Rights Institute of the Bordeaux Bar, of which I am still the president, of the IDHAE and their institutional partners, we have pursued since 1984 an urgent alert service concerning lawyers that had been operating for a long time, since the first series of urgent appeals was very exactly published in September 1984, on the occasion of the holding of the AIJA congress in Bordeaux, which allows for an unequivocal dating. Obviously, it was a small matter at the time, but nonetheless a fairly complete review work – at a time when the Internet did not exist – of all known attacks committed against lawyers. This service developed and moved from duplication to publication, the first volume devoted to more than 100 cases of lawyers around the world having appeared in 2011. From these 100 cases, a methodical annual research brought us to some 500 cases in 2024. Only the 10 or 12 volumes published allow one to get an exact idea of the scale and diversity of the means used against lawyers and to determine the amplitude of these violations under all latitudes. To tell the truth, from our very first appeals in 1984, we had the case of a citizen of the USSR who had marked me and I still remember his name: his name was Levko Lukyanenko! If we are to draw a quick outline, we will say that there is a permanence: Iran, Turkey, and a constant of countries or regions for 40 years. Among them, Libya, Syria, Vietnam, Thailand, or Palestine cyclically occupy renewed concerns. There has also been throughout these years Tunisia, in two precise waves, during the time of Ben Ali and after Ben Ali, but also dramatic situations concerning Azerbaijan, Tajikistan, Kazakhstan, or Kyrgyzstan, as well as the United States, or for a specific period, Nepal.

23. On the «Day of the Endangered Lawyer».

– You actively support the organization of the «Day of the Endangered Lawyer». What is the effectiveness of such public diplomacy tools in the dialogue with governments?

– We have always supported the Day of the Endangered Lawyer, right from before its creation. Thus, we participated in all the first demonstrations and we remember that, during the day concerning Philippines (date to be researched because it escapes my memory!), we were then in Paris only three dan-

gerous activists on a sidewalk, kept at a respectful distance from the Philippines Embassy by a measure of the Prefecture of Police. As we have always said since 1984, when we felt very alone, every new initiative brings its contribution to the common work, whoever its organizer may be. And this is something to be welcomed.

24 .On the UN Havana Principles.

– You constantly appeal to the Basic Principles on the Role of Lawyers, adopted by the UN (1990), demanding an end to the practice of assimilating the lawyer to their client. Why, in your opinion, do certain national jurisdictions persist in ignoring Principle 18, assimilating lawyers to the acts of their clients?

– It is a decisive text. It moreover took a long time to be used by lawyers and their groupings. We do not know why. One may remain surprised that they were born out of a United Nations meeting for crime prevention and criminal justice in order to provide the bases for a harmonization of prison rules between states! But they are today more than 35 years old and one can only admire their innovative character and their very good overall assessment of the spectrum of protection that lawyers and their organs around the world must have. It is their universal character that makes them so frequently invoked, since they are founded on the universal and effective respect for human rights and freedoms, inspired by the Charter of the United Nations.

Of course, it is what is called «soft» law, which notably recommends that public authorities ensure that lawyers – and bars – can fulfill all their professional functions without hindrance, intimidation, harassment, or undue interference, that they can travel and consult their clients freely, both within their country and abroad, or that they are not assimilated to their clients or their clients' cause as a result of exercising their functions. But it is precisely these very specific obligations that certain states are little inclined to guarantee to their lawyers, and even more so that certain states in particular deliberately violate toward the lawyers of their country. And unfortunately, the assimilation of lawyers to their clients is currently experiencing a worrying expansion in all states, notably through the effect of policies to combat terrorism or organized crime. There is reason to fear a regression at the international level from now on.

Beyond its non-binding character, the UN text – which is a diplomatic compromise text – obviously contains a fundamental intrinsic flaw. It is to proclaim that in the exercise of their rights, «lawyers must always conduct themselves in accordance with the law and recognized standards and ethics of the legal profession». Thus, each State is free to invoke its national law to sanction the behavior of lawyers. And one cannot but recall here the case of Yulia Yurgilevich.

The «Principles» have proven their strength as principles, but everything should henceforth be undertaken to confer upon them the strength of a mandatory standard of international law, so that from year to year, we are not forced to make the distressing observation that, while many things have certainly changed, everything remains as before or everything restarts as before.

25. On disciplinary procedures.

– Principle 29 of the Havana standards forms an indivisible corpus of rules to evaluate any disciplinary breach by a lawyer. How can lawyers be protected against disbarments «on command» by qualification commissions controlled by Ministries of Justice?

– I have implicitly, I believe, already answered this question. Only a relocation or a de-regionalization of disciplinary power to the benefit, at least in the last resort, of neutral institutions ruling in accordance with international law (even considered on a regional level) could offer a glimpse of a positive solution. Furthermore, without a binding text establishing and updating or developing the Havana principles, there will be no solution. There remains the hope for coercive regional texts, but then will they know how to go as far in the proclamation of the rights and freedoms constituting the core principle of the legal profession? How many derogations for national necessities will come to chip away at the declaratory ideal that it might contain? How many more lawyers will still have to sacrifice themselves to try to advance the rights of their colleagues?

Block VI. Philosophy of the Profession and a Look Toward the Future

26. On the dialectic of law.

– Your book, «Good Out of Evil: Behind the Isolated Cause of a Man» (2007), examines how tragedies catalyze the development of law. What institutional «good» could emerge in international law at the end of the current global crises?

– These are very personal questions, the answer to which would commit only myself. Courtesy commands me to answer them, but must I tell you that precisely what is called, without much definition, «international law» is to say the least mistreated at the moment. It is loathed precisely for its international character by some, mocked for its ineffectiveness by others, and violated by almost everyone. And yet, can we reasonably make people believe

that hope could come from national laws in their plurality and diversity, which, suddenly finding a momentum of unanimous inspiration, would come to proclaim protective principles and standards when history demonstrates that states are often the first to want to circumvent them for the requirements of the administration of their justice or public safety?

The fact remains that today the only effective relief emanates from this too often controversial international law. Thus, for a lawyer from Mexico, Colombia, or other countries in South America, does the only hope not lie more and more in the implementation of Article 63(2) of the Inter-American Convention on Human Rights, that is to say, provisional measures ordered by the Inter-American Court for the benefit of activists, among whom are many lawyers, harassed, threatened, persecuted. Despite their character, which is certainly conditional, restrictive, and temporary, it is indeed such provisional measures that have brought a real jurisdictional guarantee of a preventive nature. All those who benefited from them – unfortunately for a limited duration – benefited as lawyers only from this relief and from no other domestic safeguard. International law is therefore the only thing left when everything else has failed or fallen short. Well, yes! I believe, in the light of all that we have already said, and of all that you yourself have highlighted, that a «better» can only come from a binding international law.

27. On threats to independence.

– How do you assess contemporary legislative initiatives in several countries aimed at strengthening the control of the executive power (Ministries of Justice) over the self-regulating bodies of the bar and over access to the profession?

– This remains a very delicate and very political question. I do not belong to any administrative institution of the bar. I therefore have no power of influence over future decisions. This is perhaps the «Gordian knot». It is up to the institutions that represent the bar to find the unity necessary for the implementation of projects that guarantee the independence of lawyers and an effective defense of the rights of litigants. Perhaps this supposes drawing from the energy and courage of those who precisely fight for such principles and not just to obtain a position? For it will always be up to the organs of the bar to want their independence and to fight to obtain and maintain it. Independence is not decreed, it is conquered. In many regions, there still remain followers of the fatality of accommodation to submission, or even for some, of the benefits of the «whip».

28. On recognition.

– In 2019, the UIA/LexisNexis Rule of Law Prize was awarded to you for your unwavering support for your persecuted colleagues. What does this recognition mean to you?

– Thank you. I am very grateful to the International Association of Lawyers (UIA) and to the LexisNexis company for this distinction. I reassure you: I did not seek it, and I engaged, believe me, in no maneuver or intrigue of any kind to obtain it. I was the first to be astonished by it. We will only say that since I have been a lawyer for more than 55 years, I can at least by seniority have justified some merit. Beyond that, this Prize is a fine new institution of the bar, and I was personally very honored to succeed in this reward Madame Ruth Bader Ginsburg, Justice of the Supreme Court of the United States, an iconic figure in the fight against discrimination against women, who was the previous laureate. It simply means for me that I will have, at my level, done what I could.

29. The certainty of defending the law.

– In your 2018 work, «The Certainty of Defending the Law», you launch an appeal for resilience. In your opinion, how will digitization and artificial intelligence modify the paradigm of jurisdictional defense over the next 20 years, and will lawyers succeed in maintaining their «resilience» under these new conditions?

– To this question I see only one answer: resilience can only be, in this case, a contraction of resistance with confidence and hope. Any new technique whose outlines and potential are poorly understood has always aroused great fear on the part of the human being. A long time ago already, the caustic Austrian humorist Karl Kraus professed: «The only way for man to protect himself from the machine is to use it». But since we were speaking of prizes, I think the best way here to properly answer your question is to recall what George Seferis said when he received the Nobel Prize in Literature in 1963 in Stockholm. He said: «In this world that goes on shrinking, each of us needs all the others. We must look for man wherever he can be found. When, on the road to Thebes, Oedipus met the Sphinx who posed its riddle, his answer was: the Man. This simple word destroyed the monster». Faced with the fears you evoke, this can only be – again and always – the sole answer to be provided and implemented by lawyers.

30. The message to Eurasian colleagues.

– By way of conclusion to our interview, what is the main deontological advice that, with the strength of your experience of more than half a century, you would give to young lawyers in the

Eurasian legal space who are entering the profession in these so turbulent times?

– All the sufferings endured by lawyers around the world, but also precisely in the geographical area you designate, demonstrate it. All the cases that arise, and of which we have only been able to evoke a small fraction here, illustrate it. They do not come to us today solely through the medium of new communication channels. They are new. Similarities or resemblances are not an appearance or an illusion. Lawyers have understood what their mission was and what their duties were. They are on the right track. There exists an international consciousness of true defense and a general aspiration for a new bar. And here as elsewhere, it is a matter of applying the energetic principle of William James: «first continue, only then begin»! Through an international awareness, a new dawn is rising. The lawyers of the world have an appointment with the bar of the future.

– Thank you for the interview !

The interview was conducted by the Editor-in-chief, Advocate, Doctor of Law, Associate Professor Andrey Ragulin

The interview was prepared with the participation of co-chair of the Monitoring Committee on Attacks on Lawyers of the International Association of People's Lawyers (IAPL) mr. Stuart Russell

NOTE:

** INCLUDED IN THE LIST OF FOREIGN AGENTS AND PERSONS RECOGNIZED AS PARTICIPANTS OF FOREIGN AGENTS*

***THE ORGANIZATION IS RECOGNIZED IN THE RUSSIAN FEDERATION AS AN EXTREMIST ORGANIZATION AND PROHIBITED*

Текст интервью на французском языке размещен на сайте журнала «Евразийская адвокатура» по ссылке:

The French version of the interview is available on the website of the «Eurasian Advocacy» journal at the following link:

Le texte de l'entretien en français est publié sur le site de la revue «L'Avocature eurasiatique» à l'adresse suivante:

https://www.eurasian-advocacy.ru/persona/2913-la-certitude-de-d-fendre-le-droit-entretien-avec-l-avocat-bertrand-favreau

Евразийская адвокатура. 2026. № 3 (80). С. 36.
Eurasian Advocacy. 2026;(3(80)):36.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2026_80_3_36

МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ПРЕСЛЕДУЕМЫХ АДВОКАТОВ ПРИ ПОМОЩИ ПРОВЕДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ПРЕДМЕТ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОЛЬНОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ СТАТУСА АДВОКАТА

РАГУЛИН Андрей Викторович
Доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, руководитель Центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: Методика профессиональной реабилитации преследуемых адвокатов посредством проведения международной экспертизы представляет собой комплексный наднациональный механизм защиты адвокатов, произвольно лишенных профессионального статуса в условиях неэффективности либо фактической деградации национальных средств правовой защиты. Методика исходит из того, что формальная законность дисциплинарного или судебного решения сама по себе не свидетельствует о его легитимности, если такое решение основано на политической мотивации, нарушении международных стандартов справедливого разбирательства, дискриминации либо использовании дисциплинарных процедур в качестве инструмента давления на адвоката. В этих условиях международное профессиональное сообщество вправе осуществлять независимую оценку обстоятельств лишения статуса адвоката, признавать соответствующие решения произвольными и проводить международную профессиональную реабилитацию адвоката. В основе методики лежит проведение независимой международной экспертизы под эгидой независимых профессиональных объединений адвокатов. Экспертиза направлена на выявление признаков произвольного прекращения статуса адвоката, оценку соблюдения международных стандартов независимости адвокатуры и справедливого судебного разбирательства, а также определение наличия политически мотивированного либо дискриминационного преследования. Методика базируется на международных стандартах защиты прав человека и независимости юридической профессии, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Основные принципы ООН о роли юристов. В качестве концептуальной основы используется адаптированная методология Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям. Ключевым элементом методики является система пяти категорий (критериев) произвольного прекращения статуса адвоката: отсутствие надлежащего правового основания; преследование за реализацию фундаментальных прав и свобод; грубое нарушение гарантий справедливого разбирательства; отсутствие эффективных средств правовой защиты; а также преследование адвоката за осуществление профессиональной или иной общественно значимой деятельности. Каждая категория включает систему объективных критериев и типичных форм внешнего проявления произвола, подлежащих экспертной верификации. Практическое значение методики состоит в формировании международного механизма профессиональной реабилитации адвокатов, признании сохранения их профессионального статуса в международном профессиональном пространстве, а также в использовании экспертных заключений для международной защиты, миграционных процедур, допуска к юридической практике в иностранных юрисдикциях и дальнейшего пересмотра дела. Методика направлена на снижение «замораживающего эффекта» в отношении представителей адвокатского сообщества, укрепление международной солидарности адвокатуры, развитие механизмов защиты независимости профессии и противодействие использованию дисциплинарных процедур как инструмента политического и корпоративного преследования.

Ключевые слова: профессиональная реабилитация адвокатов, произвольное прекращение статуса адвоката, международная экспертиза, независимость адвокатуры, дисциплинарное производство в отношении адвокатов, международные стандарты юридической профессии, права человека, международная защита адвокатов, произвольное преследование, верховенство права

© Рагулин А.В., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Для цитирования: Рагулин А.В. Методика профессиональной реабилитации преследуемых адвокатов при помощи проведения международной экспертизы на предмет установления произвольности прекращения статуса адвоката // Евразийская адвокатура. 2026. № 3 (80). С. 36. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_80_3_36

Problems of Organization and Advocacy Profession Functioning

Original article

METHODOLOGY OF PROFESSIONAL REHABILITATION OF PERSECUTED LAWYERS THROUGH THE INTERNATIONAL EXPERT REVIEW OF THE ARBITRARY TERMINATION OF ADVOCATE STATUS

RAGULIN Andrey Viktorovich
Doctor of Law, Associate Professor, Advocate of the Moscow Chamber of Advocates, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal
450006, Ufa, Lenina Str., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The methodology of professional rehabilitation of persecuted lawyers through making international expert review represents a comprehensive supranational mechanism for the protection of advocates arbitrarily deprived of their professional status in conditions of inefficiency or actual degradation of national legal remedies. The methodology proceeds from the premise that the formal legality of a disciplinary or judicial decision does not in itself indicate its legitimacy if such a decision is based on political motivation, violation of international standards of fair trial, discrimination, or the use of disciplinary procedures as an instrument of pressure on lawyer. Under these conditions, the international professional community has the right to conduct an independent assessment of the circumstances of the deprivation of advocate status, to recognize the respective decisions as arbitrary, and to carry out the international professional rehabilitation of the advocate. The methodology is based on conducting an independent international expert review under the auspices of independent professional associations of lawyers. The expert review is aimed at identifying signs of arbitrary termination of advocate status, assessing compliance with international standards of the independence of the legal profession and fair trial, as well as determining the presence of politically motivated or discriminatory persecution. The methodology is based on international standards for the protection of human rights and the independence of the legal profession, including the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, the UN Basic Principles on the Role of Lawyers. An adapted methodology of the UN Working Group on Arbitrary Detention is used as a conceptual basis. A key element of the methodology is a system of five categories (criteria) of arbitrary termination of advocate status: the lack of a proper legal basis; persecution for the exercise of fundamental rights and freedoms; gross violation of fair trial guarantees; lack of effective legal remedies; as well as the persecution of a lawyer for carrying out professional or other socially significant activities. Each category includes a system of objective criteria and typical forms of external manifestation of arbitrariness subject to expert verification. The practical significance of the methodology consists in the formation of an international mechanism for the professional rehabilitation of lawyers, the recognition of the preservation of their professional status in the international professional space, as well as the use of expert opinions for international protection, migration procedures, admission to legal practice in foreign jurisdictions, and further review of the case. The methodology is aimed at reducing the «chilling effect» on members of the lawyer community, strengthening the international solidarity of the legal profession, developing mechanisms to protect its independence, and counteracting the use of disciplinary procedures as an instrument of political and corporate persecution.

Keywords: professional rehabilitation of lawyers, arbitrary termination of advocate status, international expert review, independence of the legal profession, disciplinary proceedings against lawyers, international standards of the legal profession, human rights, international protection of lawyers, arbitrary persecution, rule of law

For citation: Ragulin A.V. Methodology of Professional Rehabilitation of Persecuted Lawyers Through the International Expert Review of the Arbitrary Termination of Advocate Status = Eurasian Advocacy. 2026; 3 (80):36. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_80_3_36

Часть 1. Общая характеристика методики

1.1. Общие положения

Адвокат – это профессиональный юрист, имеющий соответствующий титул для ведения юридической практики в соответствии с требованиями, установленными национальным законодательством [1].

Институт адвокатуры выступает фундаментальной гарантией обеспечения права на справедливое судебное разбирательство и поддержания верховенства права.

Адвокаты играют решающую роль в защите прав человека и основных свобод. Их деятельность, наряду с работой независимых судей и

прокуроров, является непременным условием обеспечения верховенства права и эффективной защиты прав личности. Если прокурор представляет интересы государства, а судья – закон, то адвокат является единственным участником процесса, чья прямая обязанность – защита интересов личности. Без сильной защиты равенство сторон (состязательность) становится формальностью. Адвокат следит за тем, чтобы доказательства собирались законно, права подзащитного не нарушались при задержании, а суд учитывал все смягчающие обстоятельства.

Адвокатура не только обеспечивает оказание квалифицированной юридической помощи, доступ к правосудию, но и защищает права адвокатов, а также осуществляет общественный контроль за соблюдением государством правовых норм. Упадок адвокатуры снижает уровень общественного развития, открывает путь антидемократическим противоправным практикам, появлению и развитию авторитарных и тоталитарных режимов.

Исследователями отмечается, что справедливое и эффективное отправление правосудия требует, чтобы адвокаты имели возможность работать, не подвергаясь физическим нападениям, преследованию, коррупции и другим видам запугивания, что обеспечивается общепризнанными международными стандартами независимости профессии адвоката. Несмотря на очевидную необходимость того, чтобы судьи, прокуроры и адвокаты выполняли свои профессиональные обязанности в условиях полной независимости, опыт показывает, что они часто подвергаются давлению в разнообразных формах с целью подорвать их возможности действовать независимо и мешать их профессиональной или иной общественно-полезной деятельности или реализации их прав. Однако если адвокаты не смогут выполнять свои профессиональные обязанности свободно, независимо и беспристрастно и если исполнительная, законодательная и судебная ветви государственной власти не будут так же готовы в любом случае обеспечить их независимость, принцип верховенства права будет неизбежно размываться. Вместе с ним будет устраняться и эффективная защита прав каждого человека [2].

Не случайно, в важнейшем международном акте – Основных принципах ООН, касающихся роли юристов: указывается, что «Правительства обеспечивают, чтобы юристы: a) могли выполнять все свои профессиональные обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства; b) могли совершать поездки и беспрепятственно консультироваться со своими клиентами внутри [своей] страны и за ее пределами; и c) не подвергались судебному преследованию и судебным, административным, экономическим или другим санкциям за любые действия, совершенные в соответствии с признанными профессиональными обязанностями, нормами и этикой, а также угрозам такого преследования и санкций», а «в тех случаях, когда возникает угроза безопасности юристов в результате выполнения ими своих функций, власти обеспечивают им надлежащую защиту» (принципы 16 и 17). Еще одна важная норма закреплена в принципе 18, согласно которому «юристы не отождествляются со своими клиентами или интересами своих клиентов в результате выполнения ими своих функций».

Поскольку деятельность адвокатов является одной из основ в практике соблюдения принципа верховенства права и обеспечения эффективной защиты прав человека международные стандарты предусматривают, чтобы адвокаты могли в частности: иметь возможность работать в условиях подлинной независимости без политического или иного давления извне, угроз и преследования; они не должны получать разрешение от исполнительной власти для выполнения своих профессиональных обязанностей; иметь надлежащие процессуальные гарантии, которые включают законное право и обязанность давать консультации и оказывать помощь своим клиентам любым надлежащим способом в целях защиты их интересов; иметь возможность действовать в защиту прав человека, признанных внутригосударственным и международным правом; иметь возможность нести ответственность за нарушение норм профессиональной этики перед независимым дисциплинарным органом, соблюдающим надлежащие процессуальные гарантии. Адвокаты должны также пользоваться такими основными свободами, как свобода ассоциации, собрания и выражения мнения [3].

Юридическая практика может быть чревата возникновением определенных рисков. Будучи «представителем в сфере отправления правосудия», оказывающим услуги «в интересах своих клиентов», адвокат защищает множество различных интересов, которые порой могут пересекаться. Это может повлечь за собой риски и напряженность, привести к негативным последствиям и возникновению рисков для адвокатов. Наиболее опасными являются риски, которые угрожают жизни, свободе или способности оказывать юридическую помощь без угрозы репрессивного пре-

следования со стороны государственных органов и негосударственных акторов. Периодичность возникновения и виды угроз разнятся в зависимости от государства. К факторам, повышающим риски, относятся: авторитарные системы правления; отсутствие законодательных гарантий независимости профессии адвоката и отсутствие независимости адвокатских коллегий; безнаказанность лиц, создающих угрозу деятельности адвокатов или совершающих нападки на них; отсутствие своевременного доступа к действенным мерам защиты; неадекватность мер защиты и средств восстановления права; отсутствие доступа к независимой судебной системе для восстановления прав и принятия мер к устранению нарушений [4].

Риски и угрозы, с которыми может столкнуться адвокат, зависят и от характера дел, которые он ведет, а также от конкретных действий адвоката в том или ином деле. Например, как показывает практика, при ведении дел, связанных с жалобами на нарушения прав человека, адвокаты чаще сталкиваются с риском и угрозами. Не случайно в докладе Специального докладчика ООН о независимости судей и адвокатов Моники Пинто (2016) было подчеркнуто, что профессионально «защищая права человека и основные свободы клиентов, адвокаты также должны рассматриваться как правозащитники и таким образом быть охваченными пользоваться защитой, предусмотренной Декларацией о правозащитниках [5].

Современные исследователи обращают внимание на все увеличивающееся по всему миру давление и нападки на адвокатов [6]. Так, Ирвин Котлер и Брэндон Сильвер отмечают, что «авторитарные режимы злоупотребляют правовой системой, чтобы преследовать своих оппонентов и возбуждать против них уголовные дела, используя, казалось бы, постоянно растущий список сфабрикованных обвинений и фиктивных судебных процессов. Когда диссидентов задерживают, журналистов заключают под стражу, а свобода слова оказывается под угрозой, адвокаты часто становятся последней надеждой на защиту. Из-за этого сами адвокаты превратились в мишень, из защитников – в обвиняемых, а из конституционалистов – в преступников. В борьбе с авторитаризмом может показаться бессмысленным полагаться на несовершенную и коррумпированную систему правосудия, которая должна служить на благо граждан. Однако смелость и решительность адвокатов, которые настаивают на надлежащем соблюдении закона даже в условиях коррумпированных и диктаторских режимов, сами по себе являются мощной формой несогласия. Нападая на адвокатов, авторитаристы демонстрируют глубокий страх перед тем, что справедливые судебные процессы и верховенство права угрожают их власти. Как писал чешский диссидент, ставший государственным деятелем, Вацлав Гавел в книге «Сила бессильных» « [требование] соблюдения законов – это, по сути, стремление жить в соответствии с правдой, которая угрожает всей лживой системе в момент ее максимального лицемерия». Пустой «ритуал» соблюдения закона необходим деспоту, чтобы поддерживать видимость справедливости в авторитарном режиме. Используя этот ритуал и требуя реального соблюдения этих формальных правовых гарантий и процедур, смелые адвокаты показывают деспотические режимы такими, какие они есть, на всеобщее обозрение» [7].

В условиях, когда формальная законность зачастую служит лишь фасадом, легитимирующим de facto произвол, национальные механизмы защиты прав адвокатов могут оказываться частично или полностью парализованными.

Органы национальных адвокатских объединений в силу множества причин могут не только не противодействовать посягательствам на независимость адвокатуры, но и «захватываться» государственными акторами или их группировками или структурами. Механизмы дисциплинарного производства, существующие в адвокатуре в таких случаях нередко превращаются в инструменты расправы над адвокатами, которые стали по тем или иным причинам неугодными лицам, занимающим должности в органах управления адвокатскими объединениями. Они, в свою очередь, узурпируют власть в адвокатских объединениях, утрачивают легитимность, не избираются на свои должности демократическим путем и занимают их десятилетиями. Вследствие дисциплинарных преследований профессиональный статус преследуемых адвокатов прекращается, а сами они – изгоняются как из числа адвокатов, так и из юридической профессии у себя на родине [8].

В тех странах, где посягательства на свободу адвокатов происходят часто или систематически, они, несомненно, могут оказывать сдерживающее, «замораживающее» воздействие на все сообщество практикующих юристов. Там, где ассоциации адвокатов находятся под контролем государства, адвокаты часто подвергаются злонамеренному воздействию со стороны той самой организации, которая призвана их защищать. Такое злонамеренное воздействие чаще всего принимает форму необоснованного или произволь-

ного приостановления практики либо лишения права на практику и часто сопровождается дополнительными ограничениями, включая произвольное задержание и судебное преследование. Принуждение ассоциации адвокатов к молчанию и (или) контроль над ней не только создают серьезные угрозы для правового сообщества, но и имеют далеко идущие последствия, поскольку подрывают верховенство права и лишают обычных людей возможности отстаивать свои права человека [9].

В ситуациях, когда национальные правовые системы подвергаются эрозии, а инструменты корпоративного регулирования используются в качестве механизмов расправы над адвокатами, возникает острая необходимость как в фиксации и объективной верификации подобных злоупотреблений, так и в защите прав преследуемых адвокатов силами международного профессионального сообщества. В связи с этим возникает необходимость в поиске экстраординарных, наднациональных способов защиты прав адвокатов, в том числе и профессиональной реабилитации преследуемых адвокатов среди которых – защита от произвольного прекращения статуса адвоката.

Вопрос профессиональной реабилитации преследуемых адвокатов еще больше актуализируется в случае, если такие адвокаты вынужденно покидают родную страну, приобретая статус «перемещенных» или «находящихся в изгнании», в то время как прекращение статуса адвоката в родной стране создает подчас непреодолимые препятствия как по следованию адвокатом его присяге и обязательствам по защите прав его клиентов, так и ставит под серьезную угрозу саму возможность продолжения осуществления адвокатом своей деятельности и возможность обеспечения его потребностей для осуществления нормальной физиологической жизнедеятельности. При этом в условиях прекращенного статуса адвоката и в отсутствии возможностей подтвердить свое членство в ассоциации адвокатов, национальные регуляторы «принимающих государств» будут испытывать естественные затруднения с предоставлением адвокату на предусмотренных внутренним законодательством соответствующего государства условиях статуса адвоката либо статуса иностранного правового консультанта (Foreign Legal Consultant), либо иного статуса, позволяющего осуществлять профессиональную деятельность в сфере права, из-за отсутствия так называемого сертификата о «доброй репутации» (Certificate of Good Standing) и актуального подтверждения действительного статуса профессионала в сфере права в признаваемом государствами и адвокатскими ассоциациями порядке.

Известно, что в странах общего и континентального права подтверждение «доброй репутации» критически важно как для получения адвокатом допуска к квалификационным экзаменам и процедурам повышения квалификации и иного внутрикорпоративного взаимодействия в государстве его пребывания, так и для осуществления трансграничной практики, которая возможна для находящегося в «перемещенном состоянии» адвоката посредством его участия в юрисдикционных процедурах в иностранных и международных судебных и арбитражных органах со статусом и в качестве «национального адвоката», правового эксперта по национальному или международному праву, или, например эксперта по условиям страны происхождения в миграционных процессах.

В этом контексте предлагаемая в настоящей работе методика профессиональной реабилитации адвоката посредством международной экспертизы произвольности прекращения статуса адвоката, становится не просто доктринальной новацией, но жизненно необходимым практическим инструментом, поскольку международное адвокатское сообщество должно адекватно и эффективно отвечать тем, кто считает возможным осуществлять безнаказанное противоправное преследование адвокатов за выполнение ими их международно признанных обязанностей и реализацию их прав.

Методика представляет описание альтернативного экстраординарного наднационального международно-корпоративного механизма профессиональной реабилитации адвокатов, действующего в условиях, когда внутригосударственные средства правовой защиты отсутствуют, исчерпаны или неэффективны, а национальные адвокатские объединения не противодействуют или сами становятся соучастниками преследования адвокатов.

В рамках методики предложен комплексный механизм международно-правовой корпоративной защиты преследуемых адвокатов, основанный на проведении независимой международной экспертизы решений о прекращении статуса адвоката, признании, при наличии оснований, таких решений произвольными и последующей международной профессиональной реабилитации адвоката через независимые профессиональные объединения.

Методика представляет собой не только научно-правовую конструкцию, но и практический

механизм защиты адвокатов в условиях, когда национальные средства защиты оказываются неэффективными либо используются для преследования представителей профессии.

Ключевая идея методики состоит в следующем: если прекращение статуса адвоката основано на неправосудном, политически мотивированном, дискриминационном либо грубо несправедливом решении государства или органов адвокатского самоуправления, то международное профессиональное сообщество вправе:

– провести независимую международную правовую экспертизу;

– признать прекращение статуса произвольным;

– зафиксировать нарушение международных стандартов независимости адвокатуры;

– осуществить международную профессиональную реабилитацию адвоката;

– признать за адвокатом сохранение профессионального статуса de facto и de jure в международном профессиональном пространстве;

– использовать экспертное заключение как основу для международной защиты, миграционных процедур, профессионального допуска и дальнейшего пересмотра дела.

Разработанная методика:

– формирует международный стандарт оценки преследования адвокатов;

– создает механизм международной профессиональной реабилитации;

– обеспечивает сохранение профессионального статуса вне зависимости от произвольных действий;

– усиливает международную солидарность адвокатуры;

– формирует практику международного реагирования на давление на адвокатов;

– создает прецедент международного восстановления профессиональной репутации адвокатов.

Предлагаемый методикой инструментарий позволит экспертам независимых профессиональных ассоциаций адвокатов не просто декларативно констатировать незаконность прекращения статуса адвоката, но и детально анализировать механизмы государственного или корпоративного произвола, обнажая его институциональные

СХЕМА 1. ОБЩАЯ ЛОГИКА МЕТОДИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ АДВОКАТА

дефекты, процессуальный нигилизм и репрессивную телеологию применительно к каждому случаю.

1.2. Сущность методики

Методика предполагает проведение международной экспертизы под эгидой международной организации адвокатов и (или) независимой профессиональной ассоциации адвокатов (далее – ассоциация).

1.3. Профессиональная реабилитация преследуемых адвокатов и борьба с «замораживающим эффектом»

Профессиональная реабилитация в контексте методики означает совокупность международно-

правовых и профессионально-корпоративных мер, направленных на восстановление статуса адвоката, произвольно лишенного его в результате незаконного дисциплинарного или уголовного преследования.

Международная профессиональная реабилитация не является институтом международного публичного права в строгом смысле. Она носит преимущественно квазиправовой характер и действует в пространстве, образованном пересечением международного права прав человека, транснационального профессионального права и практики международных профессиональных ассоциаций. По своей правовой природе предложенная методикой процедура профессиональной реабилитации преследуемого адвоката наиболее близка к институтам так называемого «мягкого права» (Soft Law): выводы, образуемые в результате международной экспертизы произвольности прекращения статуса адвоката, не являются обязательными для государств, однако создают положения, влекущие практические последствия для профессионального статуса адвоката в международном измерении [10]. Следует отметить, что нередко акты Soft Law предшествуют заключению международных договоров или постепенно кристаллизуются в нормы международного правового обычая (Customary International Law), начинают применяться широко, устойчиво и повсеместно, в результате чего преобразуются в универсальный стандарт (opinio juris), который в дальнейшем используется иностранными судами и международными трибуналами как де-факто источник права.

В силу принципа верховенства права и в целях его продвижения решение о произвольном лишении (прекращении) статуса адвоката не должно признаваться в демократических государствах в качестве основания для лишения адвоката права на осуществление профессиональной деятельности и утраты его профессиональной репутации, а напротив, должно становиться основанием для проявления корпоративной солидарности со стороны национальных ассоциаций адвокатов демократических государств, международных организаций адвокатов и международных правозащитных организаций.

Важная ценность, которую несет в себе профессиональная реабилитация преследуемых адвокатов, состоит не только в фактическом оказании им помощи со стороны международного профессионального сообщества, но и в том, что эта процедура позволяет воздействовать на распространение так называемого «замораживающего эффекта» на сообщество адвокатов в целом и отдельных его представителей в частности.

Сам факт понимания адвокатом «не безвыходности» своего положения, а того, что у него есть возможность продолжать практиковать право не только в стране своего постоянного пребывания, где он добился получения статуса адвоката, но и, при необходимости, будучи в «перемещенном состоянии», то есть, находясь за рубежом, пользуясь при этом поддержкой международного профессионального сообщества, дает адвокату уверенность и понимание наличия у него иных вариантов развития профессиональной и жизненной траектории. Это, в свою очередь, является огромным вкладом в борьбу с так называемым «замораживающим эффектом», что позволяет поддерживать организационные механизмы правозащитной деятельности в той или иной стране в работоспособном состоянии.

В отчете Международной коалиции в поддержку Международного дня адвоката, находящегося под угрозой 2026 [11], уделено большое внимание раскрытию сущности «замораживающего эффекта» и хорошо показано его воздействие на адвоката. Показывается, что этот эффект возникает не вследствие одной открытой санкции, а из-за кумулятивного климата, в котором адвокаты предвосхищают риски и заранее изменяют свое поведение. «Замораживающий эффект» действует через несколько взаимосвязанных каналов:

I – Самоотбор и уклонение от спорного представительства

Адвокаты и фирмы, вероятно, все чаще будут отказываться от клиентов или категорий дел, которые могут привлечь политическое внимание, вызвать репутационные споры или регуляторный контроль. Даже при отсутствии формальных барьеров восприятие того, что определенные дела могут спровоцировать противодействие со стороны исполнительных или административных органов, приводит к сужению юридического представительства в областях, требующих активной защиты прав.

II – Упреждающая самоцензура в юридической аргументации

Практикующие адвокаты могут смягчать позиции, которые они отстаивают в процессуальных документах, на слушаниях или в публичных заявлениях, чтобы избежать представления их как политически оппозиционных. Это включает ограничение конституционных аргументов, отказ от рамок, ассоциируемых с «оппозиционными» движениями, или воздержание от подачи заключений amicus curiae, которые в иных услови-

ях были бы обычными для правозащитных сфер практики.

III – Институциональное управление рисками в крупных фирмах и юридических организациях

Крупные фирмы могут все чаще включать оценку политических рисков в процедуры приема дел. Партнеры могут уклоняться от ведения дел, при которых могут быть поставлены под угрозу федеральное финансирование, регуляторные разрешения или доступ к федеральным объектам.

IV – Опасения, связанные с наблюдением и запросами информации

По мере того как случаи следственного давления на организации коллективной защиты становились публичными, усиливалась обеспокоенность тем, что участие в определенных делах может привести к индивидуальному мониторингу, запросам документов или цифровому надзору. Даже необоснованные проверки могут создавать сдерживающий эффект для участия в юридической правозащитной деятельности.

V – Страх финансовых репрессий и каскадной потери клиентов

Фирмы, зависящие от федеральных контрактов или представляющие клиентов с существенными регуляторными рисками, могут опасаться, что ведение спорных правозащитных дел вызовет репутационные риски среди существующих коммерческих клиентов. Это стимулирует уход из сфер практики, где политическая чувствительность воспринимается как высокая.

VI – Опасения относительно уязвимости к профессиональной дисциплинарной ответственности

Неопределенность в вопросе о том, могут ли определенные формы правозащитной деятельности быть истолкованы как не соответствующие ожиданиям исполнительной власти, в сочетании с предупреждениями профессиональных органов о соблюдении обязательств, вызывает у адвокатов тревогу относительно возможной дисциплинарной ответственности. Даже гипотетический дисциплинарный риск может существенно отталкивать от участия в спорных областях.

В отчете также отмечается, что последствием «замораживающего эффекта» является влияние на баланс полномочий между ветвями власти: усиливается влияние исполнительной власти и ограничиваются возможности для независимого и беспристрастного судебного контроля, что ослабляет механизмы сдержек и противовесов. Сокращение доступа к правосудию – отчасти обусловленное климатом, который «отговаривает» адвокатов от ведения чувствительных дел, – подрывает базовые гарантии, такие как право на юридическое представительство, надлежащую правовую процедуру и равенство перед законом, закрепленные в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Кроме того, напряжение в правовой культуре, включая нормализацию давления и угроз, подрывает этические стандарты и снижает общественное доверие к правовой системе.

Профессиональная реабилитация преследуемого адвоката, производимая на основе предложенной методикой международной экспертизы, подтверждающей произвольность прекращения статуса адвоката, может выражаться в следующих позитивных правовых последствиях, которые способны напрямую воздействовать на снижение «замораживающего эффекта», причем, не ограничиваясь только ими:

– признание иностранными адвокатскими объединениями профессиональной квалификации и безупречной репутации адвоката;

– допуск к адвокатской практике в принимающем государстве в упрощенном порядке, доступ к практике как специалиста по праву родной страны и международному праву, доступ в качестве эксперта;

– использование заключения как доказательства при оспаривании решения о лишении статуса во внутригосударственных и международных инстанциях;

– моральная и профессиональная реабилитация в международном профессиональном сообществе вне зависимости от правовых последствий в государстве происхождения.

Необходимо подчеркнуть, что профессиональная реабилитация не заменяет и не подменяет национальные механизмы восстановления прав. Она действует параллельно с ними и служит инструментом защиты адвоката и способом понуждения к устранению допущенных нарушений.

Практика профессиональной реабилитации адвокатов включает следующие примеры.

Польша (1980-е годы). В период политической нестабильности польские адвокаты подвергались давлению, дисциплинарному преследованию и лишению статуса. После демократического транзита 1989 года большинство из них были реабилитированы в рамках национальных процедур [12].

Турция (2016 – настоящее время). После 2016 года сотни турецких адвокатов были лише-

ны статуса или подвергнуты уголовному преследованию за защиту лиц, обвиняемых в терроризме. Международная реакция включала заявления CCBE, IBA и IBAHRI и ряда других организаций, внедрение программ содействия и защиты по делам преследуемых адвокатов. Данный опыт демонстрирует, как международное профессиональное сообщество формирует механизмы реагирования на системное подавление адвокатуры [13].

Венесуэла (2000-е – настоящее время). В условиях постепенного разрушения верховенства права в Венесуэле адвокаты, представлявшие политических оппонентов режима, подверглись систематическому дисциплинарному преследованию под контролем лояльных власти органов адвокатского самоуправления. Международный опыт реагирования: ряд испанских и колумбийских адвокатских объединений предоставил коллегам из Венесуэлы профессиональное убежище в упрощенном порядке [14].

Беларусь (2020 – настоящее время). После президентских выборов 2020 года белорусские власти произвели массовое прекращение адвокатского статуса адвокатов, представлявших участников протестов. Министерство юстиции Республики Беларусь использовало свое право прямого надзора за адвокатурой как инструмент репрессий. Международная реакция: CCBE принял специальные резолюции; Литва, Польша и Украина реализовали программы содействия белорусским адвокатам-беженцам и созданной ими экстерриториальной ассоциации [15].

Афганистан (2007 – настоящее время). Начиная с 2007 г. тысячи профессионалов, включая юристов, судей и адвокатов, были вынуждены покинуть Афганистан из-за угроз их жизни и правовой системе. Адвокаты, особенно женщины, прокуроры и судьи, работавшие при прежнем правительстве, стали мишенями для лиц, которые освободили многих заключенных, ранее осужденных этими же юристами. Многие адвокаты пытались бежать в соседние страны, такие как Пакистан, или получить убежище в Европе и США. Была создана Независимая ассоциация адвокатов Афганистана в изгнании, получившая международное признание и поддержку. Более 6000 членов ассоциации юристов, многие из которых – женщины, оказались в неопределенном положении из-за того, что их деятельность была запрещена. Более 25 % женщин – членов ассоциации – теперь вынуждены оставаться дома, не имея возможности заниматься юридической практикой [16].

Обобщенный выше опыт свидетельствует о том, что преследование адвоката, а также осуществляемое в рамках него политически мотивированное произвольное прекращение адвокатского статуса являются обратимыми и поддаются коррекции при применении предложенной методики, при наличии политической воли и обеспечении конструктивного взаимодействия адвокатских объединений на основе международной профессиональной солидарности.

Следует также отметить, что интервьюирование адвокатов находящихся в «перемещенном состоянии» относительно их потребностей позволило сформулировать ряд направлений, которые, совместно с предложенной методикой, могли бы быть использованы в рамках программ профессиональной реабилитации адвокатов и способствовали бы снижению действия «замораживающего эффекта» на профессиональное сообщество адвокатов:

– **поддержка активности адвокатских объединений по профессиональной реабилитации преследуемых адвокатов:** оказание содействия в реализации процедур профессиональной реабилитации, проводимых организациями, признание этих процедур;

– **содействие в экстренной эвакуации, релокации и (или) иммиграции:** помощь в организации визовой поддержки и выезда за пределы страны для адвокатов, находящихся под непосредственной угрозой задержания, ареста или иного противоправного воздействия, угрожающего их фундаментальным правам, информационная и консультационная поддержка адвокатов, желающих покинуть страну по соображениям безопасности или из-за угроз преследований;

– **экстренная защита:** организация правовой защиты интересов адвокатов в случае их противоправного преследования;

– **содействие в обеспечении занятости:** помощь вынужденным покинуть страну адвокатам в реализации возможностей для продолжения занятия ими профессиональной деятельностью в стране пребывания, в организации признания квалификации, проведение курсов адаптации к правовой системе страны пребывания, привлечение к участию в совместных делах и проектах, проведение мероприятий поддержки, наставничества, стажировки, кураторства;

– **правовая поддержка:** консультирование по вопросам получения необходимого правового статуса для безопасного пребывания в зарубежном государстве, содействие в отстаивании прав

и интересов преследуемых адвокатов в стране их пребывания;

– **финансовая и иная материальная поддержка**: предоставление и содействие в предоставлении разовых выплат, стипендий;

– **информационная поддержка**: взаимодействие в распространении информации в интересах проектов профессиональной реабилитации преследуемых адвокатов.

1.4. Необходимые условия (критерии применимости) методики

Методика применима при одновременном наличии следующих условий:

– адвокат лишен профессионального статуса по решению национального органа;

– имеются признаки произвольности прекращения статуса (наличие хотя бы одного из пяти критериев);

– национальные средства правовой защиты исчерпаны, неэффективны или недоступны в силу уголовного преследования, эмиграции, политического давления или иных причин;

– адвокат готов предоставить необходимые документы и сведения для изучения;

– существует международная организация или профессиональная ассоциация, готовая выступить субъектом применения методики и располагающая экспертным потенциалом.

1.5. Компетенция независимой профессиональной ассоциации адвокатов

Независимая профессиональная ассоциация адвокатов, деятельность которой основана в том числе на положениях Европейской конвенции о признании юридическими лицами международных неправительственных организаций, при условии, что она осуществляет свою деятельность, оказывая влияние не менее чем в двух государствах [17] вправе:

– проводить независимую оценку справедливости решений национальных адвокатских объединений;

– принимать в свои члены адвокатов, произвольно лишенных статуса, что de facto означает международное признание их статуса;

– заполнять вакуум, образованный неспособностью национальных институтов обеспечить справедливость и защиту профессии.

1.6. Вопрос, который ставится перед экспертами

Имеются ли в представленных материалах признаки произвольности прекращения (лишения) статуса адвоката [данные адвоката], и если да, то на основании какого (каких) критерия (критериев)?

1.7. Ограничения методики

Заключение международной экспертизы произвольности прекращения статуса адвоката представляет собой акт экспертной оценки, сформированный на основе международно-правовых стандартов, и не подменяет собой решение компетентных национальных или международных органов. Методика не отменяет и не заменяет национальное решение о прекращении статуса адвоката поскольку ее применение Ассоциацией не обязательно для национальных органов.

Методика не является механизмом принуждения – ее эффективность основана исключительно на репутационном, профессиональном и дипломатическом давлении.

Составленные на основе методики заключения будут адресованы, прежде всего, адвокатским сообществам, правозащитным организациям, судебным и квазисудебным инстанциям, средствам массовой информации, потенциальным доверителям, международным органам и организациям, властям «принимающей адвоката страны» в качестве аргументированного аналитического документа.

В соответствии с общими принципами международного права в области прав человека экспертные заключения международных организаций допускаются в том числе, качестве доказательства в рамках национального судопроизводства, процедур международных организаций и межгосударственных механизмов защиты прав.

Объем признания заключений иностранными адвокатскими объединениями и государственными регуляторами определяется национальным законодательством государства и внутренними нормами профессионального регулирования. Вместе с тем международные стандарты CCBE (Совета адвокатских ассоциаций Европы) и IBA (Международной ассоциации адвокатов) предполагают возможность учета экспертных оценок при рассмотрении вопросов взаимного признания профессионального статуса [18]. Методика предусматривает направление заключений по делам о произвольном прекращении статуса адвоката в CCBE и непосредственно адвокатские объединения целевых юрисдикций.

Применение методики требует достаточного документального подтверждения произвольности преследования.

Ключевым условием применимости методики является независимость практикующей ее применение Ассоциацией от государственного давления.

Международные организации или ассоциации, зависимые от исполнительной власти или иных форм государственного контроля, не смогут выступать надлежащим субъектом применения данной методики. Предлагаемая методикой наднациональная реабилитация не дает адвокату «автоматического» права практиковать право в каждом «принимающем государстве» без учета норм национального права, однако ее применение и признание способствует получению допуска к национальным квалификационным экзаменам как лица, у которого уже имеется искомый профессиональный статус, а также может являться основанием для получения адвокатом статуса «иностранного консультанта» или возможностей для осуществления экспертной практики.

Часть 2. Основы методики профессиональной реабилитации при помощи проведения международной экспертизы на предмет установления произвольности прекращения статуса адвоката

2.1. Основы методики

Методика базируется одновременно на нескольких взаимосвязанных правовых концепциях.

2.1.1. Принцип верховенства права

Краеугольным камнем методики является утверждение о том, что формальное соблюдение буквы национального закона не легитимирует решение, если его глубинная суть порочна. Формальное наличие судебного решения или акта, принятого в рамках дисциплинарного производства, не делает его автоматически легитимным.

Если первоначальный акт (например, приговор суда, служащий основанием для прекращения статуса адвоката) политически мотивирован, вынесен с грубыми нарушениями права на справедливое разбирательство, основан на недоказанных обвинениях, используется как инструмент давления, то все производные решения также приобретают произвольный характер.

Таким образом, формальная законность не может подменять материальную справедливость.

2.1.2. Международно-правовой характер гарантий независимости адвокатуры

Методика исходит из того, что независимость адвокатуры защищается не только национальным законодательством, но и международным правом. Право адвоката на независимую профессиональную деятельность имеет международно-правовой характер и не может быть уничтожено произвольным решением.

2.1.3. Концепция высокой значимости международной корпоративной солидарности адвокатуры

Одним из фундаментальных положений методики является идея о том, что международные профессиональные объединения адвокатов имеют не только право, но и обязанность реагировать на случаи преследования адвокатов. Адвокатура – это не административная система регистрации, а независимая профессиональная корпорация, обязанная защищать адвокатов от политического давления и преследования.

Система правовых аргументов, которые образуют содержательное ядро методики и применимы к любому аналогичному делу.

2.1.4. Аргумент 1. Конфликт между формальным законом и международными обязательствами

Формальное соответствие национальной процедуре не легитимирует решение, если его первооснова является актом произвола. Так, например, Конституция Российской Федерации (ч. 4 ст. 15) и аналогичные нормы конституций других государств требуют учитывать международные обязательства. Если приговор не соответствует стандартам справедливого судебного разбирательства (ст. 6 Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ), ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП)), его последствия подлежат международной переоценке. Все производные акты наследуют произвольный характер исходного незаконного акта.

2.1.5. Аргумент 2. Принцип недопустимости использования правовой формы для сокрытия нарушений содержания

Наличие приговора по уголовному делу в отношении адвоката не может автоматически уничтожать гарантии юридической профессии, закрепленные в Основных принципах ООН и рекомендациях Совета Европы. Адвокатское объединение обязано самостоятельно оценить правомерность приговора при принятии решения о прекращении статуса адвоката на его основании. Отказ от такой оценки превращает орган адвокатского самоуправления в соучастника произвола.

2.1.6. Аргумент 3. Синергический эффект нарушений

Каждое процессуальное нарушение само по себе ставит решение о прекращении статуса адвоката, либо решение суда об отказе в восстановлении статуса адвоката, а также приговор или иное судебное решение по делу в отношении адвоката под сомнение, однако их совокупность создает синергический эффект: решение о прекращении статуса адвоката или приговор, содержащий одновременно доказательный вакуум, нарушение

права на защиту, ненадлежащее исследование доказательств, ошибки квалификации и неприменение сроков давности, является не просто ошибочным, но фиктивным с правовой точки зрения и лишается качества надлежащего основания для каких-либо производных юридических последствий.

2.1.7. Аргумент 4. «Политический мотив» как свидетельство преследования

В международном праве политическая мотивация преследования является абсолютным основанием для признания его незаконным. Решения независимых международных органов и заявления организаций, фиксирующих политический характер дела, являются внешним подтверждением этого факта.

2.1.8. Аргумент 5. Обязанность адвокатского сообщества к саморегулированию

Независимость адвокатуры – это не только право, но и обязанность корпорации защищать своих членов от незаконного преследования. Адвокатское объединение – не «технический регистратор» государственных решений, а хранитель профессиональных стандартов. Механическое исполнение предписания закона без оценки справедливости лежащего в его основе акта представляет собой форму самоустранения от защиты корпоративных интересов и принципов профессии.

2.2. Пределы применимости аналогии с методикой Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям

Методология Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям – концептуальная основа методики.

Представленные в методике категории (критерии) произвольного прекращения статуса адвоката концептуально основаны на методологии Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям (UN WGAD), которая применяет их для оценки фактов незаконного лишения свободы [19].

Перенесение методологии Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям в сферу адвокатской дисциплинарной ответственности обосновывается следующим:

– оба типа принуждения могут служить инструментом политического преследования;

– в обоих случаях жертва частично или полностью лишена возможности эффективной защиты своих прав во внутригосударственном порядке;

– международная экспертная оценка является единственным доступным механизмом установления произвольности государственного решения.

Применение метода правовой аналогии (analogia juris), кроме этого, основано на том соображении, что если ООН признает произвольным лишение свободы на основании определенных фактов, то те же самые факты с неизбежностью повлекут и признание произвольным и акта прекращения адвокатского статуса, тем более что оно нередко сопровождается и лишением самой профессии.

Таким образом, методологическая аналогия является правомерной, однако не тождественной и должна применяться с учетом сходств и различий.

Сходство с методикой Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям.

Как и Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям применительно к произвольному лишению свободы, настоящая Методика предполагает:

– **экспертизу:** осуществление независимой экспертной оценки правомерности государственного, квазигосударственного и корпоративного принуждения – в данном случае прекращения профессионального статуса адвоката;

– **общепринятые стандарты:** опора на международно-правовые стандарты в области прав человека как на нормативную базу оценки;

– **выводы:** формулирование выводов, адресованных международному сообществу.

Различия с методикой Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям.

Необходимо учитывать следующие существенные различия между произвольным лишением свободы и принудительным прекращением профессионального статуса адвоката:

– **характер ограничения**: лишение свободы затрагивает физическую неприкосновенность личности и является наиболее тяжким видом государственного принуждения; прекращение профессионального статуса, при всей его серьезности, относится к сфере профессиональных прав;

– **нормативная база**: произвольное задержание оценивается по ст. 9 МПГПП и ст. 5 ЕКПЧ, тогда как прекращение профессионального статуса – по ст. 14 МПГПП (справедливое судебное разбирательство), ст. 19 и 22 МПГПП (свобода выражения мнений и объединения), а также Основным принципам ООН, касающимся роли юристов (1990) и иным профессиональным стандартам;

– **обязательность выводов**: мнения Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям формально признаются рядом государств обязательными; заключения, принимаемые в резуль-

тате применения методики, не носят юридически-обязывающий характер.

2.3. Источниковая база международной экспертизы

В качестве источников при проведении международной экспертизы по вопросу о произвольном прекращении статуса адвоката используются:

– всеобщая декларация прав человека [20];

– международный пакт о гражданских и политических правах [21];

– иные международные договоры по правам человека [22];

– основные принципы Организации Объединенных Наций о роли юристов [23];

– замечания общего порядка Договорных органов ООН по правам человека [24];

– декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы [25];

– конвенция о защите прав человека и основных свобод [26];

– конвенция Совета Европы О защите профессии адвоката (в настоящее время проходит процедуру подписания) [27];

– директивы ЕС (в т.ч., 77/249/ЕЕС и 98/5/ЕС) [28];

– рекомендации Совета Европы CM/Rec(2000)21 о свободе осуществления профессии адвоката [29];

– иные международные стандарты защиты прав человека, а также стандарты организации и деятельности адвокатуры в т.ч. IBA и CCBE [30];

– практика Комитета по правам человека ООН [31] и Европейского суда по правам человека [32];

– нормативные правовые акты государства [33];

– национальные корпоративные акты адвокатуры [34];

– национальная судебная практика [35];

– научные журналы и издания, а также учебная литература [36];

– материалы дисциплинарного дела, материалы уголовных, гражданских и иных дел.

Следует отметить, что правила, которые прямо не действуют на территории отдельных государств, тем не менее, могут использоваться для целей проведения международной экспертизы как нормы международного обычного права (Customary International Law), поскольку эти нормы кристаллизуют универсальные стандарты справедливого дисциплинарного разбирательства.

2.4. Международные стандарты и основные подходы к правовому закреплению основ дисциплинарной ответственности адвоката и доказыванию в дисциплинарном производстве

2.4.1. Регулирование дисциплинарного производства в международных стандартах организации юридической профессии

В п.16 Основных принципов ООН, касающихся роли юристов, указывается, что «Правительства обеспечивают, чтобы юристы: a) могли выполнять все свои профессиональные обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства; b) могли совершать поездки и беспрепятственно консультироваться со своими клиентами внутри страны и за ее пределами; и c) не подвергались судебному преследованию и судебным, административным, экономическим или другим санкциям за любые действия, совершенные в соответствии с признанными профессиональными обязанностями, нормами и этикой, а также угрозам такого преследования и санкций».

В п. 17–20 установлено, следующее:

– в тех случаях, когда возникает угроза безопасности юристов в результате выполнения ими своих функций, власти обеспечивают им надлежащую защиту (17).

– юристы не отождествляются со своими клиентами или интересами своих клиентов в результате выполнения ими своих функций (18).

– ни один суд или административный орган, в котором признается право на адвоката, не отказывается признавать права юриста отстаивать в суде интересы своего клиента, за исключением тех случаев, когда юристу было отказано в праве выполнять свои профессиональные обязанности в соответствии с национальным правом и практикой и в соответствии с настоящими принципами (19).

– юристы пользуются гражданским и уголовным иммунитетом в отношении соответствующих заявлений, сделанных добросовестно в виде письменных представлений в суд или устных выступлений в суде или в ходе выполнения ими своих профессиональных обязанностей в суде, трибунале или другом юридическом или административном органе (20).

На основании положения п. 23 Основных принципов ООН, касающихся роли юристов, они, «как и другие граждане, имеют право на свободу выражения мнения, убеждений и собраний. В частности, они имеют право принимать участие в общественных дискуссиях по вопросам, касающимся права, отправления правосудия и поощ-

рения и защиты прав человека, и быть членами местных, национальных или международных организаций или создавать их и принимать участие в их заседаниях, не подвергаясь ограничению своей профессиональной деятельности вследствие своих законных действий или членства в законной организации. Осуществляя эти права, юристы в своих действиях всегда руководствуются правом и признанными нормами и профессиональной этикой юриста».

В п. 24 установлено, что «Юристы имеют право создавать и являться членами самостоятельных профессиональных ассоциаций, представляющих их интересы, способствующих их непрерывному образованию и подготовке и защищающих их профессиональные интересы. Исполнительный орган профессиональных ассоциаций избирается ее членами и выполняет свои функции без вмешательства извне».

На основании ст. 27–29 Основных принципов, касающихся роли юристов, «обвинения или жалобы в отношении юристов, выступающих в своем профессиональном качестве, подлежат скорейшему и объективному рассмотрению в соответствии с надлежащей процедурой. Юристы имеют право на справедливое разбирательство дела, включая право на помощь юриста по своему выбору. Дисциплинарные меры в отношении юристов рассматриваются беспристрастным дисциплинарным комитетом, создаваемым юристами, в независимом органе, предусмотренном законом, или в суде и подлежат независимому судебному контролю. Все дисциплинарные меры определяются в соответствии с кодексом профессионального поведения и другими признанными стандартами и профессиональной этикой юриста и в свете настоящих принципов».

Специальный докладчик ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов в пунктах 6 и 101 своего доклада A/HRC/50/36 (2022) [37] отмечал, что «Международные принципы и стандарты, касающиеся независимости юридической профессии и ее свободного осуществления, закрепленные, в частности, в Основных принципах, касающихся роли юристов, имеют исключительно важное значение и представляют собой основополагающие нормы, которыми должны руководствоваться как адвокаты, так и коллегии адвокатов или профессиональные ассоциации юристов; указанные принципы и стандарты должны также в полной мере пользоваться уважением органов государственной власти и соблюдаться ими».

Также в п. 82 и 86 указано, что «дисциплинарные разбирательства в отношении адвокатов должны проводиться в соответствии с гарантиями надлежащей правовой процедуры, установленными, в частности, в статье 14 МПГПП.

В ст. 14 МПГПП, в частности, отмечается, что все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Дисциплинарная процедура должна соответствовать требованиям справедливого судебного разбирательства (пункт 1 статьи 14 МПГПП), включая состязательность, обеспечение права на защиту (знать обвинения и иметь возможность их оспорить, право на представительство) и право оспорить решение дисциплинарного органа в судебном порядке.

В п. 94 обращено внимание на то, что «полномочия по наложению дисциплинарных санкций на адвокатов должны быть предоставлены независимому органу. При этом, согласно принципу естественного судьи, дисциплинарный орган должен быть создан в соответствии с законом». «Использование расплывчатых и двусмысленных оснований для принятия дисциплинарных мер открывает возможности для чрезмерно широких или оскорбительных толкований, что может подрывать свободное осуществление адвокатами своих функций. Кроме того, чрезмерно общие формулировки могут создавать неопределенность и непредсказуемость в отношении поведения, требующего принятия дисциплинарных мер, что нарушает принцип законности. В отношении дисциплинарных вопросов должны применяться (mutatis mutandi) принципы законности и предсказуемости решений, а также принцип строгого толкования закона, которые применяются к уголовным делам». В п. 89 подчеркнуто, что «Применение дисциплинарных мер является опасным оружием в руках правительств, поскольку позволяет им влиять на профессиональную деятельность адвокатов, особенно тех, кто ведет дела против государства или представляет инициативы или клиентов, которые не нравятся правящему режиму, а в п. 115 отмечается, что «создание независимой системы для рассмотрения дисциплинарных разбирательств в связи с предполагаемыми нарушениями норм профессиональной этики является важным фактором обеспечения независимости профессии адвоката».

В п. 117 указано, что «дисциплинарные органы, наделенные полномочиями осуществлять

судебное преследование и выносить решения по предполагаемым нарушениям профессиональных обязанностей адвокатов, должны быть независимыми от политической власти, в том числе от органов исполнительной власти, включая министерство юстиции и другие государственные учреждения. В состав дисциплинарных и контрольных органов должны входить профессиональные адвокаты. В тех случаях, когда дисциплинарные органы непосредственно связаны с исполнительной властью, подотчетны ей или имеют значительное представительство от исполнительной власти, необходимо пересмотреть их правовую основу, с тем чтобы была обеспечена подлинная независимость дисциплинарных органов».

В соответствии с Декларацией о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы (Принята резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1998 года) каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, поощрять и стремиться защищать и осуществлять права человека и основные свободы на национальном и международном уровнях (ст. 1).

В статье 5 Декларации указывается, что в целях поощрения и защиты прав человека и основных свобод каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, на национальном и международном уровнях:

a) проводить мирные встречи или собрания;

b) создавать неправительственные организации, ассоциации или группы, вступать в них и участвовать в их деятельности;

c) поддерживать связь с неправительственными или межправительственными организациями.

В ст. 6 Декларации содержится положение, согласно которому каждый человек, индивидуально и совместно с другими, имеет право:

a) знать, искать, добывать, получать и иметь в своем распоряжении информацию о всех правах человека и основных свободах, включая доступ к информации о том, каким образом обеспечиваются эти права и свободы во внутреннем законодательстве, в судебной или административной системах;

b) как предусматривается в международных договорах о правах человека и других применимых международных договорах, свободно публиковать, передавать или распространять среди других мнения, информацию и знания о всех правах человека и основных свободах;

c) изучать, обсуждать, составлять и иметь мнения относительно соблюдения всех прав человека и основных свобод как в законодательстве, так и на практике, и привлекать внимание общественности к этим вопросам, используя эти и другие соответствующие средства.

Статья 7 Декларации предусматривает, что каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, развивать и обсуждать новые идеи и принципы, касающиеся прав человека, и добиваться их признания.

В статье 8 Декларации установлено, что каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, иметь реальный доступ на недискриминационной основе к участию в управлении своей страной и ведении государственных дел, а это включает, в частности, право, индивидуально и совместно с другими, представлять в правительственные органы и учреждения, а также в организации, занимающиеся ведением государственных дел, критические замечания и предложения относительно улучшения их деятельности и привлекать внимание к любому аспекту их работы, который может затруднять или сдерживать поощрение, защиту и осуществление прав человека и основных свобод.

Исходя из положений ст. 15 Конституции Российской Федерации [38], приведенные выше и рассмотренные ниже общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. В Российской Федерации установлены официально продекларированные Верховным Судом подходы к применению норм международного права в судебной практике. Как следует из преамбулы к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [39], общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

В п. 1 также отмечается: «Исходя из этого, а также из положений части 4 статьи 15, части 1 статьи 17, статьи 18 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность зако-

нодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо.

К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного.

Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений».

Для рассмотрения обозначенной проблемы следует еще раз обратить внимание и на нормы стран Европейского Союза и практику Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Несмотря на то, что в настоящее время акты ЕС и ЕСПЧ в России не признаются, их положения на протяжении длительного времени имплементировались в российское законодательство и правоприменительную практику, и, следовательно, они также подлежат учету. Кроме того, следует учитывать, что решения ЕСПЧ обогащают практику в части смыслов правоприменения тех актов, которые сохраняют свое юридическое действие для Российской Федерации а также то, что позиции ЕСПЧ основаны на общепризнанных правовых нормах, не подлежащих изменению в угоду политической конъюктуре.

В статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод указывается, что каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

В Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О свободе осуществления профессии адвоката» указывается следующее:

«1. В случае если адвокаты не соблюдают профессиональные стандарты, которые установлены кодексами поведения, разработанными коллегиями адвокатов или другими профессиональными объединениями адвокатов, либо законодательством, следует принимать надлежащие меры, включая возбуждение дисциплинарного производства.

2. Коллегии адвокатов или другие профессиональные объединения адвокатов должны нести ответственность либо, если применимо, должны иметь право на участие в дисциплинарном производстве в отношении адвокатов.

3. Дисциплинарное производство должно проводиться при условии полного соблюдения принципов и норм Европейской конвенции о правах человека, включая право заинтересованного адвоката участвовать в таком производстве и ходатайствовать о судебном пересмотре принятого решения.

4. При определении санкций за совершенные адвокатом дисциплинарные проступки следует руководствоваться принципом пропорциональности».

В судебной практике ЕСПЧ отмечается, что ограничение доступа к профессии и возможностей осуществления профессиональной деятельности может затронуть целый ряд прав, которые находятся под защитой международного права в области защиты прав человека, таких как право на уважение частной жизни (которое закреплено, в частности, в статье 17 МПГПП и статье 8 ЕКПЧ) [40], право на свободу выражения мнения (статья 19 МПГПП, статья 10 ЕКПЧ), право на свободу объединений (статья 22 МПГПП, статья 11 ЕКПЧ), и подчеркивается, что, к примеру, увольнение или прекращение статуса затрагивают право на уважение частной жизни [41], поскольку влияют на профессиональные отношения, материальное благополучие адвокатов и их семей [42], а также на репутацию данного адвоката, так как все перечисленное подпадает под защиту права на уважение частной жизни [43], в связи с этим ограничение указанных прав не может быть произвольным и незаконным, а поэтому привлечение к дисциплинарной ответственности, которое охватывает как производство, так и меры взыскания, должно:

– соответствовать закону (принцип законности);

– преследовать законную цель, и это должно быть необходимо и соразмерно преследуемой законной цели с учетом конкретных обстоятельств дела и привлекаемого к ответственности лица;

– применяться исключительно в соответствии со справедливой процедурой и в рамках таковой [44].

Таким образом, адвокат, который привлекается к дисциплинарной ответственности, должен

иметь право на помощь юриста по своему выбору, разбирательство по дисциплинарному делу должно проводиться независимым и беспристрастным органом, что предполагает отсутствие прямого или косвенного влияния, давления, запугиваний или вмешательства с какой-либо стороны и по любым мотивам. В ходе дисциплинарного производства в отношении адвоката должно соблюдаться право на справедливое разбирательство, закрепленное в статье 14 МПГПП и статье 6 Европейской конвенции о правах человека, в том числе принцип равенства сторон. В соответствии с данным правом адвокаты должны уведомляться о характере и основании предъявленных им обвинений; им и их законным представителям должно быть предоставлено достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и отстаивания своей позиции; они должны иметь возможность оспорить показания и доказательства обвиняющей стороны, в том числе посредством допроса свидетелей, а также возможность представить доказательства, в том числе посредством вызова свидетелей. Решение по делу должно быть составлено в письменной форме и содержать мотивировочную часть, основанную на соответствующих международным стандартам законе и кодексе профессиональной этики, в применении к конкретным представленным доказательствам, которые были признаны допустимыми.

Исходя из вышеизложенного, а также всей совокупности положений международных стандартов в области адвокатской деятельности и адвокатуры [45], следуя подходу, разработанному рабочей группой Организации Объединенных Наций по произвольным задержаниям [46], необходимо заключить, что понятие «произвольности» касается требований к тому, чтобы определенная форма процедуры, применяемая при прекращении статуса адвоката, соответствовала установленным международным стандартам, а также действующим на территории соответствующего государства законам и процедурам, а также поставленной цели, то есть чтобы это понятие являлось обоснованным и необходимым. При этом «произвольность» не следует приравнивать только к «противозаконности», а следует толковать более широко, включая элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и отсутствия надлежащей правовой процедуры, в связи с чем необходимо использование конкретных критериев для всех случаев, представляемых на исследование по вопросу о произвольности лишения (прекращения) статуса адвоката.

Таким образом, Международные стандарты организации юридической профессии предполагают, что обвинения и жалобы в отношении адвокатов подлежат скорейшему, объективному и справедливому рассмотрению в создаваемом адвокатами и предусмотренном законом независимом беспристрастном дисциплинарном комитете в соответствии с надлежащей процедурой или в суде и подлежат независимому судебному контролю. Кодексы профессионального поведения адвокатов разрабатываются в соответствии с национальным законодательством, обычаями и признанными международными стандартами и нормами. Дисциплинарные меры в отношении адвокатов определяются в соответствии с кодексом профессионального поведения и другими признанными стандартами и профессиональной этикой и в свете международных стандартов [47].

Государства должны обеспечить отсутствие злоупотреблений дисциплинарной системой в отношении представителей юридической профессии, и она не может использоваться с целью запугивания или преследования адвокатов. Использование расплывчатых и двусмысленных оснований для принятия дисциплинарных мер открывает возможности для чрезмерно широких или оскорбительных толкований, что может подрывать свободное осуществление адвокатами своих функций. Кроме того, чрезмерно общие формулировки могут создавать неопределенность и непредсказуемость в отношении поведения, требующего принятия дисциплинарных мер, что нарушает принцип законности. В отношении дисциплинарных вопросов должны применяться принципы законности и предсказуемости решений, а также принцип строгого толкования закона, которые применяются к уголовным делам [48].

Лишать права заниматься юридической практикой следует только за наиболее серьезные проступки, предусмотренные кодексом профессионального поведения, и лишь после справедливого рассмотрения дела независимой и беспристрастной инстанцией с предоставлением обвиняемому адвокату всех гарантий. Чтобы обеспечить надлежащий баланс между независимостью адвокатов и привлечением их к ответственности за нарушение правил профессии, ответственность за рассмотрение дисциплинарных дел в отношении них должна лежать на беспристрастном дисциплинарном комитете, учреждаемом самими адвокатами, независимым правомочным органом или судом. Такой дисциплинарный орган должен быть свободным от любого влияния или давления

со стороны законодательной или исполнительной ветвей власти или любой другой стороны. Участие исполнительных органов власти в проведении дисциплинарного разбирательства в отношении адвокатов подрывает независимость юридической профессии. Дисциплинарные меры определяются в соответствии с кодексом профессионального поведения и другими признанными стандартами и профессиональной этикой юристов. Для поддержания транспарентности и укрепления доверия общественности к юридической профессии следует обеспечить открытый для всех и простой доступ к информации о процедурах рассмотрения жалоб в отношении адвокатов. Адвокат, в отношении которого начато дисциплинарное разбирательство, должен иметь все процессуальные гарантии, предусмотренные в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, включая право защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника. Решения дисциплинарного органа должны быть обоснованными и подлежать независимому судебному контролю [49].

Международная ассоциация адвокатов (IBA) приняла Международные принципы поведения юридической профессии (IBA International Principles on Conduct for the Legal Profession, 2011), а также задействует механизм Института прав человека IBA (IBAHRI) [50], осуществляющего мониторинг нарушений прав адвокатов по всему миру. Принципы IBA прямо запрещают использование дисциплинарных механизмов в политических целях и предусматривают право адвоката на справедливое разбирательство. Этические нормы призваны защищать адвоката и его доверителя, и они ни при каких обстоятельствах не могут быть извращены и использованы в качестве критериев для наложения санкций или инициирования карательных дисциплинарных мер со стороны институтов, подверженных государственному давлению [51].

Методика опирается на эти стандарты при формировании критериев оценки дисциплинарного преследования.

Методика разработана с учетом приведенных выше принципов и ориентирована на обеспечение совместимости с процедурами европейских адвокатских ассоциаций.

2.4.2. Стандарты дисциплинарной ответственности адвоката в странах Общего права

В юрисдикциях, основанных на системе общего права, прекращение адвокатского статуса (disbarment) представляет собой наиболее строгую меру дисциплинарного воздействия.

В США дисциплинарное производство регулируется на уровне штатов: процедуры определяются правилами Верховных судов штатов с учетом рекомендательных стандартов Американской ассоциации адвокатов (ABA) [52]. Прекращение адвокатского статуса применяется в случаях умышленного нарушения профессиональных норм, мошенничества или преступного поведения.

К числу запрещенных для адвоката действий относятся:

– нарушение или попытка нарушить Правила профессионального поведения, сознательно содействовать этому или подстрекать к этому других лиц, а также совершать такие действия через других лиц;

– совершение преступных действий, которые негативно сказываются на честности, благонадежности или профессиональной пригодности адвоката в других отношениях;

– совершение действий, связанных с нечестностью, мошенничеством, обманом или введением в заблуждение;

– совершение действий, препятствующих отправлению правосудия;

– неправомерное влияние на государственное учреждение или должностное лицо;

– злонамеренное содействие судье или должностному лицу судебной системы в действиях, нарушающих действующие нормы поведения судей или другие законы [53].

В соответствии с политикой ABA, предусматривающей участие общественности в дисциплинарном процессе, дисциплинарные разбирательства обычно рассматриваются комиссией по слушаниям, состоящей из двух адвокатов и одного лица, не являющегося адвокатом. Применяются определенные средства защиты надлежащей правовой процедуры. Например, адвокаты, обвиняемые в неправомерном поведении, имеют право на уведомление о выдвинутых против них обвинениях, на право очной ставки со свидетелями, выступающими против них, и на представление доказательств, на помощь адвоката, на право использовать свою защиту в соответствии с Пятой поправкой к Конституции.

В большинстве штатов применяются правила доказывания, а правила гражданского судопроизводства штата регулируют досудебную практику. По окончании разбирательства комиссия по слушаниям выпускает отчет и рекомендацию относительно того, совершил ли адвокат вменяемый ему проступок. Дисциплинарный орган несет бремя доказывания утверждений, содержащихся в официальных обвинениях, в соответствии с

установленным стандартом доказывания, который в большинстве юрисдикций представляет собой «четкие и убедительные доказательства». Кроме того, отчет комиссии по слушаниям содержит рекомендуемую дисциплинарную санкцию, соответствующую существующему прецеденту. В некоторых штатах доступна промежуточная апелляция адвокату и дисциплинарному органу. В конечном итоге верховный суд штата решит этот вопрос и наложит соответствующее дисциплинарное взыскание. Дисциплинарные санкции включают: замечание, выговор, порицание, приостановление деятельности, прекращение статуса адвоката, испытательный срок и реституцию (возмещение ущерба). [54].

В Великобритании дисциплинарные функции применительно к солиситорам осуществляет Solicitors Disciplinary Tribunal (SDT) [55], в отношении барристеров – Bar Tribunals and Adjudication Service (BTAS) [56]. Профессиональное регулирование осуществляется под надзором Legal Services Board (LSB) [57].

В соответствии с законодательством и профессиональными кодексами Англии и Уэльса дисциплинарные санкции могут включать предупреждение, штраф, временное отстранение от практики (suspension), а также исключение из профессии (striking off the roll). Основаниями для применения наиболее строгих мер являются:

– мошенничество, присвоение клиентских средств, подлог документов;

– нарушение принципов честности (integrity) и независимости адвоката;

– злоупотребление доверием клиента;

– действия, подрывающие доверие общества к юридической профессии;

– серьезные нарушения обязанностей по предотвращению конфликта интересов и соблюдению конфиденциальности;

– уголовные преступления, несовместимые со статусом адвоката.

В британской практике подчеркивается, что целью дисциплинарного производства является не наказание как таковое, а защита общественного доверия к правосудию и юридической профессии. Особенностью британской системы является высокий уровень процессуальных гарантий. Дисциплинарные разбирательства носят квазисудебный характер, проводятся публично, а решения подлежат судебному пересмотру.

В Канаде дисциплинарные полномочия сосредоточены у адвокатских палат провинций (Law Societies) [58]. Несмотря на автономность провинциальных систем, дисциплинарные стандарты во многом унифицированы благодаря модельным правилам Federation of Law Societies of Canada [59].

Канадская система дисциплинарной ответственности адвокатов также исходит из принципа защиты общественного доверия к правосудию. Наиболее строгой санкцией является disbarment – исключение из адвокатуры с утратой права заниматься юридической практикой. Основаниями для применения данной меры являются:

– присвоение или нецелевое использование клиентских денежных средств;

– мошенничество, подлог, введение суда или клиента в заблуждение;

– злоупотребление доверием клиента;

– систематическая профессиональная недобросовестность;

– серьезные нарушения обязанностей по сохранению конфиденциальности;

– уголовные преступления, несовместимые с осуществлением юридической практики.

Процедуры дисциплинарного производства в Канаде включают несколько стадий:

– рассмотрение жалобы;

– предварительное расследование;

– проведение слушаний дисциплинарным комитетом;

– вынесение решения и назначение санкции;

– возможность апелляционного пересмотра.

Слушания, как правило, являются публичными. Адвокату гарантируются права на защиту, представление доказательств, участие представителя и судебное обжалование решений дисциплинарных органов. В ряде провинций применяется принцип proportionality – соразмерности дисциплинарной санкции характеру проступка и степени общественной опасности поведения адвоката.

Канадская практика также демонстрирует тенденцию к учету обстоятельств, связанных с психическим состоянием адвоката, профессиональным выгоранием и зависимостями. В подобных случаях дисциплинарные органы могут применять восстановительные меры, программы мониторинга и временные ограничения практики вместо окончательного исключения из профессии, если это не угрожает интересам общества и клиентов.

В отличие от ряда континентальных правопорядков, системы США, Великобритании и Канады характеризуются значительной ролью судебного контроля и публичности дисциплинарных процедур. Прекращение адвокатского статуса рассматривается как исключительная мера, при-

меняемая, прежде всего для защиты доверия общества к правосудию, обеспечения добросовестности юридической профессии и поддержания независимости адвокатуры.

2.4.3. Европейские стандарты дисциплинарной практики

Совет адвокатских ассоциаций и юридических обществ Европы (ССВЕ) принял Кодекс поведения адвокатов Европейского Союза (Code of Conduct for European Lawyers), закрепляющий принципы независимости адвоката и верховенства права как необходимые условия правомерного дисциплинарного преследования.

ССВЕ неоднократно принимал резолюции, осуждающие политически мотивированное прекращение адвокатского статуса в третьих странах, и разработал механизмы поддержки адвокатов, преследуемых за профессиональную деятельность.

В Рекомендациях ССВЕ по дисциплинарным производствам заложен краеугольный камень: хотя государство может устанавливать общие рамки, само дисциплинарное производство должно быть абсолютно независимым от государственных органов. Первичная юрисдикция в вопросах этики и дисциплины должна принадлежать исключительно самой адвокатской корпорации. Присутствие большого числа представителей государственных органов в составе дисциплинарного органа – грубое нарушение принципа независимости адвокатуры, поддерживаемого ССВЕ [60].

В стандартах ССВЕ предусматривается, что основная ответственность за ведение дисциплинарного производства по первой инстанции лежит на Коллегии адвокатов или Юридическом обществе, причем само это производство должно осуществляться в соответствии с принципами надлежащей правовой процедуры, как это изложено в Европейской конвенции по правам человека, включая право защищать себя с помощью юридической помощи. Дисциплинарное производство должно быть отделено от уголовных судебных разбирательств по тому же самому предполагаемому проступку. Конфиденциальная информация, защищенная адвокатской тайной (привилегией адвоката и клиента), должна быть защищена на протяжении всего дисциплинарного производства, без ущерба для права адвоката на самозащиту. Обвинения или жалобы, выдвигаемые против адвокатов в их профессиональном качестве, должны рассматриваться быстро и справедливо в рамках надлежащих процедур. Адвокаты должны иметь право на справедливое слушание, включая право на помощь юриста по их выбору. Дисциплинарное производство должно возбуждаться перед беспристрастным дисциплинарным комитетом, созданным адвокатской профессией, перед независимым уставным (предусмотренным законом) органом или перед судом и должно подлежать независимому судебному пересмотру. Все дисциплинарные производства должны разрешаться в соответствии с кодексом профессионального поведения и другими признанными стандартами и этикой юридической профессии, а также в свете этих принципов.

При определении санкций за дисциплинарные правонарушения, должен соблюдаться принцип соразмерности. Прекращение статуса (disbarment) применимо только в случаях грубого, осознанного причинения вреда клиенту или системе (например, отказ от практики, приведший к серьезному ущербу). Политические выступления, критика судебной системы или защита «неугодных» лиц de jure не могут образовывать actus reus дисциплинарного проступка.

Конвенция Совета Европы о защите профессии адвоката [61], которая в ближайшее время вступит в силу, предполагает, что подписавшие ее государства должны будут обеспечить, чтобы основания для принятия дисциплинарных мер в отношении адвокатов базировались исключительно на профессиональных стандартах поведения, которые предписаны законом и сами по себе соответствуют правам и свободам, закрепленным в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Также они должны обеспечить, чтобы дисциплинарные разбирательства в отношении адвокатов оперативно рассматривались независимым и беспристрастным дисциплинарным комитетом, созданным профессиональной ассоциацией, независимым и беспристрастным органом или независимым и беспристрастным судом или трибуналом, созданным на основании закона, а также чтобы они были рассмотрены в соответствии с требованиями справедливого судебного разбирательства, предусмотренными статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и с правом на консультацию, помощь или представительство адвокатом по своему выбору и подлежали оспариванию соответствующим адвокатом в независимом и беспристрастном суде или трибунале, созданном в соответствии с законом. При этом государства обеспечивают соблюдение принципов законности, недискриминации и соразмерности любых дисциплинарных санкций, налагаемых на адвокатов. Любой запрет на право заниматься адвокатской деятельностью должен

налагаться только за самые серьезные нарушения профессиональных стандартов.

Настоящая Методика разработана на основе приведенных выше принципов и стандартов и ориентирована на обеспечение совместимости с процедурами европейских адвокатских ассоциаций.

2.4.4. Регулирование основ дисциплинарного производства в российском праве

В соответствии с положениями ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об адвокатуре») [62] (статьи 4, 7, 17, 31, 33) и Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА) [63] (статьи 18, 19–27) дисциплинарное дело в отношении адвоката возбуждается президентом региональной адвокатской палаты, квалификационную комиссию президент палаты не возглавляет и в ее состав не входит, обоснованность заключения этой комиссии проверяет и оценивает совет региональной палаты под руководством президента.

Решение Совета о прекращении статуса адвоката может быть обжаловано в суд или в Федеральную палату адвокатов. Жалоба рассматривается Комиссией ФПА по этике и стандартам, а заключение Комиссии, принятое по жалобе, вместе с дисциплинарным делом рассматривает Совет Федеральной палаты адвокатов. Исходя из положений ч. 2 ст. 2 ФЗ «Об адвокатуре», она «действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов». В ч. 3 ст. 18 КПЭА прямо указано, что меры дисциплинарной ответственности применяются только в рамках дисциплинарного производства в соответствии с процедурами, которые предполагают неукоснительное соблюдение процедур дисциплинарного производства, установленных в международных стандартах, положениях закона и КПЭА.

Согласно международным стандартам, а также нередко – и внутреннему законодательству стран и корпоративным актам адвокатуры, адвокаты имеют право на объективное и справедливое рассмотрение их дисциплинарных дел (например – ч. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Мерами дисциплинарной ответственности являются замечание, предупреждение, прекращение статуса адвоката.

Вышеизложенные нормы формально в значительной степени соответствуют международным стандартам и не должны применяться на практике вопреки им или без их учета.

2.4.5. Стандарты доказывания в дисциплинарном производстве в отношении адвоката

Дисциплинарная процедура в решении КПЧ ООН по делу Олега Агеева была квалифицирована как «гражданский процесс» применительно к правилам ст. 14 МПГПП [64], следовательно, эта процедура подпадает под все гарантии справедливого судебного разбирательства. При этом КПЧ ООН отметил, что процедуры должны оцениваться в зависимости от каждого конкретного случая в свете природы данного права [65].

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), начиная с исторического прецедента Engel and Others v. The Netherlands (1976), разработал критерии, призванные пресечь попытки государств скрывать карательные меры под вывеской административного или дисциплинарного права. Три критерия – правовая квалификация проступка в национальном праве, характер правонарушения и степень суровости грозящего наказания – позволяют суду применять уголовно-процессуальные гарантии (статья 6 ЕКПЧ) к делам, формально не являющимся уголовными.

Прекращение адвоката права на профессию (disbarment) влечет катастрофические последствия, сопоставимые с гражданской казнью, что придает санкции ярко выраженный карательный (punitive) и сдерживающий (deterrent) характер. Следовательно, такие процессы должны рассматриваться сквозь призму весьма серьезных правовых гарантий [66], более серьезных, чем применяются в стандартном гражданском процессе.

Вопрос о применимом доказательственном стандарте является весьма значимым принципиальным для применения Методики.

Традиционно в уголовном судопроизводстве применяется стандарт «вне разумных сомнений» (beyond reasonable doubt), предполагающий максимально высокую степень убежденности в виновности. Однако применение данного стандарта к дисциплинарным производствам в отношении адвокатов не является обязательным с точки зрения международного права и сравнительного правоведения – и тому имеются весомые основания.

Дисциплинарное производство в отношении адвоката, все же не является уголовным преследованием и его целью служит не наказание за преступление, а оценка соответствия профессионального поведения установленным стандартам.

В большинстве юрисдикций общего права (США, Великобритания, Канада, Австралия) дисциплинарные органы применяют промежу-

точный стандарт – «ясных и убедительных доказательств» (clear and convincing evidence), занимающий место между гражданским стандартом «баланса вероятностей» (balance of probabilities) и уголовным стандартом «вне разумных сомнений» [67]. Этот стандарт предписывает, что доказательства должны с высокой степенью вероятности и существенности подтверждать истинность обвинений, исключая легковесные догадки. Формулировка «ясные и убедительные» означают, что доказательства с высокой и существенной вероятностью будут правдивыми, а не ложными. Другими словами, лицо, оценивающее доказательства, должно быть убеждено в том, что данное утверждение весьма вероятно. Суды США и дисциплинарные трибуналы Канады активно используют именно этот порог при рассмотрении вопросов лишения адвокатских лицензий.

Данный стандарт в методике признается достаточным, поскольку:

– дисциплинарные санкции, включая прекращение адвокатского статуса, влекут тяжкие профессиональные, но все же не уголовно-правовые последствия;

– применение уголовного стандарта в дисциплинарных производствах создало бы неоправданно высокий порог доказывания, исключающий возможность защиты профессии от недобросовестных практик.

В то же время стандарт «ясных и убедительных доказательств» является более требовательным, чем простое «преобладание вероятностей», что обеспечивает надлежащую защиту прав адвоката в рамках дисциплинарной процедуры.

Применительно к адвокатским дисциплинарным производствам ЕСПЧ неоднократно указывал, что прекращение адвокатского статуса может быть сопряжено применением гарантий ст. 6 ЕКПЧ (справедливое судебное разбирательство), однако не влечет автоматического применения уголовно-процессуального стандарта доказывания [68]. Таким образом, применение стандарта «ясных и убедительных доказательств» является международно-признанным и соответствует практике ЕСПЧ.

Изученные материалы [69] подтверждают, что в дисциплинарных производствах в отношении адвокатов в большинстве правовых систем применяется доказательственный стандарт, занимающий промежуточное положение между гражданским и уголовным. Данный подход обеспечивает баланс между защитой прав адвоката и интересами профессионального сообщества и общества в целом.

На этом основании в методике применяется стандарт «ясных и убедительных доказательств» при оценке фактических обстоятельств дисциплинарного преследования, ставшего основанием для лишения статуса.

Вне зависимости от применяемого доказательственного стандарта, бремя доказывания в полном объеме возлагается на «обвиняющую» сторону – орган или лицо, обосновывающее правомерность прекращения адвокатского статуса.

В случае если представленные доказательства не позволяют с надлежащей степенью достоверности установить факт виновного нарушения профессиональных стандартов, все возникающие сомнения толкуются в пользу адвоката (In dubio pro reo). Данный принцип является общим принципом права, признанным во всех правовых системах, и его применение к дисциплинарным производствам подтверждается как сравнительно-правовой доктриной, так и практикой международных инстанций.

Следовательно, применительно к оценке доказательств, требуется обеспечение того, чтобы все сомнения толковались в пользу адвоката, привлекаемого к ответственности и действовала так называемая «презумпция добросовестности адвоката» [70], которую в процессе доказывания должен опровергнуть заявитель.

Таким образом, применение стандарта «ясных и убедительных доказательств» при сохранении принципа In dubio pro reo (в случае сомнения – в пользу обвиняемого) является наиболее оптимальным и соответствующим общепринятым подходам.

Часть 3. Критерии произвольного прекращения статуса адвоката

3.1. Понятие и критерии «произвольности» прекращения статуса адвоката

Произвольное прекращение статуса адвоката – это лишение адвоката его профессионального статуса, осуществляемое в нарушение международных стандартов независимости юридической профессии и (или) внутригосударственного законодательства и корпоративных норм адвокатуры, которое характеризуется не только формальным нарушением закона, но и наличием материальной несправедливости, политической мотивированности или отсутствием надлежащей правовой процедуры.

В контексте методики этот термин включает в себя следующие сущностные признаки:

1. Приоритет сути над формой: решение признается произвольным, даже если оно формально соответствует национальному законода-

тельству, но по существу является несправедливым, необоснованным или непредсказуемым.

2. Инструментальность: использование дисциплинарных процедур или уголовного преследования не для целей правосудия, а как средства профессиональной расправы, давления или отстранения неугодного адвоката от практики.

3. Институциональный сбой: ситуация, при которой органы адвокатского самоуправления и национальные суды не обеспечивают эффективную защиту и независимость, превращаясь в инструмент государственного давления.

4. Нарушение международных гарантий: несоответствие процедуры лишения статуса базовым принципам ООН, касающимся роли юристов, и стандартам справедливого судебного разбирательства.

«Произвольность» не следует приравнивать только к «противозаконности», а следует толковать более широко, включая элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и отсутствия надлежащей правовой процедуры.

Анализ основных подходов к правовому закреплению основ дисциплинарной ответственности адвоката и стандартов доказывания в дисциплинарном производстве позволяют определить следующие критерии, соответствие которым показывает, что конкретный случай лишения статуса адвоката может быть квалифицирован как факт произвольного лишения (прекращения) статуса адвоката:

Категория I. Defectus Legis: прекращение статуса адвоката явно не может быть оправдано каким-либо правовым основанием.

Категория II. Abusus Juris: прекращение статуса адвоката связано с осуществлением прав или свобод, гарантированных Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах.

Категория III. Violatio legis, principii, aequitatis: полное или частичное несоблюдение норм о праве на справедливое разбирательство в независимом дисциплинарном органе или суде является столь вопиющим, что придает прекращению статуса произвольный характер.

Категория IV. Ubi jus ibi remedium: статус адвоката прекращен без предоставления возможности пересмотра или средств правовой защиты.

Категория V. Odium Professionis: прекращение статуса представляет собой вмешательство в профессиональную деятельность адвоката, преследование за нее или за иную социально значимую деятельность либо акт дискриминации.

Данные критерии в полной мере соответствуют международным стандартам организации и деятельности адвокатуры, а также формальному содержанию положений законодательства Российской Федерации и актов органов корпоративного управления адвокатурой России [71].

В специальных таблицах ниже будут представлены типовые вопросы, относящиеся к конкретным категориям, и типичные формы внешнего (объективного) проявления этих признаков, относящихся к соответствующим категориям, подлежащие верификации в ходе независимой международной экспертизы.

Они сконструированы таким образом, чтобы эксперт, отвечая на вопросы (на основе контент-анализа материалов дела, в том числе – приговоров и решений суда, решений адвокатских палат, публикаций в СМИ иных материалов), мог с математической точностью верифицировать наличие или отсутствие признаков произвольности прекращения статуса адвоката в конкретном деле.

Наличие утвердительного ответа на вопросы из приведенного в таблицах списка свидетельствует о том, что дисциплинарная процедура или процедура судебного разбирательства носили фиктивный характер и использовалась как прикрытие для расправы над адвокатом, а следовательно, прекращение статуса этого адвоката является произвольным.

3.2. Категория I. Defectus Legis: прекращение статуса адвоката явно не может быть оправдано каким-либо правовым основанием

Первая категория охватывает ситуации ex nihilo (из ничего), когда прекращение статуса опирается на правовой вакуум, ретроактивное применение норм, откровенное превышение полномочий (ultra vires) или базируется на судебном акте, который сам по себе является юридически ничтожным ввиду фундаментальных пороков. Это случаи, когда невозможно сослаться на какую-либо правовую базу, оправдывающую санкцию. Нарушение базового принципа Nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali (нет преступления и нет наказания без закона) в данном контексте свидетельствует о полной подмене права административным усмотрением.

Анализ проявлений категории Defectus Legis демонстрирует, что произвол зачастую скрывается за фасадом псевдоюридических процедур. Ключевой маркер здесь – игнорирование доктрины правовой определенности. Международные стандарты, в частности, принципы, артикулируемые Американской ассоциацией юристов (ABA Standards for Imposing Lawyer Sanctions) и Советом адвокатур и юридических обществ Европы (CCBE), однозначно указывают, что прекращение статуса адвоката (disbarment) применимо исключительно при наличии серьезного умысла и причинения реального вреда клиенту или системе правосудия [72]. Когда же в качестве основания для лишения профессии используется ретроактивное применение новых этических запретов или произвольное, расширительное толкование давно существующих, но никогда ранее не применявшихся в подобном ключе норм, мы наблюдаем классический пример ultra vires. Дисциплинарные органы в таких случаях выходят за пределы своей легитимной компетенции, трансформируясь из институтов саморегулирования в квазикарательные трибуналы, чьи решения заведомо поражены пороком недействительности.

Если приговор, на основании которого принято решение о прекращении статуса, не является справедливым, вынесен заочно без достаточных оснований, содержит правовые упущения, сопровождался процессуальными нарушениями или носит характер профессионального или политического преследования, то решение о прекращении статуса является произвольным, несмотря на формальное соблюдение закона. Фундаментальный принцип верховенства права требует, чтобы этот приговор был справедлив по своей сути. Если судебный акт является продуктом политически мотивированного судопроизводства, он не может порождать правомерные юридические последствия. Дисциплинарный орган адвокатуры не должен выступать «простым исполнителем» и «техническим регистратором», легитимируя судебный произвол. Механическое исполнение предписаний закона без оценки субстантивной справедливости является формой самоустранения от защиты независимости адвоката.

Следует также учитывать, что применение норм национального законодательства, которые на международном уровне уже признаны дискриминационными и правонарушающими, лишает решение по дисциплинарному делу или решение суда легитимности.

Прекращение статуса адвоката является произвольным, если оно не основано на законе либо выходит за его пределы, в том числе, если оно не основано на четко сформулированных и предсказуемых правовых нормах.

В соответствии с ч. 2 ст. 15 Конституции РФ органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы; правовые последствия могут наступать только при наличии законного основания. Ст. 17 и 18 Конституции прямо указывают, что права и свободы человека и гражданина, которые в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией, и то, что они являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Закон в ст. 16 и 17 устанавливает исчерпывающие основания прекращения статуса адвоката и строгую процедуру его лишения, которая должна быть реализована только при наличии законного основания и решения квалификационной комиссии, подтвержденного советом адвокатской палаты. Международные стандарты (Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов, п. 28) прямо запрещают лишать адвоката статуса иначе как по веским основаниям, предусмотренным законом, и в соответствии с надлежащей процедурой. Если же прекращение статуса осуществляется по мотивам, не предусмотренным законом, без конкретной правовой квалификации деяния, с использованием расплывчатых формулировок («подрыв авторитета адвокатуры» и т. п.) или вообще без ссылки на закон, то оно является произвольным. Такое прекращение статуса нарушает принцип правовой определенности, подрывает независимость адвокатуры и фактически отрицает верховенство права. Если прекращение статуса не соотносится ни с одним действующим правовым актом или оправдано произвольно, оно подпадает под категорию I. Не предусмотренные законом санкции являются нарушением права на защиту и справедливый процесс. При отсутствии конкретной нормы закона, устанавливающей основание для лишения статуса, не может быть корректного правоприменения. Любое решение должно быть мотивировано и содержать ссылки на закон, перечень нарушенных норм и доказательства. Без такого обоснования прекращение статуса является ничтожным.

Таблица 1.

Категория I. Defectus Legis: прекращение статуса адвоката явно не может быть оправдано каким-либо правовым основанием

№	Вопросы, при поиске ответа на которые устанавливается наличие или отсутствие критерия	Типичные формы внешнего проявления критерия
1	Правовой характер, законность и легитимность: является ли формальное основание лишения статуса (например, приговор суда) правовым, законным и легитимным по существу, а не только по форме?	Решение дисциплинарного органа опирается исключительно на нормы, не имеющие юридической силы, отмененные акты, либо представляет собой акт политической целесообразности, оформленный в виде судебного решения или дисциплинарного постановления без указания конкретной нарушенной нормы материального права либо с указанием противоправной нормы закона. Дисциплинарное производство возбуждается при отсутствии допустимого повода. Дисциплинарные органы искусственно конструируют состав проступка, наказывая за действия, не образующие состава дисциплинарного нарушения. Суд осуждает адвоката при отсутствии состава преступления, а формальное принятие решения или вынесение приговора используется как прикрытие произвола. Дисциплинарный орган принимает решение не принимать во внимание нормы законодательства, регулирующие, в том числе спорные правоотношения, являющегося источниками законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.
2	Нелегитимность правовой основы дисциплинарного акта: если исходный акт является незаконным или политически мотивированным, могут ли производные от него дисциплинарные акты сохранять легитимность?	Автоматическое, некритичное дублирование дисциплинарным органом выводов неправосудного приговора, который впоследствии признается политически мотивированным независимыми международными инстанциями, без попытки провести собственное исследование обстоятельств и общего контекста.
3	Фактический статус дисциплинарного органа: проверил ли дисциплинарный орган справедливость приговора перед принятием решения о прекращении статуса, или он действовал как «технический регистратор» неправовых судебных решений?	В протоколах заседаний дисциплинарных органов отсутствует какая-либо профессиональная дискуссия; орган лишь констатирует наличие внешнего представления (например, от следственных органов) и выносит решение без правового анализа.
4	Принцип «Lex retro non agit»: применялась ли норма материального права или положение этического кодекса ретроактивно (с обратной силой) к деяниям адвоката, которые на момент их совершения не признавались дисциплинарным проступком?	Вменение адвокату нарушения этических правил, регламентов или законодательных ограничений, которые были введены в действие и вступили в законную силу уже после совершения им инкриминируемого деяния.
5	Правовая неопределенность: является ли примененная дисциплинарным органом норма настолько размытой, непредсказуемой или двусмысленной в своем толковании, что адвокат объективно не мог предвидеть правовых последствий своих действий?	Использование в дисциплинарном решении предельно абстрактных, оценочных дефиниций (например, «нарушение традиционных ценностей», «неуважение к суверенитету», «посягательство на авторитет адвокатуры»), не имеющих четкого определения в законе или прецедентной практике.

6	Превышение полномочий (Ultra Vires): действовал ли дисциплинарный орган в состоянии явного превышения своей компетенции, рассматривая дело, которое возбуждено неуполномоченным лицом или налагая санкции за деяния, оценка которых относится к исключительной компетенции иных органов (например, подменяя собой суд по уголовным делам до вынесения приговора)?	Дисциплинарный орган адвокатуры самостоятельно квалифицирует процессуальные действия адвоката как правонарушение до вынесения законного приговора национальным судом и на этом основании применяет высшую меру взыскания. Суд прекращает статус адвоката посредством принятия решения по этому поводу по требованиям государственных органов помимо дисциплинарных органов адвокатуры. Возбуждение дисциплинарного производства неуполномоченным лицом.
7	Пороки исходного акта: был ли судебный или административный акт (например, приговор), послуживший единственным формальным поводом для лишения статуса, впоследствии отменен вышестоящим судом либо признан вынесенным с фундаментальными нарушениями международным судом (ЕСПЧ, КПЧ ООН)?	Наличие постановления ЕСПЧ, Комитета по правам человека ООН или официального решения Комиссии по контролю за файлами Интерпола, констатирующего фундаментальные нарушения в исходном деле адвоката.
8	Разграничение сфер жизни: был ли статус прекращен за действия адвоката, совершенные им исключительно в его частной жизни (acta jure privato), которые объективно не связаны с осуществлением профессиональной деятельности?	Подтвержденное прекращение статуса за публикацию в социальных сетях постов на философские, бытовые или политические темы, не связанные с профессиональной деятельностью.
9	Искусственное конструирование рецидива: имело ли место намеренное искусственное дробление одного длящегося деяния на несколько обособленных фиктивных эпизодов с целью создания видимости «систематического» или «многократного» нарушения для оправдания применения крайней меры (лишения статуса)?	Одно длящееся действие (например, серия публикаций в рамках одной научной дискуссии или вынужденное опоздание на серию заседаний в один день или неоплата обязательных отчислений) искусственно квалифицируется как несколько самостоятельных дисциплинарных проступков для создания иллюзии «систематичности».
10	Сроки давности: проигнорировал ли дисциплинарный орган или суд истечение установленных императивных сроков давности привлечения к дисциплинарной ответственности?	Возбуждение производства спустя годы после совершения предполагаемого проступка, разбирательство с намеренным игнорированием заявлений о пропуске сроков давности, либо исчисление сроков с момента «обнаружения» проступка.
11	Расширительное толкование запретов: применил ли дисциплинарный орган нетипичное расширительное толкование ограничительной нормы, фактически создав новый состав правонарушения непосредственно в процессе производства по делу адвоката?	Создание дисциплинарной комиссией новой запретительной нормы «по аналогии» непосредственно в тексте решения о прекращении статуса, наказывая за действия, прямо не запрещенные законом или писаными правилами профессионального поведения.
12	Иерархия норм: вступило ли решение о прекращении статуса, основанное на внутренних регламентах палаты, в прямое противоречие с императивными нормами Конституции государства или ратифицированными международными договорами, имеющими приоритет над корпоративными актами?	Применение регламента адвокатской палаты, который вступает в прямое юридическое противоречие с положениями ратифицированных государством международных договоров и законов, при этом международным нормам и законам страны необоснованно отказывается в приоритете.

3.3. Категория II. Abusus Juris: прекращение статуса адвоката связано с осуществлением прав или свобод, гарантированных Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах

В силу широкого спектра актов международных пактов и конвенций, государства должны гарантировать адвокатам, как и всем прочим физическим лицам:

– право на жизнь (МПГПП, ст. 6; Азиатская комиссия по правам человека и народов. (АКПЧН), ст. 4; Американская конвенция о правах человека (АКПЧ), ст. 4; ЕКПЧ, ст. 2);

– право не подвергаться пыткам (МПГПП, ст. 7; АКПЧН, ст. 5; АКПЧ, ст. 5; ЕКПЧ, ст. 3);

– свободу убеждений и выражения мнения (Основные принципы, принцип 23; МПГПП, ст. 19(2); АКПЧН, ст. 9; АКПЧ, ст. 13; ЕКПЧ, ст. 9–10);

– свободу собраний и ассоциаций (Основные принципы, принцип 23; МПГПП, ст. 21 и 22(1); АКПЧН, ст. 10–11; АКПЧ, ст. 15-16; ЕКПЧ, ст. 11);

– свободу передвижений (МПГПП, ст. 12(1); АКПЧН, ст. 12; АКПЧ, ст. 22);

– право на личную неприкосновенность (МПГПП, ст. 3; АКПЧ, ст. 7; АКПЧН, ст. 6; ЕКПЧ, ст. 5);

– право на справедливое судебное разбирательство (Основные принципы, принцип 27; МПГПП, ст. 14–15; КПП, ст. 7(3); МКЛРД (Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации), ст. 5(a); КПР, ст. 12(2); ЕКПЧ, ст. 5–7; АКПЧН, ст. 3, 7 и 26; АКПЧ, ст. 3, 8–10);

– право принимать участие в управлении своей страной (МПГПП, ст. 25(a); АКПЧН, ст. 13; АКПЧ, ст. 23);

– право на имущество (АКПЧН, ст. 14; АКПЧ, ст. 21; ЕКПЧ, ст. 1);

– право на труд (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах ст. 6; АКПЧН, ст. 15);

– право на неприкосновенность частной жизни (МПГПП, ст. 17; АКПЧ, ст. 11; ЕКПЧ, ст. 8) [73].

Вторая категория произвольного прекращения статуса адвоката вскрывает формы государственного или корпоративного вмешательства, карающие адвоката за реализацию свобод, гарантированных Всеобщей декларацией прав человека (ВДПЧ) и МПГПП (свободы выражения мнения, свободы ассоциаций, право на мирные собрания).

Доктрина Abusus Juris (злоупотребление правом) в контексте международного права прав человека описывает порочную практику, при которой государственные или корпоративные структуры используют свои законные дискреционные полномочия не для поддержания заявленных целей (в данном случае – этических стандартов профессии), а для подавления свобод, гарантированных Всеобщей декларацией прав человека (ВДПЧ) и МПГПП. В соответствии с прецедентной практикой ЕСПЧ свобода выражения мнения юристов, особенно в дебатах, касающихся функционирования системы правосудия, пользуется высочайшей степенью конвенционной защиты. Ограничения таких прав не могут носить характер профессиональной расправы.

Лишение профессии в этом случае выступает замаскированной формой политической цензуры и имеет целью создание «замораживающего эффекта» («chilling effect») для всех представителей юридического сообщества, поскольку показательное и жестокое прекращение статуса адвоката-правозащитника преследует циничную цель: парализовать волю всего профессионального сообщества, принудить адвокатов к самоцензуре и отказу от участия в выступлениях, публичных дебатах, а затем – и от участия в политически мотивированных процессах и иных «чувствительных» делах. Следовательно, одна только угроза применения высшей меры дисциплинарной ответственности в подобных делах наносит непоправимый урон, причем не только конкретному лицу, но и институциональной природе правосудия, разрушая фундаментальные устои демократического общества.

Установление объективных проявлений по критериям Abusus Juris требует глубокого погружения в контекст дела. Международная практика свидетельствует, что власти редко эксплицитно заявляют о наказании адвоката за его политические или правозащитные убеждения. Вместо этого конструируется параллельная реальность, где реализация свободы слова (например, интервью о фабрикации уголовного дела) трактуется как «разглашение данных предварительного следствия» или «оскорбление государственного органа». Выявление «chilling effect» становится ключевым элементом независимой экспертизы. Если статистика дисциплинарной практики наглядно демонстрирует аномальный перекос в сторону суровых наказаний исключительно для адвокатов, занимающихся так называемыми «чувствительными» делами, это является неоспоримым доказательством институционального злоупотребления правом.

Статья 18 ФЗ «Об адвокатуре» прямо запрещает какое-либо препятствование адвокатской деятельности, осуществляемой в соответствии с законодательством. Прекращение статуса адвоката будет произвольным, если оно имеет своей реальной причиной использование адвокатом прав и свобод, закрепленных во и МПГПП, а также гарантированных Конституцией РФ (ст. 29, 30, 48). К числу таких прав относятся свобода выражения мнений, свобода объединений и профессиональных ассоциаций, право на участие в управлении делами своей профессии и общества, право на получение и распространение информации, право на защиту и оказание юридической помощи. Международные стандарты (п. 23–24 Основных принципов ООН, касающихся роли юристов) закрепляют право адвокатов свободно выражать свои взгляды и участвовать в публичных дискуссиях, в объединениях без риска дисциплинарных санкций. Прекращение статуса в связи с критикой органов адвокатского самоуправления, органов власти или защиты прав человека противоречит этим стандартам и нарушает ст. 18, 19, 29 Конституции РФ, которая прямо запрещает ограничения прав по политическим мотивам. Если дисциплинарное преследование или прекращение статуса используется как средство давления на адвоката за его убеждения или профессиональные высказывания, это является типичным случаем произвольного лишения.

Таблица 2.

Категория II. Abusus Juris: прекращение статуса адвоката связано с осуществлением прав или свобод, гарантированных Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах

№	Вопросы, при поиске ответа на которые устанавливается наличие или отсутствие критерия	Типичные формы внешнего проявления критерия
1	Хронологическая причинность: связано ли прекращение статуса с членством адвоката в профессиональных или общественных объединениях, участием в публичных дискуссиях о состоянии правосудия и защите прав человека, критическими публикациями или выступлениями и было ли дисциплинарное производство возбуждено немедленно или в подозрительной временной близости после открытого осуществления адвокатом прав, гарантированных ВДПЧ и МПГПП, в связи с которыми последовало прекращение статуса и есть ли причинно-следственная связь между осуществлением адвокатом его прав и возбуждением против него уголовного или дисциплинарного преследования?	Возбуждение дисциплинарного производства происходит в подозрительной временной близости после громкого публичного выступления адвоката (в СМИ, на митинге, на международном форуме) с острой критикой состояния правосудия.

2	Прямое нарушение закона: использовались ли уголовные или дисциплинарные нормы расширительно или произвольно – для криминализации или дисциплинарного преследования адвоката за действия, которые являются законными формами осуществления указанных прав?	Юридическая квалификация критики, анализа законопроектов или публичных призывов к соблюдению международных норм в области прав человека в качестве «экстремистской деятельности», «грубого нарушения профессиональной этики», «причинения вреда авторитету адвокатуры».
3	Правомерность ограничения права: соответствует ли дисциплинарное наказание и ограничение прав адвоката требованиям правомерности ограничений, установленным ст. 19(3) и 22(2) МПГПП: предусмотрено ли оно законом, необходимо ли в демократическом обществе, соразмерно ли преследуемой законной цели?	В тексте решения дисциплинарного органа или решения суда полностью отсутствует оценка того, была ли примененная крайняя мера (лишение профессии) «соразмерной и необходимой в демократическом обществе», а также отсутствует правовой анализ легитимности преследуемой цели. Дисциплинарным органом допускается явная несоразмерность назначенного наказания в виде прекращения статуса адвоката с деянием, признанным нарушением. При назначении наказания адвокату допускается учет обстоятельств, которые не могли быть учтены по делу в силу их отсутствия, недоказанности, либо неотностимости к предмету доказывания по делу.
4	Свобода ассоциаций: послужило ли неформальным поводом для прекращения статуса членство адвоката в партиях, независимых профессиональных союзах или правозащитных организациях, чья деятельность неправомерно запрещена, либо формально не запрещена, но преследуется властями?	Исключение из адвокатской палаты за активное участие в деятельности независимых профессиональных союзов, международных правозащитных ассоциаций или оппозиционных политических движений, запрещенных или формально не запрещенных законом, но стигматизируемых властью.
5	Дискриминация по убеждениям: присутствуют ли в материалах дела прямые либо косвенные указания на политические, религиозные или философские убеждения адвоката как на мотив совершения проступка или отягчающее обстоятельство?	Прямое письменное указание в материалах дела и актах или задокументированные публичные высказывания членов дисциплинарных органов о том, что идеологические, религиозные или философские взгляды адвоката «несовместимы со статусом адвоката».
6	Свобода собраний: был ли адвокат лишен статуса за участие в мирных собраниях, пикетах или протестных акциях, даже если такое участие было реализовано вне рамок профессиональной деятельности и носило сугубо ненасильственный характер?	Задержание адвоката на мирном, ненасильственном митинге с последующим немедленным дисциплинарным взысканием со стороны палаты, базирующимся исключительно на факте составления административного полицейского протокола, без самостоятельной оценки соразмерности.
7	Подмена критики этическим нарушением: использовалось ли размытое обвинение в «умалении авторитета адвокатуры» или «нарушении корпоративной этики» как предлог для подавления обоснованной критики действий судей, прокуроров или руководства самой адвокатской палаты со стороны адвоката?	Использование размытых, юридически неопределенных обвинений в «умалении авторитета адвокатуры» исключительно для подавления аргументированной критики коррупции в национальных судах или неправомерных действий руководства адвокатских объединений.
8	Шантаж и принуждение к отказу от прав: выдвигались ли адвокату (официально в виде предписаний или кулуарно) требования прекратить деятельность, закрыть проекты в обмен на лояльность палаты и сохранение профессионального статуса?	Зафиксированные факты кулуарных угроз или предложений со стороны чиновников или руководства органов адвокатских объединений о прекращении дисциплинарного дела в обмен на отказ адвоката от ведения правозащитных проектов.
9	Отсутствие теста на пропорциональность: проигнорировал ли дисциплинарный орган или суд обязательство провести «трехсоставной тест» (legality, legitimate aim, necessity), оценивая, было ли радикальное ограничение свободы слова адвоката (в виде лишения профессии) «соразмерным и необходимым в демократическом обществе»?	Дисциплинарный орган умышленно игнорирует правовой стандарт, согласно которому санкция за публичное высказывание должна быть пропорциональной; вместо вынесения обоснованного предупреждения немедленно применяется высшая профессиональная санкция.
10	Общий контекст: фиксировали ли исследователи, СМИ, независимые международные органы (Специальный докладчик ООН, КПЧ ООН, ЕСПЧ), международные и российские правозащитные организации нарушение аналогичных прав в схожих делах против адвокатов из той же страны или в рамках того же комплекса дел?	Наличие заявлений, докладов Специальных докладчиков ООН резолюций ПАСЕ, отчетов правозащитных организаций, научных докладов, констатирующих системную практику преследования адвокатов в данной юрисдикции.
11	«Замораживающий эффект» («Chilling Effect»): имеется ли в данной юрисдикции статистически подтвержденный паттерн, при котором аналогичные суровые дисциплинарные санкции систематически применяются преимущественно к адвокатам, открыто выражающим несогласие с государственной политикой или политикой органов адвокатских объединений?	Объективные данные, доказывающие, что высшая мера дисциплинарной ответственности применяется исключительно к адвокатам, открыто критикующим власть, в то время как лояльные адвокаты за получают лишь мягкие меры наказаний.

3.4. Категория III. Violatio legis, principii, aequitatis: полное или частичное несоблюдение норм о праве на справедливое разбирательство в независимом дисциплинарном органе или суде является столь вопиющим, что придает прекращению статуса произвольный характер

Третья категория оценивает процессуальное соответствие проведенной процедуры международным стандартам. Гарантии справедливого судебного и дисциплинарного разбирательства представляют собой абсолютный императив. Поскольку дисциплинарное производство в отношении адвоката приравнивается к гражданскому процессу (а по строгости санкций – к квазиуголовному), оно должно соответствовать всем стандартам статьи 14 МПГПП и статьи 6 ЕКПЧ. Структурные пороки дисциплинарного органа и нарушение принципов беспристрастности фатально поражают законность любого вынесенного им акта. Нарушения принципов беспристрастности, независимости или состязательности (доказательный вакуум, нарушение права быть выслушанным) наделяют санкцию в виде прекращения статуса адво-

ката неотъемлемым признаком произвольности.

Синергетический эффект нарушений, входящих в эту категорию, девальвирует саму сущность дисциплинарного производства и судебного разбирательства. В ситуациях, когда, например, Министерство юстиции обладает полномочиями инициировать преследование и одновременно его представители, либо представители иных государственных органов, имеют блокирующий пакет голосов в квалификационной комиссии, процедура теряет признаки независимого разбирательства. Это классическое проявление структурного конфликта интересов, при котором дисциплинарный орган адвокатуры низводится до уровня придатка государственной власти, механически легализующего репрессивные запросы государственного аппарата. При этом необходимо учитывать, что не всякое процессуальное нарушение достигает порога произвольности – нарушение или их совокупность должны быть достаточно серьезными, чтобы лишить разбирательство его основных гарантий.

Согласно ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет право на справедливое разбирательство. Закон предусматривает, что дисциплинарное производство осуществляется квалификационной комиссией адвокатской палаты, в состав которой входят, в том числе, представители судов и органов юстиции (ст. 33), а решение подлежит утверждению советом палаты (ст. 17). При этом международные стандарты (Принципы ООН, п. 28–29; Рекомендация CM/Rec(2000)21, п. VI) требуют, чтобы дисциплинарные процедуры были беспристрастными, проводились независимым органом, с соблюдением принципов состязательности, права быть выслушанным, доступа к доказательствам, права на защиту и обжалование решения. Если эти гарантии отсутствуют, то адвокату не дают ознакомиться с материалами дела, не допускают защитника, не предоставляют разумного времени для подготовки, лишают возможности допросить свидетелей, заседание проводится формально и кулуарно. Такое прекращение статуса становится произвольным, поскольку носит характер неправосудного и репрессивного акта, нарушающего фундаментальные стандарты справедливого разбирательства.

Таблица 3.

Категория III. Violatio legis, principii, aequitatis: полное или частичное несоблюдение норм о праве на справедливое разбирательство в независимом дисциплинарном органе или суде является столь вопиющим, что придает прекращению статуса произвольный характер

№	Вопросы, при поиске ответа на которые устанавливается наличие или отсутствие критерия	Типичные формы внешнего проявления критерия
1	Справедливость: соответствует ли исходный акт (приговор) стандартам справедливого судебного разбирательства (ст. 6 ЕКПЧ или ст. 14 МПГПП)?	В решениях по дисциплинарным делам, в текстах судебных решений, приговоров, послуживших основаниями для прекращения статуса адвоката, документально фиксируются явные признаки игнорирования стандартов независимого суда: необоснованный отказ в допросе ключевых свидетелей защиты, использование анонимных показаний без компенсаторных механизмов защиты, нарушение презумпции невиновности и т.п.
2	Доктрина «плодов отравленного дерева»: основано ли решение о прекращении статуса адвоката на доказательствах, добытых с очевидным и грубым нарушением закона, которые подлежали исключению как недопустимые?	Решение или приговор базируется на результатах незаконного прослушивания конфиденциальных разговоров адвоката с доверителем, материалах незаконных обысков или данных оперативно-розыскной деятельности, полученных без обязательной судебной санкции.
3	Нерегламентированность процесов: применение в рамках рассмотрения дисциплинарного дела технологий и процедуры, не предусмотренной соответствующим регламентом, устанавливающим порядок деятельности.	Фактическое отсутствие действующего положения о порядке работы квалификационной комиссии на момент рассмотрения дисциплинарного дела привело к ограничению прав адвоката, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, в возможности выстроить тактику своей защиты, а также и к ограничению прав его адвоката. Рассмотрение дисциплинарного производства Советом адвокатской палаты осуществлено в отсутствие регламента, что привело к ограничению прав адвоката, привлекаемого к дисциплинарной ответственности в возможности выстроить тактику своей защиты, как и к ограничению прав его представителя.
4	Зависимость состава органа: был ли состав дисциплинарного органа сформирован таким образом, что решающее большинство голосов принадлежало представителям органов исполнительной власти, что a priori лишает орган процессуальной независимости?	Количественное или фактическое (голосующее) преобладание в составе дисциплинарного органа представителей органов государственной власти над адвокатами.
5	Институциональный конфликт интересов: принимали ли непосредственное или скрытое участие в вынесении итогового решения лица, которые сами инициировали дисциплинарное преследование и были ли в составе органа лица, подлежащие отводу?	Лица, инициировавшие преследование (судья, вынесший частное определение, или чиновник Министерства юстиции, представитель дисциплинарного органа), непосредственно присутствуют на заседании комиссии в качестве членов с правом голоса, грубо нарушая максиму Nemo iudex in causa sua (никто не судья в своем собственном деле). В составе дисциплинарного органа принимали участие лица, в отношении которых заявлялись обоснованные и подтвержденные доказательствами ходатайства об их небеспристрастности.

6	Нарушение принципа равенства сторон (Equality of Arms): был ли зафиксирован систематический и необоснованный отказ дисциплинарного органа в приобщении к материалам дела, исследовании и оценке оправдательных доказательств, представленных привлекаемым к ответственности адвокатом?	Немотивированный отказ приобщить к материалам дела письменные доказательства, официальные заключения независимых специалистов или аудиозаписи, оправдывающие адвоката, при одновременном безоговорочном приобщении любых материалов со стороны обвинения.
7	Лишение права на перекрестный допрос: был ли адвокат лишен возможности задать вопросы и подвергнуть перекрестному допросу лиц (заявителей, свидетелей обвинения, процессуальных оппонентов), на чьих показаниях и жалобах строилось обвинительное решение?	Дисциплинарное решение концептуально базируется исключительно на письменных заявлениях лиц, которые умышленно не были приглашены на заседание комиссии, вследствие чего адвокат был лишен фундаментального права задать им вопросы в ходе перекрестного допроса.
8	Заниженный стандарт доказывания: использовал ли дисциплинарный орган при оценке вины заниженный стандарт доказывания (основывая выводы на предположениях или «балансе вероятностей»), проигнорировав стандарт «ясных и убедительных доказательств» (clear and convincing evidence)?	Дисциплинарный орган оперирует в решении формулировками вероятностного характера («с высокой долей вероятности совершил», «исходя из баланса вероятностей»), игнорируя квазиуголовный характер суровой санкции, требующий применения стандарта «ясных и убедительных доказательств» (clear and convincing evidence). Нарушение принципа непосредственности исследования доказательств дисциплинарными органами или судом.
9	Необоснованная закрытость процесса: проводилось ли разбирательство в закрытом режиме без наличия на то веских, строго предусмотренных законом оснований, что лишило процесс транспарентности и защиты от публичного контроля?	Проведение дисциплинарного разбирательства в закрытом режиме без вынесения мотивированного постановления, или без законных оснований, что изолирует процесс от контроля общественности.
10	Нарушение принципа неизменности и четкости дисциплинарного обвинения: имело ли место внезапное изменение фабулы дисциплинарного обвинения, вменение новых эпизодов непосредственно перед стадией вынесения решения, что лишило адвоката возможности подготовить мотивированную защиту? Было ли дисциплинарное обвинение достаточно конкретным?	Изменение квалификации или фактической фабулы дисциплинарного обвинения, в то время как первоначальное дисциплинарное обвинение было иным, что лишает адвоката возможности подготовить релевантную защиту. Неконкретное дисциплинарное обвинение не дает возможности в полной мере понять, каким образом защищаться от этого обвинения, что нарушает право на защиту. Дисциплинарный орган самостоятельно и по собственной инициативе возложив на себя функции заявителя, волюнтаристски конкретизировал и зафиксировал в «дисциплинарном обвинении» те дисциплинарные проступки, которые якобы совершил адвокат, при этом нарушив положения закона путем выхода за пределы описанного в представлении дисциплинарного обвинения.
11	Наличие «доказательного вакуума»: соответствуют ли выводы дисциплинарного органа или суда фактическим обстоятельствам дела?	Содержание итогового акта прямо противоречит имеющимся материалам дела: дисциплинарный орган или суд признают установленными факты, которые не подтверждаются доказательствами, исследованными в ходе дисциплинарного производства или судебного рассмотрения дела.
12	Нарушение права на защиту: допускался ли адвокат к даче показаний, в том числе дистанционно или посредством предоставления или оглашения письменных заявлений?	Физический недопуск адвоката на заседание комиссии под надуманными предлогами, незаконный отказ в предоставлении видеоконференцсвязи для адвокатов, вынужденно покинувших территорию страны, или игнорирование их развернутых письменных объяснений.
13	Заочное рассмотрение дела: был ли процесс рассмотрения дела заочным без надлежащих правовых оснований?	Вынесение решения о прекращении статуса в отсутствие адвоката при отсутствии в материалах дела достоверных доказательств его надлежащего заблаговременного уведомления о дате и времени заседания. Нарушение права на защиту от предъявленного дисциплинарного обвинения посредством личного не допуска к участию в части или во всей процедуре рассмотрения дисциплинарного дела. Заочная и непрозрачная процедура рассмотрения жалоб на решения о прекращении статуса адвоката.
14	Ненадлежащее исследование доказательств: исследованы ли все представленные сторонами доказательства, в том числе оправдывающие?	Отсутствие в мотивировочной части решения юридического анализа представленных оправдывающих аргументов и доказательств. Дисциплинарный орган или суд лишь формально перечисляет их в тексте, не давая им правовой оценки и не мотивируя их отклонение.
15	Ошибки квалификации: правильно ли квалифицированы деяния адвоката?	Заведомо неверное применение к действиям адвоката статьи этического кодекса, диспозиция которой объективно не охватывает совершенное им правомерное процессуальное деяние (например, квалификация подачи серии отводов судье как «срыв судебного заседания и проявление неуважения»).
16	Нарушение принципа законности: применялось ли освобождение от ответственности при наличии к тому оснований?	Немотивированный отказ в применении императивных норм об освобождении от дисциплинарной ответственности (малозначительность проступка, истечение сроков давности, состоявшееся примирение) при очевидном и доказанном наличии всех правовых оснований для этого.
17	Процессуальная скрупулезность: были ли действия и решения дисциплинарного органа или суда надлежащим образом мотивированы в решении?	Отсутствие в описательно-мотивировочной части решения ссылок на конкретные нормы процессуального или материального права, этического кодекса или прецедентной практики, обосновывающие каждый ключевой вывод дисциплинарного органа. Необоснованные, немотивированные, без приведения разумных доводов в обоснование своих решений, отказы в удовлетворении ходатайств адвоката, привлекаемого к дисциплинарной ответственности, направленных на установление истины по делу.
18	Отсутствие мотивировочной части: является ли решение дисциплинарного органа немотивированным актом, в котором отсутствует детальный юридический анализ фактических обстоятельств дела и не дано надлежащего опровержения ключевых доводов защиты?	Итоговое решение состоит из пересказа жалобы (представления) и резолютивной части, без надлежащего анализа применяемых правовых норм, без аналитической оценки доказательств и установления причинно-следственных связей.

19	Ограничение права на представительство: был ли адвокат лишен права воспользоваться помощью независимого представителя (защитника) по своему выбору в ходе заседаний дисциплинарных органов или суда?	Дисциплинарный орган или суд отказывает адвокату в праве пользоваться услугами представителя ссылаясь, например, на «строго личный характер» ответственности или наличие возможности осуществлять защиту своих прав самостоятельно.
20	Эффективное представительство: была ли представителям защиты предоставлена возможность ссылаться на доказательства и правовые доводы международные стандарты в ходе дисциплинарного разбирательства и при обжаловании?	Систематическое прерывание выступлений представителя и открытое игнорирование дисциплинарным органом или судом ссылок на правовые нормы и обстоятельства дела.
21	Внешнее неправовое давление: имеются ли документальные или косвенные подтверждения того, что на членов дисциплинарного органа или суд оказывалось открытое или кулуарное давление со стороны высших должностных лиц, спецслужб или агрессивной кампании в СМИ до вынесения решения или того, что они были по каким-либо причинам лично заинтересованы в принятом решении?	Проведение агрессивных диффамационных кампаний в средствах массовой информации с открытыми требованиями лишить конкретного адвоката статуса накануне заседания палаты; задокументированное присутствие в здании палаты сотрудников спецслужб в день рассмотрения дела с целью оказания психологического давления на членов комиссии.

3.5. Категория IV. Ubi jus ibi remedium: статус адвоката прекращен без предоставления возможности пересмотра или средств правовой защиты

Четвертая категория свидетельствует об институциональном коллапсе – ситуациях, когда национальная система создает иллюзию правосудия.

Фундаментальная максима Ubi jus ibi remedium (где есть право, там есть и средство его защиты) закрепляет неотъемлемое обязательство государства предоставлять гражданам, в том числе профессиональным адвокатам, эффективные, а не иллюзорные правовые механизмы обжалования неправомерных действий.

Категория IV в методологии Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям традиционно диагностирует институциональный коллапс – наличие номинальных процедур обжалования, которые де-факто полностью лишены субстантивного содержания и не способны восстановить нарушенное право.

В контексте произвольного прекращения статуса адвоката этот симптом проявляется в практике национальных судебных инстанций, которые систематически самоустраняются от оценки материальной справедливости корпоративных решений, применяя доктрину невмешательства в искаженных, абсолютизированных формах, превращаясь из арбитров в «технических штамповщиков», избегающих оценки сути и обстоятельств дела.

Анализ объективных проявлений по критериям категории IV обнажает критическую уязвимость статуса адвоката в юрисдикциях, где принцип разделения властей носит исключительно декларативный характер.

Институциональный коллапс правосудия приводит к тому, что адвокат, лишенный профессии по политическим мотивам, оказывается в замкнутом круге (circulus vitiosus).

В таких обстоятельствах национальные механизмы защиты (domestic remedies) признаются международным правом неэффективными и исчерпанными de facto, что открывает прямую дорогу для применения наднациональных, независимых корпоративных механизмов профессиональной реабилитации.

Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов (п. 28–29) прямо закрепляют право адвокатов на пересмотр решений о дисциплинарном взыскании независимым судебным органом. Статья 46 Конституции РФ гарантирует каждому судебную защиту прав, а ст. 15 Европейской хартии о статусе адвокатов (1998 г.) требует наличия эффективных средств правовой защиты в отношении решений о прекращении статуса. ФЗ «Об адвокатуре» предусматривает право обжаловать решение совета адвокатской палаты в суд общей юрисдикции или в ФПА. Однако если на практике адвокату фактически блокируют возможность обжалования (например, не выдают мотивированное решение, не направляют его надлежащим образом, создают искусственные процессуальные препятствия или суды отказываются рассматривать такие жалобы по формальным основаниям), то прекращение статуса становится произвольным, так как оно не сопровождается эффективными гарантиями защиты прав. Прекращение профессионального статуса без доступа к пересмотру нарушает базовый принцип правовой защищенности, закрепленный в ст. 18 Конституции, и делает защиту прав иллюзорной. Нельзя допускать ситуации, когда решение о лишении статуса вступает в силу немедленно и без отсрочки исполнения, не предоставляя адвокату времени на подготовку апелляции. Недопустимо исключать адвоката из профессионального сообщества на основании решения, против которого нет никаких средств защиты. Если обжалование устроено так, что представляет из себя формальность, фактически лишающую адвоката права апелляции по существу, это также делает процесс произвольным.

Таблица 4.

Категория IV. Ubi jus ibi remedium: статус адвоката прекращен без предоставления возможности пересмотра или средств правовой защиты

№	Вопросы, при поиске ответа на которые устанавливается наличие или отсутствие критерия	Типичные формы внешнего проявления критерия
1	Надлежащее уведомление: был ли адвокат уведомлен о возбуждении дисциплинарного производства заблаговременно, с предоставлением разумного срока для подготовки позиции и ознакомления со всеми материалами дела?	Направление уведомлений по неактуальному адресу или не заблаговременно до заседания, что физически и юридически лишает адвоката возможности лично участвовать в разбирательстве дела, подготовить мотивированную правовую позицию, собрать доказательства или пригласить представителя.
2	Личное участие: имел ли адвокат реальную возможность лично участвовать в дисциплинарном заседании и представить свои доводы, доказательства и возражения – в том числе в случае вынужденного отсутствия на территории страны?	Немотивированный отказ дисциплинарного органа в процессуальном переносе заседания или обеспечении дистанционного участия в связи с документально подтвержденной тяжелой болезнью адвоката или его вынужденным экстренным нахождением за пределами национальной юрисдикции из-за угроз безопасности.
3	Возможность обжалования по существу: было ли решение о прекращении статуса, или приговор суда надлежащим образом мотивированы с изложением в его тексте фактических и правовых оснований, позволяющих оспорить его по существу?	Решение представляет собой бессодержательный акт, в котором отсутствует изложение установленных фактов и их значимых признаков, что делает объективно невозможным содержательное оспаривание в суде, так как суд будет не способен определить, за какое конкретно деяние было наложено взыскание и будет лишен способности объективно оценить мотивировку принятого решения.
4	Эффективный механизм контроля: предусмотрен ли национальным законодательством и был ли фактически доступен эффективный механизм обжалования решения о лишении статуса – в вышестоящий профессиональный орган или в суд?	Национальное процессуальное законодательство прямо исключает возможность судебного пересмотра решений органов адвокатских объединений, либо национальные суды неправомерно возвращают иски адвокатов без рассмотрения по существу.
5	Своевременность процедур: были ли соблюдены установленные процессуальные сроки при рассмотрении дисциплинарного дела и при вынесении приговора или решения, либо имело место неоправданное затягивание или, напротив, ускоренное рассмотрение без надлежащего исследования обстоятельств?	Применение практики ускоренного рассмотрения дисциплинарного дела в течение нескольких дней с момента подачи жалобы, с очевидным и преднамеренным ущемлением фундаментального права защиты на сбор и представление оправдательных доказательств.
6	Независимость дисциплинарного органа или суда: являлся ли орган, пересматривавший решение о прекращении статуса подлинно независимым и беспристрастным – свободным от политического давления, не находящимся в отношениях зависимости от акторов, инициировавших уголовное преследование адвоката?	Судья, рассматривающий жалобу адвоката на прекращение статуса, или член дисциплинарного органа ранее сам инициировал дисциплинарное преследование отношении этого же адвоката или находится в служебной или неформальной зависимости от высокопоставленного инициатора.
7	«Механическое исполнение»: не было ли решение принято в порядке «автоматического применения закона», без самостоятельной оценки обстоятельств дела дисциплинарным органом или судом?	Суд отклоняет жалобу, ограничиваясь шаблонной формулировкой о том, что дисциплинарные органы адвокатуры действовали в рамках своих исключительных дискреционных полномочий, полностью уклоняясь от обязанности дать оценку правомерности и процедуре дисциплинарного преследования, соразмерности и справедливости примененной санкции.
8	Наднациональные меры реагирования: были ли в полной мере учтены при рассмотрении дела заявления и доказательства, указывавшие на политическую мотивированность или незаконность исходного преследования?	Игнорирование предъявленных и (или) приобщенных к делу доказательств, подтверждающих значимые для дела обстоятельства.
9	Возможность обжалования: имелась ли у адвоката реальная возможность воспользоваться внутренними средствами правовой защиты, а после их исчерпания обратиться в международные инстанции и были ли созданы препятствия для такого обращения?	Целенаправленное изъятие у адвоката всех материалов его дисциплинарного или уголовного дела под предлогом «наличия государственной тайны» без предоставления заверенных копий, что полностью блокирует физическую возможность подготовки качественной жалобы в ЕСПЧ или КПЧ ООН.
10	Иллюзорность судебного контроля: сводится ли надзор национального суда за решением о прекращении статуса адвоката исключительно к проверке формальных процедур (наличие кворума, сроки), при намеренном отказе суда давать правовую оценку материальной обоснованности и справедливости санкции?	Суд в ходе процесса проверяет исключительно наличие требуемого кворума на заседании совета палаты и формальное соблюдение сроков привлечения, прямо указывая в тексте судебного решения, что правовая оценка тяжести совершенного проступка «не входит в компетенцию суда».
11	Отсутствие приостанавливающего эффекта («Suspensive Effect»): лишает ли закон адвоката права приостановить действие решения органов адвокатуры на период его обжалования в суде, что призвано предотвратить непоправимый и необратимый ущерб его практике и доверителям?	Формальное обжалование репрессивного решения палаты в судебные инстанции по закону не приостанавливает его действие; адвокат немедленно лишается права практиковать, что наносит необратимый, катастрофический ущерб его многолетней практике и доверителям, даже если суд впоследствии признает решение незаконным.
12	Структурная зависимость суда: функционирует ли судебная система страны в условиях такой степени подчинения исполнительной ветви власти (инициировавшей преследование адвоката), что обращение к национальному правосудию лишается всякого практического смысла?	Рассмотрение жалоб происходит в условиях деградировавшей системы, где статистический процент судебных отмен дисциплинарных решений адвокатских объединений, инициированных Министерством юстиции или прокуратурой, стремится к абсолютному нулю ввиду институциональной лояльности судов.
13	Сокрытие материалов дела: был ли адвокат ограничен в доступе к полным материалам своего дисциплинарного или уголовного дела, что сделало невозможным составление аргументированной жалобы?	Дисциплинарный орган отказывает адвокату в ознакомлении с полным текстом поданной на него жалобы или развернутым содержанием документов, в т.ч. протоколов заседаний, выдавая лишь краткие неинформативные выписки, что делает затруднительным или невозможным составление мотивированной жалобы.

14	Неправовая зона, свободная от контроля: применяется ли судами доктрина невмешательства в «корпоративные дела адвокатуры» в настолько искаженном виде, что это выводит решения органов адвокатских объединений из-под контроля за соблюдением прав человека?	Применение национальными судами доктрины абсолютного корпоративного иммунитета, незаконно выводящего любые действия и решения руководства адвокатских объединений из-под эффективного контроля за соблюдением базовых прав человека и конституционных гарантий справедливого суда.
15	Финансовые и административные барьеры: существуют ли в законодательстве непреодолимые заградительные барьеры для доступа к процедуре пересмотра?	Установление законодателем высоких, заградительных государственных пошлин для оспаривания дисциплинарных решений, либо установление такой территориальной подсудности, которая вынуждает лишенного заработка адвоката нести несоразмерные транспортные расходы для участия в судебном процессе.
16	Процессуальная месть судей: рассматривалась ли жалоба адвоката на прекращение статуса теми самыми судьями или судебными составами, в отношении которых адвокат ранее заявлял отводы, подавал жалобы в квалификационные коллегии судей или чьи действия публично разоблачал?	Целенаправленная передача жалобы адвоката на прекращение статуса на рассмотрение именно тому судье или составу суда, на которых данный адвокат ранее направлял жалобы в квалификационную коллегию судей в рамках своей профессиональной деятельности по делам своих клиентов.
17	Круговая порука высших инстанций: приводит ли процедура внутреннего (корпоративного) обжалования в высшие органы адвокатского самоуправления лишь к автоматическому утверждению решений нижестоящих палат без реального рассмотрения доводов защиты?	Процедура внутреннего (корпоративного) обжалования отсутствует, либо деградирует и сводится к формальному утверждению актов нижестоящих дисциплинарных органов без реального истребования материалов дисциплинарного дела и содержательного анализа доводов жалобы защиты.
18	Криминализация обжалования: сопровождался ли процесс попыток адвоката защитить свои права в судах или международных инстанциях угрозами со стороны властей возбудить в отношении него уголовные дела или применить физическое насилие?	Вызов лишенного статуса адвоката на допрос в органы государственной безопасности (спецслужбы) непосредственно после подачи им жалобы в независимый суд или обращения в международные органы с прямыми угрозами возбуждения уголовного дела за мнимый «экстремизм», «государственную измену» или «ложный донос».

3.6. Категория V. Odium professionis: прекращение статуса представляет собой вмешательство в профессиональную деятельность адвоката, преследование за нее или за иную социально значимую деятельность либо акт дискриминации

Пятая категория отражает самый тяжелый симптом деградации правовой системы – преследование адвоката за выполнение им своего профессионального долга или в качестве акта дискриминации. Данный критерий прямо корреспондирует с нарушением принципа недопустимости отождествления адвоката с его доверителем (клиентом).

Международная экспертиза, оперирующая данной категорией, вскрывает институциональную репрессивную телеологию: использование дисциплинарных процедур и институтов адвокатуры для системной «зачистки» правового поля от лиц, защищающих лидеров политической оппозиции, независимых журналистов, правозащитников и иные стигматизированные группы.

К числу наиболее характерных и повторяющихся маркеров использования дисциплинарного производства в адвокатуре в качестве инструмента корпоративного либо политического давления относятся следующие обстоятельства и признаки.

Если прекращение статуса фактически используется как инструмент давления, устрашения или возмездия за профессиональную либо общественно значимую деятельность адвоката, оно становится произвольным. Статья 48 Конституции РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, а независимость адвоката – ключевое условие ее обеспечения. Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов (п. 16–18), прямо запрещают преследование адвокатов за добросовестное выполнение профессиональных обязанностей. Рекомендация CM/Rec(2000)21 также подчеркивает недопустимость давления и вмешательства в деятельность адвокатов, в том числе по политическим мотивам. Кроме того, международное право запрещает дискриминацию по признакам пола, расы, гражданства, языка, религии, убеждений или иного статуса (ст. 2 ВДПЧ, ст. 26 МПГПП, ст. 19 Конституции РФ). Если прекращение статуса имеет целью наказание за участие в защите прав человека, за представление в «неугодных»

Таблица 5.

Категория V. Odium professionis: прекращение статуса представляет собой вмешательство в профессиональную деятельность адвоката, преследование за нее или за иную социально значимую деятельность либо акт дискриминации

№	Вопросы, при поиске ответа на которые устанавливается наличие или отсутствие критерия	Типичные формы внешнего проявления критерия
1	Неудобные связи: связано ли преследование с профессиональной деятельностью адвоката: представлением интересов «неудобных» клиентов, выступлением по политически чувствительным делам?	Прекращение статуса следует за участием адвоката в качестве защитника в резонансных делах о государственной измене, шпионаже, делах против лидеров оппозиции или независимых журналистов, в то время как адвокаты по «обычным» делам аналогичным репрессиям не подвергаются.

2	Наказание за обращение в международные инстанции: наказывался ли адвокат де-факто за направление жалоб или обращений в международные правозащитные структуры (ЕСПЧ, Специальные докладчики ООН, международные НПО) под предлогом «разглашения данных», «нанесения вреда имиджу страны» или под иными подобными предлогами?	Официальное или негласное инициирование прекращение статуса адвоката, подавшего жалобу в ЕСПЧ, КПЧ ООН, МУС или Рабочую группу ООН, под фиктивным предлогом «нанесения непоправимого ущерба репутации государства».
3	Отождествление с доверителем: содержатся ли в процессуальных документах или решениях формулировки, которые бы свидетельствовали о прямом отождествлении правовой позиции адвоката с преступными деяниями, инкриминируемыми его подзащитному?	Официальные акты прямо и недвусмысленно указывают, что активная правовая защита обвиняемого в терроризме или экстремизме сама по себе является уголовно наказуемым пособничеством в этом преступлении.
4	Давление в целях получения показаний: оказывалось ли давление на адвоката с требованием свидетельствовать против доверителя?	Проведение обысков в жилище и офисе адвоката, незаконное изъятие адвокатского досье и прямые угрозы лишения статуса или ареста в случае отказа адвоката дать компрометирующие свидетельские показания против своего подзащитного.
5	Диверсия против инфраструктуры: имело ли место уничтожение адвокатского образования как целенаправленная атака?	Инициирование целенаправленных налоговых проверок, финансового аудита и последующая принудительная ликвидация юридического лица (коллегии адвокатов, бюро или правозащитной ассоциации), в рамках которой работал адвокат, что лишает его институциональной и финансовой базы.
6	Внешние наблюдатели: подтверждается ли политическая мотивация преследования внешними независимыми наблюдателями, правозащитниками, международными органами?	Наличие публикаций, заявлений, публичных докладов правозащитных и международных организаций, в которых дело конкретного лишенного статуса адвоката прямо и обоснованно классифицируется как политически мотивированное возмездие за правозащитную деятельность.
7	Давление в целях выхода из дела: имело ли место давление с целью вынудить адвоката отказаться от защиты прав или каких-либо благ как условие прекращения преследования?	Требования следователей, оперативных сотрудников спецслужб, председателей судов или руководства адвокатских объединений добровольно выйти из политически чувствительного дела под угрозой инициирования процедуры лишения статуса или уголовного преследования по надуманным основаниям.
8	Наказание за защиту «врагов государства»: выступает ли прекращение статуса адвоката прямой местью за активную процессуальную защиту адвокатом лиц, обвиняемых по политическим статьям, делам о государственной измене, терроризме, экстремизме и т.п.?	Дисциплинарное производство инициируется по неформальному требованию спецслужб в качестве акта прямой мести за разрушение процессуальной линии государственного обвинения по резонансным политическим делам.
9	Стигматизация через статусы: предшествовало ли прекращению статуса внесение адвоката государственными органами во внесудебном порядке в стигматизирующие дискриминационные реестры?	Внесение адвоката в официальные государственные реестры «иностранных агентов», «нежелательных лиц» или «лиц, причастных к экстремистской или террористической деятельности» во внесудебном порядке, что затрудняет или делает невозможным выполнение профессиональных обязанностей. Аналогичные действия против общественных организаций адвокатов.
10	Процессуальная диверсия следствия: был ли статус адвоката спешно прекращен в критический момент ведения резонансного дела с целью оставить подсудимого без эффективной защиты?	Ускоренное прекращение статуса адвоката незадолго до ключевой стадии расследования или рассмотрения дела, допроса главного свидетеля обвинения или перед рассмотрением жалобы, с циничной целью оставить подсудимого без эффективного и подготовленного защитника.
11	Криминализация процессуальной активности: вменялось ли адвокату в вину и служило ли основанием для наказания заявление им большого количества законных процессуальных ходатайств, отводов и жалоб, которые следствие или суд трактовали как «злоупотребление правом» или «срыв процесса»?	Вынесение судами частных определений (постановлений), квалифицирующих заявление адвокатом большого количества ходатайств, отводов составу суда или жалоб как умышленное «злоупотребление правом» и основание для жестокого дисциплинарного наказания. Уголовное преследование за осуществление профессиональной деятельности.
12	Диффамационная кампания: сопровождался ли процесс инициирования прекращения статуса скоординированной клеветнической кампанией, организованной в подконтрольных СМИ	Трансляция, публикация в подконтрольных СМИ, на ресурсах в сети Интернет, скоординированных сюжетов и публикаций, откровенно очерняющих адвоката, прямо обвиняющих его в «защите предателей родины» и «работе на иностранные разведки» и т.п., что служит психологической прелюдией для последующих мер воздействия на него.
13	Принуждение к нарушению адвокатской тайны: использовалась ли угроза прекращения статуса (или само прекращение) как карательная мера за отказ адвоката раскрыть конфиденциальную информацию о клиенте, дать против него показания или осуществлять негласное сотрудничество с органами государственной безопасности?	Инициирование дисциплинарного производства за категорический отказ адвоката предоставить правоохранительным органам незаконный доступ к защищенной электронной переписке с клиентом или подписать соглашение о негласном конфиденциальном сотрудничестве (информировании) со спецслужбами.
14	Наказание за адвокатское расследование: было ли взыскание наложено за проведение адвокатом собственного эффективного расследования (сбор доказательств, опросы, независимые экспертизы), результаты которого убедительно разрушали версию государственного обвинения?	Прекращение статуса под надуманным предлогом «незаконного сбора частной информации» или «вмешательства в частную жизнь» сразу после того, как адвокат самостоятельно и законно провел опросы ключевых свидетелей или получил заключения независимых международных экспертов, которые полностью опровергают версию государственного обвинения.
15	Информирование о пытках: было ли применено дисциплинарное взыскание в виде лишения статуса в качестве реакции на то, что адвокат публично информировал общество или прессу о фактах применения пыток, жестокого обращения или фальсификации доказательств в отношении его подзащитного?	Инициирование процесса лишения статуса в качестве карательной реакции на то, что адвокат, исчерпав внутренние средства защиты, выступил с пресс-конференцией или подал публичную жалобу о применении пыток к его подзащитному в следственном изоляторе.

16	Рейдерский захват практики: применялась ли процедура лишения статуса с коррупционной целью – как способ принудительного отстранения адвоката от участия в крупных коммерческих спорах в интересах связанных с государственным аппаратом юридических фирм?	Использование дисциплинарного ресурса высокопоставленными коррумпированными чиновниками для принудительного отстранения честного и эффективного адвоката от участия в коммерческих спорах с целью беспрепятственной передачи дела «послушным» адвокатам, аффилированным с конкретными акторами, которые представляют интересы сотрудников государственного аппарата, бизнес-структур, иных структур.
17	Невыполнение предназначения: установлено ли, что дисциплинарные органы действовали вразрез с предназначением адвокатских объединений и сознательно нарушили право доверителей привлеченного к дисциплинарной ответственности адвоката на выбор этого адвоката и возможность осуществления защиты им их интересов.	Дисциплинарные органы и суд не оценивали влияние назначенных адвокату мер дисциплинарного воздействия на влияние этого наказания на процесс оказания квалифицированной юридической помощи доверителям адвоката. Дисциплинарный орган посредством принятого решения вмешивается и препятствует профессиональной деятельности адвоката, а также реализации конституционного права его доверителей на получение квалифицированной юридической помощи.
18	Экономическое давление и иные формы воздействия: применялись ли к адвокату способы экономического давления или иного воздействия?	Предъявление заведомо завышенных имущественных претензий к адвокату под угрозой банкротства, не связанное с профессиональной этикой, давление через родственников или при помощи угроз в отношении них.
19	Системная зачистка правозащитников: является ли прекращение статуса данного конкретного адвоката частью широкомасштабной кампании государства по системному уничтожению независимой адвокатуры?	Прекращение статуса рассматривается независимыми экспертами не как изолированный, случайный инцидент, а как часть документально подтвержденной, спланированной широкомасштабной кампании по систематической ликвидации всей сети независимой правозащитной адвокатуры в стране (паттерн, подтверждаемый объективными данными).
20	«Замораживающий эффект» («Chilling Effect»): имеется ли в данной юрисдикции статистически подтвержденный паттерн, при котором аналогичные суровые дисциплинарные санкции систематически применяются преимущественно к адвокатам для подавления их активности в профессиональной деятельности?	Объективные данные, доказывающие, что высшая мера дисциплинарной ответственности применяется в большинстве случаев, к адвокатам, для подавления их активности в профессиональной деятельности.

делах, за политическую позицию, гражданскую активность, принадлежность к определенной этнической или религиозной группе, то оно является не дисциплинарным актом, а формой преследования и дискриминации. Такое применение дисциплинарного механизма несовместимо с принципом независимости адвокатуры и подрывает само право на защиту.

3.7. Применимость к случаям прекращения статуса адвоката на основании приговора суда о признании адвоката виновным в совершении умышленного преступления

Прекращение статуса адвоката может быть признано произвольным, если оно формально основано на вступившем в силу обвинительном приговоре суда, если сам приговор неправосуден, политически мотивирован или вынесен с нарушением фундаментальных прав.

Международные стандарты предполагают, чтобы адвокаты не подвергались санкциям или ограничению своих прав за добросовестное осуществление профессиональной деятельности. Даже если государство использует формально-юридический механизм (например, приговор суда), но сам судебный процесс не соответствует стандартам справедливости, последствия таких решений произвольны. Признание приговора политически мотивированным, заочным, вынесенным без должной защиты и участия, нарушающим право на справедливое разбирательство делает все его правовые последствия юридически уязвимыми и подлежащими международному контролю.

Если исходить из сформулированных выше критериев произвольности лишения (прекращения) статуса адвоката, то из них следует, что при рассмотрении конкретной ситуации следует оценивать произвольность не только по процедуре лишения статуса, но и по качеству оснований для него. В связи с этим оценке подлежит недостаточность или сомнительность правовой базы и фактической основы, которая учитывалась при принятии соответствующего решения. Оценке также подлежат несоразмерность предпринимаемых мер, нарушения прав адвоката, политическая или иная ангажированность органа, принимающего решение, общий контекст ситуации. Если приговор – инструмент политической расправы или результат несправедливого процесса – произволен, то использование его в качестве основания для прекращения статуса также произвольно.

Практика ЕСПЧ предполагает, что если приговор вынесен в нарушение ст. 6 ЕКПЧ (право на справедливое разбирательство), то все его последствия, включая лишение профессии, недопустимы. При этом ЕСПЧ рассматривает форму и суть, даже «законное» решение может быть признано нарушающим права человека, если оно основано на политически мотивированных или несправедливых судебных процессах.

Подпункт 4 пункта 1 статьи 17 ФЗ «Об адвокатуре» устанавливает, что статус адвоката подлежит прекращению решением совета адвокатской палаты в случае вступления в законную силу обви-

нительного приговора суда за совершение умышленного преступления. Это положение носит императивный характер: совет адвокатской палаты обязан принять решение о прекращении статуса на основе такого приговора, без права на оценку его обоснованности или обстоятельств дела. При этом подпункт 4 пункта 1 статьи 17 Закона прямо не предусматривает возможности оценки палатой адвокатов справедливости или законности приговора, исходя из презумпции его законности после вступления в силу. На первый взгляд, процедура выглядит формальной: есть вступивший в силу приговор – есть основание для решения Совета. Однако данная правовая конструкция не может рассматриваться изолированно от принципов справедливости правосудия и международных обязательств Российской Федерации в области прав человека (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Решение Совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката носит квазисудебный характер: его принятое решение следует принципу правовой определенности, однако основания этого решения – приговор – определяют его легитимность. Если приговор неправосуден, Совет руководствуется юридически ничтожным по своим качествам документом. Признание лица виновным в совершении преступления и любые производные от этого решения последствия (включая лишение профессии) допустимы только при условии, что приговор был законным, справедливым, вынесенным в результате состязательного процесса и с соблюдением процессуальных гарантий. Если же приговор вынесен без достаточных оснований, содержит правовые ошибки и упущения, принят с грубыми нарушениями процессуальных гарантий, носит характер профессионального или политического преследования, то такой приговор утрачивает презумпцию законности и справедливости, а произвольные судебные решения не могут порождать законные последствия. Если решение о прекращении статуса адвоката механически основывается на приговоре, который сам является неправосудным и произвольным, то такое решение теряет правовую легитимность, так как строится на незаконном основании; нарушает принцип независимости адвокатуры, поскольку допускает косвенное использование уголовного преследования для устранения нежелательных адвокатов и становится произвольным, даже если формально соответствует буквальному тексту закона.

В правовом государстве формальное соблюдение буквы закона не должно превалировать над его духом и фундаментальными принципами, такими как справедливость, законность и обоснованность судебных актов. Когда уголовное дело и последующий приговор носят характер профессионального или политического преследования, они перестают быть актом правосудия и превращаются в инструмент давления и расправы. Прекращение статуса адвоката на основании такого «приговора» становится продолжением этого преследования, а Совет адвокатской палаты, формально исполняя закон, по сути, рискует стать «техническим штамповщиком» и активным соучастником подавления независимости адвокатуры. Произвольным является не только решение, принятое без всяких оснований, но и решение, основанное на заведомо неправомерных, фиктивных или сфабрикованных основаниях. Формальное наличие приговора не отменяет его произвольного характера, если он был вынесен с целью не установления истины, а для достижения заранее определенного результата – осуждения конкретного лица. Следовательно, и решение о прекращении статуса, опирающееся на такой акт, также является произвольным.

В связи с этим необходимо прийти к следующему выводу: если приговор, о признании адвоката виновным в совершении умышленного преступления, вступление которого в законную силу на основании положений подпункта 4 пункта 1 статьи 17 Федерального закона «ФЗ «Об адвокатуре» положено в основу решения Совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката, не является справедливым, если этот приговор безосновательно вынесен в заочной форме, содержит в себе правовые упущения, его вынесение сопровождалось процессуальными нарушениями, а сам он носит характер профессионального или политического (в широком смысле) преследования, то есть если такой приговор является неправосудным и произвольным, то и решение, предусматривающее прекращение статуса адвоката на его основе, также является произвольным, несмотря на возможное формальное соблюдение закона.

Часть 4. Процедура проведения международной экспертизы

4.1. Инициирование, сбор и систематизация материалов

Кто может инициировать производство международной экспертизы: сам адвокат (путем обращения с заявлением о вступлении в Ассоциацию).

Документы, необходимые для проведения экспертизы:

– заявление адвоката о вступлении в Ассоциацию;

– документы, подтверждающие прекращение статуса адвоката (уведомление из региональной адвокатской палаты о прекращении статуса, заключение квалификационной комиссии адвокатской палаты, решение совета адвокатской палаты, акты Комиссии по этике и стандартам Федеральной палаты адвокатов, решение совета Федеральной палаты адвокатов, сообщение из управления Министерства юстиции);

– приговор суда (если прекращение статуса основано на обвинительном приговоре), апелляционные/кассационные жалобы на приговор;

– сообщение Интерпола (если применимо);

– любые иные документы, подтверждающие нарушения;

– любые доказательства преследования за осуществление профессиональной деятельности и его мотивации.

4.2. Назначение эксперта

4.2.1. Общие положения

Центральный элемент методики – подготовка независимого научно-экспертного заключения. Особое значение придается междисциплинарному и международному характеру экспертной оценки.

Экспертиза должна:

– быть проведена специалистами высокого уровня;

– опираться на международные стандарты;

– содержать детальный правовой анализ исследованных документов и установленных на их основе фактов;

– включать исследование и обоснование выявленных нарушений;

– устанавливать связь между преследованием и профессиональной деятельностью адвоката;

– анализировать общий контекст дела.

Экспертиза поручается профильному специалисту – как правило, имеющему:

– длительный стаж научно-педагогической деятельности и практической работы в адвокатуре;

– публикации по проблематике организации и деятельности адвокатуры;

– признанный международный опыт адвокатской и (или) правозащитной деятельности;

– ученую степень.

Все участники процесса экспертизы обязуются хранить материалы дела в тайне; порядок и условия публикации заключения, особые ограничения применительно к сведениям о лицах, находящихся в юрисдикции преследующего государства, и меры информационной безопасности при передаче документов определяются применительно к каждому конкретному случаю.

4.2.2. Стандарты объективности и независимости экспертов

Эксперты, участвующие в производстве экспертизы в рамках настоящей методики, обязаны соответствовать следующим стандартам объективности:

– наличие признанной международной квалификации в области международного права, прав человека или сравнительного правоведения;

– отсутствие личной, профессиональной или финансовой заинтересованности в исходе дела;

– готовность раскрыть любые сведения для устранения потенциального конфликта интересов.

4.2.3. Процессуальные гарантии независимости экспертизы

В целях обеспечения независимости экспертизы устанавливаются следующие процессуальные гарантии:

– эксперты назначаются органом ассоциации, а не сторонами по делу;

– состав экспертной комиссии в обязательном порядке включает специалистов из разных юрисдикций;

– финансирование экспертизы осуществляется из средств ассоциации.

4.2.4. Процедура отвода и разрешения конфликта интересов

В рамках методики предлагается следующая процедура отвода экспертов и рецензентов:

– **самоотвод:** эксперт обязан заявить о самоотводе при наличии любого из следующих обстоятельств: личное знакомство с заявителем или его представителями за пределами профессионального контекста; предшествующее участие в разрешении дела заявителя; наличие финансовой зависимости от заинтересованных сторон; публичное высказывание позиции по обстоятельствам экспертизы по делу заявителя. Заявление о самоотводе подается на имя исполнительного органа ассоциации в письменной форме до начала экспертизы или незамедлительно после того, как основание самоотвода стало известно эксперту.

– **мотивированный отвод:** заявитель или его представитель вправе заявить мотивированный отвод эксперту или рецензентам до начала рассмотрения дела или в течение трех дней с момента, когда стало известно об основании отвода. Ходатайство об отводе подается в письменной форме на имя исполнительного органа ассоциации в письменной с указанием конкретных обсто-

ятельств, свидетельствующих о конфликте интересов или предвзятости эксперта.

– **разрешение вопроса об отводе:** вопрос об отводе разрешается большинством голосов на исполнительного органа ассоциации. Эксперт при этом не участвует в голосовании. В случае удовлетворения отвода назначается другой эксперт. Решение по вопросу об отводе является окончательным на уровне исполнительного органа ассоциации и может быть обжаловано в высшем органе ассоциации.

4.2.5. Вопросы обжалования

Отказ исполнительного органа от принятия в члены ассоциации может быть обжалован заявителем или его уполномоченным представителем в высший орган ассоциации. Жалоба подается в секретариат ассоциации в письменной форме в течение тридцати календарных дней с момента получения заявителем официального уведомления об отрицательном решении исполнительного органа ассоциации. Жалоба должна содержать:

– указание на обжалуемое решение;

– доводы, по которым заявитель считает решение необоснованным

– дополнительные материалы (при наличии).

Высший орган ассоциации рассматривает жалобу в рамках проведения очередного заседания. Заявителю предоставляется возможность представить устные или письменные пояснения.

4.3. Методология экспертного исследования

При проведении международной экспертизы применяются следующие методы.

Общенаучные методы:

– диалектический метод познания действительности;

– системный анализ;

– анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция;

– функциональный метод;

– иные методы.

Частнонаучные методы:

– формально-юридический (формально-логический) метод (анализ соответствия содержания приговора или дисциплинарного акта требованиям законодательства; проверка полноты исследования доказательств; оценка соответствия структуры и содержания акта установленным нормам; проверка законности выводов суда; оценка соответствия мотивировочной части требованиям полноты и обоснованности);

– ретроспективный анализ (оценка правового и социального контекста дела, наличия приговора по уголовному делу и последствий его исполнения, правильности квалификации деяния, соразмерности наказания);

– контент-анализ документов и сведений (сопоставление текста актов адвокатских объединений и суда с ходатайствами и жалобами, проверка содержания исследования доказательств, анализ того, насколько решение содержит оценку всех доводов адвоката; проверка правильности квалификации деяния и доказанности деяния по каждой инкриминируемой норме);

– компаративистский метод (сравнительно-правовой) (сопоставление национальной практики с международными стандартами и практикой других юрисдикций);

– метод теоретического моделирования (построение модели «правомерного» дисциплинарного или уголовного дела для сравнения с реальным);

– метод независимого процессуального контроля (проверка соблюдения процессуальных норм при оформлении решения; анализ факторов, повлиявших на назначение наказания; выявление нарушений и ошибок);

– иные методы.

4.4. Структура экспертного заключения

В процессе проведения исследования и по его результатам формулируется вывод о произвольности прекращения статуса адвоката или о его отсутствии. Оформляется экспертный акт – заключение для детального обоснования полученных выводов.

Экспертное заключение должно содержать:

Вводную часть:

– описание объектов и методологии исследования;

– общую информацию, поставленный вопрос;

– нормативную, практическую и научную основу исследования;

– список документов, представленных для исследования.

Описательно-мотивировочную часть:

– обстоятельства дела (биографические данные адвоката, информация об адвокате, его деятельности, контексте его преследования, значимые обстоятельства преследования);

– фактические обстоятельства лишения статуса;

– применение критериев произвольности к конкретному случаю с подробной аргументацией по каждому критерию;

– оценку решения о прекращении статуса адвоката, приговора или решения суда.

Резолютивную часть: ответ на поставленный вопрос, квалификацию по категориям произвольности прекращения статуса адвоката при их выявлении.

Проверяемость выводов эксперта обеспечивается следующими механизмами:

– документирование источников, на которых основаны выводы, с указанием конкретных ссылок на международно-правовые акты, решения судебных и квазисудебных органов;

– обязательное изложение фактических обстоятельств, правовых оценок и итоговых выводов;

– публичная доступность применяемых методологических стандартов;

– право заинтересованных сторон запросить развернутое мотивированное пояснение по любому из выводов;

– институтом рецензирования.

4.5. Рецензирование

Важный элемент методики – независимое внешнее рецензирование заключения минимум тремя экспертами-рецензентами, желательно – представителями разных стран и разных правовых систем.

Рецензия составляется на основании изучения текста заключения и прилагаемых к нему материалов, в том числе источников, указанных в качестве ссылок.

Рецензия оформляется в свободной форме и подписывается рецензентом.

Для устранения разногласий применяется процедура коллегиального обсуждения.

Положительные рецензии двух из трех рецензентов дают основания для признания заключения обоснованным и подлежащим утверждению исполнительным органом ассоциации, осуществляющими прием членов.

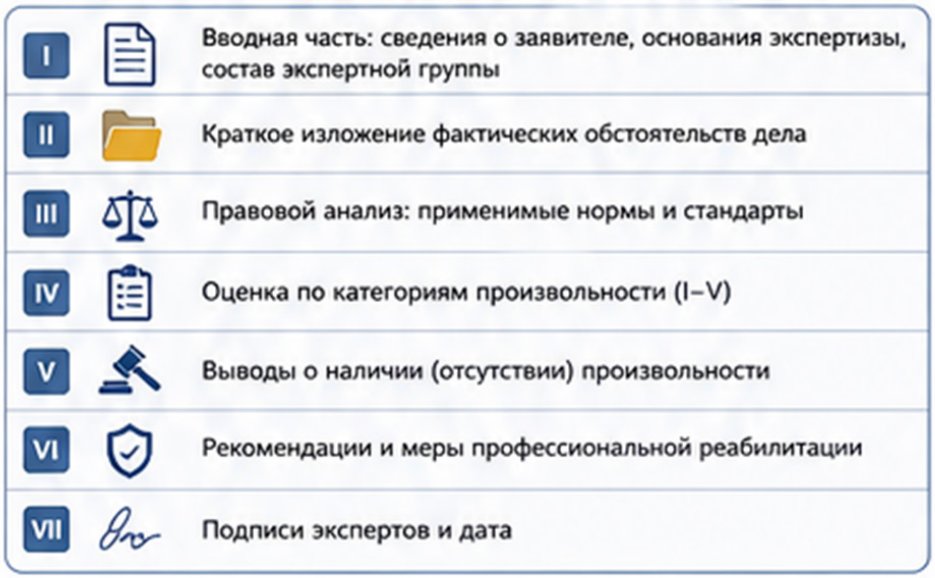
Заключение может быть доработано после получения рецензии и представлено на повторное рецензирование.

Часть 5. Принятие решения о профессиональной реабилитации адвоката

Суть данного действия состоит в том, что ассоциация на основании заключения международной экспертизы, установившей произвольность прекращения статуса адвоката:

– признает решение о прекращении статуса адвоката неправомерным;

СХЕМА 4. СТРУКТУРА ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ



– принимает адвоката в свои ряды, чем подтверждает сохранение его профессиональной идентичности;

– признает его адвокатом в международном профессиональном пространстве.

На основании заключения международной экспертизы о произвольном прекращении статуса адвоката орган ассоциации вправе принять решение о приеме адвоката в полноправные члены ассоциации.

Принятие решения подтверждается включением сведений об адвокате в реестр ассоциации и выдачей ему свидетельства установленного образца.

Подобное решение является де-факто актом международной профессиональной реабилитации – восстановления адвоката в профессиональном статусе на международном уровне. Оно не заменяет и не отменяет национальное решение о прекращении статуса (что в полномочия ассоциации не входит), однако:

– фиксирует произвольность национального решения на международном уровне;

– предоставляет адвокату международное профессиональное признание;

– создает основу для международной и последующей внутригосударственной реабилитации.

Обжалование адвокатом отрицательного решения высшего исполнительного органа ассоциации, принятого по результатам международной экспертизы, осуществляется в высший орган ассоциации.

Часть 6. Практические эффекты методики

Методика ориентирована не только на защиту, но и на достижение позитивных для адвоката и адвокатского сообщества эффектов.

6.1. Восстановление профессиональной репутации

Заключение международной экспертизы:

– разрушает презумпцию законности репрессивного решения;

– подтверждает добросовестность адвоката;

– фиксирует политический характер преследования.

Международное признание произвольности прекращения статуса является формой моральной и профессиональной реабилитации. Международное сообщество получает возможность продолжать рассматривать адвоката в качестве полноправного коллеги и осуществлять сотрудничество с ним как с адвокатом.

6.2. Сохранение профессиональной идентичности

Международное сообщество продолжает рассматривать адвоката как полноценного представителя адвокатской профессии. Это позволяет ему:

– участвовать в международных проектах;

– консультировать клиентов;

– взаимодействовать с зарубежными коллегами;

– получать профессиональный допуск в зарубежных юрисдикциях в соответствии с положениями местного законодательства;

– осуществлять занятие трансграничной практикой, будучи в статусе адвоката.

6.3. Использование результатов экспертизы в миграционных и визовых процедурах

Материалы международной экспертизы могут использоваться при получении убежища, гуманитарных и иных виз, для подтверждения факта политического преследования, для защиты от экстрадиции.

6.4. Доказательство для обжалования

Экспертное заключение послужит весомым доказательством при обжаловании решения о лишении статуса в судах и при обращении в международные инстанции, а в последующем – для пересмотра дел (retrials), институциональной люстрации судей, функционеров дисциплинарных органов, выносивших произвольные решения, а также для процессов реституции – выплаты компенсаций произвольно преследуемым адвокатам как жертвам умышленного злоупотребления правосудием (miscarriage of justice) со стороны государства.

6.5. Международное давление

Методика способна создавать и увеличивать репутационные последствия для представителей национальных органов адвокатских объединений и государственных органов осуществлявших противоправные преследования в отношении адвокатов, создает предпосылки для включения конкретных лиц, ответственных за неправомерное преследование адвокатов, в реестры персонифицированной ответственности что может повлечь:

– международный бойкот;

– отказ от сотрудничества;

– внимание государственных и международных структур;

– дипломатическое и международное давление;

– привлечение лиц, ответственных за преследование адвокатов к ответственности в соответствии с действующим законодательством или в порядке процедур переходного правосудия.

6.6. Превентивный и прецедентный эффект

Заключение кодифицирует критерии произвольного прекращения статуса адвоката и становится методологической основой для оценки аналогичных дел. Решение ассоциации предупреждает аналогичные произвольные действия в отношении других адвокатов, сигнализируя, что последствия для репутации организаторов и исполнителей преследований будут зафиксированы на международном уровне.

6.7. Поддержка профессионального сообщества

Для адвокатов, продолжающих работать в сложных условиях внутри страны, решения о профессиональной реабилитации будут являться актами солидарности и напоминанием о существовании внешних стандартов и международной профессиональной поддержки. Значимым является и вклад в борьбу с насаждаемым «замораживающим эффектом».

6.8. Создание международного стандарта оценки преследования адвокатов

Методика может рассматриваться как модельная для аналогичных дел, а заключения международной экспертизы по вопросу о произвольности прекращения статуса адвоката, составленные на ее основе, способны становится прецедентами и методологической основой для оценки аналогичных дел о преследовании адвокатов. Заключения могут быть использованы для защиты адвокатов, оказавшихся в похожей ситуации в любых юрисдикциях.

Активное применение методики на практике способно привести к созданию:

– общепризнанного международного стандарта содействия и реабилитации преследуемых адвокатов;

– универсальной модели реагирования адвокатского сообщества на преследование отдельных его представителей;

– новой формы проявления международной адвокатской солидарности.

На основе методики могут быть разработаны рекомендации для адвокатских ассоциаций о порядке реагирования на факты произвольного прекращения статуса адвокатов.

Часть 7. Перспективность применения методики

7.1. Предназначение адвокатского сообщества и экстерриториальность защиты профессии

Защита коллег по профессии и независимости адвокатуры является базовой функцией национальных ассоциаций адвокатов и международных организаций адвокатов во всем мире. Игнорирование очевидного произвола означало бы отказ от этой функции и фактическое соучастие в нем.

Статус адвоката и право на осуществление профессиональной адвокатской деятельности уже не являются исключительной прерогативой одного государства. В условиях глобализации и возможности ведения транснациональной юридической практики независимое профессиональное сообщество само вправе осуществлять надзор за соблюдением стандартов профессии вне жесткой привязки к национальной юрисдикции.

7.2. Универсальность критериев

Разработанные пять категорий произвольности могут применяться к любым случаям прекращения статуса адвоката в любой стране, поскольку основаны на общепризнанных международных стандартах (ООН, ЕСПЧ, Основные принципы о роли юристов).

Методика может применяться:

– в делах о прекращении статуса адвоката;

– в дисциплинарных делах;

– при уголовном преследовании адвокатов;

– при запрете профессиональной деятельности;

– в делах о политическом давлении;

– в случаях преследования за свободу выражения мнения;

– в делах о вмешательстве в защиту доверителей.

7.3. Независимость от национальной юрисдикции

Методика не требует обязательного признания со стороны национальных органов адвокатского самоуправления или иных органов надзора за юридической профессией. Она применяется и действует в первую очередь в рамках международного профессионального сообщества. В соответствии с общими принципами международного права в области прав человека экспертные заключения международных организаций допускаются в качестве доказательства в рамках национального судопроизводства, процедур международных организаций и межгосударственных механизмов защиты прав.

Разработанные критерии произвольности подходят для верификации и противодействия системным репрессиям по всему миру.

7.4. Особая актуальность

Методика особенно актуальна для адвокатов из государств [74], в которых выявлены такие системные явления как:

– деградация верховенства права, судебной и правоохранительной системы и системы защиты прав человека, независимости адвокатуры и адвокатов;

– использование дисциплинарных процедур в адвокатуре как средств давления на адвокатов или их группы;

– преследование адвокатов со стороны государственных органов, государственных акторов, сотрудников органов адвокатских объединений, по личным мотивам, а также по причинам, связанным с их профессиональной и (или) правозащитной деятельностью, иной социально-полезной деятельностью или реализацией их гражданских прав.

7.5. Заполнение правового вакуума для преследуемых адвокатов

Применение методики актуально, в том числе, для адвокатов Российской Федерации. В условиях, когда Россия вышла из Совета Европы (с 2022 г.), ЕСПЧ больше не рассматривает жалобы из Российской Федерации в отношении событий, произошедших после 16 сентября 2022 г., национальные адвокатские палаты не способны или не желают защищать независимость адвокатуры. При этом статус адвоката в России может быть прекращен даже за сам факт выезда адвоката из страны на срок более одного года [75], в то время как адвокаты и их организации подвергаются преследованиям [76]. В таких условиях международная профессиональная экспертиза для восстановления их статуса адвоката становится единственным механизмом их защиты. Методика заполняет правовой вакуум в ситуации, когда национальные институты не способны или не желают защитить основные принципы профессии и позволяет адвокатам продолжать осуществлять свою профессиональную деятельность.

7.6. Международное документирование и внимание

Экспертные заключения, собранные воедино, служит базой документирования то есть фактически – доказательной базой для демонстрации наличия в государстве «систематической практики грубых и достоверно подтвержденных нарушений» (consistent pattern of gross and reliably attested violations) прав представителей юридической профессии, что, само по себе, должно являться основанием для пристального внимания в отношении происходящего со стороны ООН и международного сообщества, поскольку нарушения прав человека, в силу устоявшегося подхода, не могут быть признаны внутренними делами отдельных государств. Они также служат доказательством того факта, что национальная судебная система государства парализована, неспособна (inability) или не желает (unwillingness) проводить беспристрастные расследования вследствие целенаправленного уничтожения институтов независимой правовой защиты.

7.7. Пределы международного признания статуса адвоката

Международное признание профессионального статуса адвоката в случае прохождения экспертизы на предмет произвольности его прекращения в государстве получения статуса, не является безграничным. Настоящая методика исходит из следующих пределов такого признания:

– **территориальный предел:** признание статуса в конкретной иностранной юрисдикции возможно лишь при соответствии адвоката требованиям данной юрисдикции к квалификации и языковой компетентности либо при наличии специальной программы содействия преследуемым адвокатам.

– **материальный предел:** заключение не создает права на автоматический допуск к адвокатской практике в какой-либо юрисдикции, оно устанавливает лишь факт политически мотивированного прекращения статуса и отсутствие реального профессионального проступка, подтверждая тем самым профессиональную репутацию адвоката.

– **правовой предел:** объем признания определяется двусторонними и многосторонними соглашениями о взаимном признании квалификаций (в частности, Директива ЕС 98/5/ЕС о постоянном допуске к профессии юриста в другом государстве-члене) и внутренним законодательством принимающего государства.

– **временной предел:** признание статуса на основании заключения сохраняет силу до момента изменения обстоятельств, послуживших основанием для заключения.

7.8. Модели практической имплементации методики

Европейский Союз. В государствах – членах ЕС имплементация методики осуществляется через механизм взаимодействия с национальными адвокатскими объединениями – членами CCBE при взаимодействии с CCBE.

Конкретный предполагаемый порядок таков:

– заключается Меморандум о взаимопонимании (Memorandum of Understanding – MOU). Опираясь на доктрину взаимного признания (Mutual Recognition Framework), эти документы устанавливают четкий правовой регламент: заключение международной экспертизы о произвольном прекращении статуса адвоката, подготовленное ассоциацией и принятие адвоката в члены ассоциации на основании подтверждения этого факта признается принимающей стороной в качестве легитимного эквивалента подтверждения наличия статуса адвоката и «доброй репутации» (Certificate of Good Standing).

– заключение международной экспертизы о произвольном прекращении статуса адвоката и копия свидетельства о принятии адвоката в члены ассоциации направляется в CCBE с запросом о содействии в его направлении национальным регуляторам либо напрямую в их адрес;

– национальная палата принимающего государства инициирует внутреннюю процедуру рассмотрения заявления в соответствии со своим регламентом.

В Великобритании заключение направляется в Solicitors Regulation Authority (SRA) или Bar Standards Board (BSB) с приложением запроса о рассмотрении возможности признания профессионального статуса заявителя в рамках процедуры Qualified Lawyers Transfer Scheme (QLTS) или аналогичной.

В США заключение направляется American Bar Association и в адвокатское объединение штата, в котором заявитель намерен осуществлять практику. Дополнительно направляется запрос об информации о возможностях профессиональной реабилитации.

В Канаде заключение направляется в Law Society соответствующей провинции. В провинциях, располагающих специальными программами для иностранных адвокатов (Ontario, British Columbia), заявитель вправе ходатайствовать о применении ускоренной процедуры признания.

Во всех случаях заключение сопровождается переводом, в соответствии с требованиями при-

нимающей юрисдикции и иными необходимыми документами.

Часть 8. Риски, связанные с применением методики, и способы их митигации

Рассмотренные далее риски и предложенные способы их митигации при применении методики на практике выстраиваются по четырем основным направлениям: институционализация (создание коллегиальных структур, стандартов и методик), легитимация (международное признание организации, проводящей экспертизу, и ее решений), договорное закрепление (меморандумы и соглашения с иностранными органами и организациями, регулирующими профессию адвоката) и информационно-правовая защита (публичный реестр, мониторинг, доклады в международные органы, финансовая солидарность). Ключевой принцип всех мер – снижение зависимости от отдельных лиц, обстоятельств и юрисдикций через создание устойчивых организационных, правовых и финансовых механизмов. При последовательной реализации этих мер вероятность успешного применения методики для защиты прав преследуемых адвокатов значительно возрастает, а сами риски превращаются из непреодолимых препятствий в управляемые факторы.

8.1. Отсутствие обязательности решения для государственных органов и органов страновых адвокатских объединений

Методика не обязывает суды, органы восстанавливать адвоката в статусе. Она действует на уровне международного профессионального признания.

Способы митигации:

8.1.1. Формирование массива прецедентов для будущего использования

Накопление нескольких (3-5 и более) дел адвокатов, восстановленных в статусе на основании применения предложенной методики, создает убедительный эмпирический массив, который при изменении ситуации может быть использован как основание для массового пересмотра произвольных решений. Прецеденты призваны начать формировать международную практику реагирования на случаи произвольного лишения статуса адвокатов.

8.1.2. Стратегическое судебное обжалование внутри страны

Параллельное оспаривание решений органов адвокатуры в судах общей юрисдикции (несмотря на низкую вероятность успеха) с одновременным использованием заключения в качестве дополнительного доказательства. Это фиксирует для международных инстанций факт исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

8.1.3. Моделирование «сценария пересмотра»

Разработка формально-юридической модели того, как заключения могут быть легализованы в случае нормализации политической обстановки: через механизмы пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам либо через апелляцию к положениям нормативных актов о приоритете международных обязательств.

8.1.4. Параллельное обращение в международные судебные инстанции

Сохранение формальной возможности обращения в международные судебные инстанции. Экспертное заключение становится доказательством в процессах.

8.2. Риски зависимости от конкретного эксперта

Отсутствие пула обученных экспертов создает «эффект одного специалиста» и риск прекращения применения методики в случае болезни, перегруженности или иных обстоятельств. Для масштабирования применения методики необходимо обучение экспертов.

Способы митигации:

8.2.1. Создание экспертного пула

Формирование постоянно действующей Коллегии экспертов из 7-10 квалифицированных специалистов (докторов и кандидатов юридических наук, адвокатов с международным опытом), которые после утверждения единой методологии смогут готовить заключения независимо друг от друга.

8.2.2. Разработка формализованного методологического стандарта

Создание детализированного руководства по проведению международной экспертизы, которое включает: унифицированную структуру заключения, стандартизированные критерии оценки (пять категорий произвольности). Это позволит другим экспертам применять методику без непосредственного участия разработчика.

8.2.3. Институционализация процедуры рецензирования

Установление правила, согласно которому каждое экспертное заключение обязательно рецензируется тремя независимыми экспертами.

8.2.4. Внешняя сертификация методологии

Получение одобрения методологии со стороны авторитетных международных организаций.

8.3. Риски непризнания со стороны национальных адвокатских объединений

Орган, осуществляющий допуск к адвокатской профессии в той или иной стране, может не признать решение проводящей экспертизу ассоциации адвокатов.

Способы митигации:

8.3.1. Заключение двусторонних меморандумов о взаимном признании

Инициирование переговоров с адвокатскими палатами и объединениями демократических стран, с последующим заключением меморандумов о признании статуса. Они могут строиться по модели взаимного признания квалификаций CCBE.

8.3.2. Участие в международных ассоциациях адвокатских объединений

Подача заявки на членство проводящей экспертизу ассоциации адвокатов в качестве наблюдателя в Международную ассоциацию юристов (IBA), которая имеет 195 ассоциированных организаций из более чем 170 стран, и в Международный союз адвокатов (UIA).

8.3.3. Стратегические партнерства с правозащитными адвокатскими сетями

Установление партнерства с Европейской ассоциацией адвокатов-защитников, Международной ассоциацией юристов-демократов, Американской ассоциацией юристов и другими организациями – на уровне совместных заявлений и протоколов о сотрудничестве. Это создает «эффект легитимации через ассоциацию».

8.3.4. Подготовка правового обоснования для иностранных судов и административных органов

Разработка стандартного пакета документов на английском языке, который адвокат может представить в иностранный суд или иммиграционную службу для обоснования признания его статуса. Он включает: экспертное заключение, свидетельство о приеме в члены ассоциации. Эти документы признаются в иммиграционных процедурах и процедурах предоставления убежища.

8.4. Риски зависимости от солидарности международного сообщества

Эффективность методики зависит от готовности международных адвокатских объединений признавать решения ассоциации.

Способы митигации:

8.4.1. Участие в формировании сетей

Участие в формировании сетей и предоставление им информации для: систематического сбора данных о произвольных лишениях статуса; публикации регулярных докладов о ситуации с независимостью адвокатуры; передачи этих докладов в органы ООН (Совет по правам человека, Управление Верховного комиссара), ПАСЕ и другие международные структуры.

8.4.2. Стратегия «naming and shaming»

Целенаправленное публичное освещение конкретных случаев произвольного лишения статуса через международные СМИ, правозащитные платформы и социальные сети. Указанный эффект усиливается за счет участия в коалициях.

8.4.3. Создание Фонда солидарности и поддержки преследуемых адвокатов

Учреждение целевого финансового фонда помощи преследуемым адвокатам для оказания в том числе юридической поддержки в процедурах международного признания статуса адвоката и покрытия расходов на международную экспертизу. Фонд позволит сделать методику доступной для всех преследуемых адвокатов. Модель финансирования расходов фонда – краудфандинг, грантовая поддержка, финансирование за счет средств ассоциации.

8.4.4. Включение в повестку дня международных форумов

Регулярное участие с докладами на Конгрессе ООН по предупреждению преступности (раз в 5 лет); ежегодных конференциях IBA, UIA; заседаниях Комитета ООН по правам человека при рассмотрении периодических докладов, участие в других мероприятиях. Это создает институциональную память о проблеме и препятствует ее «замалчиванию».

8.4.5. Создание реестра преследуемых адвокатов

Ведение публичного реестра адвокатов, произвольно лишенных статуса, с указанием: фамилии, имени отчества, даты прекращения статуса, мотивов и обстоятельств преследования. К каждому включенному адвокату прикрепляется краткое резюме экспертного заключения или его текст целиком, в том числе в переводе на английский язык. Такой реестр может стать «живым документом», доступным для международных организаций и журналистских расследований.

8.4.6. Разработка договорных механизмов взаимного признания

Заключение многостороннего соглашения о признании статуса адвоката, лишенного произвольно, между организациями-партнерами по образцу Mutual Recognition Framework, разработанного IBA для целей международного признания квалификаций юристов. Соглашение должно определить: критерии, при которых решение об исключении признается произвольным; процедуру трансграничного признания статуса; условия перевода адвокатской практики.

8.4.7. Ознакомление адвокатов и их объединений с методикой и результатами ее применения на практике

Проведение серии вебинаров и тренингов для адвокатов, столкнувшихся с преследованием или находящихся в группе риска, по подготовке документов для международной экспертизы; взаимодействию с ассоциациями; использованию экспертного заключения в международных процедурах. Это расширит осведомленность и создаст «низовую» поддержку методике.

8.5. Риски злоупотребления методикой

Методика, будучи направленной на защиту адвокатов, преследуемых по политическим мотивам, в то же время несет риск злоупотребления: недобросовестные адвокаты, правомерно лишенные статуса за реальные грубые профессиональные нарушения, могут пытаться использовать предлагаемые методикой процедуры для придания неправомерному лишению статуса видимости политического преследования с целью избежать профессиональной ответственности. Данный риск является серьезным и требует системного предупреждения.

Способы митигации:

В целях исключения злоупотреблений настоящая Методика предусматривает обязательный двухэтапный предварительный скрининг каждой поступившей заявки:

Этап 1: Административный скрининг.

Секретариат ассоциации после поступления заявки проверяет:

– полноту и надлежащее оформление документации;

– наличие prima facie признаков политически мотивированного преследования (хронологическую связь между профессиональной деятельностью адвоката и возбуждением дисциплинарного производства; наличие публичных высказываний адвоката по политически чувствительным вопросам; связь дела с защитой лиц, преследуемых по политическим мотивам);

– отсутствие очевидных признаков реального грубого профессионального нарушения.

Этап 2: Экспертный предварительный скрининг.

Если заявка прошла административный скрининг, ассоциация назначает эксперта и проводит предварительную оценку. По результатам предварительной оценки принимается одно из следующих решений:

– допуск дела к полной экспертизе;

– запрос дополнительных материалов;

– отказ в возбуждении экспертного производства с мотивированным заключением.

Критерии отказа: преобладание доказательств реального профессионального нарушения над доказательствами политической мотивации; явная недостаточность доказательной базы для обоснования политической мотивированности; наличие вступившего в силу решения авторитетного международного органа, констатировавшего правомерность лишения статуса.

Последствия установления злоупотребления. В случае если злоупотребление методикой установлено после завершения экспертного производства, ассоциация вправе отозвать выданное заключение с публичным уведомлением адвокатских палат, которым оно было направлено. Факт злоупотребления фиксируется в реестре ассоциации.

Часть 9. Сохранение членства в ассоциации при прекращении статуса адвоката

Членство в ассоциации носит самостоятельный, экстерриториальный характер и не зависит от наличия или отсутствия национального статуса адвоката. В случае если адвокат подвергается произвольному прекращению профессионального статуса в национальной юрисдикции и на момент вынесения соответствующего национального решения уже является действующим членом ассоциации, процедура международной профессиональной реабилитации приобретает характер не первичного признания, а международно-корпоративной защиты и подтверждения ранее признанного статуса.

Произвольное прекращение статуса адвоката национальными органами адвокатского самоуправления или судом не влечет за собой автоматического прекращения или приостановления членства в ассоциации. Данный подход базируется на основополагающем принципе методики: приоритете материальной справедливости и международных стандартов над неправовыми формальными актами. ассоциация в данном случае выступает элементом «внешнего контура» защиты, гарантируя, что национальный произвол не способен автоматически разорвать международные профессиональные связи адвоката и подорвать его профессиональное реноме.

В отличие от общего порядка, требующего подачи заявления о вступлении в ассоциацию, действующий член ассоциации, при наличии такой необходимости, инициирует применение методики посредством направления в высший исполнительный орган ассоциации уведомления о прекращении национального статуса адвоката с приложением копий соответствующих решений

(приговора суда, заключения квалификационной комиссии, решения совета палаты) и ходатайства о назначении независимой международной экспертизы на предмет наличия признаков произвольности в решении о прекращении статуса.

На весь период проведения экспертизы за адвокатом в полном объеме сохраняются все права и обязанности члена ассоциации в силу презумпции добросовестности адвоката и недопустимости преждевременного признания легитимности репрессивных актов. При получении положительного заключения международной экспертизы, подтверждающего, что прекращение статуса носило произвольный характер (подпадает под одну или несколько категорий), высший исполнительный орган ассоциации принимает решение о подтверждении профессионального статуса и сохранении полноправного членства и, при необходимости, заявление о факте противоправного преследования адвоката, национальный статус которого был произвольно прекращен. Данное решение:

– официально констатирует на международном уровне неправовой и произвольный характер национального решения о лишении статуса;

– гарантирует непрерывность профессиональной идентичности адвоката и сохранение его положительной репутации;

– обеспечивает адвокату дальнейшую институциональную защиту и поддержку коллег на международном уровне.

В случае если международная экспертиза устанавливает, что прекращение статуса адвоката на национальном уровне было законным, обоснованным, соответствовало стандартам справедливого разбирательства и не имело признаков произвольности (например, было связано с совершением общеуголовного преступления или грубым нарушением профессиональной этики, не связанным с политическим давлением или осуществлением защиты прав человека), высший исполнительный орган ассоциации, при наличии в действиях (бездействии) адвоката признаков нарушения основных положений устава ассоциации, может инициировать внутреннюю процедуру рассмотрения вопроса о наличии оснований для исключения адвоката из членов ассоциации, которая рассматривается в соответствии с установленным в ассоциации порядком.

Text in English

Part 1. General characteristics of the methodology

1.1. General provisions

An advocate is a professional lawyer who holds the appropriate title to conduct legal practice in accordance with the requirements established by national legislation [1].

The institution of advocacy acts as a fundamental guarantee for ensuring the right to a fair trial and maintaining the rule of law.

Advocates play a crucial role in protecting human rights and fundamental freedoms. Their activities, alongside the work of independent judges and prosecutors, are an indispensable condition for ensuring the rule of law and the effective protection of individual rights. If a prosecutor represents the interests of the state, and a judge represents the law, then an advocate is the only participant in the process whose direct duty is to protect the interests of the individual. Without a strong defense, the equality of the parties (adversarial principle) becomes a formality. The advocate ensures that evidence is collected legally, the rights of the defendant are not violated during detention, and the court takes into account all mitigating circumstances.

The legal profession (advocacy) not only ensures the provision of qualified legal assistance and access to justice, but also protects the rights of advocates, as well as exercises public control over the state's compliance with legal norms. The decline of the legal profession reduces the level of social development, opens the path to anti-democratic illegal practices, and the emergence and development of authoritarian and totalitarian regimes.

The researchers note that the fair and effective administration of justice requires that advocates be able to work without being subjected to physical attacks, harassment, corruption, and other forms of intimidation, which is ensured by generally recognized international standards for the independence of the profession of an advocate. Despite the obvious necessity for judges, prosecutors, and advocates to perform their professional duties under conditions of complete independence, experience shows that they are often subjected to pressure in various forms aimed at undermining their ability to act independently and hindering their professional or other socially useful activities or the realization of their rights. However, if advocates cannot perform their professional duties freely, independently, and impartially, and if the executive, legislative, and judicial branches of state power will not be equally ready in any case to ensure their independence, the principle of the rule of law will inevitably be eroded. Along with it, the effective protection of the rights of every person will also be eliminated [2].

It is no coincidence that the most important international act – the UN Basic Principles on the Role of Lawyers – states that «Governments shall ensure that lawyers: a) are able to perform all of their professional functions without intimidation, hindrance, harassment or improper interference; b) are able to travel and to consult with their clients freely both within their own country and abroad; and c) shall not suffer, or be threatened with, prosecution or administrative, economic or other sanctions for any action taken in accordance with recognized professional duties, standards and ethics», and «Where the security of lawyers is threatened as a result of discharging their functions, they shall be adequately safeguarded by the authorities» (Principles 16 and 17). Another important norm is enshrined in Principle 18, according to which «Lawyers shall not be identified with their clients or their clients' causes as a result of discharging their functions».

Since the activities of advocates are one of the foundations in the practice of observing the principle of the rule of law and ensuring the effective protection of human rights, international standards provide that advocates should, in particular: be able to work in conditions of genuine independence without political or other outside pressure, threats, and harassment; they should not have to obtain permission from the executive branch to perform their professional duties; have adequate procedural safeguards, which include the legal right and duty to advise and assist their clients in any appropriate way in order to protect their interests; be able to act in defense of human rights recognized by domestic and international law; be able to be held accountable for violating norms of professional ethics before an independent disciplinary body that observes adequate procedural safeguards. Advocates must also enjoy such fundamental freedoms as freedom of association, assembly, and expression [3].

Legal practice can be fraught with the emergence of certain risks. As an «agent in the administration of justice» providing services «in the interests of their clients», an advocate protects a multitude of different interests, which at times may intersect. This can entail risks and tensions, lead to negative consequences and the emergence of risks for advocates. The most dangerous are the risks that threaten life, liberty, or the ability to provide legal services without the threat of repressive prosecution by state bodies and non-state actors. The frequency of occurrence and types

of threats vary depending on the state. Factors that increase risks include: authoritarian systems of government; the absence of legislative guarantees for the independence of the profession of an advocate and the lack of independence of bar associations; the impunity of individuals who pose a threat to the activities of advocates or carry out attacks on them; the lack of timely access to effective protection measures; the inadequacy of protection measures and remedies; the lack of access to an independent judicial system for the restoration of rights and taking measures to eliminate violations [4].

The risks and threats that an advocate may face also depend on the nature of the cases they handle, as well as on the specific actions of the advocate in a given case. For example, as practice shows, when handling cases related to complaints of human rights violations, advocates more often face risks and threats. It is no coincidence that the report of the UN Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers, Mónica Pinto (2016), emphasized that by professionally «protecting the human rights and fundamental freedoms of clients, lawyers should also be considered as human rights defenders and thus be covered by and enjoy the protection provided by the Declaration on Human Rights Defenders [5].

Contemporary researchers draw attention to the increasingly growing pressure and attacks on advocates worldwide [6]. Thus, Irwin Cotler and Brandon Silver note that authoritarian regimes abuse the legal system to persecute their opponents and initiate criminal cases against them, using a seemingly ever-growing list of fabricated charges and sham trials. When dissidents are detained, journalists are imprisoned, and freedom of speech is threatened, advocates often become the last hope for defense. Because of this, advocates themselves have become a target, turning from defenders into defendants, and from constitutionalists into criminals. In the fight against authoritarianism, it might seem pointless to rely on a flawed and corrupt justice system that should serve the good of the citizens. However, the courage and determination of advocates who insist on the proper observance of the law, even under corrupt and dictatorial regimes, are in themselves a powerful form of dissent. By attacking advocates, authoritarians demonstrate a deep fear that fair trials and the rule of law threaten their power. As the Czech dissident-turned-statesman Václav Havel wrote in the book «The Power of the Powerless», « [the demand for] the observance of laws is, in essence, a striving to live in accordance with the truth, which threatens the entire deceitful system at the moment of its maximum hypocrisy». The empty «ritual» of observing the law is necessary for a despot to maintain the appearance of justice in an authoritarian regime. By exploiting this ritual and demanding real compliance with these formal legal guarantees and procedures, brave advocates expose despotic regimes for what they are, for all to see [7].

Under conditions where formal legality often serves only as a facade legitimizing de facto arbitrariness, national mechanisms for protecting the rights of advocates may become partially or completely paralyzed.

The bodies of national advocates' associations, due to a multitude of reasons, may not only fail to counteract encroachments on the independence of the legal profession, but may also be «captured» by state actors or their groupings or structures. The mechanisms of disciplinary proceedings existing within the legal profession in such cases often turn into tools of reprisal against advocates who, for one reason or another, become objectionable to persons holding positions in the management bodies of advocates' associations. They, in turn, usurp power in advocates' associations, lose their legitimacy, are not elected to their positions democratically, and hold them for decades. As a result of disciplinary persecutions, the professional status of persecuted advocates is terminated, and they themselves are expelled both from the ranks of advocates and from the legal profession in their homeland [8].

In those countries where encroachments on the freedom of advocates occur frequently or systematically, they undoubtedly can have a «chilling» effect on the entire community of practicing lawyers. Where bar associations are under state control, advocates are often subjected to malicious influence from the very organization designed to protect them. Such malicious influence most often takes the form of unreasonable or arbitrary suspension of practice or disbarment, and is often accompanied by additional restrictions, including arbitrary detention and prosecution. Forcing a bar association into silence and (or) controlling it not only creates serious threats to the legal community, but also has far-reaching consequences, as it undermines the rule of law and deprives ordinary people of the opportunity to defend their human rights [9].

In situations where national legal systems are subjected to erosion, and corporate regulatory instruments are used as mechanisms of reprisal against advocates, there arises an acute need both for fixing and objectively verifying such abuses, and for protecting the rights of persecuted advocates by the forces of the international professional community. In this regard, there arises a need to search for extraordinary, supra-

national ways of protecting the rights of advocates, including the professional rehabilitation of persecuted advocates, among which is protection from the arbitrary termination of advocate status.

The issue of professional rehabilitation of persecuted advocates becomes even more relevant if such advocates are forced to leave their native country, acquiring the status of «displaced» or «in exile», while the termination of advocate status in their native country creates sometimes insurmountable obstacles both to the advocate following their oath and obligations to protect the rights of their clients, and puts under serious threat the very possibility of the advocate continuing to carry out their activities and the possibility of providing for their needs to carry out normal physiological vital activities. At the same time, under the conditions of a terminated advocate status and in the absence of opportunities to confirm their membership in an advocates' association, the national regulators of the «host states» will experience natural difficulties with granting the advocate, under the conditions provided by the internal legislation of the respective state, the status of an advocate or the status of a foreign legal consultant, or another status allowing them to carry out professional activities in the field of law, due to the lack of a so-called certificate of «good standing» and up-to-date confirmation of the valid status of a professional in the field of law in a manner recognized by states and advocates' associations.

It is known that in common and civil law countries, confirmation of «good standing» is critically important both for an advocate to obtain admission to qualification exams and advanced training procedures and other internal corporate interaction in their host state, and for carrying out cross-border practice, which is possible for an advocate located in a «displaced» state through their participation in jurisdictional procedures in foreign and international judicial and arbitral bodies with the status and in the capacity of a «national advocate», a legal expert on national or international law, or, for example, an expert on country of origin conditions in migration proceedings.

In this context, the methodology for the professional rehabilitation of an advocate proposed in this work, through an international expert examination of the arbitrariness of the termination of advocate status, becomes not just a doctrinal innovation, but a vitally necessary practical tool, since the international legal community must adequately and effectively respond to those who consider it possible to carry out illegal persecution of advocates with impunity for performing their internationally recognized duties and exercising their rights.

The methodology presents a description of an alternative extraordinary supranational international-corporate mechanism for the professional rehabilitation of advocates, operating under conditions where domestic remedies are absent, exhausted, or ineffective, and national advocates' associations do not counteract or themselves become accomplices in the persecution of advocates.

Within the framework of the methodology, a comprehensive mechanism for the international legal corporate protection of persecuted advocates is proposed, based on conducting an independent international expert examination of decisions to terminate advocate status, recognizing, where grounds exist, such decisions as arbitrary, and the subsequent international professional rehabilitation of the advocate through independent professional associations.

The methodology is not only a scientific-legal construct, but also a practical mechanism for protecting advocates in conditions where national remedies prove to be ineffective or are used to persecute representatives of the profession.

The key idea of the methodology is as follows: if the termination of advocate status is based on an unjust, politically motivated, discriminatory, or grossly unfair decision of the state or bodies of advocate self-government, then the international professional community has the right to:

− conduct an independent international legal expert examination;

− recognize the termination of status as arbitrary;

− record a violation of international standards for the independence of the legal profession;

− carry out the international professional rehabilitation of the advocate;

− recognize the retention of the professional status de facto and de jure in the international professional space for the advocate;

− use the expert opinion as a basis for international protection, migration procedures, professional admission, and further review of the case.

The developed methodology:

− forms an international standard for assessing the persecution of advocates;

− creates a mechanism for international professional rehabilitation;

− ensures the preservation of professional status regardless of arbitrary actions by the state;

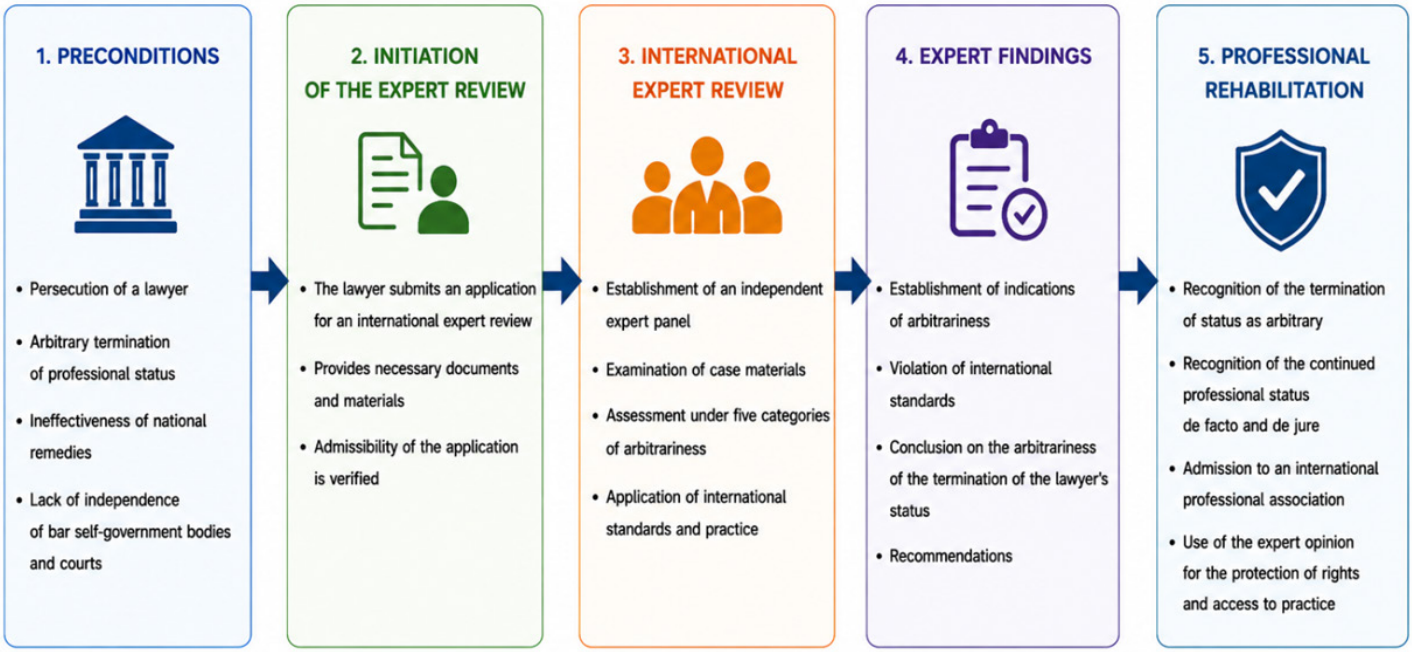
− strengthens the international solidarity of the legal profession;

− forms a practice of international response to pressure on advocates;

− creates a precedent for the international restoration of the professional reputation of advocates.

The tools proposed by the methodology will allow experts of independent professional associations of advocates not just to declaratively state the illegality of the termination of advocate status, but also to comprehensively analyze the mechanisms of state or corporate arbitrariness, exposing its institutional defects, procedural nihilism, and repressive teleology in relation to each case.

SCHEME 1. GENERAL LOGIC OF THE METHODOLOGY FOR THE PROFESSIONAL REHABILITATION OF PERSECUTED LAWYERS



1.2. Essence of the methodology

The methodology involves conducting an international expert examination under the auspices of an international organization of advocates and (or) an independent professional association of advocates (hereinafter referred to as the association).

1.3. Professional rehabilitation of persecuted advocates and the fight against the «chilling effect»

Professional rehabilitation in the context of the methodology means a set of international legal and professional corporate measures aimed at restoring the status of an advocate arbitrarily deprived of it as a result of illegal disciplinary or criminal prosecution.

International professional rehabilitation is not an institution of public international law in the strict sense. It has a predominantly quasi-legal character and operates in the space formed by the intersection of international human rights law, transnational professional law, and the practice of international professional associations. By its legal nature, the procedure for the professional rehabilitation of a persecuted advocate proposed by the methodology is closest to the institutions of the so-called «soft law»: the conclusions formed as a result of an international expert examination of the arbitrariness of the termination of the status of an advocate are not binding on states, but they create provisions that entail practical consequences for the professional status of an advocate in the international dimension [10]. It should be noted that quite often acts of Soft Law precede the conclusion of international treaties or gradually crystallize into norms of customary international law (Customary International Law), begin to be applied widely, steadily, and universally, as a result of which they are transformed into a universal standard (opinio juris), which is subsequently used by foreign courts and international tribunals as a de facto source of law.

By virtue of the rule of law principle and in order to promote it, a decision on the arbitrary deprivation (termination) of the status of an advocate should not be recognized in democratic states as a basis for depriving an advocate of the right to carry out professional activities and the loss of their professional reputation, but on the contrary, it should become a basis for showing corporate solidarity on the part of national associations of advocates of democratic states, international organizations of advocates, and international human rights organizations.

An important value that the professional rehabilitation of persecuted advocates carries is not only in the actual provision of assistance to them by the international professional community, but also in the fact that this procedure allows to influence the spread of the so-called «chilling effect» on the community of advocates as a whole and its individual representatives in particular.

The very fact of an advocate understanding the «not hopelessness» of their situation, and that they have the opportunity to continue practicing law not only in their country of permanent residence, where they achieved the status of an advocate, but also, if necessary, being in a «displaced state», that is, being abroad, while enjoying the support of the international professional community, gives the advocate confidence and understanding of the presence of other options for the development of their professional and life trajectory. This, in turn, is a huge contribution to the fight against the so-called «chilling effect», which allows maintaining the organizational mechanisms of human rights activities in a particular country in a functional state.

In the report of the International Coalition in support of the International Day of the Endangered Lawyer 2026 [11], great attention is paid to revealing the essence of the «chilling effect» and its impact on the advocate is well shown. It is shown that this effect arises not as a result of a single overt sanction, but due to a cumulative climate in which advocates anticipate risks and change their behavior in advance. The «chilling effect» operates through several interconnected channels:

I – Self-selection and avoidance of controversial representation

Advocates and firms will likely increasingly refuse clients or categories of cases that may attract political attention, cause reputational disputes, or regulatory scrutiny. Even in the absence of formal barriers, the perception that certain cases may provoke backlash from executive or administrative bodies leads to a narrowing of legal representation in areas requiring active protection of rights.

II – Preemptive self-censorship in legal argumentation

Practicing advocates may soften the positions they advocate in procedural documents, at hearings, or in public statements in order to avoid being presented as politically oppositional. This includes limiting constitutional arguments, abandoning frameworks associated with «oppositional» movements, or refraining from filing amicus curiae briefs, which under other conditions would be common for human rights areas of practice.

III – Institutional risk management in large firms and legal organizations

Large firms may increasingly incorporate political risk assessment into their case intake procedures. Partners may shy away from handling cases where federal funding, regulatory approvals, or access to federal facilities could be put at risk.

IV – Concerns related to surveillance and information requests

As cases of investigative pressure on collective defense organizations became public, concerns intensified that participation in certain cases could lead to individual monitoring, document requests, or digital surveillance. Even unfounded inspections can create a deterrent effect for participation in legal human rights activities.

V – Fear of financial reprisals and cascading loss of clients

Firms dependent on federal contracts or representing clients with significant regulatory risks may fear that handling controversial human rights cases will cause reputational risks among existing commercial clients. This incentivizes withdrawal from practice areas where political sensitivity is perceived as high.

VI – Concerns regarding vulnerability to professional disciplinary liability

Uncertainty as to whether certain forms of human rights activities can be interpreted as not meeting the expectations of the executive branch, combined with warnings from professional bodies regarding compliance with obligations, causes anxiety among advocates regarding potential disciplinary liability. Even a hypothetical disciplinary risk can significantly deter participation in controversial areas.

The report also notes that a consequence of the «chilling effect» is an impact on the balance of powers between the branches of government: the influence of the executive branch is strengthened and opportunities for independent and impartial judicial review are limited, which weakens the mechanisms of checks and balances. The reduction in access to justice – partly driven by a climate that «dissuades» advocates from taking on sensitive cases – undermines basic guarantees, such as the right to legal representation, due process, and equality before the law, enshrined in Article 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights. In addition, tension in the legal culture, including the normalization of pressure and threats, undermines ethical standards and reduces public trust in the legal system.

The professional rehabilitation of a persecuted advocate, carried out on the basis of the international expert examination proposed by the methodology, confirming the arbitrariness of the termination of the

advocate's status, can be expressed in the following positive legal consequences, which are capable of directly impacting the reduction of the «chilling effect», and are not limited to them alone:

– recognition by foreign bar associations of the professional qualification and impeccable reputation of the advocate;

– admission to advocate practice in the host state in a simplified procedure, access to practice as a specialist in the law of the home country and international law, access as an expert;

– use of the conclusion as evidence when challenging the decision on the deprivation of status in domestic and international instances;

– moral and professional rehabilitation in the international professional community, regardless of the legal consequences in the state of origin.

It should be emphasized that professional rehabilitation does not replace or substitute national mechanisms for the restoration of rights. It operates in parallel with them and serves as an instrument for protecting the advocate and a way of compelling the elimination of the committed violations.

The practice of professional rehabilitation of advocates includes the following examples.

Poland (1980s). During a period of political instability, Polish advocates were subjected to pressure, disciplinary prosecution, and deprivation of status. After the democratic transition of 1989, most of them were rehabilitated within the framework of national procedures [12].

Turkey (2016 – present). After 2016, hundreds of Turkish advocates were deprived of their status or subjected to criminal prosecution for defending individuals accused of terrorism. The international response included statements by CCBE, IBA and IBAHRI, and a number of other organizations, the implementation of assistance and protection programs in cases of persecuted advocates. This experience demonstrates how the international professional community forms response mechanisms to the systemic suppression of the legal profession [13].

Venezuela (2000s – present). In the context of the gradual destruction of the rule of law in Venezuela, advocates representing political opponents of the regime were subjected to systematic disciplinary prosecution under the control of pro-government bodies of advocate self-governance. International response experience: a number of Spanish and Colombian bar associations granted their colleagues from Venezuela professional asylum in a simplified procedure [14].

Belarus (2020 – present). After the 2020 presidential elections, the Belarusian authorities carried out a mass termination of the advocate status of advocates representing protest participants. The Ministry of Justice of the Republic of Belarus used its right of direct supervision over the legal profession as an instrument of repression. International response: CCBE adopted special resolutions; Lithuania, Poland, and Ukraine implemented assistance programs for Belarusian refugee advocates and the extraterritorial association created by them [15].

Afghanistan (2007 – present). Starting in 2007, thousands of professionals, including lawyers, judges, and advocates, were forced to leave Afghanistan due to threats to their lives and the legal system. Advocates, especially women, prosecutors, and judges who worked under the previous government became targets for those, who released many prisoners previously convicted by these very lawyers. Many advocates attempted to flee to neighboring countries such as Pakistan or seek asylum in Europe and the USA. The Independent Association of Advocates of Afghanistan in exile was created, receiving international recognition and support. More than 6,000 members of the lawyers' association, many of whom are women, found themselves in an uncertain position due to the fact that their activities were banned. More than 25 % of the women members of the association are now forced to stay at home, having no opportunity to engage in legal practice [16].

The experience summarized above indicates that the persecution of an advocate, as well as the politically motivated arbitrary termination of advocate status carried out within its framework, are reversible and amenable to correction when applying the proposed methodology, in the presence of political will and ensuring constructive interaction of bar associations on the basis of international professional solidarity.

It should also be noted that interviewing advocates who are in a «displaced state» regarding their needs allowed formulating a number of directions which, together with the proposed methodology, could be used within the framework of professional rehabilitation programs for advocates and would contribute to reducing the impact of the «chilling effect» on the professional community of advocates:

– **support for the activity of lawyers' associations for the professional rehabilitation of persecuted lawyers:** assistance in the implementation of professional rehabilitation procedures conducted by organizations, recognition of these procedures;

– **assistance in emergency evacuation, relocation, and (or) immigration:** help in organizing visa support and departure outside the country for advocates who are under direct threat of detention, arrest, or other unlawful impact threatening their funda-

mental rights, informational and advisory support for advocates wishing to leave the country for security reasons or due to threats of persecution;

– **emergency protection:** organization of legal protection of the interests of advocates in case of their unlawful persecution;

– **assistance in securing employment:** helping advocates forced to leave the country in realizing opportunities to continue engaging in their professional activities in the host country, in organizing the recognition of qualifications, conducting adaptation courses to the legal system of the host country, engaging in participation in joint cases and projects, holding support, mentoring, internship, and tutoring events;

– **legal support:** counseling on issues of obtaining the necessary legal status for a safe stay in a foreign state, assistance in upholding the rights and interests of persecuted advocates in their host country;

– **financial and other material support:** provision and assistance in the provision of one-time payments, scholarships;

– **informational support:** interaction in the dissemination of information in the interests of professional rehabilitation projects for persecuted advocates.

1.4. Necessary conditions (applicability criteria) of the methodology

The methodology is applicable subject to the simultaneous presence of the following conditions:

– an advocate has been deprived of professional status by a decision of a national body;

– there are signs of arbitrariness in the termination of status (the presence of at least one of the five criteria);

– national means of legal protection are exhausted, ineffective, or unavailable due to criminal prosecution, emigration, political pressure, or other reasons;

– the advocate is ready to provide the necessary documents and information for study;

– there is an international organization or professional association ready to act as the subject of the application of the methodology and possessing expert potential.

1.5. Competence of an independent professional association of advocates

An independent professional association of advocates, the activities of which are based, inter alia, on the provisions of the European Convention on the Recognition of the Legal Personality of International Non-Governmental Organisations, provided that it carries out its activities exercising influence in at least two states [17], has the right to:

– conduct an independent assessment of the fairness of decisions of national bar associations;

– admit into its membership advocates arbitrarily deprived of their status, which de facto means the international recognition of their status;

– fill the vacuum created by the inability of national institutions to ensure fairness and protection of the profession.

1.6. The question posed to the experts

Are there signs of arbitrariness in the termination (deprivation) of the advocate's status [advocate's data] in the submitted materials, and if so, on the basis of which criterion (criteria)?

1.7. Limitations of the methodology

The conclusion of the international expert examination of the arbitrariness of the termination of an advocate's status constitutes an act of expert assessment, formed on the basis of international legal standards, and does not substitute for a decision of competent national or international bodies. The methodology does not cancel and does not replace a national decision on the termination of an advocate's status since its application by the Association is not binding on national bodies.

The methodology is not a mechanism of coercion – its effectiveness is based exclusively on reputational, professional, and diplomatic pressure.

Conclusions drawn up on the basis of the methodology will be addressed, primarily, to advocate communities, human rights organizations, judicial and quasi-judicial instances, the media, potential clients, international bodies and organizations, and the authorities of the «host country of the advocate» as a reasoned analytical document.

In accordance with the general principles of international human rights law, expert conclusions of international organizations are admitted, inter alia, as evidence within the framework of national legal proceedings, procedures of international organizations, and interstate mechanisms for the protection of rights.

The scope of recognition of the conclusions by foreign bar associations and state regulators is determined by the national legislation of the state and internal norms of professional regulation. At the same time, the international standards of CCBE (Council of Bars and Law Societies of Europe) and IBA (International Bar Association) assume the possibility of taking expert assessments into account when considering issues of mutual recognition of professional status [18]. The methodology provides for the referral of conclusions on cases of arbitrary termination of advocate status to CCBE and directly to the bar associations of target jurisdictions.

The application of the methodology requires sufficient documentary confirmation of the arbitrariness of the persecution.

A key condition for the applicability of the methodology is the independence of the Association practicing its application from state pressure.

International organizations or associations dependent on the executive branch or other forms of state control will not be able to act as an appropriate subject of the application of this methodology.

The supranational rehabilitation proposed by the methodology does not give an advocate an «automatic» right to practice law in every «host state» without taking into account the norms of national law, however, its application and recognition contribute to obtaining admission to national qualification exams as a person who already has the desired professional status, and can also serve as a basis for an advocate to obtain the status of a «foreign consultant» or opportunities to carry out expert practice.

Part 2. Fundamentals of the methodology of professional rehabilitation through conducting an international expert review to establish the arbitrariness of the termination of advocate status

2.1. Fundamentals of the methodology

The methodology is based simultaneously on several interconnected legal concepts.

2.1.1. The principle of the rule of law

The cornerstone of the methodology is the assertion that formal compliance with the letter of the national law does not legitimize a decision if its profound essence is flawed. The formal existence of a court decision or an act adopted within the framework of disciplinary proceedings does not make it automatically legitimate. If the initial act (for example, a court verdict serving as the basis for the termination of advocate status) is politically motivated, issued with gross violations of the right to a fair trial, based on unproven accusations, or used as an instrument of pressure, then all derivative decisions also acquire an arbitrary character. Thus, formal legality cannot substitute for substantive justice.

2.1.2. The international legal character of the guarantees of the independence of the advocacy

The methodology proceeds from the premise that the independence of the advocacy is protected not only by national legislation but also by international law. An advocate's right to independent professional activity has an international legal character and cannot be destroyed by an arbitrary decision.

2.1.3. The concept of the high significance of international corporate solidarity of the advocacy

One of the fundamental provisions of the methodology is the idea that international professional associations of advocates have not only the right but also the obligation to respond to cases of persecution of advocates. The advocacy is not an administrative system of registration, but an independent professional corporation obliged to protect advocates from political pressure and persecution.

The system of legal arguments that forms the substantive core of the methodology and is applicable to any analogous case.

2.1.4. Argument 1. Conflict between formal law and international obligations

Formal compliance with a national procedure does not legitimize a decision if its fundamental basis is an act of arbitrariness. Thus, for example, the Constitution of the Russian Federation (Part 4 of Article 15) and analogous norms of the constitutions of other states require taking international obligations into account. If a verdict does not comply with the standards of a fair trial (Article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ECHR), Article 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR)), its consequences are subject to international reassessment. All derivative acts inherit the arbitrary character of the initial unlawful act.

2.1.5. Argument 2. The principle of the inadmissibility of using a legal form to conceal violations of substance

The existence of a criminal verdict against an advocate cannot automatically destroy the guarantees of the legal profession enshrined in the UN Basic Principles and the recommendations of the Council of Europe. The advocates' association is obliged to independently assess the lawfulness of the verdict when making a decision on the termination of advocate status on its basis. Refusal to make such an assessment turns the chamber into an accomplice to arbitrariness.

2.1.6. Argument 3. The synergistic effect of violations

Every procedural violation in itself calls into question the decision on the termination of advocate status, or a court decision refusing the restoration of advocate status, as well as a verdict or other court decision in a case against an advocate; however, their combination creates a synergistic effect: a decision on the termination of advocate status or a verdict containing simultaneously an evidentiary vacuum, a violation of the right to defense, inadequate examination of evidence, qualification errors, and the non-application of statutes of limitations, is not simply erroneous, but fictitious from a legal point of view and

is deprived of the quality of a proper basis for any derivative legal consequences.

2.1.7. Argument 4. «Political motive» as evidence of persecution

In international law, the political motivation of persecution is an absolute basis for recognizing it as unlawful. Decisions of independent international bodies and statements by organizations recording the political character of a case serve as external confirmation of this fact.

2.1.8. Argument 5. The obligation of the advocate community to self-regulation

The independence of the advocacy is not only a right but also an obligation of the corporation to protect its members from unlawful persecution. An advocates' association is not a «technical registrar» of state decisions, but a guardian of professional standards. The mechanical execution of a legal prescription without assessing the fairness of the underlying act constitutes a form of self-withdrawal from the protection of corporate interests and the principles of the profession.

2.2. Limits of applicability of the analogy with the methodology of the UN Working Group on Arbitrary Detention

The methodology of the UN Working Group on Arbitrary Detention (UN WGAD) is the conceptual basis of the methodology. The categories (criteria) for the arbitrary termination of advocate status presented in the Methodology are conceptually based on the methodology of the UN WGAD, which applies them to assess facts of unlawful deprivation of liberty [19].

The transfer of the methodology of the UN Working Group on Arbitrary Detention into the sphere of advocates' disciplinary responsibility is justified by the following:

− both types of coercion can serve as an instrument of political persecution;

− in both cases, the victim is partially or fully deprived of the possibility of effectively protecting their rights within the domestic procedure;

− international expert review is the only accessible mechanism for establishing the arbitrariness of a state decision.

The application of the method of legal analogy (analogia juris), furthermore, is based on the consideration that if the UN recognizes the deprivation of liberty as arbitrary based on certain facts, then those exact same facts will inevitably also lead to the recognition as arbitrary of the act of terminating advocate status, especially since it is frequently accompanied by the deprivation of the profession itself. Thus, the methodological analogy is legitimate, yet not identical, and must be applied taking into account similarities and differences.

Similarities with the methodology of the UN Working Group on Arbitrary Detention

Like the UN Working Group on Arbitrary Detention in relation to arbitrary deprivation of liberty, this Methodology implies:

− expert review: the implementation of an independent expert assessment of the lawfulness of state, quasi-state, and corporate coercion – in this case, the termination of the professional status of an advocate;

− generally accepted standards: reliance on international legal standards in the field of human rights as the normative framework for assessment;

− conclusions: the formulation of conclusions addressed to the international community.

Differences from the methodology of the UN Working Group on Arbitrary Detention

It is necessary to consider the following significant differences between arbitrary deprivation of liberty and the forced termination of the professional status of an advocate:

− character of the restriction: the deprivation of liberty affects the physical inviolability of the person and is the most severe form of state coercion; the termination of professional status, for all its seriousness, relates to the sphere of professional rights;

− normative framework: arbitrary detention is assessed under Article 9 of the ICCPR and Article 5 of the ECHR, whereas the termination of professional status – under Article 14 of the ICCPR (fair trial), Articles 19 and 22 of the ICCPR (freedom of expression and association), as well as the UN Basic Principles on the Role of Lawyers (1990) and other professional standards;

− binding nature of the conclusions: opinions of the UN Working Group on Arbitrary Detention are formally recognized as binding by a number of states; conclusions adopted as a result of applying the methodology do not bear a legally binding character.

2.3. The source base for international expert review

The following are used as sources when conducting an international expert review on the issue of the arbitrary termination of advocate status:

− Universal Declaration of Human Rights [20];

− International Covenant on Civil and Political Rights [21];

− Other international human rights treaties [22];

− United Nations Basic Principles on the Role of Lawyers [23];

− General Comments of the UN Human Rights Treaty Bodies [24];

– Declaration on the Right and Responsibility of Individuals, Groups and Organs of Society to Promote and Protect Universally Recognized Human Rights and Fundamental Freedoms [25];

– Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms [26];

– Council of Europe Convention on the Protection of the Profession of Lawyer (currently undergoing the signature procedure) [27];

– EU Directives (including 77/249/EEC and 98/5/EC) [28].

– Council of Europe Recommendation CM/Rec(2000)21 on the freedom of exercise of the profession of lawyer [29];

– other international standards for the protection of human rights, as well as standards for the organization and activities of the advocacy, including the IBA and CCBE [30];

– practice of the UN Human Rights Committee [31] and the European Court of Human Rights [32];

– normative legal acts of the state [33];

– national corporate acts of the Bar [34];

– national judicial practice [35];

– scientific journals and publications, as well as educational literature [36];

– materials of the disciplinary case, materials of criminal, civil, and other cases. It should be noted that rules which do not directly operate on the territory of individual states can, nevertheless, be used for the purposes of conducting an international expert review as norms of customary international law, since these norms crystallize the universal standards of a fair disciplinary proceeding.

2.4. International standards and main approaches to the legal consolidation of the foundations of the disciplinary responsibility of an advocate and proof in disciplinary proceedings

2.4.1. Regulation of disciplinary proceedings in the international standards of the organization of the legal profession

Paragraph 16 of the UN Basic Principles on the Role of Lawyers states that Governments shall ensure that lawyers: a) are able to perform all of their professional functions without intimidation, hindrance, harassment or improper interference; b) are able to travel and to consult with their clients freely both within their own country and abroad; and c) shall not suffer, or be threatened with, prosecution or administrative, economic or other sanctions for any action taken in accordance with recognized professional duties, standards and ethics.

Paragraphs 17-20 establish the following:

– where the security of lawyers is threatened as a result of discharging their functions, they shall be adequately safeguarded by the authorities (17).

– lawyers shall not be identified with their clients or their clients' causes as a result of discharging their functions (18).

– no court or administrative authority before whom the right to counsel is recognized shall refuse to recognize the right of a lawyer to appear before it for his or her client unless that lawyer has been disqualified in accordance with national law and practice and in conformity with these principles (19).

– lawyers shall enjoy civil and penal immunity for relevant statements made in good faith in written or oral pleadings or in their professional appearances before a court, tribunal or other legal or administrative authority (20).

Based on the provision of paragraph 23 of the UN Basic Principles on the Role of Lawyers, they, like other citizens, are entitled to freedom of expression, belief, association and assembly. In particular, they shall have the right to take part in public discussion of matters concerning the law, the administration of justice and the promotion and protection of human rights and to join or form local, national or international organizations and attend their meetings, without suffering professional restrictions by reason of their lawful action or their membership in a lawful organization. In exercising these rights, lawyers shall always conduct themselves in accordance with the law and the recognized standards and ethics of the legal profession.

Paragraph 24 establishes that lawyers shall be entitled to form and join self-governing professional associations to represent their interests, promote their continuing education and training and protect their professional integrity. The executive body of the professional associations shall be elected by its members and shall exercise its functions without external interference.

Based on Articles 27–29 of the Basic Principles on the Role of Lawyers, charges or complaints made against lawyers in their professional capacity shall be processed expeditiously and fairly under appropriate procedures. Lawyers shall have the right to a fair hearing, including the right to be assisted by a lawyer of their choice. Disciplinary proceedings against lawyers shall be brought before an impartial disciplinary committee established by the legal profession, before an independent statutory authority, or before a court, and shall be subject to independent judicial review. All disciplinary proceedings shall be determined in accordance with the code of professional conduct and other recognized standards and ethics of the legal profession and in the light of these principles.

The UN Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers in paragraphs 6 and 101 of his report A/HRC/50/36 (2022) [37] noted that international principles and standards concerning the independence of the legal profession and its free exercise, enshrined, inter alia, in the Basic Principles on the Role of Lawyers, are of paramount importance and constitute the foundational norms that should guide both advocates and bar associations or professional associations of lawyers; the specified principles and standards must also be fully respected and observed by state authorities.

Also in paragraphs 82 and 86 it is stated that disciplinary proceedings against advocates must be conducted in accordance with the guarantees of due process established, inter alia, in Article 14 of the ICCPR.

Article 14 of the ICCPR notes, in particular, that all persons shall be equal before the courts and tribunals. In the determination of any criminal charge against him, or of his rights and obligations in a suit at law, everyone shall be entitled to a fair and public hearing by a competent, independent and impartial tribunal established by law. The disciplinary procedure must comply with the requirements of a fair trial (paragraph 1 of Article 14 of the ICCPR), including adversariality, ensuring the right to defense (to know the charges and have the opportunity to challenge them, the right to representation) and the right to challenge the decision of the disciplinary body in court.

Paragraph 94 draws attention to the fact that the power to impose disciplinary sanctions on advocates should be vested in an independent body. At the same time, according to the principle of the natural judge, the disciplinary body must be established in accordance with the law. The use of vague and ambiguous grounds for disciplinary action opens the door to overly broad or abusive interpretations, which can undermine the free exercise of their functions by advocates. Furthermore, overly broad wording can create uncertainty and unpredictability regarding the conduct requiring disciplinary action, which violates the principle of legality. In relation to disciplinary matters, the principles of legality and predictability of decisions, as well as the principle of strict interpretation of the law, which apply to criminal cases, should be applied (mutatis mutandi). Paragraph 89 emphasizes that the use of disciplinary measures is a dangerous weapon in the hands of governments, as it allows them to influence the professional activities of advocates, especially those who litigate against the state or represent initiatives or clients that the ruling regime dislikes, and paragraph 115 notes that the establishment of an independent system for reviewing disciplinary proceedings in connection with alleged violations of professional ethics is an important factor in ensuring the independence of the advocate profession.

Paragraph 117 states that disciplinary bodies vested with the power to prosecute and adjudicate alleged violations of the professional duties of advocates must be independent from political power, including from the executive branch, including the ministry of justice and other state institutions. Disciplinary and supervisory bodies must include professional advocates in their composition. In cases where disciplinary bodies are directly linked to the executive branch, accountable to it, or have significant representation from the executive branch, it is necessary to review their legal basis so as to ensure the genuine independence of the disciplinary bodies.

In accordance with the Declaration on the Right and Responsibility of Individuals, Groups and Organs of Society to Promote and Protect Universally Recognized Human Rights and Fundamental Freedoms (Adopted by General Assembly resolution 53/144 of December 9, 1998), everyone has the right, individually and in association with others, to promote and to strive for the protection and realization of human rights and fundamental freedoms at the national and international levels (Article 1).

Article 5 of the Declaration states that for the purpose of promoting and protecting human rights and fundamental freedoms, everyone has the right, individually and in association with others, at the national and international levels:

a) to meet or assemble peacefully;

b) to form, join and participate in non-governmental organizations, associations or groups;

c) to communicate with non-governmental or intergovernmental organizations.

Article 6 of the Declaration contains a provision according to which everyone has the right, individually and in association with others:

a) to know, seek, obtain, receive and hold information about all human rights and fundamental freedoms, including having access to information as to how these rights and freedoms are given effect in domestic legislative, judicial or administrative systems;

b) as provided for in human rights and other applicable international instruments, freely to publish, impart or disseminate to others views, information and knowledge on all human rights and fundamental freedoms;

c) to study, discuss, form and hold opinions on the observance, both in law and in practice, of all human rights and fundamental freedoms and, through these and other appropriate means, to draw public attention to those matters.

Article 7 of the Declaration provides that everyone has the right, individually and in association with others, to develop and discuss new human rights ideas and principles and to advocate their acceptance.

Article 8 of the Declaration establishes that everyone has the right, individually and in association with others, to have effective access, on a non-discriminatory basis, to participation in the government of his or her country and in the conduct of public affairs, and this includes, inter alia, the right, individually and in association with others, to submit to governmental bodies and agencies and organizations concerned with public affairs criticism and proposals for improving their functioning and to draw attention to any aspect of their work that may hinder or impede the promotion, protection and realization of human rights and fundamental freedoms.

Proceeding from the provisions of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation [38], the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation cited above and considered below are an integral part of its legal system.

The Russian Federation has established approaches to the application of international law norms in judicial practice, officially declared by the Supreme Court. As follows from the preamble to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 10, 2003 № 5 «On the Application by Courts of General Jurisdiction of the Generally Recognized Principles and Norms of International Law and the International Treaties of the Russian Federation» [39], the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation, according to Part 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation, are an integral part of its legal system.

Paragraph 1 also notes: «Proceeding from this, as well as from the provisions of Part 4 of Article 15, Part 1 of Article 17, Article 18 of the Constitution of the Russian Federation, human rights and freedoms according to the generally recognized principles and norms of international law, as well as international treaties of the Russian Federation, are directly applicable within the jurisdiction of the Russian Federation. They determine the meaning, content and application of laws, the activities of legislative and executive authorities, local self-government, and are ensured by justice».

The generally recognized principles of international law should be understood as fundamental imperative norms of international law accepted and recognized by the international community of states as a whole, from which no derogation is permitted.

The generally recognized principles of international law include, in particular, the principle of universal respect for human rights and the principle of good faith fulfillment of international obligations. A generally recognized norm of international law should be understood as a rule of conduct accepted and recognized by the international community of states as a whole as legally binding.

The content of these principles and norms of international law can be revealed, in particular, in the documents of the United Nations and its specialized agencies».

To consider the designated problem, one should once again pay attention to the norms of the European Union countries and the practice of the European Court of Human Rights (ECHR). Despite the fact that currently the acts of the EU and the ECHR are not recognized in Russia, their provisions have been implemented into Russian legislation and law enforcement practice for a long time, and, consequently, they are also subject to consideration. In addition, it should be taken into account that the decisions of the ECHR enrich practice in terms of the meanings of law enforcement of those acts that retain their legal effect for the Russian Federation, and also the fact that the positions of the ECHR are based on generally recognized legal norms that are not subject to change to please the political conjuncture.

Article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms states that in the determination of his civil rights and obligations or of any criminal charge against him, everyone is entitled to a fair and public hearing within a reasonable time by an independent and impartial tribunal established by law.

The Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe «On the freedom of exercise of the profession of lawyer» states the following:

1. Where advocates do not respect professional standards set out in codes of conduct drawn up by bar associations or other professional associations of advocates or by legislation, appropriate measures should be taken, including the initiation of disciplinary proceedings.

2. Bar associations or other professional associations of advocates should be responsible for or, where appropriate, be entitled to participate in disciplinary proceedings against advocates.

3. Disciplinary proceedings should be conducted with full respect for the principles and rules laid down in the European Convention on Human

Rights, including the right of the advocate concerned to participate in such proceedings and to apply for judicial review of the decision.

4. In determining sanctions for disciplinary offenses committed by an advocate, the principle of proportionality should be respected.

The case-law of the ECHR notes that restricting access to the profession and the opportunities to exercise professional activity can affect a whole range of rights protected by international human rights law, such as the right to respect for private life (which is enshrined, in particular, in Article 17 of the ICCPR and Article 8 of the ECHR) [40], the right to freedom of expression (Article 19 of the ICCPR, Article 10 of the ECHR), the right to freedom of association (Article 22 of the ICCPR, Article 11 of the ECHR), and emphasizes that, for example, dismissal or termination of status affects the right to respect for private life [41], as they affect professional relations, the material well-being of advocates and their families [42], as well as the reputation of the given advocate, since all of the above falls under the protection of the right to respect for private life [43], and in this regard, the restriction of these rights cannot be arbitrary and unlawful, and therefore bringing to disciplinary responsibility, which encompasses both proceedings and penalty measures, must:

– comply with the law (the principle of legality);

– pursue a legitimate aim, and it must be necessary and proportionate to the legitimate aim pursued, taking into account the specific circumstances of the case and the person being held accountable;

– be applied exclusively in accordance with a fair procedure and within its framework [44].

Thus, an advocate who is brought to disciplinary responsibility must have the right to be assisted by a lawyer of his choice, the hearing of the disciplinary case must be conducted by an independent and impartial body, which implies the absence of direct or indirect influence, pressure, intimidation, or interference from any side and for any motives. During disciplinary proceedings against an advocate, the right to a fair hearing enshrined in Article 14 of the ICCPR and Article 6 of the European Convention on Human Rights must be respected, including the principle of equality of arms. In accordance with this right, advocates must be notified of the nature and basis of the charges brought against them; they and their legal representatives must be granted sufficient time and facilities for the preparation of their defense and asserting their position; they must be able to challenge the testimony and evidence of the prosecuting party, including by examining witnesses, as well as have the opportunity to present evidence, including by calling witnesses. The decision on the case must be drawn up in writing and contain a reasoned part based on the law corresponding to international standards and the code of professional ethics, as applied to the specific evidence presented that has been deemed admissible.

Based on the foregoing, as well as the entire set of provisions of international standards in the field of advocacy and the legal profession [45], following the approach developed by the United Nations Working Group on Arbitrary Detention [46], it is necessary to conclude that the concept of «arbitrariness» relates to the requirements that a certain form of procedure applied in terminating the status of an advocate complies with established international standards, as well as the laws and procedures in force in the territory of the respective state, and the set goal, that is, that this concept is reasonable and necessary. At the same time, «arbitrariness» should not be equated only with «unlawfulness», but should be interpreted more broadly to include elements of inappropriateness, injustice, unpredictability and lack of due process of law, in connection with which it is necessary to use specific criteria for all cases submitted for study on the issue of the arbitrariness of the deprivation (termination) of the status of an advocate.

Thus, the International standards of the organization of the legal profession assume that charges and complaints against advocates are subject to expeditious, objective and fair consideration by an independent impartial disciplinary committee established by advocates and provided for by law, in accordance with the appropriate procedure, or by a court, and are subject to independent judicial review. Codes of professional conduct for advocates are developed in accordance with national legislation, customs and recognized international standards and norms. Disciplinary measures against advocates are determined in accordance with the code of professional conduct and other recognized standards and professional ethics and in the light of international standards [47].

States must ensure the absence of abuses of the disciplinary system against representatives of the legal profession, and it cannot be used for the purpose of intimidating or persecuting advocates. The use of vague and ambiguous grounds for disciplinary action opens the door to overly broad or abusive interpretations, which can undermine the free exercise of their functions by advocates. Furthermore, overly broad wording can create uncertainty and unpredictability regarding the conduct requiring disciplinary action, which violates the principle of legality. In relation to disciplinary matters, the principles of legality and predictability of decisions, as well as the prin-

ciple of strict interpretation of the law, which apply to criminal cases, should be applied [48].

Deprivation of the right to practice law should only be for the most serious offenses stipulated by the code of professional conduct, and only after a fair hearing of the case by an independent and impartial instance with the provision of all guarantees to the accused advocate. To ensure a proper balance between the independence of advocates and holding them accountable for violating the rules of the profession, the responsibility for hearing disciplinary cases against them should lie with an impartial disciplinary committee established by the advocates themselves, an independent competent authority or a court. Such a disciplinary body must be free from any influence or pressure from the legislative or executive branches of government or any other party. The participation of executive authorities in conducting disciplinary proceedings against advocates undermines the independence of the legal profession. Disciplinary measures are determined in accordance with the code of professional conduct and other recognized standards and professional ethics of lawyers. To maintain transparency and strengthen public confidence in the legal profession, open and easy access to information on complaints procedures against advocates should be ensured. An advocate against whom disciplinary proceedings have been initiated must have all procedural guarantees provided for in Article 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights, including the right to defend himself in person or through a defender of his own choosing. Decisions of the disciplinary body must be reasoned and subject to independent judicial review [49].

The International Bar Association (IBA) adopted the IBA International Principles on Conduct for the Legal Profession (2011), and also utilizes the mechanism of the IBA Human Rights Institute (IBAHRI) [50], which monitors violations of advocates' rights worldwide. The IBA principles expressly prohibit the use of disciplinary mechanisms for political purposes and provide for the right of an advocate to a fair hearing. Ethical norms are intended to protect the advocate and his client, and under no circumstances can they be perverted and used as criteria for imposing sanctions or initiating punitive disciplinary measures by institutions subject to state pressure [51].

The methodology relies on these standards when forming criteria for evaluating disciplinary prosecution.

The methodology was developed taking into account the above principles and is oriented towards ensuring compatibility with the procedures of European bar associations.

2.4.2. Standards of disciplinary responsibility of an advocate in Common Law countries

In jurisdictions based on the common law system, the termination of advocate status (disbarment) represents the strictest measure of disciplinary action.

In the USA, disciplinary proceedings are regulated at the state level: procedures are determined by the rules of the state Supreme Courts, taking into account the recommendatory standards of the American Bar Association (ABA) [52]. The termination of advocate status is applied in cases of intentional violation of professional norms, fraud, or criminal conduct.

The actions prohibited for an advocate include:

− violating or attempting to violate the Rules of Professional Conduct, knowingly assisting or inducing another to do so, or doing so through the acts of another;

− committing a criminal act that reflects adversely on the honesty, trustworthiness, or fitness of the advocate in other respects;

− engaging in conduct involving dishonesty, fraud, deceit, or misrepresentation;

− engaging in conduct that is prejudicial to the administration of justice;

− improperly influencing a government agency or official;

− knowingly assisting a judge or judicial officer in conduct that is a violation of applicable rules of judicial conduct or other law [53].

In accordance with the ABA policy, which provides for public participation in the disciplinary process, disciplinary proceedings are usually considered by a hearing committee consisting of two advocates and one person who is not an advocate. Certain due process protections apply. For example, advocates accused of misconduct have the right to notice of the charges brought against them, the right to confront witnesses testifying against them, and the right to present evidence, to the assistance of an advocate, and the right to invoke their defense in accordance with the Fifth Amendment to the Constitution.

In most states, rules of evidence apply, and the state rules of civil procedure govern pre-trial practice. At the conclusion of the proceedings, the hearing committee issues a report and recommendation as to whether the advocate committed the alleged misconduct. The disciplinary authority bears the burden of proving the allegations contained in the formal charges in accordance with the established standard of proof, which in most jurisdictions is «clear and convincing evidence». In addition, the hearing committee's report contains a recommended disciplinary

sanction consistent with existing precedent. In some states, an interlocutory appeal is available to the advocate and the disciplinary authority. Ultimately, the state supreme court will decide the matter and impose the appropriate disciplinary sanction. Disciplinary sanctions include: admonition, reprimand, censure, suspension, termination of advocate status, probation, and restitution (compensation for damages) [54].

In Great Britain, disciplinary functions with respect to solicitors are exercised by the Solicitors Disciplinary Tribunal (SDT) [55], and with respect to barristers – by the Bar Tribunals and Adjudication Service (BTAS) [56]. Professional regulation is carried out under the supervision of the Legal Services Board (LSB) [57].

In accordance with the legislation and professional codes of England and Wales, disciplinary sanctions may include a warning, a fine, temporary suspension from practice, as well as exclusion from the profession. The grounds for applying the strictest measures are:

− fraud, misappropriation of client funds, forgery of documents;

− violation of the principles of honesty (integrity) and independence of the advocate;

− breach of client trust;

− actions undermining public trust in the legal profession;

− serious breaches of duties to prevent conflicts of interest and maintain confidentiality;

− criminal offenses incompatible with the status of an advocate.

British practice emphasizes that the purpose of disciplinary proceedings is not punishment per se, but the protection of public trust in justice and the legal profession. A specific feature of the British system is a high level of procedural guarantees. Disciplinary proceedings are quasi-judicial in nature, are held publicly, and decisions are subject to judicial review.

In Canada, disciplinary powers are concentrated in the provincial bar associations (Law Societies) [58]. Despite the autonomy of provincial systems, disciplinary standards are largely unified thanks to the model rules of the Federation of Law Societies of Canada [59].

The Canadian system of disciplinary responsibility of advocates also proceeds from the principle of protecting public trust in justice. The strictest sanction is disbarment – exclusion from the bar with the loss of the right to engage in legal practice. The grounds for applying this measure are:

− misappropriation or misuse of client funds;

− fraud, forgery, misleading the court or the client;

− breach of client trust;

− systematic professional bad faith;

− serious breaches of duties to maintain confidentiality;

− criminal offenses incompatible with the practice of law.

Procedures of disciplinary proceedings in Canada include several stages:

− review of the complaint;

− preliminary investigation;

− holding of hearings by a disciplinary committee;

− rendering a decision and imposing a sanction;

− the possibility of appellate review.

Hearings, as a rule, are public. The advocate is guaranteed the rights to defense, presentation of evidence, participation of a representative, and judicial appeal of the decisions of disciplinary bodies. In a number of provinces, the principle of proportionality is applied – the proportionality of the disciplinary sanction to the nature of the misconduct and the degree of public danger of the advocate's behavior.

Canadian practice also demonstrates a tendency to take into account circumstances related to the mental state of the advocate, professional burnout, and addictions. In such cases, disciplinary bodies may apply restorative measures, monitoring programs, and temporary restrictions on practice instead of final exclusion from the profession, if this does not threaten the interests of the public and clients.

Unlike a number of continental legal orders, the systems of the USA, Great Britain, and Canada are characterized by a significant role of judicial control and the publicity of disciplinary procedures. The termination of advocate status is considered an exceptional measure, applied primarily to protect public trust in justice, ensure the integrity of the legal profession, and maintain the independence of the legal profession.

2.4.3. European standards of disciplinary practice

The Council of Bars and Law Societies of Europe (CCBE) has adopted the Code of Conduct for European Lawyers, which enshrines the principles of the independence of the advocate and the rule of law as necessary conditions for lawful disciplinary prosecution.

The CCBE has repeatedly adopted resolutions condemning the politically motivated termination of advocate status in third countries, and has developed mechanisms to support advocates persecuted for their professional activities.

A cornerstone is laid in the CCBE Recommendations on disciplinary proceedings: although the state may establish a general framework, the disciplinary proceedings themselves must be absolutely indepen-

dent of state bodies. Primary jurisdiction in matters of ethics and discipline must belong exclusively to the legal corporation itself. The presence of a large number of representatives of state bodies in the composition of a disciplinary body is a gross violation of the principle of the independence of the legal profession supported by the CCBE [60].

The CCBE standards stipulate that the primary responsibility for conducting disciplinary proceedings at the first instance lies with the Bar Association or Law Society, and the proceedings themselves must be conducted in accordance with the principles of due process, as set out in the European Convention on Human Rights, including the right to defend oneself with legal assistance. Disciplinary proceedings should be separated from criminal proceedings for the same alleged misconduct. Confidential information protected by legal professional privilege (attorney-client privilege) must be protected throughout the disciplinary proceedings, without prejudice to the advocate's right to self-defense. Charges or complaints brought against advocates in their professional capacity must be processed expeditiously and fairly under appropriate procedures. Advocates must have the right to a fair hearing, including the right to the assistance of a lawyer of their choice. Disciplinary proceedings must be brought before an impartial disciplinary committee established by the legal profession, before an independent statutory (provided by law) body, or before a court, and must be subject to independent judicial review. All disciplinary proceedings must be resolved in accordance with the code of professional conduct and other recognized standards and ethics of the legal profession, as well as in the light of these principles.

When determining sanctions for disciplinary offenses, the principle of proportionality must be observed. The termination of status (disbarment) is applicable only in cases of gross, deliberate infliction of harm to a client or the system (for example, abandonment of practice resulting in serious damage). Political speeches, criticism of the judicial system, or the defense of «undesirable» persons de jure cannot constitute the actus reus of a disciplinary offense.

The Council of Europe Convention on the Protection of the Profession of Lawyer [61], which will enter into force in the near future, assumes that the signatory states shall ensure that the grounds for taking disciplinary action against lawyers are based exclusively on professional standards of conduct that are prescribed by law and are in themselves consistent with the rights and freedoms enshrined in the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. They shall also ensure that disciplinary proceedings against lawyers are promptly heard by an independent and impartial disciplinary committee established by a professional association, an independent and impartial body, or an independent and impartial court or tribunal established by law, and also that they are heard in accordance with the requirements of a fair trial provided for in Article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, and with the right to consultation, assistance or representation by a lawyer of their choice, and are subject to challenge by the respective lawyer in an independent and impartial court or tribunal established in accordance with the law. In doing so, states shall ensure compliance with the principles of legality, non-discrimination, and proportionality of any disciplinary sanctions imposed on lawyers. Any ban on the right to practice law should be imposed only for the most serious violations of professional standards.

The present Methodology is developed on the basis of the above principles and standards and is oriented towards ensuring compatibility with the procedures of European bar associations.

2.4.4. Regulation of the foundations of disciplinary proceedings in Russian law

In accordance with the provisions of the Federal Law «On advocacy and the Bar in the Russian Federation» (next is the Federal Law «On Advocacy») [62] (Articles 4, 7, 17, 31, 33) and the Code of Professional Ethics of an Advocate (next is CPEA) [63] (Articles 18, 19–27), a disciplinary case against an advocate is initiated by the president of the regional chamber of advocates; the president of the chamber does not head the qualification commission and is not a member of it, and the validity of the conclusion of this commission is verified and evaluated by the council of the regional chamber under the leadership of the president.

The decision of the Council on the termination of advocate status may be appealed to a court or to the Federal Chamber of Advocates (FCA). The appeal is considered by the FCA Commission on Ethics and Standards, and the conclusion of the Commission, adopted based on the appeal, together with the disciplinary case, is considered by the Council of the Federal Chamber of Advocates (FCA). Based on the provisions of Part 2 of Article 2 of the Federal Law «On Advocacy», it operates on the basis of the principles of legality, independence, self-government, corporatism, as well as the principle of the equality of advocates. Part 3 of Article 18 of the CPEA explicitly states that disciplinary measures are applied only within the framework of disciplinary proceedings in accordance with procedures that imply strict compliance with the disciplinary proceeding procedures

established in international standards, provisions of the law, and the CPEA.

According to international standards, and also often to the domestic legislation of countries and the corporate acts of the legal profession, advocates have the right to an objective and fair consideration of their disciplinary cases (for example – Part 7 of Article 33 of the Federal Law «On Advocacy», Clause 3 of Article 19 of the CPEA).

The measures of disciplinary responsibility are admonition, warning, and termination of advocate status.

The aforementioned norms formally correspond to a significant extent to international standards and should not be applied in practice contrary to them or without taking them into account.

2.4.5. Standards of proof in disciplinary proceedings against an advocate

The disciplinary procedure in the UN Human Rights Committee decision in the case of Oleg Ageyev was classified as a «civil process» in relation to the rules of Article 14 of the ICCPR [64], therefore, this procedure falls under all the guarantees of a fair trial. At the same time, the UN Human Rights Committee noted that the procedures must be assessed on a case-by-case basis in the light of the nature of the right in question [65].

The European Court of Human Rights (ECtHR), starting with the historical precedent of Engel and Others v. The Netherlands (1976), has developed criteria intended to stop attempts by states to conceal punitive measures under the guise of administrative or disciplinary law. Three criteria – the legal classification of the offense in national law, the nature of the offense, and the degree of severity of the potential penalty – allow the court to apply criminal procedural guarantees (Article 6 of the ECHR) to cases that are formally not criminal.

The termination of an advocate's right to the profession (disbarment) entails catastrophic consequences comparable to civil death, which gives the sanction a pronouncedly punitive and deterrent character. Consequently, such processes must be viewed through the prism of very serious legal guarantees [66], more serious than those applied in a standard civil process.

The issue of the applicable standard of proof is a very significant and fundamental one for the application of the Methodology.

Traditionally, in criminal proceedings, the standard «beyond reasonable doubt» is applied, assuming the highest possible degree of conviction in guilt. However, the application of this standard to disciplinary proceedings against advocates is not mandatory from the point of view of international law and comparative jurisprudence – and there are weighty reasons for this.

Disciplinary proceedings against an advocate are, nevertheless, not criminal prosecution, and their purpose is not punishment for a crime, but the assessment of compliance of professional behavior with established standards.

In most common law jurisdictions (USA, Great Britain, Canada, Australia), disciplinary bodies apply an intermediate standard – «clear and convincing evidence», which occupies a place between the civil standard of «balance of probabilities» and the criminal standard «beyond reasonable doubt» [67]. This standard prescribes that the evidence must, with a high degree of probability and substantiality, confirm the truthfulness of the allegations, excluding frivolous conjectures. The wording «clear and convincing» means that the evidence will, with a high and substantial probability, be true rather than false. In other words, the person evaluating the evidence must be convinced that the given assertion is highly probable. US courts and Canadian disciplinary tribunals actively use this very threshold when considering issues of revoking lawyers' licenses.

This standard is recognized as sufficient in the methodology, because:

– disciplinary sanctions, including the termination of advocate status, entail severe professional, but still not criminal legal consequences;

– the application of the criminal standard in disciplinary proceedings would create an unjustifiably high threshold of proof, excluding the possibility of protecting the profession from unscrupulous practices.

At the same time, the standard of «clear and convincing evidence» is more demanding than a simple «preponderance of probabilities», which ensures proper protection of the rights of the advocate within the framework of the disciplinary procedure.

In relation to advocate disciplinary proceedings, the ECtHR has repeatedly indicated that the termination of advocate status may be associated with the application of the guarantees of Article 6 of the ECHR (fair trial), but does not entail the automatic application of the criminal procedural standard of proof [68]. Thus, the application of the standard of «clear and convincing evidence» is internationally recognized and corresponds to the practice of the ECtHR.

The studied materials [69] confirm that in disciplinary proceedings against advocates in most legal systems, an evidentiary standard is applied that occupies an intermediate position between civil and criminal. This approach ensures a balance between protecting the rights of the advocate and the inter-

ests of the professional community and society as a whole.

On this basis, the methodology applies the standard of «clear and convincing evidence» when assessing the factual circumstances of the disciplinary prosecution that became the basis for the deprivation of status.

Regardless of the evidentiary standard applied, the burden of proof is fully placed on the «accusing» party – the body or person substantiating the lawfulness of the termination of advocate status.

In the event that the presented evidence does not allow establishing the fact of a culpable violation of professional standards with a proper degree of certainty, all emerging doubts are interpreted in favor of the advocate (In dubio pro reo). This principle is a general principle of law recognized in all legal systems, and its application to disciplinary proceedings is confirmed by both comparative legal doctrine and the practice of international instances.

Consequently, in relation to the assessment of evidence, it is required to ensure that all doubts are interpreted in favor of the advocate being held liable, and the so-called «presumption of the advocate's good faith» [70] applies, which the applicant must refute in the process of proof.

Thus, the application of the standard of «clear and convincing evidence» while preserving the principle of In dubio pro reo (in case of doubt – in favor of the accused) is the most optimal and consistent with generally accepted approaches.

Part 3. Criteria for arbitrary termination of advocate status

3.1. The concept and criteria of «arbitrariness» of termination of advocate status

Arbitrary termination of advocate status is the deprivation of an advocate of his professional status, carried out in violation of international standards of independence of the legal profession and (or) domestic legislation and corporate norms of the bar, which is characterized not only by a formal violation of the law, but also by the presence of material injustice, political motivation or lack of due process.

In the context of the methodology, this term includes the following essential features:

1. Priority of substance over form: a decision is considered arbitrary even if it formally complies with national legislation, but in substance is unfair, unfounded or unpredictable.

2. Instrumentality: the use of disciplinary procedures or criminal prosecution not for the purposes of justice, but as a means of professional reprisal, pressure or removal of an undesirable advocate from practice.

3. Institutional failure: a situation in which bodies of advocate self-government and national courts do not provide effective protection and independence, turning into an instrument of state pressure.

4. Violation of international guarantees: inconsistency of the procedure of deprivation of status with the UN Basic Principles on the Role of Lawyers and standards of a fair trial.

«Arbitrariness» should not be equated only with «unlawfulness», but should be interpreted more broadly, including elements of unacceptability, injustice, unpredictability and lack of due process.

Analysis of the main approaches to the legal consolidation of the foundations of the disciplinary responsibility of an advocate and standards of proof in disciplinary proceedings allows to determine the following criteria, compliance with which shows that a specific case of deprivation of advocate status can be qualified as a fact of arbitrary deprivation (termination) of advocate status:

Category I. Defectus Legis: termination of advocate status clearly cannot be justified by any legal basis.

Category II. Abusus Juris: termination of advocate status is associated with the exercise of rights or freedoms guaranteed by the Universal Declaration of Human Rights and the International Covenant on Civil and Political Rights.

Category III. Violatio legis, principii, aequitatis: full or partial non-compliance with the norms on the right to a fair hearing in an independent disciplinary body or court is so egregious that it gives the termination of status an arbitrary character.

Category IV. Ubi jus ibi remedium: advocate status is terminated without providing an opportunity for review or means of legal protection.

Category V. Odium Professionis: termination of status constitutes interference in the professional activity of an advocate, persecution for it or for other socially significant activity, or an act of discrimination.

These criteria fully comply with international standards for the organization and activity of the Bar, as well as the formal content of the provisions of the legislation of the Russian Federation and acts of the bodies of corporate governance of the Russian bar [71].

The special tables below will present standard questions related to specific categories, and typical forms of external (objective) manifestation of these signs related to the corresponding categories, which are subject to verification during an independent international review.

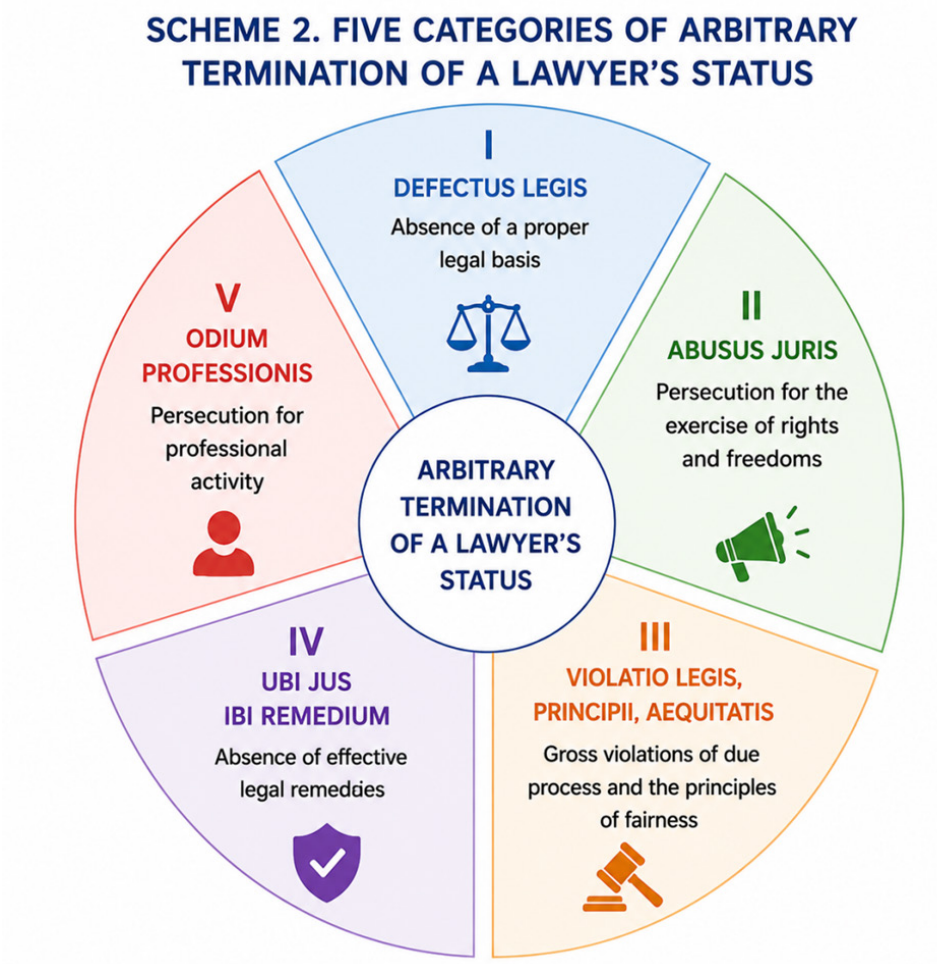
They are constructed in such a way that an expert, when answering the questions (based on con-

tent analysis of case materials, including court verdicts and rulings, decisions of chambers of advocates, media publications, and other materials), can verify with mathematical precision the presence or absence of signs of arbitrariness in the termination of an advocate's status in a specific case.

The presence of an affirmative answer to questions from the list provided in the tables indicates that the disciplinary procedure or judicial proceeding was fictitious in nature and was used as a cover for reprisals against an advocate, and, consequently, the termination of this advocate's status is arbitrary.

3.2. Category I. Defectus Legis: termination of an advocate's status clearly cannot be justified by any legal basis

The first category covers situations ex nihilo (from nothing), where the termination of status relies on a legal vacuum, the retroactive application of norms, an outright abuse of authority (ultra vires), or is based on a judicial act that is itself legally void due to fundamental flaws. These are cases where it is impossible to refer to any legal basis justifying the sanction. The violation of the basic principle Nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali (no



crime and no punishment without a law) in this context testifies to the complete substitution of law with administrative discretion.

An analysis of the manifestations of the Defectus Legis category demonstrates that arbitrariness is often hidden behind the facade of pseudo-legal procedures. A key marker here is the disregard for the doctrine of legal certainty. International standards, in particular, the principles articulated by the American Bar Association (ABA Standards for Imposing Lawyer Sanctions) and the Council of Bars and Law Societies of Europe (CCBE), clearly indicate that the termination of an advocate's status (disbarment) is applicable exclusively in the presence of serious intent and the causing of real harm to a client or the justice system [72].

When the retroactive application of new ethical prohibitions or the arbitrary, expansive interpretation of long-existing norms that have never been applied in such a vein before is used as the basis for depriving one of their profession, we observe a classic example of ultra vires. Disciplinary bodies in such cases exceed the limits of their legitimate competence, transforming from self-regulatory institutions into quasi-punitive tribunals, whose decisions are knowingly marred by the vice of invalidity.

If the verdict on the basis of which the decision to terminate status was made is not fair, was rendered

in absentia without sufficient grounds, contains legal omissions, was accompanied by procedural violations, or bears the nature of professional or political persecution, then the decision to terminate status is arbitrary, despite formal compliance with the law. The fundamental principle of the rule of law requires that this verdict be fair in its essence. If a judicial act is the product of politically motivated legal proceedings, it cannot generate legitimate legal consequences. A disciplinary body of the advocacy should not act as a «mere executor» and «technical registrar», legitimizing judicial arbitrariness. Mechanical execution of legal requirements without assessing substantive fairness is a form of self-removal from protecting the independence of an advocate.

It should also be taken into account that the application of norms of national legislation, which have already been recognized at the international level as discriminatory and unlawful, deprives a decision in a disciplinary case or a court decision of legitimacy.

The termination of an advocate's status is arbitrary if it is not based on law or goes beyond it, including if it is not based on clearly formulated and predictable legal norms.

In accordance with Part 2 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation, state authorities, local self-government bodies, officials, citizens, and their associations are obliged to observe the Constitution of the Russian Federation and the laws; legal consequences can arise only if there is a legal basis. Articles 17 and 18 of the Constitution directly state that the rights and freedoms of man and citizen, which in the Russian Federation are recognized and guaranteed in accordance with universally recognized principles and norms of international law and in accordance with this Constitution, and the fact that they are directly applicable, determine the meaning, content, and application of laws, the activities of the legislative and executive power, local self-government, and are ensured by justice.

The Law, in Articles 16 and 17, establishes exhaustive grounds for the termination of an advocate's status and a strict procedure for its deprivation, which must be implemented only if there is a legal basis and a decision of the qualification commission, confirmed by the council of the chamber of advocates. International standards (UN Basic Principles on the Role of Lawyers, para. 28) expressly prohibit depriving an advocate of their status other than on serious grounds provided for by law, and in accordance with due process. If the termination of status is carried out for reasons not provided for by law, without specific legal qualification of the act, using vague formulations («undermining the authority of the advocacy», etc.) or without any reference to the law at all, then it is arbitrary. Such termination of status violates the principle of legal certainty, undermines the independence of the advocacy, and effectively denies the rule of law. If the termination of status does not relate to any existing legal act or is justified arbitrarily, it falls under Category I. Sanctions not provided for by law are a violation of the right to defense and a fair trial. In the absence of a specific legal norm establishing the grounds for deprivation of status, there can be no correct law enforcement. Any decision must be reasoned and contain references to the law, a list of violated norms, and evidence. Without such justification, the termination of status is void.

Table 1.

Category I. Defectus Legis: termination of an advocate's status clearly cannot be justified by any legal basis

№	Questions, the answers to which establish the presence or absence of the criterion	Typical forms of external manifestation of the criterion
1	Legal character, lawfulness, and legitimacy: is the formal ground for deprivation of status (e.g., a court verdict) legal, lawful, and legitimate in essence, and not just in form?	The decision of the disciplinary body relies exclusively on norms that have no legal force, repealed acts, or constitutes an act of political expediency, issued in the form of a court decision or disciplinary ruling without indicating a specific violated norm of substantive law or with an indication of an unlawful norm of law. Disciplinary proceedings are initiated in the absence of admissible grounds. Disciplinary bodies artificially construct the elements of an offense, punishing actions that do not constitute a disciplinary violation. The court convicts the advocate in the absence of the elements of a crime, and the formal adoption of the decision or the rendering of the verdict is used as a cover for arbitrariness. The disciplinary body makes a decision to disregard the norms of legislation that regulate, among other things, the disputed legal relations, which are sources of legislation on advocacy and the legal profession.
2	Illegitimacy of the legal basis of the disciplinary act: if the initial act is unlawful or politically motivated, the disciplinary acts derived from it cannot retain legitimacy.	Automatic, uncritical duplication by the disciplinary body of the findings of an unjust verdict, which is subsequently recognized as politically motivated by independent international authorities, without an attempt to conduct its own investigation of the circumstances and the general context.
3	Actual status of the disciplinary body: did the disciplinary body check the fairness of the verdict before making the decision to terminate status, or did it act as a «technical registrar» of unlawful court decisions?	In the minutes of the meetings of disciplinary bodies, there is an absence of any professional discussion; the body merely notes the presence of an external representation (e.g., from investigative bodies) and issues a decision without legal analysis.

4	Principle of «Lex retro non agit»: was a norm of substantive law or a provision of the code of ethics applied retroactively (with retroactive effect) to the advocate's actions that were not recognized as a disciplinary offense at the time they were committed?	Charging the advocate with a violation of ethical rules, regulations, or legislative restrictions that were put into effect and came into force only after the commission of the incriminated act.
5	Legal uncertainty: is the norm applied by the disciplinary body so vague, unpredictable, or ambiguous in its interpretation that the advocate objectively could not foresee the legal consequences of their actions?	The use in the disciplinary decision of extremely abstract, evaluative definitions (e.g., «violation of traditional values», «disrespect for sovereignty», «encroachment on the authority of the advocacy»), which do not have a clear definition in law or case law.
6	Abuse of authority (Ultra Vires): did the disciplinary body act in a state of clear abuse of its competence by considering a case initiated by an unauthorized person or imposing sanctions for actions the assessment of which falls under the exclusive competence of other bodies (e.g., substituting itself for the criminal court before a verdict is rendered)?	The disciplinary body of the advocacy independently qualifies the procedural actions of the advocate as an offense before a lawful verdict is rendered by a national court and, on this basis, applies the highest penalty. The court terminates the advocate's status by making a decision on this matter at the request of state bodies, in addition to the disciplinary bodies of the advocacy. Initiation of disciplinary proceedings by an unauthorized person.
7	Flaws of the initial act: was the judicial or administrative act (e.g., a verdict), which served as the sole formal reason for the deprivation of status, subsequently overturned by a higher court or recognized as having been rendered with fundamental violations by an international court (ECHR, UN HRC)?	The presence of a ruling by the ECHR, the UN Human Rights Committee, or an official decision of the Commission for the Control of Interpol's Files, establishing fundamental violations in the advocate's initial case.
8	Distinction of spheres of life: was the status terminated for actions of the advocate committed exclusively in their private life (acta jure privato), which are objectively unrelated to the exercise of professional activities?	Confirmed termination of status for publishing posts on social networks on philosophical, domestic, or political topics that are not related to professional activities.
9	Artificial construction of recidivism: was there a deliberate artificial fragmentation of one continuous act into several separate fictitious episodes with the aim of creating the appearance of «systemic» or «repeated» violation to justify the application of the extreme measure (termination of status)?	One continuous act (e.g., a series of publications within the framework of one scientific discussion, or forced lateness for a series of meetings on the same day, or non-payment of mandatory contributions) is artificially qualified as several independent disciplinary offenses to create the illusion of «systematic nature».
10	Statutes of limitations: did the disciplinary body or the court ignore the expiration of the established mandatory statutes of limitations for bringing to disciplinary responsibility?	Initiation of proceedings years after the commission of the alleged offense, proceedings with deliberate ignoring of statements about the expiration of statutes of limitations, or the calculation of terms from the moment of «discovery» of the offense.
11	Expansive interpretation of prohibitions: did the disciplinary body apply an atypical expansive interpretation of a restrictive norm, effectively creating a new corpus delicti directly during the proceedings of the advocate's case?	Creation by the disciplinary commission of a new prohibitive norm «by analogy» directly in the text of the decision on the termination of status, punishing for actions not directly prohibited by law or written rules of professional conduct.
12	Hierarchy of norms: did the decision on the termination of status, based on the internal regulations of the chamber, enter into direct contradiction with the mandatory norms of the Constitution of the state or ratified international treaties that have priority over corporate acts?	Application of the regulations of the chamber of advocates, which comes into direct legal contradiction with the provisions of international treaties and laws ratified by the state, while the international norms and laws of the country are unreasonably denied priority.

3.3. Category II. Abusus Juris: termination of the status of an advocate is connected with the exercise of rights or freedoms guaranteed by the Universal Declaration of Human Rights and the International Covenant on Civil and Political Rights

By virtue of a wide range of acts of international covenants and conventions, states must guarantee to advocates, as well as to all other natural persons:

− the right to life (ICCPR, Art. 6; Asian Commission on Human and Peoples' Rights. (ACHPR), Art. 4; American Convention on Human Rights (ACHR), Art. 4; ECHR, Art. 2);

− the right not to be subjected to torture (ICCPR, Art. 7; ACHPR, Art. 5; ACHR, Art. 5; ECHR, Art. 3);

− freedom of belief and expression of opinion (Basic Principles, Principle 23; ICCPR, Art. 19(2); ACHPR, Art. 9; ACHR, Art. 13; ECHR, Art. 9–10);

− freedom of assembly and association (Basic Principles, Principle 23; ICCPR, Art. 21 and 22(1); ACHPR, Art. 10–11; ACHR, Art. 15–16; ECHR, Art. 11);

− freedom of movement (ICCPR, Art. 12(1); ACHPR, Art. 12; ACHR, Art. 22);

− the right to personal inviolability (ICCPR, Art. 3; ACHR, Art. 7; ACHPR, Art. 6; ECHR, Art. 5);

− the right to a fair trial (Basic Principles, Principle 27; ICCPR, Art. 14–15; CAT, Art. 7(3); ICERD (International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination), Art. 5(a); CRC, Art. 12(2); ECHR, Art. 5–7; ACHPR, Art. 3, 7 and 26; ACHR, Art. 3, 8–10);

− the right to take part in the government of one's country (ICCPR, Art. 25(a); ACHPR, Art. 13; ACHR, Art. 23);

− the right to property (ACHPR, Art. 14; ACHR, Art. 21; ECHR, Art. 1);

− the right to work (International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, Art. 6; ACHPR, Art. 15);

− the right to privacy (ICCPR, Art. 17; ACHR, Art. 11; ECHR, Art. 8) [73].

The second category of arbitrary termination of the status of an advocate reveals forms of state or corporate interference punishing an advocate for the realization of freedoms guaranteed by the Universal Declaration of Human Rights (UDHR) and the ICCPR (freedom of expression of opinion, freedom of associations, the right to peaceful assembly).

The doctrine of Abusus Juris (abuse of right) in the context of international human rights law describes a vicious practice in which state or corporate structures use their lawful discretionary powers not to maintain stated goals (in this case – the ethical standards of the profession), but to suppress freedoms guaranteed by the Universal Declaration of Human Rights (UDHR) and the ICCPR. In accordance with the case law of the ECHR, the freedom of expression of opinion of lawyers, especially in debates concerning the functioning of the justice system, enjoys the highest degree of conventional protection. Restrictions on such rights cannot bear the character of professional reprisal. Deprivation of the profession in this case acts as a disguised form of political censorship and aims to create a «chilling effect» for all representatives of the legal community, since the demonstrative and cruel termination of the status of a human rights advocate pursues a cynical goal: to paralyze the will of the entire professional community, to force advocates into self-censorship and refusal to participate in speeches, public debates, and subsequently – and from participation in politically motivated trials and other «sensitive» cases. Consequently, the mere threat of applying the supreme measure of disciplinary responsibility in such cases causes irreparable damage, moreover, not only to a specific individual, but also to the institutional nature of justice, destroying the fundamental foundations of a democratic society.

The establishment of objective manifestations according to the criteria of Abusus Juris requires a deep immersion into the context of the case. International practice indicates that authorities rarely explicitly state about punishing an advocate for his political or human rights beliefs. Instead, a parallel reality is constructed, where the realization of freedom of speech (for example, an interview about the fabrication of a criminal case) is interpreted as «disclosure of preliminary investigation data» or «insulting a state body». The identification of a «chilling effect» becomes a key element of independent expertise. If the statistics of disciplinary practice clearly demonstrate an anomalous skew towards severe punishments exclusively for advocates handling so-called «sensitive» cases, this is indisputable proof of institutional abuse of right. Article 18 of the Federal Law «On Advocacy» expressly prohibits any obstruction of advocacy activity carried out in accordance with the legislation. The termination of the status of an advocate will be arbitrary if its real cause is the use by the advocate of rights and freedoms enshrined in the UDHR and the ICCPR, as well as guaranteed by the Constitution of the Russian Federation (Art. 29, 30, 48). Among such rights are the freedom of expression of opinions, freedom of associations and professional associations, the right to participate in the management of the affairs of one's profession and society, the right to receive and disseminate information, the right to defense and the provision of legal assistance. International standards (paras. 23–24 of the UN Basic Principles on the Role of Lawyers) enshrine the right of advocates to freely express their views and participate in public discussions, in associations without the risk of disciplinary sanctions. The termination of status in connection with criticism of advocacy self-government bodies, public authorities or the defense of human rights contradicts these standards and violates Art. 18, 19, 29 of the Constitution of the Russian Federation, which expressly prohibits restrictions on rights for political motives. If disciplinary prosecution or termination of status is used as a means of pressure on an advocate for his beliefs or professional statements, this is a typical case of arbitrary deprivation.

Table 2.

Category II. Abusus Juris: termination of the status of an advocate is connected with the exercise of rights or freedoms guaranteed by the Universal Declaration of Human Rights and the International Covenant on Civil and Political Rights

№	Questions, in the search for an answer to which the presence or absence of the criterion is established	Typical forms of external manifestation of the criterion
1	Chronological causality: is the termination of status connected with the advocate's membership in professional or public associations, participation in public discussions on the state of justice and the defense of human rights, critical publications or speeches, and was the disciplinary proceedings initiated immediately or in suspicious temporal proximity after the open exercise by the advocate of rights guaranteed by the UDHR and the ICCPR, in connection with which the termination of status followed, and is there a causal link between the exercise by the advocate of his rights and the initiation of criminal or disciplinary prosecution against him?	The initiation of disciplinary proceedings occurs in suspicious temporal proximity after a high-profile public speech by the advocate (in the mass media, at a rally, at an international forum) with harsh criticism of the state of justice, even if an old procedural omission is declared as the formal pretext.
2	Direct violation of the law: were criminal or disciplinary norms used expansively or arbitrarily – for criminalization or disciplinary prosecution of the advocate for actions that are lawful forms of the exercise of the specified rights?	Legal qualification of criticism, analysis of draft laws, or public calls for compliance with international norms in the field of human rights as «extremist activity», «gross violation of professional ethics», «diminishing the authority of advocacy».

3	Lawfulness of the restriction of a right: does the disciplinary punishment and restriction of the advocate's rights correspond to the requirements of the lawfulness of restrictions established by Art. 19(3) and 22(2) of the ICCPR: is it prescribed by law, is it necessary in a democratic society, is it proportionate to the legitimate aim pursued?	In the text of the decision of the disciplinary body or the decision of the court, there is a complete absence of an assessment of whether the extreme measure applied (deprivation of the profession) was «proportionate and necessary in a democratic society», and there is also an absence of legal analysis of the legitimacy of the aim pursued. The disciplinary body allows for an obvious disproportionality of the imposed punishment in the form of termination of the status of an advocate with the act recognized as a violation. When imposing a punishment on an advocate, it is permitted to take into account circumstances that could not be taken into account in the case due to their absence, unproven nature, or irrelevance to the subject of proof in the case.
4	Freedom of association: did the advocate's membership in parties, independent trade unions, or human rights organizations, whose activity is unlawfully banned, or formally not banned but persecuted by the authorities, serve as an informal pretext for the termination of status?	Exclusion from the chamber of advocates for active participation in the activity of independent trade unions, international human rights associations, or opposition political movements, banned or formally not banned by law, but stigmatized by the authorities.
5	Discrimination based on beliefs: are there direct or indirect indications in the case materials to the political, religious, or philosophical beliefs of the advocate as a motive for committing an offense or an aggravating circumstance?	Direct written indication in the case materials and acts or documented public statements by members of disciplinary bodies that the ideological, religious, or philosophical views of the advocate are «incompatible with the status of an advocate».
6	Freedom of assembly: was the advocate deprived of status for participation in peaceful assemblies, pickets, or protest actions, even if such participation was realized outside the framework of professional activity and bore a strictly non-violent character?	Detention of the advocate at a peaceful, non-violent rally with subsequent immediate disciplinary sanction on the part of the chamber, based exclusively on the fact of the compilation of an administrative police protocol, without independent assessment of proportionality.
7	Substitution of criticism with an ethical violation: was a vague accusation of «diminishing the authority of advocacy» or «violation of corporate ethics» used as a pretext to suppress justified criticism of the actions of judges, prosecutors, or the leadership of the chamber of advocates itself on the part of the advocate?	The use of vague, legally undefined accusations of «diminishing the authority of advocacy» exclusively to suppress reasoned criticism of corruption in national courts or unlawful actions of the leadership of advocates' associations.
8	Blackmail and coercion to waive rights: were demands put forward to the advocate (officially in the form of orders or behind the scenes) to cease activity, close projects in exchange for the loyalty of the chamber and the preservation of professional status?	Recorded facts of behind-the-scenes threats or proposals on the part of officials or the leadership of the bodies of advocates' associations to terminate a disciplinary case in exchange for the advocate's refusal to manage human rights projects.
9	Absence of a proportionality test: did the disciplinary body or court ignore the obligation to conduct a «three-part test» (legality, legitimate aim, necessity), assessing whether the radical restriction of the advocate's freedom of speech (in the form of deprivation of the profession) was «proportionate and necessary in a democratic society»?	The disciplinary body intentionally ignores the legal standard according to which a sanction for a public statement must be proportionate; instead of issuing a reasoned warning, the supreme professional sanction is immediately applied.
10	General context: did researchers, mass media, independent international bodies (UN Special Rapporteur, UN HRC, ECHR), international and Russian human rights organizations record the violation of analogous rights in similar cases against advocates from the same country or within the framework of the same complex of cases?	The presence of statements, reports of UN Special Rapporteurs, PACE resolutions, reports of human rights organizations, scientific reports stating a systemic practice of persecuting advocates in the given jurisdiction.
11	«Chilling Effect»: is there a statistically confirmed pattern in the given jurisdiction under which analogous severe disciplinary sanctions are systematically applied predominantly to advocates openly expressing disagreement with state policy or the policy of the bodies of advocates' associations?	Objective data proving that the supreme measure of disciplinary responsibility is applied exclusively to advocates openly criticizing the authorities, while loyal advocates receive only mild measures of punishment.

3.4. Category III. Violatio legis, principii, aequitatis: full or partial non-compliance with the norms on the right to a fair hearing in an independent disciplinary body or court is so egregious that it renders the termination of status arbitrary

The third category evaluates the procedural compliance of the conducted procedure with international standards. Guarantees of a fair judicial and disciplinary hearing constitute an absolute imperative. Since disciplinary proceedings against an advocate are equated to civil proceedings (and in terms of the severity of sanctions, to quasi-criminal ones), they must comply with all standards of Article 14 of the ICCPR and Article 6 of the ECHR. Structural defects of the disciplinary body and violation of the principles of impartiality fatally impair the legality of any act issued by it. Violations of the principles of impartiality, independence, or adversarial proceedings («evidentiary vacuum», violation of the right to be heard) endow the sanction in the form of termination of the advocate’s status with an inherent characteristic of arbitrariness.

The synergistic effect of the violations included in this category devalues the very essence of disciplinary proceedings and judicial hearings. In situations where, for example, the Ministry of Justice has the authority to initiate prosecution and at the same time its representatives, or representatives of other state bodies, have a blocking stake of votes in the qualification commission, the procedure loses the characteristics of an independent hearing. This is a classic manifestation of a structural conflict of interests, in which the disciplinary body of the bar is reduced to the level of an appendage of state power, mechani-

cally legalizing the repressive demands of the state apparatus.

At the same time, it is necessary to take into account that not every procedural violation reaches the threshold of arbitrariness – a violation or a combination thereof must be serious enough to deprive the hearing of its basic guarantees.

According to Article 46 of the Constitution of the Russian Federation, everyone is guaranteed judicial protection of his rights and freedoms, and Article 6 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms enshrines the right to a fair hearing. The law stipulates that disciplinary proceedings are carried out by the qualification commission of the chamber of advocates, which includes, among others, representatives of courts and justice bodies (Article 33), and the decision is subject to approval by the council of the chamber (Article 17). At the same time, international standards (UN Principles, paras. 28–29; Recommendation CM/Rec(2000)21, para. VI) require that disciplinary procedures be impartial, conducted by an independent body, in compliance with the principles of adversarial proceedings, the right to be heard, access to evidence, the right to defense, and the appeal of the decision. If these guarantees are absent, then the advocate is not allowed to familiarize himself with the case materials, a defender is not admitted, reasonable time for preparation is not provided, he is deprived of the opportunity to interrogate witnesses, and the hearing is conducted formally and behind closed doors. Such termination of status becomes arbitrary, as it bears the nature of an unjust and repressive act that violates fundamental standards of a fair hearing.

Table 3.

Category III. Violatio legis, principii, aequitatis: full or partial non-compliance with the norms on the right to a fair hearing in an independent disciplinary body or court is so egregious that it renders the termination of status arbitrary

№	Questions, upon seeking an answer to which the presence or absence of the criterion is established	Typical forms of external manifestation of the criterion
1	Fairness: does the initial act (verdict) meet the standards of a fair trial (Art. 6 ECHR or Art. 14 ICCPR)?	In decisions on disciplinary cases, in the texts of court rulings, verdicts that served as the basis for the termination of an advocate's status, clear signs of ignoring the standards of an independent court are documented: unjustified refusal to examine key defense witnesses, the use of anonymous testimony without compensatory defense mechanisms, violation of the presumption of innocence, etc.
2	Doctrine of «fruit of the poisonous tree»: is the decision on the termination of an advocate's status based on evidence obtained with an obvious and gross violation of the law, which was subject to exclusion as inadmissible?	The decision or verdict is based on the results of illegal wiretapping of confidential conversations between the advocate and the client, materials of illegal searches, or data of operational-search activity obtained without the mandatory judicial sanction.
3	Non-regulation of processes: application within the framework of the consideration of a disciplinary case of technologies and procedures not provided for by the corresponding regulation establishing the order of activity.	The actual absence of an effective regulation on the procedure for the work of the qualification commission at the time of consideration of the disciplinary case led to a restriction of the rights of the advocate being brought to disciplinary responsibility in the ability to build their defense tactics, as well as to a restriction of the rights of their advocate. Consideration of disciplinary proceedings by the Council of the Chamber of Advocates was carried out in the absence of a regulation, which led to a restriction of the rights of the advocate being brought to disciplinary responsibility in the ability to build their defense tactics, as well as to a restriction of the rights of their representative.
4	Dependence of the body's composition: was the composition of the disciplinary body formed in such a way that the decisive majority of votes belonged to representatives of executive power bodies, which a priori deprives the body of procedural independence?	Quantitative or factual (voting) predominance in the composition of the disciplinary body of representatives of state power bodies over advocates.
5	Institutional conflict of interests: did persons who themselves initiated the disciplinary prosecution take direct or concealed part in issuing the final decision, and were there persons subject to recusal within the composition of the body?	Persons who initiated the prosecution (a judge who issued a private ruling, or an official of the Ministry of Justice, a representative of the disciplinary body) are directly present at the commission's hearing as members with the right to vote, grossly violating the maxim Nemo iudex in causa sua (no one is a judge in their own cause). Persons against whom well-founded and evidence-supported motions of their lack of impartiality were filed took part in the composition of the disciplinary body.
6	Violation of the principle of equality of arms: was a systematic and unjustified refusal of the disciplinary body to attach to the case materials, examine, and evaluate the exculpatory evidence presented by the advocate brought to liability recorded?	Unreasoned refusal to attach to the case materials written evidence, official conclusions of independent specialists, or audio recordings exculpating the advocate, with simultaneous unconditional attachment of any materials from the side of the prosecution.
7	Deprivation of the right to cross-examination: was the advocate deprived of the opportunity to ask questions and subject to cross-examination the persons (applicants, prosecution witnesses, procedural opponents) on whose testimonies and complaints the accusatory decision was built?	The disciplinary decision is conceptually based exclusively on the written statements of persons who were intentionally not invited to the commission's hearing, as a result of which the advocate was deprived of the fundamental right to ask them questions in the course of cross-examination.
8	Lowered standard of proof: did the disciplinary body use a lowered standard of proof when evaluating guilt (basing conclusions on assumptions or a «balance of probabilities»), ignoring the standard of «clear and convincing evidence»?	The disciplinary body operates in the decision with formulations of a probabilistic nature («committed with a high degree of probability», «based on the balance of probabilities»), ignoring the quasi-criminal nature of the severe sanction, which requires the application of the standard of «clear and convincing evidence». Violation of the principle of direct examination of evidence by disciplinary bodies or the court.

9	Unjustified closed nature of the process: was the hearing conducted in a closed session without the presence of compelling grounds strictly stipulated by law for this, which deprived the process of transparency and protection from public control?	Conduction of the disciplinary hearing in a closed session without issuing a reasoned ruling, or without legal grounds, which isolates the process from public control.
10	Violation of the principle of immutability and clarity of the disciplinary accusation: did a sudden change in the plot of the disciplinary accusation take place, the imputation of new episodes immediately prior to the stage of issuing the decision, which deprived the advocate of the opportunity to prepare a reasoned defense? Was the disciplinary accusation sufficiently specific?	Change of the qualification or factual plot of the disciplinary accusation, while the initial disciplinary accusation was different, which deprives the advocate of the opportunity to prepare a relevant defense. An unspecific disciplinary accusation does not provide the opportunity to fully understand how to defend against this accusation, which violates the right to defense. The disciplinary body, independently and on its own initiative assuming the functions of the applicant, voluntaristically specified and recorded in the «disciplinary accusation» those disciplinary offenses that the advocate allegedly committed, thereby violating the provisions of the law by going beyond the limits of the disciplinary accusation described in the submission.
11	Presence of an «evidentiary vacuum»: do the conclusions of the disciplinary body or court correspond to the factual circumstances of the case?	The content of the final act directly contradicts the available case materials: the disciplinary body or court recognizes as established facts that are not confirmed by evidence examined in the course of the disciplinary proceedings or the judicial consideration of the case.
12	Violation of the right to defense: was the advocate admitted to giving testimony, including remotely or through the provision or announcement of written statements?	Physical non-admission of the advocate to the commission's hearing under trumped-up pretexts, illegal refusal to provide video conferencing for advocates who were forced to leave the territory of the country, or ignoring their detailed written explanations.
13	In absentia consideration of the case: was the process of considering the case in absentia without proper legal grounds?	Issuance of a decision on the termination of status in the absence of the advocate, with the absence in the case materials of reliable evidence of his proper advance notification of the date and time of the hearing. Violation of the right to defense against the presented disciplinary accusation by means of personal non-admission to participation in part or in the entire procedure of considering the disciplinary case. An in absentia and non-transparent procedure for considering complaints against decisions on the termination of the advocate's status.
14	Improper examination of evidence: have all pieces of evidence presented by the parties been examined, including exculpatory ones?	The absence in the reasoning part of the decision of a legal analysis of the presented exculpatory arguments and evidence. The disciplinary body or court only formally lists them in the text without giving them a legal assessment and without reasoning their rejection.
15	Qualification errors: were the advocate's acts qualified correctly?	Deliberately incorrect application to the advocate's actions of an article of the code of ethics, the disposition of which objectively does not cover the lawful procedural act committed by him (for example, the qualification of filing a series of recusals to a judge as a «disruption of the court session and manifestation of disrespect»).
16	Violation of the principle of legality: was exemption from liability applied when there were grounds for it?	Unreasoned refusal to apply imperative norms on exemption from disciplinary liability (insignificance of the offense, expiration of statute of limitations periods, concluded reconciliation) given the obvious and proven presence of all legal grounds for this.
17	Procedural scrupulousness: were the actions and decisions of the disciplinary body or court properly reasoned in the decision?	The absence in the descriptive and reasoning part of the decision of references to specific norms of procedural or substantive law, the code of ethics, or case law substantiating each key conclusion of the disciplinary body. Unfoundedly, unreasonedly, without providing reasonable arguments to substantiate their decisions, they refused to satisfy the motions of the advocate brought to disciplinary liability aimed at establishing the truth in the case.
18	Absence of a reasoning part: is the decision of the disciplinary body an unreasoned act in which a detailed legal analysis of the factual circumstances of the case is absent and a proper refutation of the key arguments of the defense is not given?	The final decision consists of a retelling of the complaint (submission) and the operative part, without proper analysis of the applied legal norms, without analytical assessment of the evidence and establishment of cause-and-effect relationships.
19	Restriction of the right to representation: was the advocate deprived of the right to use the assistance of an independent representative (defender) of his choice during the hearings of disciplinary bodies or the court?	The disciplinary body or court denies the advocate the right to use the services of a representative referring, for example, to the «strictly personal nature» of the liability or the presence of the opportunity to carry out the defense of his rights independently.
20	Effective representation: were the defense representatives provided with the opportunity to refer to evidence and legal arguments international standards during the disciplinary hearing and upon appeal?	Systematic interruption of the representative's speeches and open ignoring by the disciplinary body or court of references to legal norms and circumstances of the case.
21	External extra-legal pressure: are there documentary or indirect confirmations that open or behind-the-scenes pressure was exerted on the members of the disciplinary body or court by top officials, intelligence agencies, or an aggressive campaign in the media prior to issuing the decision, or that they were for any reason personally interested in the adopted decision?	Conduction of aggressive defamatory campaigns in the mass media with open demands to deprive a specific advocate of status on the eve of the chamber's hearing; documented presence in the chamber's building of intelligence agency employees on the day of considering the case for the purpose of exerting psychological pressure on the commission members.

3.5. Category IV. Ubi jus ibi remedium: the status of an advocate is terminated without providing the opportunity for review or means of legal protection

The fourth category indicates an institutional collapse – situations where the national system creates an illusion of justice.

The fundamental maxim Ubi jus ibi remedium (where there is a right, there is a remedy) enshrines the inherent obligation of the state to provide citizens, including professional advocates, with effective, rather than illusory, legal mechanisms for appealing unlawful actions.

Category IV in the methodology of the UN Working Group on Arbitrary Detention traditionally diagnoses an institutional collapse – the existence of nominal appeal procedures that de facto are entirely devoid of substantive content and are incapable of restoring a violated right.

In the context of the arbitrary termination of the status of an advocate, this symptom manifests itself in the practice of national judicial instances, which systematically withdraw themselves from assessing the material fairness of corporate decisions, applying the doctrine of non-interference in distorted, absolutized forms, turning from arbiters into «technical rubber-stampers» avoiding the assessment of the essence and circumstances of the case.

An analysis of the objective manifestations according to the criteria of Category IV exposes the critical vulnerability of the status of an advocate in jurisdictions where the principle of separation of powers bears an exclusively declarative character.

The institutional collapse of justice leads to the fact that an advocate, deprived of their profession for political motives, finds themselves in a vicious circle.

Under such circumstances, national protection mechanisms (domestic remedies) are recognized by international law as ineffective and exhausted de facto, which opens a direct path for the application of supranational, independent corporate mechanisms of professional rehabilitation.

The UN Basic Principles on the Role of Lawyers (paras. 28–29) expressly enshrine the right of advocates to a review of disciplinary sanction decisions by an independent judicial body. Article 46 of the Constitution of the Russian Federation guarantees everyone judicial protection of their rights, while Article 15 of the European Charter on the Statute for Lawyers (1998) requires the existence of effective legal remedies regarding decisions on the termination of status. The Federal Law «On Advocacy» provides for the right to appeal a decision of the council of the chamber of advocates to a court of general jurisdiction. However, if in practice an advocate is actually blocked from the possibility of appealing (for example, they are not issued a reasoned decision, it is not sent to them properly, artificial procedural obstacles are created, or courts refuse to consider such complaints on formal grounds), then the termination of status becomes arbitrary, since it is not accompanied by effective guarantees of the protection of rights.

The termination of professional status without access to review violates the basic principle of legal security enshrined in Article 18 of the Constitution, and renders the protection of rights illusory. Situations cannot be allowed where a decision to deprive one of their status enters into force immediately and without a stay of execution, failing to provide the advocate with time to prepare an appeal. It is unacceptable to exclude an advocate from the professional community on the basis of a decision against which there are no means of protection. If the appeal is structured in such a way that it constitutes a formality, effectively depriving the advocate of the right to appeal on the merits, this also makes the process arbitrary.

Table 4.

Category IV. Ubi jus ibi remedium: the status of an advocate is terminated without providing the opportunity for review or means of legal protection

№	Questions, the search for answers to which establishes the presence or absence of the criterion	Typical forms of external manifestation of the criterion
1	Proper notification: was the advocate notified of the initiation of disciplinary proceedings in advance, with the provision of a reasonable timeframe for preparing a position and familiarizing themselves with all the case materials?	Sending notifications to an outdated address or not in advance of the hearing, which physically and legally deprives the advocate of the objective opportunity to personally participate in the case proceedings, prepare a reasoned legal position, gather evidence, or invite a representative.
2	Personal participation: did the advocate have a real opportunity to personally participate in the disciplinary hearing and present his arguments, evidence, and objections – including in the event of forced absence from the territory of the country?	Unreasoned refusal by the disciplinary body to procedurally postpone the hearing or ensure remote participation in connection with the advocate's documentarily confirmed severe illness or their forced emergency presence outside the national jurisdiction due to security threats.
3	Possibility of appealing on the merits: was the decision on the termination of status, or the court verdict, properly reasoned with the presentation in its text of the factual and legal grounds allowing it to be challenged on the merits?	The decision constitutes a contentless act that lacks a presentation of the established facts and their significant features, which makes substantive challenging in court objectively impossible, as the court will be unable to determine for which specific act the sanction was imposed and will be deprived of the ability to objectively assess the reasoning of the adopted decision.

4	Effective control mechanism: is an effective mechanism for appealing the decision on the deprivation of status provided for by national legislation and was it actually available – to a higher professional body or to a court?	National procedural legislation expressly excludes the possibility of judicial review of decisions by bodies of advocates' associations, or national courts unlawfully return the lawsuits of advocates without consideration on the merits.
5	Timeliness of procedures: were the established procedural timeframes observed during the consideration of the disciplinary case and during the delivery of the verdict or decision, or was there unjustified delay or, conversely, accelerated consideration without proper examination of the circumstances?	Application of the practice of accelerated consideration of a disciplinary case within a few days from the moment of filing a complaint, with an obvious and deliberate infringement of the fundamental right of the defense to gather and present exculpatory evidence.
6	Independence of the disciplinary body or court: was the body that reviewed the decision on the termination of status genuinely independent and impartial – free from political pressure, and not in relations of dependence on the actors who initiated the criminal prosecution of the advocate?	The judge considering the advocate's complaint against the termination of status, or a member of the disciplinary body, previously initiated disciplinary prosecution themselves against this same advocate or is in official or informal dependence on a high-ranking initiator.
7	«Mechanical execution»: was the decision adopted in the order of «automatic application of the law», without an independent assessment of the circumstances of the case by the disciplinary body or court?	The court rejects the complaint, limiting itself to a boilerplate wording that the disciplinary bodies of the legal profession acted within their exclusive discretionary powers, entirely evading the obligation to provide an assessment of the lawfulness and procedure of the disciplinary prosecution, and the proportionality and fairness of the applied sanction.
8	Supranational response measures: were statements and evidence indicating the political motivation or illegality of the initial prosecution fully taken into account during the consideration of the case?	Ignoring presented and (or) attached evidence to the case that confirms circumstances significant to the case.
9	Possibility of appeal: did the advocate have a real opportunity to utilize domestic remedies, and after their exhaustion, to apply to international instances, and were obstacles created for such an application?	Purposeful seizure from the advocate of all materials of their disciplinary or criminal case under the pretext of the «presence of state secrets» without providing certified copies, which completely blocks the physical possibility of preparing a high-quality complaint to the ECtHR or the UN HRC.
10	Illusory nature of judicial control: is the supervision by a national court over a decision to terminate an advocate's status reduced exclusively to checking formal procedures (presence of a quorum, timeframes), with a deliberate refusal by the court to provide a legal assessment of the material validity and fairness of the sanction?	The court during the process checks exclusively the presence of the required quorum at the chamber council's meeting and the formal compliance with the timeframes of prosecution, directly stating in the text of the judicial decision that a legal assessment of the gravity of the committed offense «does not fall within the competence of the court».
11	Lack of a suspensive effect: does the law deprive the advocate of the right to suspend the effect of a decision by advocacy bodies for the period of its appeal in court, which is intended to prevent irreparable and irreversible damage to their practice and clients?	The formal appeal of a repressive decision of the chamber to judicial instances by law does not suspend its effect; the advocate is immediately deprived of the right to practice, which inflicts irreversible, catastrophic damage on their long-term practice and clients, even if the court subsequently recognizes the decision as unlawful.
12	Structural dependence of the court: does the country's judicial system function under conditions of such a degree of subordination to the executive branch of power (which initiated the prosecution of the advocate) that an appeal to national justice is deprived of any practical meaning?	The consideration of complaints takes place in conditions of a degraded system, where the statistical percentage of judicial cancellations of disciplinary decisions of advocates' associations initiated by the Ministry of Justice or the prosecutor's office approaches absolute zero due to the institutional loyalty of the courts.
13	Concealment of case materials: was the advocate restricted in access to the full materials of their disciplinary or criminal case, which made it impossible to draw up a well-reasoned complaint?	The disciplinary body refuses the advocate the opportunity to familiarize themselves with the full text of the complaint filed against them or the detailed content of documents, including meeting minutes, issuing only brief uninformative extracts, which makes the drawing up of a reasoned complaint difficult or impossible.
14	Non-legal zone, free from control: is the doctrine of non-interference in «corporate affairs of advocacy» applied by the courts in such a distorted form that it removes the decisions of bodies of advocates' associations from control over the observance of human rights?	The application by national courts of the doctrine of absolute corporate immunity, unlawfully removing any actions and decisions of the leadership of advocates' associations from effective control over the observance of basic human rights and constitutional guarantees of a fair trial.
15	Financial and administrative barriers: do insurmountable prohibitive barriers to accessing the review procedure exist in the legislation?	The establishment by the legislator of high, prohibitive state court fees for challenging disciplinary decisions, or the establishment of such territorial jurisdiction that forces an advocate deprived of earnings to bear disproportionate transport costs to participate in the judicial process.
16	Procedural revenge of judges: was the advocate's complaint against the termination of status considered by the very same judges or judicial panels against whom the advocate previously filed motions for recusal, submitted complaints to the qualification collegiums of judges, or whose actions they publicly exposed?	Purposeful transfer of an advocate's complaint against the termination of status for consideration specifically to the judge or judicial panel against whom this advocate previously sent complaints to the qualification collegium of judges within the framework of their professional activities in the cases of their clients.
17	Mutual cover-up of higher instances: does the procedure of internal (corporate) appeal to the highest bodies of advocates' self-government lead merely to the automatic approval of the decisions of lower chambers without a real consideration of the defense's arguments?	The procedure of internal (corporate) appeal is absent, or degrades and is reduced to the formal approval of the acts of lower disciplinary bodies without the actual requisition of the disciplinary case materials and a substantive analysis of the arguments of the defense's complaint.
18	Criminalization of appeal: was the process of the advocate's attempts to defend their rights in courts or international instances accompanied by threats from the authorities to initiate new criminal cases against them or to apply physical violence?	Summoning an advocate deprived of status for interrogation to state security bodies (special services) immediately after they filed a complaint to an independent court or applied to international bodies, with direct threats of initiating a criminal case for imaginary «extremism», «state treason», or «false denunciation».

3.6. Category V. Odium Professionis: termination of status constitutes interference in the professional activity of an advocate, persecution for it or for other socially significant activity, or an act of discrimination

The fifth category reflects the most severe symptom of the degradation of the legal system – the persecution of an advocate for the performance of their professional duty or as an act of discrimination. This criterion directly corresponds to the violation of the principle of the inadmissibility of identifying an advocate with their client.

International expertise operating with this category reveals an institutional repressive teleology: the use of disciplinary procedures and institutions of advocacy for the systemic «cleansing» of the legal field from persons defending leaders of the political opposition, independent journalists, human rights defenders, and other stigmatized groups.

The most characteristic and recurring markers of using disciplinary proceedings in the Bar as an instrument of corporate or political pressure include the following circumstances and features.

If the termination of status is factually used as an instrument of pressure, intimidation, or retaliation for the professional or socially significant activity of an advocate, it becomes arbitrary. Art. 48 of the Constitution of the Russian Federation guarantees everyone the right to receive qualified legal assistance, and the independence of an advocate is a key condition for its provision. The UN Basic Principles on the Role of Lawyers (paras. 16–18) expressly prohibit the persecution of advocates for the good-faith performance of professional duties. Recommendation CM/Rec(2000)21 also emphasizes the inadmissibility of pressure and interference in the activities of advocates, including for political reasons. In addition, international law prohibits discrimination on the basis of sex, race, citizenship, language, religion, beliefs, or other status (Art. 2 of the UDHR, Art. 26 of the ICCPR, Art. 19 of the Constitution of the Russian Federation). If the termination of status aims to punish for participation in the defense of human rights, for representation in «undesirable» cases, for a political position, civic activity, or belonging to a certain ethnic or religious group, then it is not a disciplinary act, but a form of persecution and discrimination. Such an application of the disciplinary mechanism is incompatible with the principle of the independence of advocacy and undermines the very right to defense.

Table 5.

Category V. Odium Professionis: termination of status constitutes interference in the professional activity of an advocate, persecution for it or for other socially significant activity, or an act of discrimination

№	Questions, upon seeking an answer to which the presence or absence of the criterion is established	Typical forms of the external manifestation of the criterion
1	Inconvenient connections: is the persecution connected to the professional activity of the advocate: the representation of the interests of «inconvenient» clients, speaking in politically sensitive cases?	Termination of status follows the participation of the advocate as a defense counsel in high-profile cases of high treason, espionage, cases against opposition leaders or independent journalists, while advocates in «ordinary» cases are not subjected to similar repressions.
2	Punishment for appealing to international bodies: was the advocate penalized de facto for sending complaints or appeals to international human rights structures (ECtHR, UN Special Rapporteurs, international NGOs) under the pretext of «disclosure of data», «harming the country's image», or under other similar pretexts?	Official or unspoken initiation of the termination of the status of an advocate who has filed a complaint to the ECtHR, UN HRC, ICC, or UN Working Group, under the fictitious pretext of «causing irreparable damage to the reputation of the state».
3	Identification with the client: do the procedural documents or decisions contain wordings that would testify to the direct identification of the legal position of the advocate with the criminal acts incriminated to his client?	Official acts directly and unequivocally indicate that the active legal defense of a person accused of terrorism or extremism is in itself a criminally punishable aiding and abetting in this crime.
4	Pressure for the purpose of obtaining testimony: was pressure exerted on the advocate with the demand to testify against the client?	Conducting searches in the residence and office of the advocate, illegal seizure of the advocate's dossier, and direct threats of deprivation of status or arrest in the event of the advocate's refusal to give compromising witness testimony against his client.
5	Sabotage against infrastructure: did the destruction of the advocate's formation take place as a targeted attack?	The initiation of targeted tax inspections, financial audit, and the subsequent forced liquidation of the legal entity (collegium of advocates, bureau, or human rights association) within the framework of which the advocate worked, which deprives them of their institutional and financial base.
6	External observers: is the political motivation of the persecution confirmed by external independent observers, human rights defenders, or international bodies?	The presence of publications, statements, public reports of human rights and international organizations, in which the case of a specific advocate deprived of status is directly and soundly classified as politically motivated retaliation for human rights activity.
7	Pressure for the purpose of withdrawal from a case: did pressure take place to force the advocate to abandon the defense of rights or any benefits as a condition for terminating the persecution?	Demands of investigators, operative officers of special services, chairpersons of courts, or the leadership of advocates' associations to voluntarily withdraw from a politically sensitive case under the threat of initiating the procedure of deprivation of status or criminal prosecution on fabricated grounds.

8	Punishment for the defense of «enemies of the state»: does the termination of the status of an advocate act as direct revenge for the active procedural defense by the advocate of persons accused under political articles, cases of high treason, terrorism, extremism, etc.?	Disciplinary proceedings are initiated upon the informal demand of special services as an act of direct revenge for destroying the procedural line of the state prosecution in high-profile political cases.
9	Stigmatization through statuses: was the termination of status preceded by the entry of the advocate by state bodies in an extrajudicial manner into stigmatizing discriminatory registers?	The entry of an advocate into the official state registers of «foreign agents», «undesirable persons», or «persons involved in extremist or terrorist activity» in an extrajudicial manner, which complicates or makes impossible the performance of professional duties. Similar actions against public organizations of advocates.
10	Procedural sabotage by the investigation: was the status of the advocate hastily terminated at a critical moment in the conduct of a high-profile case with the aim of leaving the defendant without effective defense?	The expedited termination of the status of an advocate shortly before a key stage of the investigation or trial of the case, the interrogation of the main prosecution witness, or before the consideration of an appeal, with the cynical aim of leaving the defendant without an effective and prepared defense counsel.
11	Criminalization of procedural activity: was the advocate blamed for, and did it serve as a basis for punishment, the filing by them of a large number of lawful procedural motions, recusals, and complaints, which the investigation or court interpreted as an «abuse of right» or a «disruption of the process»?	The issuance by courts of interlocutory rulings (orders) qualifying the filing by an advocate of a large number of motions, recusals of the composition of the court, or complaints as a deliberate «abuse of right» and grounds for severe disciplinary punishment. Criminal prosecution for the exercise of professional activity.
12	Defamation campaign: was the process of initiating the termination of status accompanied by a coordinated smear campaign organized in controlled mass media?	The broadcast, publication in controlled mass media, on resources on the Internet, of coordinated stories and publications outright denigrating the advocate, directly accusing them of «defending traitors to the motherland» and «working for foreign intelligence agencies», etc., which serves as a psychological prelude for subsequent measures of impact upon him.
13	Coercion to violate advocate's secrecy: was the threat of termination of status (or the termination itself) used as a punitive measure for the refusal of the advocate to disclose confidential information about the client, to give testimony against them, or to carry out secret cooperation with state security organs?	The initiation of disciplinary proceedings for the categorical refusal of an advocate to provide law enforcement bodies with illegal access to protected electronic correspondence with the client or to sign an agreement on secret confidential cooperation (informing) with special services.
14	Punishment for an advocate's investigation: was a penalty imposed for the conduct by an advocate of their own effective investigation (collection of evidence, interviews, independent expert examinations), the results of which convincingly destroyed the version of the state prosecution?	Termination of status under the fabricated pretext of «illegal collection of private information» or «interference in private life» immediately after the advocate independently and lawfully conducted interviews of key witnesses or obtained the opinions of independent international experts, which completely refute the version of the state prosecution.
15	Informing about torture: was a disciplinary penalty in the form of deprivation of status applied as a reaction to the fact that the advocate publicly informed society or the press about facts of the use of torture, cruel treatment, or falsification of evidence in relation to their client?	The initiation of the process of deprivation of status as a punitive reaction to the fact that an advocate, having exhausted domestic remedies, gave a press conference or filed a public complaint regarding the use of torture against their client in a pre-trial detention center.
16	Raider takeover of a practice: was the procedure of deprivation of status applied with a corrupt purpose – as a method of forcefully removing an advocate from participation in major commercial disputes in the interests of law firms connected to the state apparatus?	The use of disciplinary resources by high-ranking corrupt officials for the forceful removal of an honest and effective advocate from participation in commercial disputes for the purpose of the unhindered transfer of the case to «obedient» advocates affiliated with specific actors who represent the interests of employees of the state apparatus, business structures, or other structures.
17	Non-fulfillment of purpose: was it established that the disciplinary bodies acted contrary to the purpose of advocates' associations and deliberately violated the right of the clients of the advocate held to disciplinary responsibility to choose this advocate and the possibility of their interests being defended by them?	The disciplinary bodies and the court did not assess the impact of the measures of disciplinary action assigned to the advocate on the impact of this punishment on the process of providing qualified legal assistance to the advocate's clients. The disciplinary body, by means of the adopted decision, interferes with and obstructs the professional activity of the advocate, as well as the realization of the constitutional right of his clients to receive qualified legal assistance.
18	Economic pressure and other forms of impact: were methods of economic pressure or other impact applied to the advocate?	The presentation of knowingly inflated property claims against the advocate under the threat of bankruptcy, not related to professional ethics, pressure through relatives or by means of threats in relation to them.
19	Systemic cleansing of human rights defenders: is the termination of the status of this specific advocate a part of a large-scale state campaign for the systemic destruction of independent advocacy?	The termination of status is considered by independent experts not as an isolated, random incident, but as a part of a documented, planned large-scale campaign for the systematic liquidation of the entire network of independent human rights advocacy in the country (a pattern confirmed by objective data).
20	«Chilling Effect»: is there a statistically confirmed pattern in this jurisdiction under which similar severe disciplinary sanctions are systematically applied predominantly to advocates to suppress their activity in professional operations?	Objective data proving that the highest measure of disciplinary responsibility is applied in the majority of cases exclusively to advocates, to advocates to suppress their activity in professional operations.

3.7. Applicability to cases of termination of advocate status on the basis of a court verdict finding the advocate guilty of committing an intentional crime

The termination of advocate status may be recognized as arbitrary if it is formally based on a court conviction that has entered into legal force, if the verdict itself is unjust, politically motivated, or delivered in violation of fundamental rights.

International standards presume that advocates should not be subjected to sanctions or restrictions of their rights for the bona fide performance of their

professional activities. Even if a state employs a formal legal mechanism (for instance, a court verdict), but the judicial process itself does not meet the standards of fairness, the consequences of such decisions are arbitrary. Recognition of a verdict as politically motivated, delivered in absentia, rendered without due defense and participation, or violating the right to a fair trial makes all its legal consequences legally vulnerable and subject to international scrutiny.

Based on the aforementioned criteria for the arbitrariness of the deprivation (termination) of advocate status, it follows that when considering a specific situation, arbitrariness should be assessed not only by the procedure of status deprivation but also by the quality of the grounds for it. In this regard, the insufficiency or dubiousness of the legal and factual basis taken into account when adopting the relevant decision is subject to assessment. Also subject to assessment are the disproportionality of the measures taken, violations of the advocate's rights, the political or other bias of the decision-making body, and the overall context of the situation. If a verdict – being an instrument of political reprisal or the result of an unfair trial – is arbitrary, then its use as a basis for the termination of status is also arbitrary.

The case law of the ECtHR presumes that if a verdict is delivered in violation of Article 6 of the ECHR (the right to a fair trial), then all its consequences, including deprivation of profession, are impermissible. At the same time, the ECtHR considers both form and substance; even a «lawful» decision can be found to violate human rights if it is based on politically motivated or unfair judicial proceedings.

Subparagraph 4 of paragraph 1 of Article 17 of the Federal Law «On Advocacy» establishes that advocate status is subject to termination by a decision of the council of the chamber of advocates in the event of the entry into legal force of a court conviction for the commission of an intentional crime. This provision is of a mandatory nature: the council of the chamber of advocates is obliged to make a decision to terminate the status based on such a verdict, without the right to assess its validness or the circumstances of the case. Furthermore, subparagraph 4 of paragraph 1 of Article 17 of the Law does not explicitly provide for the possibility of the chamber of advocates assessing the fairness or legality of the verdict, proceeding from the presumption of its legality after entering into force. At first glance, the procedure looks formal: there is a verdict that has entered into force – there is a basis for the Council's decision. However, this legal construct cannot be considered in isolation from the principles of the fairness of justice and the international human rights obligations of the Russian Federation (Part 1, Art. 46 of the Constitution of the Russian Federation, Art. 6 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms).

The decision of the Council of the Chamber of Advocates to terminate advocate status bears a quasi-judicial character: its adopted decision follows the principle of legal certainty, yet the grounds for this decision – the verdict – determine its legitimacy. If the verdict is unjust, the Council is guided by a document that is legally null and void in its qualities. Finding a person guilty of committing a crime and any consequences derived from this decision (including deprivation of profession) are permissible only on the condition that the verdict was lawful, fair, delivered as a result of an adversarial process, and in compliance with procedural guarantees. If a verdict is delivered without sufficient grounds, contains legal errors and omissions, is adopted with gross violations of procedural guarantees, or bears the character of professional or political persecution, then such a verdict loses the presumption of legality and fairness, and arbitrary judicial decisions cannot generate lawful consequences. If a decision to terminate advocate status is mechanically based on a verdict that itself is unjust and arbitrary, then such a decision: loses legal legitimacy – as it is built on an unlawful foundation; violates the principle of the independence of the legal profession – since it allows the indirect use of criminal prosecution to eliminate undesirable advocates; and becomes arbitrary, even if it formally complies with the literal text of the law.

In a state governed by the rule of law, formal compliance with the letter of the law must not prevail over its spirit and fundamental principles, such as fairness, legality, and the validness of judicial acts. When a criminal case and the subsequent verdict bear the character of professional or political persecution, they cease to be an act of justice and turn into an instrument of pressure and reprisal. The termination of advocate status on the basis of such a «verdict» becomes a continuation of this persecution, and the Council of the Chamber of Advocates, while formally executing the law, in essence, risks becoming a «technical rubber stamp» and an active accomplice in suppressing the independence of the Bar. Arbitrary is not only a decision made without any grounds but also a decision based on deliberately unlawful, fictitious, or fabricated grounds. The formal existence of a verdict does not negate its arbitrary character if it was delivered not with the aim of establishing the truth, but to achieve a predetermined outcome – the conviction of a specific person. Consequently, the decision to terminate the status, relying on such an act, is also arbitrary.

In this regard, it is necessary to arrive at the following conclusion: if a verdict finding an advocate guilty of committing an intentional crime, the entry into legal force of which, on the basis of the provisions of subparagraph 4 of paragraph 1 of Article 17 of the Federal Law «On Advocacy», is laid as the foundation for a decision of the Council of the Chamber of Advocates to terminate advocate status, is not fair, if this verdict is baselessly delivered in absentia, contains legal omissions, its delivery was accompanied by procedural violations, and it itself bears the character of professional or political (in a broad sense) persecution, that is, if such a verdict is unjust and arbitrary, then the decision providing for the termination of advocate status on its basis is also arbitrary, despite possible formal compliance with the law.

Part 4. Procedure for conducting an international expert examination

4.1. Initiation, collection, and systematization of materials

Who may initiate the proceedings of an international expert examination: the advocate themselves (by submitting an application for admission to the Association).

Documents necessary for conducting the expert examination:

– application of the advocate for admission to the Association;

– documents confirming the termination of advocate status (notification from the regional chamber of advocates on the termination of status, conclusion of the qualification commission of the chamber of advocates, decision of the council of the chamber of advocates, acts of the Ethics and Standards Commission of the Federal Chamber of Advocates, decision of the council of the Federal Chamber of Advocates, communication from the directorate of the Ministry of Justice);

– court verdict (if the termination of status is based on a conviction), appellate/cassation appeals against the verdict;

– Interpol notice (if applicable);

– any other documents confirming violations;

– any evidence of persecution for the exercise of professional activities and its motivation.

4.2. Appointment of an expert

4.2.1. General provisions

The central element of the methodology is the preparation of an independent scientific and expert opinion. Particular importance is attached to the interdisciplinary and international nature of the expert assessment.

The expert examination must:

– be conducted by high-level specialists; · rely on international standards;

– contain a detailed legal analysis of the examined documents and the facts established on their basis;

– include an investigation and substantiation of the identified violations;

– establish a link between the persecution and the professional activities of the advocate;

– analyze the overall context of the case.

The expert examination is entrusted to a specialized expert – as a rule, having:

– a long record of scientific, pedagogical, and practical work in advocacy;

– publications on the issues of the organization and activities of advocacy;

– recognized international experience in advocacy and (or) human rights activities;

– an academic degree.

All participants in the expert examination process undertake to keep the case materials confidential; the procedure and conditions for publishing the expert opinion, special restrictions regarding information about persons within the jurisdiction of the persecuting state, and information security measures during the transfer of documents are determined in relation to each specific case.

4.2.2. Standards of objectivity and independence of experts

Experts participating in the conduct of an expert examination within the framework of this methodology are obliged to meet the following standards of objectivity:

– possession of recognized international qualifications in the field of international law, human rights, or comparative law;

– absence of personal, professional, or financial interest in the outcome of the case;

– readiness to disclose any information to resolve a potential conflict of interest.

4.2.3. Procedural guarantees of the independence of the expert examination

In order to ensure the independence of the expert examination, the following procedural guarantees are established:

– experts are appointed by a body of the association, and not by the parties to the case;

– the composition of the expert commission necessarily includes specialists from different jurisdictions;

– financing of the expert examination is carried out from the funds of the association.

4.2.4. Procedure for recusal and resolution of conflict of interest

Within the framework of the methodology, the following procedure for the recusal of experts and reviewers is proposed:

– **self-recusal:** an expert is obliged to declare self-recusal in the presence of any of the following circumstances: personal acquaintance with the applicant or their representatives outside of a professional context; prior participation in the resolution of the applicant's case; presence of financial dependence on interested parties; public statement of position on the circumstances of the expert examination in the applicant's case. A statement of self-recusal is submitted to the executive body of the association in writing prior to the start of the expert examination or immediately after the ground for self-recusal became known to the expert.

– **motivated recusal:** the applicant or their representative has the right to declare a motivated recusal against an expert or reviewers prior to the start of the consideration of the case or within three days from the moment the ground for recusal became known. A petition for recusal is submitted in writing to the executive body of the association specifying the concrete circumstances indicating a conflict of interest or bias of the expert.

– **resolution of the recusal issue:** the issue of recusal is resolved by a majority vote of the executive body of the association. The expert in this case does not participate in the voting. If the recusal is granted, another expert is appointed. The decision on the issue of recusal is final at the level of the executive body of the association and may be appealed to the highest body of the association.

4.2.5. Issues of appeal

A negative decision of the executive body of the association on admission to membership in the association may be appealed by the applicant or their authorized representative to the highest body of the association. The appeal is submitted to the secretariat of the association in writing within thirty calendar days from the moment of receipt by the applicant of official notification of the negative decision of the executive body of the association.

The appeal must contain:

– a reference to the appealed decision;

– arguments indicating why the applicant considers the decision unfounded;

– additional materials (if any).

The highest body of the association considers the appeal during its next scheduled meeting. The applicant is provided with the opportunity to present oral or written explanations.

4.3. Methodology of the expert study

When conducting an international expert examination, the following methods are applied.

General scientific methods:

– dialectical method of cognition of reality;

– systemic analysis;

– analysis, synthesis, analogy, induction, deduction;

– functional method;

– other methods.

Specific scientific methods:

– formal-legal (formal-logical) method (analysis of the compliance of the content of a verdict or disciplinary act with the requirements of legislation;

– verification of the completeness of the examination of evidence; assessment of the compliance of the structure and content of an act with established norms; verification of the legality of court conclusions; assessment of the compliance of the reasoning part with the requirements of completeness and validness);

– retrospective analysis (assessment of the legal and social context of the case, the existence of a verdict in a criminal case and the consequences of its execution, the correctness of the qualification of the act, the proportionality of the punishment) ;

– content analysis of documents and information (comparison of the text of acts of lawyers' associations and the court with petitions and complaints, verification of the content of the examination of evidence, analysis of the extent to which the decision contains an assessment of all the advocate's arguments; verification of the correctness of the qualification of the act and the proof of the act under each incriminated norm);

– comparativist method (comparative-legal) (comparison of national practice with international standards and the practice of other jurisdictions);

– method of theoretical modeling (construction of a model of a «lawful» disciplinary or criminal case for comparison with the real one);

– method of independent procedural control (verification of compliance with procedural norms when drawing up a decision; analysis of factors that influenced the imposition of a punishment; identification of violations and errors);

– other methods.

4.4. Structure of the expert opinion

In the process of conducting the study and based on its results, a conclusion is formulated regarding the arbitrariness of the termination of advocate status or the absence thereof. An expert act is drawn up – an opinion for the detailed substantiation of the obtained conclusions.

The expert opinion must contain:

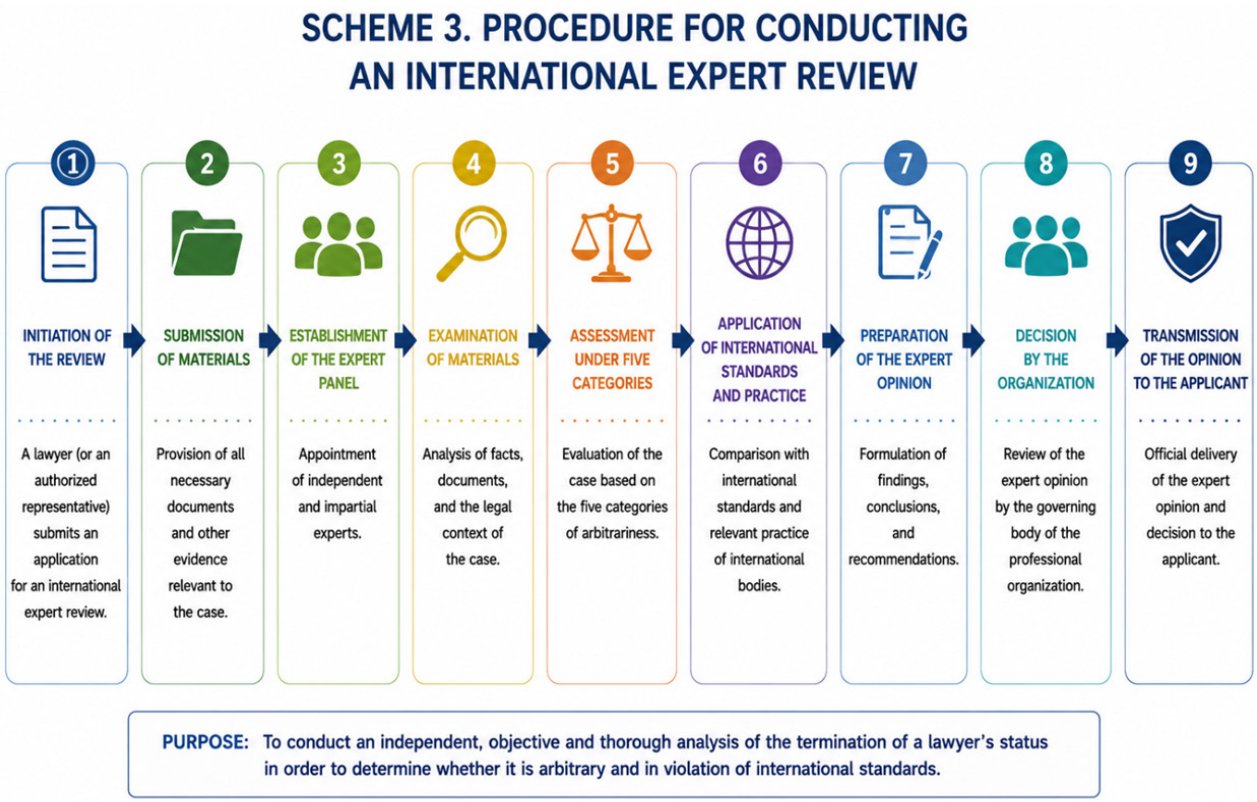
An introductory part:

– description of the objects and methodology of the study;

– general information, the posed question;

– normative, practical, and scientific basis of the study;

– list of documents submitted for the study.



A descriptive and reasoning part:

– circumstances of the case (biographical data of the advocate, information about the advocate, their activities, the context of their persecution, significant circumstances of the persecution);

– factual circumstances of the deprivation of status;

– application of the arbitrariness criteria to the specific case with detailed argumentation for each criterion;

– assessment of the decision on the termination of advocate status, the court verdict, or the court decision.

An operative part: the answer to the posed question, qualification by categories of arbitrariness of the termination of advocate status if they are identified.

The verifiability of the expert's conclusions is ensured by the following mechanisms:

– documentation of the sources on which the conclusions are based, with specific references to international legal acts, decisions of judicial and quasi-judicial bodies;

– mandatory statement of factual circumstances, legal assessments, and final conclusions;

– public availability of the applied methodological standards;

– the right of interested parties to request a detailed reasoned explanation for any of the conclusions;

– the institution of peer review.

4.5. Review

An important element of the methodology is the independent external review of the conclusion by at least three expert reviewers, preferably representatives of different countries and different legal systems. The review is compiled on the basis of studying the text of the conclusion and the materials attached to it, including the sources indicated as references. The review is drawn up in a free form and signed by the reviewer. To resolve disagreements, a procedure of collegial discussion is applied. Positive reviews from two out of three reviewers provide grounds for recognizing the conclusion as justified and subject to approval by the executive body of the association responsible for the admission of members. The conclusion may be revised after receiving the review and submitted for a repeated review.

Part 5. Adoption of a decision on the professional rehabilitation of an advocate

The essence of this action is that the association, based on the conclusion of the international expert review that has established the arbitrariness of the termination of the advocate's status:

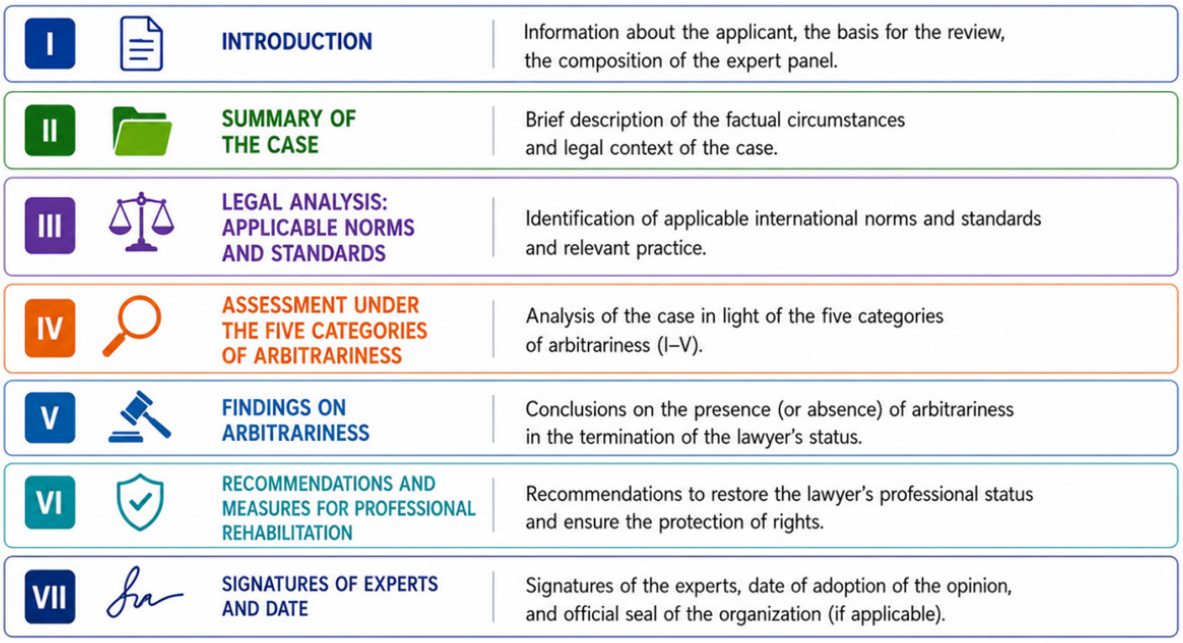
– recognizes the decision to terminate the advocate's status as unlawful;

– admits the advocate into its ranks, thereby confirming the preservation of his professional identity;

– recognizes him as an advocate in the international professional space.

Based on the conclusion of the international expert review on the arbitrary termination of the advocate's status, the body of the association has the right to make a decision to admit the advocate as a full member of the association. The adoption of the decision is confirmed by the inclusion of information about the advocate into the register of the association and the is-

SCHEME 4. STRUCTURE OF THE EXPERT OPINION



suance of a certificate of a standard form to him. Such a decision is de facto an act of international professional rehabilitation – the restoration of the advocate in his professional status at the international level.

It does not replace or cancel the national decision on the termination of status (which does not fall within the powers of the association), however:

– records the arbitrariness of the national decision at the international level;

– provides the advocate with international professional recognition;

– creates a basis for international and subsequent domestic rehabilitation.

An appeal by the advocate against a negative decision of the highest executive body of the association, adopted based on the results of the international expert review, is carried out to the highest body of the association.

Part 6. Practical effects of the methodology

The methodology is focused not only on defense, but also on achieving positive effects for the advocate and the advocate community.

6.1. Restoration of professional reputation

The conclusion of the international expert review:

– destroys the presumption of the legality of the repressive decision;

– confirms the good faith of the advocate;

– records the political nature of the persecution.

The international recognition of the arbitrariness of the termination of status is a form of moral and professional rehabilitation. The international community gets the opportunity to continue considering the advocate as a full-fledged colleague and to carry out cooperation with him as an advocate.

6.2. Preservation of professional identity

The international community continues to view the advocate as a full-fledged representative of the advocate profession. This allows him:

– to participate in international projects;

– to advise clients;

– to interact with foreign colleagues;

– to obtain professional admission in foreign jurisdictions in accordance with the provisions of local legislation;

– to engage in cross-border practice while being in the status of an advocate.

6.3. Use of the expert review results in migration and visa procedures

The materials of the international expert review can be used when obtaining asylum, humanitarian and other visas, to confirm the fact of political persecution, and for protection against extradition.

6.4. Evidence for appeal

The expert conclusion will serve as weighty evidence when appealing the decision on the deprivation of status in courts and when applying to international bodies, and subsequently – for retrials, institutional lustration of judges and functionaries of disciplinary bodies who issued arbitrary decisions, as well as for restitution processes – the payment of compensation to arbitrarily persecuted advocates as victims of a deliberate miscarriage of justice by the state.

6.5. International pressure

The methodology is capable of creating and increasing reputational consequences for representatives of national bodies of advocate associations and state bodies that carried out unlawful persecutions against advocates, and it creates prerequisites for in-

cluding specific individuals responsible for the unlawful persecution of advocates into registers of personalized responsibility, which may entail:

– an international boycott;

– a refusal of cooperation;

– the attention of state and international structures;

– diplomatic and international pressure;

– bringing the persons responsible for the persecution of advocates to accountability in accordance with the current legislation or through the procedures of transitional justice.

6.6. Preventive and precedent-setting effect

The conclusion codifies the criteria for the arbitrary termination of the advocate's status and becomes a methodological basis for evaluating analogous cases. The decision of the association prevents similar arbitrary actions against other advocates, signaling that the consequences for the reputation of the organizers and perpetrators of the persecutions will be recorded at the international level.

6.7. Support of the professional community

For advocates continuing to work in difficult conditions inside the country, decisions on professional rehabilitation will be acts of solidarity and a reminder of the existence of external standards and international professional support. The contribution to the fight against the imposed «chilling effect» is also significant.

6.8. Creation of an international standard for evaluating the persecution of advocates

The methodology can be considered as a model for analogous cases, and the conclusions of the international expert review on the issue of the arbitrariness of the termination of the advocate's status, compiled on its basis, are capable of becoming precedents and a methodological basis for evaluating analogous cases concerning the persecution of advocates. The conclusions can be used to defend advocates who find themselves in a similar situation in any jurisdictions.

The active application of the methodology in practice is capable of leading to the creation of:

– a generally recognized international standard of assistance and rehabilitation for persecuted advocates;

– a universal model of response by the advocate community to the persecution of its individual representatives;

– a new form of manifesting international advocate solidarity.

Based on the methodology, recommendations for advocate associations can be developed on the procedure for responding to facts of arbitrary termination of the status of advocates.

Part 7. Prospects for the application of the methodology

7.1. The purpose of the advocates' community and the extraterritoriality of the defense of the profession

The protection of professional colleagues and the independence of the legal profession is a basic function of national bar associations and international organizations of advocates worldwide. Ignoring obvious arbitrariness would mean an abandonment of this function and actual complicity in it. The status of an advocate and the right to carry out professional advocacy activities are no longer the exclusive prerogative of a single state. Under the conditions of globalization and the possibility of conducting transnational legal practice, an independent professional community itself has the right to exercise oversight over compliance with the standards of the profession without a strict tie to a national jurisdiction.

7.2. Universality of the criteria

The developed five categories of arbitrariness can be applied to any cases of termination of the status of an advocate in any country, as they are based on universally recognized international standards (UN, ECtHR, Basic Principles on the Role of Lawyers).

The methodology can be applied:

– in cases on the termination of the status of an advocate;

– in disciplinary cases;

– in the criminal prosecution of advocates;

– in the event of a ban on professional activity;

– in cases of political pressure;

– in cases of persecution for freedom of expression;

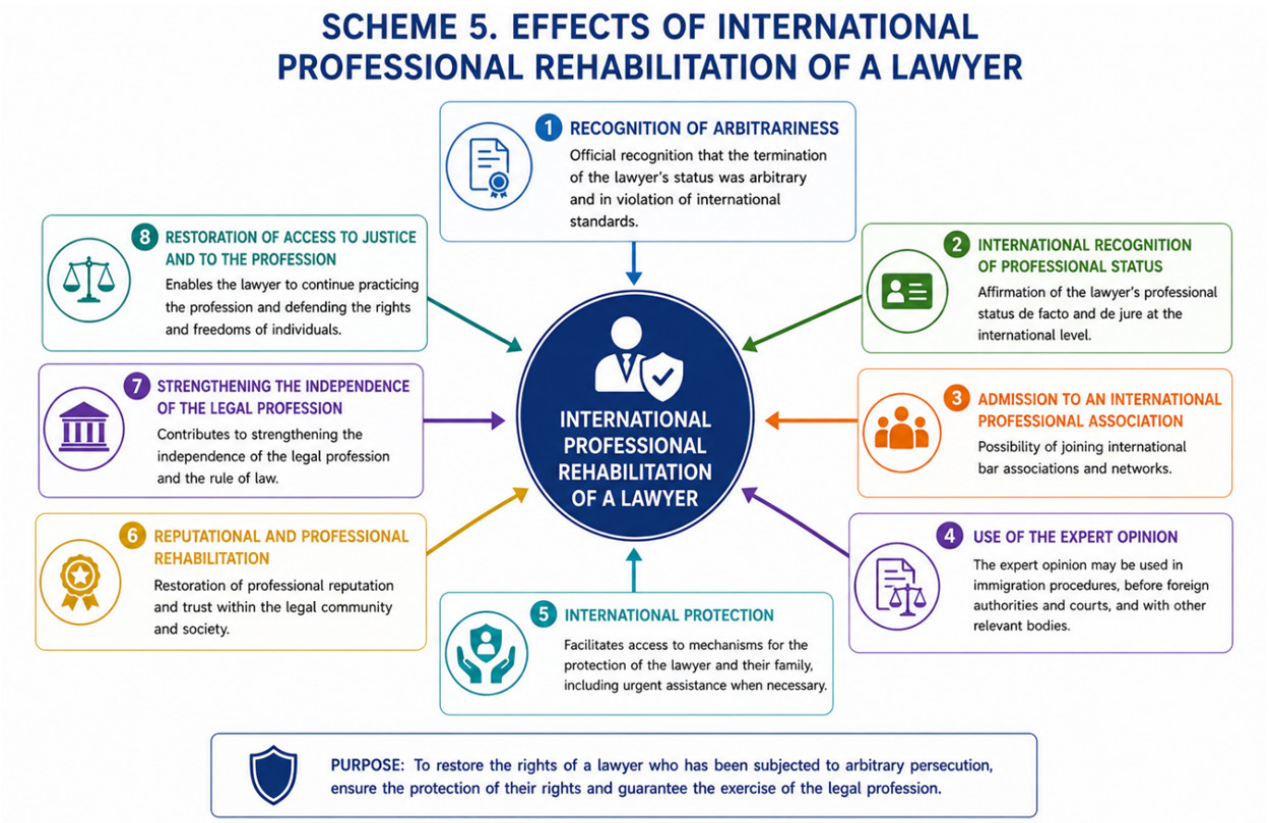
– in cases of interference with the defense of clients.

7.3. Independence from national jurisdiction

The methodology does not require mandatory recognition by national bodies of advocates' self-government or other bodies overseeing the legal profession. It is applied and operates primarily within the framework of the international professional community. In accordance with the general principles of international human rights law, expert opinions of international organizations are admitted as evidence within the framework of national legal proceedings, procedures of international organizations, and interstate mechanisms for the protection of rights. The developed criteria of arbitrariness are suitable for the verification of and countering systemic repressions worldwide.

7.4. Special relevance of the methodology

The methodology is especially relevant for advocates from states [74], in which such systemic phenomena have been identified as:



– the degradation of the rule of law, the judicial and law enforcement systems, and the human rights protection system, as well as the independence of the legal profession and advocates;

– the use of disciplinary procedures within the legal profession as a means of pressure on advocates or groups thereof;

– the persecution of advocates by state bodies, state actors, and employees of bodies of bar associations, for personal motives, as well as for reasons related to their professional and (or) human rights activities, other socially useful activities, or the exercise of their civil rights.

7.5. Filling the legal vacuum for persecuted advocates

The application of the methodology is relevant, inter alia, for advocates of the Russian Federation. Under the conditions where Russia has withdrawn from the Council of Europe (since 2022), the ECtHR no longer considers complaints from the Russian Federation regarding events that occurred after September 16, 2022, and national chambers of advocates are incapable or unwilling to protect the independence of the legal profession. At the same time, the status of an advocate in Russia can be terminated even for the mere fact of the advocate's departure from the country for a period of more than one year [75], while advocates and their organizations are being subjected to persecution [76]. Under such conditions, an international professional expert examination for the restoration of their status of an advocate becomes the only mechanism for their protection. The Association fills the legal vacuum in a situation where national institutions are incapable or unwilling to protect the basic principles of the profession and allows advocates to continue carrying out their professional activities.

7.6. International documentation and attention

Expert opinions, collected together, serve as a basis for documentation, that is, in fact, an evidentiary basis for demonstrating the presence in a state of a «consistent pattern of gross and reliably attested violations» of the rights of representatives of the legal profession, which, in itself, should be a ground for close attention to what is happening on the part of the UN and the international community, since human rights violations, by virtue of an established approach, cannot be recognized as the internal affairs of individual states. They also serve as evidence of the fact that the national judicial system of the state is paralyzed, shows inability or unwillingness to conduct impartial investigations as a result of the targeted destruction of institutions of independent legal protection.

7.7. Limits of international recognition of the status of an advocate

The international recognition of the professional status of an advocate in the event of passing an expert examination regarding the arbitrariness of its termination in the state where the status was obtained is not limitless.

The present methodology proceeds from the following limits of such recognition:

– **territorial limit:** the recognition of the status in a specific foreign jurisdiction is possible only if the advocate complies with the requirements of this jurisdiction for qualification and language competence, or if there is a special assistance program for persecuted advocates.

– **substantive limit:** the present opinion does not create a right to automatic admission to legal practice in any jurisdiction, it only establishes the fact of a politically motivated termination of the status and the absence of a real professional misconduct, thereby confirming the professional reputation of the advocate.

– **legal limit:** the scope of recognition is determined by bilateral and multilateral agreements on the mutual recognition of qualifications (in particular, EU Directive 98/5/EC on the permanent admission to the profession of a lawyer in another member state) and the domestic legislation of the host state.

– **temporal limit:** the recognition of the status on the basis of the present opinion remains in force until the moment of change in the circumstances that served as the basis for the opinion.

7.8. Models of practical implementation of the methodology

The European Union. In the EU member states, the implementation of the methodology is carried out through the mechanism of interaction with national bar associations that are members of the CCBE in cooperation with the CCBE. The specific proposed procedure is as follows:

– A Memorandum of Understanding (MOU) is concluded. Relying on the doctrine of mutual recognition, these documents establish clear legal regulations: the opinion of the international expert examination on the arbitrary termination of the status of an advocate prepared by the Association and the admission of the advocate to the membership of the association on the basis of confirmation of this fact is recognized by the host party as a legitimate equivalent of the confirmation of the lawyer's advocate status and «good reputation» (Certificate of Good Standing).

– The opinion of the international expert examination on the arbitrary termination of the status of an advocate and a copy of the certificate of admission of the advocate to the membership of the association are sent to the CCBE with a request for assistance in forwarding it to national regulators or directly to their address;

– The national chamber of the host state initiates an internal procedure for considering the application in accordance with its regulations.

In the UK, the opinion is sent to the Solicitors Regulation Authority (SRA) or the Bar Standards Board (BSB) with an attached request to consider the possibility of recognizing the professional status of the applicant within the framework of the Qualified Lawyers Transfer Scheme (QLTS) procedure or a similar one.

In the USA, the opinion is sent to the American Bar Association and to the bar association of the state in which the applicant intends to practice.

Additionally, a request for information on the possibilities of professional rehabilitation is sent. In Canada, the opinion is sent to the Law Society of the respective province. In provinces that have special programs for foreign advocates (Ontario, British Columbia), the applicant has the right to petition for the application of an accelerated recognition procedure.

In all cases, the opinion is accompanied by a translation in accordance with the requirements of the host jurisdiction and other necessary documents.

Part 8. Risks associated with the application of the methodology and methods for their mitigation

The risks considered below and the proposed methods for their mitigation in the practical application of the methodology are structured along four main areas: institutionalization (the creation of collegiate structures, standards, and methodologies), legitimation (the international recognition of the organization conducting the expert examination and its decisions), contractual consolidation (memorandums and agreements with foreign bodies and organizations regulating the profession of an advocate), and informational and legal protection (a public register, monitoring, reports to international bodies, financial solidarity). The key principle of all measures is the reduction of dependence on individuals, circumstances, and jurisdictions through the creation of sustainable organizational, legal, and financial mechanisms. With the consistent implementation of these measures, the probability of successful application of the methodology to protect the rights of persecuted advocates increases significantly, and the risks themselves turn from insurmountable obstacles into manageable factors.

8.1. Lack of binding nature of the decision for state bodies and bodies of country bar associations

The methodology does not oblige courts or bodies to restore the advocate in status. It operates at the level of international professional recognition.

Mitigation methods:

8.1.1. Formation of an array of precedents for future use

The accumulation of several (3-5 and more) cases of advocates restored in status on the basis of the application of the proposed methodology creates a convincing empirical array, which, when the situation

changes, can be used as a basis for mass review of arbitrary decisions. The precedents are intended to begin shaping the international practice of responding to cases of arbitrary deprivation of the status of advocates.

8.1.2. Strategic judicial appeal within the country

The parallel challenging of decisions of bodies of the legal profession in courts of general jurisdiction (despite the low probability of success) with the simultaneous use of the opinion as additional evidence. This records for international instances the fact of exhaustion of domestic legal remedies.

8.1.3. Modeling a «review scenario»

The development of a formal legal model of how opinions can be legalized in the event of normalization of the political situation: through mechanisms of review due to newly discovered circumstances or through an appeal to the provisions of normative acts on the priority of international obligations.

8.1.4. Parallel appeal to international judicial instances

The preservation of the formal possibility of appealing to international judicial instances. The expert opinion becomes evidence in the proceedings.

8.2. Risks of dependence on a specific expert

The absence of a pool of trained experts creates a «single specialist effect» and the risk of cessation of the application of the methodology in the event of illness, overload, or other circumstances. To scale the application of the methodology, it is necessary to train experts.

Mitigation methods:

8.2.1. Creation of an expert pool

The formation of a permanently acting Board of Experts of 7–10 qualified specialists (doctors and candidates of legal sciences, advocates with international experience) who, after the approval of a unified methodology, will be able to prepare opinions independently of each other.

8.2.2. Development of a formalized methodological standard

The creation of a detailed manual on conducting the international expert examination, which includes: a unified structure of the opinion, standardized evaluation criteria (five categories of arbitrariness). This will allow other experts to apply the methodology without the direct participation of the developer.

8.2.3. Institutionalization of the peer review procedure

The establishment of a rule according to which each expert opinion is mandatorily peer-reviewed by three independent experts from the pool.

8.2.4. External certification of the methodology

Obtaining official confirmation of the methodology by authoritative international organizations.

8.3. Risks of non-recognition by national bar associations

The body granting admission to the advocate profession in a given country may not recognize the decision of the bar association conducting the expert examination. Mitigation methods:

8.3.1. Conclusion of bilateral memorandums on mutual recognition

The initiation of negotiations with chambers of advocates and associations of democratic countries, followed by the conclusion of memorandums on mutual recognition of status. They can be built on the model of mutual recognition of qualifications of the CCBE.

8.3.2. Participation in international associations of bar associations

The submission of an application for membership as an observer by the bar association conducting the expert examination to the International Bar Association (IBA), which has 195 affiliated organizations from more than 170 countries, and to the International Association of Lawyers (UIA).

8.3.3. Strategic partnerships with human rights advocacy networks

The establishment of partnerships with the European Criminal Bar Association, the International Association of Democratic Lawyers, the American Bar Association, and other organizations – at the level of joint statements and protocols of cooperation. This creates an «effect of legitimation by association».

8.3.4. Preparation of legal justification for foreign courts and administrative bodies

The development of a standard package of documents in English, which an advocate can submit to a foreign court or immigration service to justify the recognition of their status. It includes: an expert opinion, a certificate of admission to the membership of the association. These documents are recognized in immigration procedures and asylum procedures.

8.4. Risks of dependence on the solidarity of the international community

The effectiveness of the methodology depends on the readiness of international bar associations to recognize the decisions of the association.

Mitigation methods:

8.4.1. Participation in the formation of networks

Participation in the formation of networks and providing them with information for: the systematic collection of data on arbitrary deprivations of status; the publication of regular (quarterly) reports on the situation with the independence of the legal profession; the submission of these reports to UN bodies (Human Rights Council, Office of the High Commissioner), PACE, and other international structures.

8.4.2. The «naming and shaming» strategy

The targeted public coverage of specific cases of arbitrary deprivation of status through international media, human rights platforms, and social networks. The specified effect is amplified through participation in coalitions.

8.4.3. Creation of a Solidarity and Support Fund for persecuted advocates

The establishment of a targeted financial aid fund for persecuted advocates to provide, inter alia, legal support in procedures of international recognition of the status of an advocate and to cover the costs of an international expert examination. The fund will make the methodology accessible to all persecuted advocates. The financing model for the fund's expenses is crowdfunding, grant support, and financing from the funds of the association.

8.4.4. Inclusion in the agenda of international forums

Regular participation with reports at the UN Congress on Crime Prevention (once every 5 years); annual conferences of the IBA, UIA; sessions of the UN Human Rights Committee when considering periodic reports, participation in other events. This creates an institutional memory of the problem and prevents its «hushing up».

8.4.5. Creation of a register of persecuted advocates

The maintenance of a public register of advocates arbitrarily deprived of their status, indicating: surname, first name, patronymic, date of termination of status, motives and circumstances of persecution. A brief summary of the expert opinion or its full text, including translated into English, is attached to each included advocate. Such a register can become a «living document» accessible to international organizations and journalistic investigations.

8.4.6. Development of contractual mechanisms for mutual recognition

The conclusion of a multilateral agreement on the recognition of the status of an advocate arbitrarily deprived, between partner organizations on the model of the Mutual Recognition Framework developed by the IBA for the purposes of international recognition of lawyers' qualifications. The agreement must define: the criteria under which a decision on exclusion is recognized as arbitrary; the procedure for cross-border recognition of status; the conditions for transferring a legal practice.

8.4.7. Familiarization of advocates and their associations with the methodology and the results of its application in practice

The holding of a series of webinars and trainings for advocates facing persecution or at risk, on preparing documents for an international expert examination; interacting with associations; using an expert opinion in international procedures. This will broaden awareness and create «grassroots» support for the methodology.

8.5. Risks of abuse of the methodology

The methodology, while aimed at protecting advocates persecuted for political motives, at the same time carries a risk of abuse: unscrupulous advocates, lawfully deprived of their status for actual gross professional violations, may attempt to use the procedures offered by the methodology to give an unlawful deprivation of status the appearance of political persecution in order to avoid professional responsibility. This risk is serious and requires systemic prevention.

Mitigation methods: In order to exclude abuses, the present Methodology provides for a mandatory two-stage preliminary screening of each submitted application:

Stage 1: Administrative screening.

The secretariat of the association, after receiving an application, verifies:

− the completeness and proper execution of the documentation;

− the presence of prima facie signs of politically motivated persecution (a chronological connection between the professional activity of the advocate and the initiation of disciplinary proceedings; the presence of public statements by the advocate on politically sensitive issues; the connection of the case with the defense of persons persecuted for political motives);

− the absence of obvious signs of an actual gross professional violation.

Stage 2: Expert preliminary screening.

If the application has passed the administrative screening, the association appoints an expert and conducts a preliminary assessment. Based on the results of the preliminary assessment, one of the following decisions is made:

− the admission of the case to a full expert examination;

− a request for additional materials;

− a refusal to initiate an expert proceeding with a reasoned opinion.

Criteria for refusal:

− the predominance of evidence of an actual professional violation over evidence of political motivation;

− the clear insufficiency of the evidentiary basis to substantiate political motivation;

− the presence of an entered-into-force decision by an authoritative international body stating the lawfulness of the deprivation of status.

Consequences of establishing an abuse. In the event that an abuse of the Methodology is established after the completion of the expert proceeding, the association has the right to revoke the issued opinion with public notification to the chambers of advocates to which it was sent. The fact of abuse is recorded in the register of the association.

Part 9. Maintenance of membership in the association upon termination of the status of an advocate

Membership in the association bears an independent, extraterritorial character and does not depend on the presence or absence of a national status of an advocate. In the event that an advocate is subjected to the arbitrary termination of professional status in a national jurisdiction and at the moment of the issuance of the corresponding national decision is already an active member of the association, the procedure of international professional rehabilitation acquires the character not of primary recognition, but of international corporate protection and confirmation of a previously recognized status.

The arbitrary termination of the status of an advocate by national bodies of advocates self-government or by a court does not entail an automatic termination or suspension of membership in the association. This approach is based on the fundamental principle of the methodology: the priority of substantive justice and international standards over non-legal formal acts. The association in this case acts as an element of the «outer contour» of protection, guaranteeing that national arbitrariness is incapable of automatically breaking the international professional ties of an advocates and undermining their professional reputation.

In contrast to the general procedure requiring the submission of an application for joining the association, an active member of the association, if such a need exists, initiates the application of the methodology by sending to the highest executive body of the association a notification of the termination of the national status of an advocate with the attachment of copies of the corresponding decisions (a court verdict, a conclusion of a qualification commission, a decision of a chamber council) and a petition for the appointment of an independent international expert examination regarding the presence of signs of arbitrariness in the decision on the termination of status.

For the entire period of conducting the expert exa-mination, all rights and obligations of a member of the association are retained by the advocate in full by virtue of the presumption of the advocate's good faith and the inadmissibility of a premature recognition of the legitimacy of repressive acts. Upon receipt of a positive opinion of the international expert exa-mination confirming that the termination of status bore an arbitrary character (falls under one or more categories), the highest executive body of the association makes a decision on the confirmation of the professional status and the preservation of full membership and, if necessary, a statement on the fact of the unlawful persecution of an advocate whose national status was arbitrarily terminated.

This decision:

− officially states at the international level the non-legal and arbitrary character of the national decision on the deprivation of status;

− guarantees the continuity of the professional identity of the advocate and the preservation of their positive reputation;

− provides the advocate with further institutional protection and support of colleagues at the international level.

In the event that the international expert examination establishes that the termination of the status of an advocate at the national level was lawful, justified, complied with the standards of a fair trial, and had no signs of arbitrariness (for example, was connected with the commission of an ordinary criminal offense or a gross violation of professional ethics not related to political pressure or the exercise of human rights defense), the highest executive body of the association, in the presence of signs of violation of the main provisions of the association's charter in the actions (inaction) of the advocate, may initiate an internal procedure for considering the issue of the presence of grounds for excluding the advocate from the members of the association, which is considered in accordance with the procedure established in the association.

Список источников / References

1. https://www.ibanet.org/Human_Rights_Institute/Toolkit-on-Lawyers-at-Risk-project

2. https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/training-admin-justice/manual-training9chapter4ru.pdf

3. https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/training-admin-justice/manual-training9chapter4ru.pdf

4. https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/training-admin-justice/manual-training9chapter4ru.pdf

5. A/71/348, p. 32. URL: https://docs.un.org/ru/A/71/348. p. 35

6. https://dayoftheendangeredlawyer.eu/24th-january/; https://sciup.org/mezhdunarodnyj-mehanizm-zashhity-professionalnyh-prav-advokatovintervju-s-140304585

7. https://www.aol.com/news/why-lawyers-under-attack-around-110006144.html
8. https://barhumanrights.org.uk/wp-content/uploads/2026/01/2026-DEL-Report.pdf
9. A/71/348, p. 32. URL: https://docs.un.org/ru/A/71/348. p. 61, 87
10. https://www.researchgate.net/publication/272802873_The_Norms_of_International_Soft_Law_in_the_Legal_System_of_the_Russian_Federation; https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1648&context=mjil
11. https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/Human_right_portal/EN_2026_Report-of-the-International-Coalition-for-the-Day-of-the-Endangered-Lawyer-2026-US.pdf
12. https://www.nonviolent-conflict.org/polands-solidarity-movement-1980-1989/; https://www.defendersbelarus.org/solidarnost_poland
13. https://www.lawyersforlawyers.org/concerns-about-access-to-the-legal-profession-and-increasing-disbarments-of-lawyers-in-turkey/; https://defendlawyers.wordpress.com/tag/turkey/
14. https://www.lawyersforlawyers.org/statement-on-the-denial-of-the-rights-of-the-defence-in-venezuela/; https://accesoalajusticia.org/wp-content/uploads/2022/01/The-takeover-of-Bar-Associations-of-Venezuela-2000-2020.pdf
15. https://report2022.defendersbelarus.org/;https://bahrl.org/; https://defendlawyers.wordpress.com/tag/belarus/; https://www.ohchr.org/en/press-releases/2025/11/un-experts-urge-belarus-stop-interfering-legal-profession
16. https://news.un.org/ru/story/2021/11/1413182;https://www.aibaie.org/who-we-are; https://defendlawyers.wordpress.com/tag/afghanistan/
17. https://rm.coe.int/168007a6a9
18. https://www.ibanet.org/MediaHandler?id=E202357C-2825-4196-B18C-827B0E6C7740; https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/EU_LAWYERS/EUL_Guides___recommendations/EN_FML_2016_Guide.pdf; https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/EU_LAWYERS/EUL_Guides___recommendations/EN_EUL_20240708_CCBE-Recommendation-on-the-recognition-of-certificates-under-Directive-98-5.pdf; https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/INTERNATIONAL_LEGAL_SERVICES/ILS_Position_papers/EN_ILS_20221125_CCBE-Guidelines-for-a-Foreign-Legal-Consultant-Status.pdf; https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/INTERNATIONAL_LEGAL_SERVICES/ILS_Position_papers/EN_ILS_20250227_CCBE-comments-on-the-Commission-recommendations-on-recognition-of-third-country-qualifications.pdf
19. https://www.refworld.org/reference/themreport/unhrc/2015/107147;https://www.refworld.org/themes/custom/unhcr_rw/pdf-js/viewer.html?file=https %3A %2F %2Fwww.refworld.org %2Fsites %2Fdefault %2Ffiles %2Flegacy-pdf %2Fen %2F2016-7 %2F57d6a52a4.pdf; https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g15/149/11/pdf/g1514911.pdf
20. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
21. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
22. https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/coretreatiesru.pdf
23. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml
24. https://www.ohchr.org/ru/treaty-bodies/general-comments;https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2024/01/perechen_zamechaniy_obshchego_poryadka_obshchih_rekomendatsiy_prinyatyh_megdunarodnymi_dogovornymi_organami_oon_deystvuyushchimi_v_sfere_zashc.pdf?ysclid=mox41kapbu390235840
25. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/defender.shtml
26. https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS
27. https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=226; https://sciup.org/konvencija-soveta-evropy-o-zashhite-professii-advokata-140309882
28. https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1977/249/oj/eng; https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1998/5/oj/eng
29. https://rm.coe.int/16804d0fc8; https://e-ecolog.ru/docs/AMN7bgOpGM89dI8FfKcyo
30. https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr-independence-of-judges-and-lawyers/international-standards-independence-judges-lawyers-and-prosecutors; https://www.advokatsamfundet.se/globalassets/advokatsamfundet_sv/advokatyrket/ccbe_recommendations_disciplinary_proceedings_en1.pdf;https://www.ibanet.org/resources; https://www.ibanet.org/document?id=-International-Principles-on-Conduct-for-the-Legal-Profession-2018; https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/DEONTOLOGY/DEON_CoC/EN_DEONTO_2021_Model_Code.pdf; https://www.ccbe.eu/documents/professional-regulations/#panel-712-0
31. https://sudact.ru/law/obobshchenie-praktiki-i-pravovykh-pozitsii-mezhdunarodnykh-dogovornykh/; https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=218896
32. https://hudoc.echr.coe.int/eng# %20
33. https://base.garant.ru/; https://www.consultant.ru/; https://www.refworld.org/ru/prosmotr-po/tematicheskie-napravleniya
34. https://fparf.ru/documents/
35. https://sudact.ru/
36. https://sciup.org/eurasian-advocacy; https://www.ohchr.org/en/publications/training-and-education-publications/human-rights-administration-justice-manual-human; https://eucrim.eu/articles/a-plea-for-common-standards-on-the-lawyer-client-privilege/;https://www.ccbe.eu/document/PECO_Portal/Georgian_Bar_Association_conference_Nov_2015/Speech_Emmanuel_Pierrat__002_.pdfc; https://openlibrary.org/authors/OL71726A/Andrew_Boon; https://papers.ssrn.com/sol3/cf_dev/AbsByAuth.cfm?per_id=273330; https://philpapers.org/rec/BAREAL-11; https://riuc.ru/local/templates/humanrights/pdf/Реализация %20международных %20стандартов %20прав %20человека %20судами %20РФ %20(2017).pdf; https://www.ibanet.org/Human_Rights_Institute/Toolkit-on-Lawyers-at-Risk-project
37. https://docs.un.org/ru/A/HRC/50/36
38. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/
39. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12032854/

40. Sidabras and Dziautas v. Lithuania, ECHR, № 55480/00 and 59330/00 https://hudoc.echr.coe.int/eng# %7B %22itemid %22: [%22001-61942 %22] %7D, Bigaeva v. Greece, ECHR, № 26713/05 https://hudoc.echr.coe.int/eng# %7B %22appno %22: [%2226713/05 %22], %22itemid %22: [%22001-92754 %22] %7D

41. Ozpinar v. Turkey, ECHR, № 20999/04. https://hudoc.echr.coe.int/eng# %7B %22itemid %22: [%22001-101220 %22] %7D

42. Oleksandr Volkov v. Ukraine, ECHR, №21722/11https://hudoc.echr.coe.int/fre# %7B %22itemid %22: [%22001-115871 %22] %7D

43. Ozpinar v. Turkey, ECHR, № 20999/04, https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=195155&ysclid=lvrlrusixk255134835#OSsCmBUmt6wEWJo4; Pfeifer v. Austria, ECHR, № 12556/03, https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=65881&ysclid=lvrluwr6ds547098647#qmSDmBUJncL1b3bD; A. v. Norway, ECHR, № 28070/06, https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=121802&ysclid=lvrmbv3nj6953760718#QgmGmBUE3s4k5g8O1

44. Malone v. United Kingdom, ECHR, № 8619/ 79, https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/67315/?ysclid=lvrmab4j9q771486675

45. https://web.dev.ohchr.un-icc.cloud/ru/specialprocedures/sr-independence-of-judges-and-lawyers/international-standards-independence-judges-lawyersand-prosecutors, https://www.ohchr.org/ru/aboutarbitrary-detention; https://www.ohchr.org/ru/specialprocedures/sr-executions/international-standards

46. https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g15/149/11/pdf/g1514911.pdf

47. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml; https://coloradoattorneyexcellence.org/wp-content/uploads/2013/09/Rhode-D-Whatever-Happened-to-Access-to-Justice-42-Loy.-L.A.-L.-Rev.-869-2009..pdf

48. A/HRC/50/36, p. 82. URL: https://docs.un.org/ru/A/HRC/50/36

49. A/73/365, p. 115–120. URL: https://docs.un.org/ru/A/73/365

50. https://www.ibanet.org/IBAHRI

51. https://www.ibanet.org/document?id=-International-Principles-on-Conduct-for-the-Legal-Profession-2018

52. https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/resources/lawyer_ethics_regulation/; https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/resources/lawyer_ethics_regulation/model_rules_for_lawyer_disciplinary_enforcement/

53. https://www.encyclopedia.com/law/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/attorney-misconduct

54. https://www.ibanet.org/MediaHandler?id=d0166ab6-5307-4798-aefc-805b2e79e461

55. https://solicitorstribunal.org.uk/wp-content/uploads/2023/10/Guidance-Note-on-Sanctions-2022.pdf

56. https://www.sra.org.uk/solicitors/enforcement/solicitors-disciplinary-tribunal/; https://solicitorstribunal.org.uk/

57. https://legalservicesboard.org.uk/

58. https://flsc.ca/what-we-do/national-discipline-standards/

59. https://flsc.ca/; https://ca.vlex.com/vid/mcguire-v-b-c-681711657

60. https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/DISCIPLINE/EN_DISC_20070917_CCBE_Recommendations_disciplinary_proceedings.pdf; https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/DEONTOLOGY/DEON_CoC/EN_DEONTO_2021_Model_Code.pdf

61. https://sciup.org/konvencija-soveta-evropy-o-zashhite-professii-advokata-140309882

62. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/

63. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/

64. https://ccprcentre.org/decision/17209;https://www.defendersbelarus.org/ageev_cohr; https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403239997/#927

65. https://humanrts.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom32.html

66. https://hudoc.echr.coe.int/eng# %7B %22itemid %22: [%22001-57479 %22] %7D

67. https://www.law.cornell.edu/wex/clear_and_convincing_evidence

68. https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22002-11088%22]%7D;https://hudoc.echr.coe.int/fre# %7B %22itemid %22: [%22001-115871 %22] %7D

69. https://www.perlego.com/book/4300831/the-ethics-and-conduct-of-lawyers-in-england-and-wales-pdf; https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1460728x.2016.1209811; https://philpapers.org/rec/BOOTEA-2; https://philpapers.org/rec/SILHOP-3

70. https://pklaw.ru/wp-content/uploads/2020/06/Statya.-K-voprosu-o-prezumpcii-dobrosovestnosti-advokata.pdf;https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/advokatura-eto-zapovednaya-sfera-dlya-pravookhranitelya/

71. https://sciup.org/ponjatie-i-kriterii-proizvolnogo-lishenija-prekrashhenija-statusa-advokata-140308757

72. https://cdn.ca9.uscourts.gov/datastore/library/2013/02/26/Girardi_sanctions.pdf; https://adbmich.org/links/aba-standards.aspx

73. https://www.ohchr.org/en/publications/training-and-education-publications/human-rights-administration-justice-manual-human

74. https://dayoftheendangeredlawyer.eu/24th-january/

75. https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-vvedenii-vozmozhnosti-prekrascheniya-statusa-advokata-pri-vyyavlenii-fakta-ego-vyezda-na-postoyannoe-mesto-zhitelstva

76. https://sciup.org/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossijskoj-federaciikak-140310760

Статья поступила в редакцию 11.05.26;
одобрена после рецензирования 12.06.26;
принята к публикации 12.06.26.

The article was submitted 11.05.26;
approved after reviewing 12.06.26;
accepted for publication 12.06.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 3 (80). С. 125.
Eurasian Advocacy. 2026;(3(80)):125.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научный доклад
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2026_80_3_125

АДВОКАТУРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ХРОНИКА КРИЗИСА (АВГУСТ 2025 Г. – МАЙ 2026 Г.): НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

РАГУЛИН Андрей Викторович
Доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, руководитель Центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: Доклад представляет собой аналитический обзор системных проблем, с которыми сталкивается современная адвокатура в Российской Федерации. Задокументированы многочисленные случаи уголовного преследования адвокатов, которые напрямую связываются с их профессиональной и общественной деятельностью. Зафиксирована тревожная тенденция: адвокаты, работающие по резонансным или политически чувствительным делам, подвергаются избирательному правосудию, включающему задержания, обыски и необоснованные уголовные обвинения. Особое внимание уделяется давлению на адвокатов через дисциплинарные механизмы адвокатских палат, которые, вопреки своему предназначению, все чаще используются как инструмент «карательной этики». Освещена кампания по принудительному введению так называемой «адвокатской монополии», проводимая Министерством юстиции Российской Федерации и поддержанная Федеральной палатой адвокатов (ФПА). Представлены факты вмешательства государства в конфиденциальное общение адвокатов с доверителями, нарушения адвокатской тайны и незаконные обыски в офисах защитников. Отдельным блоком выделены проблемы, связанные с внедрением Комплексной информационной системы адвокатуры России, которая в действительности представляет собой инструмент кибершпионажа и тотального контроля за адвокатами. В докладе анализируется деятельность ФПА, которая утратила свою правозащитную функцию и превратилась в придаток государственного аппарата. Показано, как ФПА и руководство адвокатских палат, используя административный ресурс, подавляют свободу слова внутри корпорации и препятствует реальной демократизации профессии. Поднимаются острые вопросы защиты адвокатов, финансовой прозрачности адвокатских палат и нецелевого использования собираемых с адвокатов денежных средств. Предлагаются меры, направленные к выводу системы адвокатуры из кризисного состояния. Доклад публикуется на русском и английском языках.

Ключевые слова: адвокат, произвольное прекращение статуса адвоката, независимость адвокатуры, дисциплинарное производство в отношении адвокатов, международные стандарты юридической профессии, права человека; международная защита адвокатов, произвольное преследование, верховенство права, адвокатура России

Для цитирования: Рагулин А.В. Адвокатура в Российской Федерации: хроника кризиса (август 2025 г. – май 2026 г.): научно-практический доклад // Евразийская адвокатура. 2026. № 3 (80). С. 125. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_80_3_125

Problems of Organization and Advocacy Profession Functioning

Scientific Report

THE BAR IN THE RUSSIAN FEDERATION: CHRONICLE OF THE CRISIS (AUGUST 2025 – MAY 2026): SCIENTIFIC AND PRACTICAL REPORT

RAGULIN Andrey Viktorovich
Doctor of Law, Associate Professor, Advocate of the Moscow Chamber of Advocates, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal
450006, Ufa, Lenina Str., 102, office 24, Russian Federation

© Рагулин А.В., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution NonCommercial License 4.0 (CC BY-NC).

Abstract: The report is an analytical review of the systemic problems faced by the modern bar in the Russian Federation. Numerous cases of criminal prosecution of lawyers, which are directly linked to their professional and public activities, have been documented. An alarming trend has been recorded: lawyers working on high-profile or politically sensitive cases are subjected to selective justice, including detentions, searches, and unfounded criminal charges. Special attention is paid to the pressure on lawyers through the disciplinary mechanisms of the bar chambers, which, contrary to their intended purpose, are increasingly used as an instrument of «punitive ethics». The campaign for the forced introduction of the so-called «advocate monopoly», conducted by the Ministry of Justice of the Russian Federation and supported by the Federal Chamber of Advocates (FCA), is highlighted. Facts of state interference in confidential communication between lawyers and their clients, violations of attorney-client privilege, and illegal searches in defenders' offices are presented. A separate section highlights the problems associated with the implementation of the Comprehensive Information System of the Russian Bar, which in reality is an instrument of cyber espionage and total control over lawyers. The report analyzes the activities of the FCA, which has lost its human rights function and turned into an appendage of the state apparatus. It is shown how the FCA and the leadership of the bar chambers, using administrative resources, suppress freedom of speech within the corporation and hinder the real democratization of the profession. Acute issues of lawyer protection, financial transparency of bar chambers, and the misuse of funds collected from lawyers are raised. Measures aimed at bringing the bar system out of the crisis state are proposed. The report is published in Russian and English.

Keywords: professional rehabilitation of lawyers, arbitrary termination of advocate status, disbarment, independence of the legal profession, disciplinary proceedings against lawyers, international standards of the legal profession, human rights, international protection of lawyers, arbitrary persecution, rule of law, the Bar in Russia

For citation: Ragulin A.V. The Bar in the Russian Federation: Chronicle of the Crisis (August 2025 – May 2026): Scientific and Practical Report = Eurasian Advocacy. 2026; 3 (80):125. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_80_3_125

Введение

Настоящий доклад представляет собой логическое продолжение проведенных в 2025 году исследований состояния адвокатуры и системных нарушений прав адвокатов в Российской Федерации [1].

Доклад, подготовленный с опорой на результаты предыдущих публикаций, охватывает период с августа 2025 г. по май 2026 г. и отражает системный и многоаспектный характер вмешательства в адвокатскую деятельность в Российской Федерации и подавления независимой адвокатуры в стране.

Если предшествующие доклады концентрировались на исследовании причин и механизмов узурпации власти внутри Федеральной палаты адвокатов (далее – ФПА) и региональных палат несменяемой корпоративной элитой, то рассматриваемый доклад представляет собой хронику разрушительных последствий «захвата» адвокатуры в действии.

Доклад фиксирует конкретные факты, подкрепленные ссылками на первоисточники: судебные акты, публикации СМИ, официальные заявления ФПА, адвокатских палат, российских и международных организаций.

Исследуемый период характеризуется беспрецедентным давлением на адвокатов, осуществлявших защиту по политически мотивированным делам, в том числе связанным с антивоенной позицией их доверителей. Не менее двадцати адвокатов подверглись уголовному преследованию по делам, напрямую касающимся их профессиональной деятельности.

Параллельно с уголовными репрессиями государство активно использует механизм признания адвокатов «иностранными агентами» и проводит кампанию по прекращению статуса адвокатов, длительно находящихся за рубежом. Этот процесс осуществляется при активном участии Министерства юстиции Российской Федерации (далее – Минюст), органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ), ФПА и региональных адвокатских палат.

Особую тревогу вызывают факты воспрепятствования конфиденциальному общению адвокатов с доверителями в местах лишения свободы: зафиксированы десятки случаев незаконного недопуска адвокатов к подзащитным, прослушивания конфиденциальных бесед, незаконного изъятия адвокатских досье и технических средств.

Значительная часть нарушений исходит не от внешних структур, а от самих органов адвокатского самоуправления – ФПА и региональных палат. Они все активнее выступают инструментом подавления независимости адвокатов, а не ее защиты, что представляет угрозу самой природе адвокатуры как института гражданского общества.

Комплексная информационная система адвокатуры России (далее – КИС АР), продвигаемая ФПА, согласно результатам независимых иссле-

дований, является инструментом несанкционированного сбора данных, в том числе сведений, составляющих адвокатскую тайну. Ее принудительное внедрение сопровождается угрозами дисциплинарного взыскания в отношении адвокатов, отказавшихся регистрироваться.

Законопроект об «адвокатской монополии», инициированный Министерством юстиции России при поддержке ФПА, является центральным системным событием рассматриваемого периода. Его принятие означало бы принудительную инкорпорацию в адвокатуру всех частнопрактикующих юристов, что угрожает уничтожением независимого юридического рынка и усилением государственного контроля над профессией.

Широкая общественная коалиция – адвокаты, правозащитники, частнопрактикующие юристы, представители бизнеса, депутаты Государственной Думы и специальные докладчики ООН – консолидировано выступила против данного законопроекта, что привело к его фактической заморозке. Тем не менее, ФПА продолжает его лоббирование, в том числе через структуры подчиненных и взаимодействующих организаций, таких как Союз молодых адвокатов России (далее – СМАР), по согласованию и при поддержке руководства Министерства юстиции.

Зафиксированные факты применения физического насилия в отношении адвокатов со стороны сотрудников правоохранительных органов не расследуются надлежащим образом. Это подрывает базовые гарантии личной неприкосновенности адвокатов.

Верховный суд Российской Федерации занял позицию, согласно которой воспрепятствование адвокатской деятельности не является основанием для принесения личных извинений адвокату, что фактически лишает адвокатов эффективного средства судебной защиты их профессиональных прав. Суды начали прекращать статус адвоката вместо адвокатских палат и помимо установленных законом процедур, фактически «изобретя» их заново по требованию Министерства юстиции.

Собственный опрос ФПА, проведенный в ноябре 2025 г. среди адвокатов, подтвердил системный характер нарушений: 72,1 % опрошенных сталкивались с попытками склонить их к побуждению подзащитного признать вину, 79,6 % – с несвоевременным уведомлением о следственных действиях [2]. Эти данные, в общем, совпадают с выводами научных исследований и результатами независимого мониторинга, результаты которого показали, что за 2025 год зафиксировано 591 событие, связанное с преследованием адвокатов и воспрепятствованием адвокатской деятельности, что больше, чем в 2024 году (412) [3].

Международное сообщество – специальные докладчики ООН, международные адвокатские и правозащитные организации неоднократно обращали внимание на системные нарушения в отношении российских адвокатов, однако российские власти последовательно игнорируют эти заявления.

Кризис российской адвокатуры приобретает необратимый характер: адвокатское сообщество лишается независимого представительства, профессия становится все более зависимой от государственного контроля, а гарантии права на квалифицированную юридическую помощь для граждан последовательно разрушаются. Совокупность анализируемых фактов свидетельствует о целенаправленной политике, направленной на демонтаж независимого правозащитного института адвокатуры.

Доклад структурирован по тематическим разделам: от конкретных случаев уголовного преследования отдельных адвокатов до обобщения соответствующих системных институциональных проблем. Такой подход позволяет обеспечить как детальный анализ каждого вида нарушений, так и их обобщенную оценку в контексте деградации независимости российской адвокатуры.

Настоящий аналитический доклад не является исчерпывающим: многие нарушения не получают публичной огласки из-за страха адвокатов перед преследованием. Реальный масштаб ограничений адвокатской деятельности в России существенно превышает задокументированный. Это обстоятельство должно учитываться при оценке ситуации международным сообществом.

Доклад подготовлен на основе открытых источников, официальных документов и материалов правозащитных организаций. Все изложенные факты подкреплены ссылками на первоисточники, что обеспечивает верифицируемость сделанных выводов и их пригодность для использования в международных правозащитных механизмах.

Раздел 1. Вмешательство в адвокатскую деятельность и воспрепятствование ей, преследование адвокатов

1.1. Уголовное преследование адвокатов за профессиональную или общественную деятельность

1.1.1. 6 сентября 2025 г. в г. Калининграде задержан адвокат, член партии «Яблоко» [4] и Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» Владимир

Сорокин [5]. Он был обвинен в финансировании экстремистской и запрещенной организации. Адвокату вменили в вину один перевод в размере 500 рублей (эквивалентно 6 евро или 6,5 доллара США), якобы сделанный им в ноябре 2021 г., и квалифицировали его действия по ч. 1 ст. 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [6]. Владимир Сорокин не признал вину в осуществлении перевода и инкриминируемом ему преступлении. 7 сентября 2025 г. суд, благодаря активным и консолидированным действиям стороны защиты, обосновавшей отсутствие необходимости заключения адвоката под стражу, избрал адвокату меру пресечения в виде запрета определенных действий, препятствующих осуществлению профессиональной деятельности (пользование телефоном и Интернетом) и освободил его из-под стражи [7]. Однако в итоге адвокат был осужден на один год лишения свободы и заключен под стражу [314].

1.1.2. Адвокат Мария Бонцлер [8], преследуемая за осуществление профессиональной деятельности [9], задержанная в г. Калининграде 28 мая 2025 г., заключенная под стражу и первоначально обвиненная в конфиденциальном сотрудничестве с иностранным государством (статья 275.1 УК РФ), продолжает содержаться под стражей в условиях следственного изолятора [10]. Апелляции об изменении меры пресечения вышестоящим судом систематически немотивированно отклоняются [11], несмотря на наличие у Бонцлер заболевания, исключающего нахождение в СИЗО («гипертоническая болезнь 3-й степени 3-й стадии, риск 4 – высший»), и на несколько кризов, которые она пережила в заключении [12].

В августе 2025 г. опубликованы данные о том, что при задержании оперативник Кирилл Тахтов забрал у адвоката Марии Бонцлер мобильный телефон, удерживал его несколько часов и вывернул ей руки, чтобы его разблокировать [13]. Ранее Мария Бонцлер заявила, что дело против нее инициировал именно этот сотрудник из личной неприязни [14].

27 сентября 2025 г., комментируя ход расследования уголовного дела, адвокат Марии Бонцлер Илья Сидоров [15] отметил, что хотя заявление о медицинском освидетельствовании, которое должно подтвердить следствию наличие хронических заболеваний у Бонцлер, было удовлетворено месяц назад, его до сих пор не провели. Правозащитницу уже доставляли в больницу, но по какой-то причине не стали обследовать. Адвокат рассказал, что за все 4 месяца содержания Бонцлер под стражей следствием не было предоставлено ни одного доказательства ее вины. Из материалов уголовного дела [16] известно, что год назад Мария переписывалась с неким сотрудником СБУ Дьячуком, который якобы является родственником Ивана Квеселевича, осужденного в России по той же статье, что вменяется правозащитнице. Мать Квеселевича попросила Бонцлер оказать ее сыну помощь как адвоката. В дальнейшем мужчина заключил со следствием досудебное соглашение, и адвокат предполагает, что его показания могли лечь в основу уголовного дела. Саму переписку с Дьячуком, как утверждает Сидоров, ни Бонцлер, ни стороне защиты не показывают, а необходимые для защиты материалы скрываются под грифом секретности [17].

10 октября 2025 г. у адвоката Марии Бонцлер опять произошел приступ в ходе судебного заседания, ее адвокат Александр Чаузов вызвал скорую помощь, однако она отказалась приезжать в суд [18].

26 октября 2025 г. опубликована информация о том, что следствие угрожает переквалифицировать дело на «госизмену», если адвокат Мария Бонцлер не подпишет досудебное соглашение, дав показания против своего хорошего друга и коллеги по профессии [19].

4 ноября 2025 г. стало известно о том, что адвокатская палата Калининградской области принудительно, без ее согласия, по инициативе вице-президента адвокатской палаты Алексея Созвариева [20] приостановила статус адвоката Марии Бонцлер [21]. Адвокат Марии Бонцлер Илья Сидоров заявил, что действия палаты по приостановлению статуса адвоката Марии Бонцлер он считает произволом, не имеющим ничего общего с законом [22]. Приостановление статуса адвоката Марии Бонцлер носит произвольный и репрессивный характер, а само ее преследование напрямую связано с профессиональной деятельностью по защите доверителей, в том числе по политически мотивированным делам. Решение Совета Адвокатской палаты Калининградской области о приостановлении статуса было принято без заявления самой Бонцлер, до истечения шестимесячного срока, предусмотренного законом, и без установления фактической неспособности исполнять профессиональные обязанности. По этой причине решение палаты квалифицируется как нарушение российского закона об адвокатуре и международных стандартов независимости профессии, включая Основные принципы ООН о роли юристов. При этом Федеральная палата адвокатов и региональная палата не предпринимают никаких мер по защите преследуемого ад-

вокаата [23].

6 марта 2026 г. опубликована информация о том, что в калининградском управлении Следственного комитета адвокату Марии Бонцлер предъявили окончательное обвинение по статье 275 УК РФ («Государственная измена»), тем самым ее обвинение переквалифицировано и ужесточено [24]. При этом еще 5 февраля 2026 г. защита подала заявление на установление Бонцлер инвалидности, однако для этого требуется врачебная комиссия, которую пока не удалось провести. Стороной защиты подано более 50 жалоб, несколько административных исков, организовано принятие обеспечительных мер Комитетом ООН по правам человека [25].

21 марта 2026 г. опубликована информация о том, что адвокат Мария Бонцлер подвергается бесчеловечному обращению и пыткам в следственном изоляторе. Оказание ей квалифицированной медицинской помощи не осуществляется, а по большей части лишь имитируется. Также защита указала, что дело находится на рассмотрении в Комитете по правам человека ООН, который уже применил срочные меры. Речь идет о «спасении жизни и здоровья» Бонцлер и необходимости «исключения необоснованного содержания под стражей с риском для ее жизни» путем выбора иной меры пресечения. Российским властям был установлен срок для ответа до 16 января 2026 г. [26].

Специальный докладчик ООН по ситуации с правами человека в Российской Федерации Мариана Кацарова обращалась к правительству Российской Федерации с заявлением о необходимости освобождения адвоката Марии Бонцлер, однако заявление было оставлено без надлежащего реагирования [27].

1.1.3. 31 октября 2025 г. была опубликована информация о том, что суд апелляционной инстанции на два месяца смягчил приговор адвокату, первому президенту Адвокатской палаты Удмуртской Республики, Председателю правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018», лауреату международной правозащитной премии имени Людовика Трарье [28] Дмитрию Талантову, преследуемому за осуществление профессиональной и общественной деятельности [29]. Суд апелляционной инстанции снизил назначенное наказание в виде лишения свободы – до шести лет и десяти месяцев исправительной колонии общего режима [30].

В ноябре 2024 г. Дмитрия Талантова приговорили к семи годам колонии по делу о распространении «фейков об армии» и «возбуждении ненависти и вражды» за антивоенные посты в социальных сетях. Верховный суд Удмуртской Республики действия Дмитрия Талантова по статье о разжигании вражды (ст. 282 УК) переквалифицировал с двух эпизодов на единое продолжаемое преступление, а осуждение по ложным сведениям о ВС РФ (ст. 207 УК) признал законным и обоснованным. Суд установил, что адвокат Дмитрий Талантов разместил пять постов в социальных сетях, в которых выражал резкое мнение и давал оценку происходящего в зоне конфликта на Украине. Во время следствия адвокат Дмитрий Талантов настаивал на том, что не писал ничего негативного о российской армии, а лишь «фиксировал события», в том числе цитировал выступление президента Украины Владимира Зеленского в ООН и настаивал на том, что его публикации являются отражением тех «гуманистических ценностей», которые он исповедует [31].

24 декабря 2025 г. была опубликована информация о том, что статус адвоката Дмитрия Талантова прекращен по решению адвокатской палаты по представлению начальника Управления Минюста России по Удмуртской Республике. Основанием стало вступление в законную силу приговора Завьяловского районного суда Удмуртской Республики от 28 ноября 2024 г.

В связи с прекращением статуса адвоката также досрочно прекращены полномочия Дмитрия Талантова как члена Совета адвокатской палаты [32].

В настоящее время адвокат Дмитрий Талантов содержится в исправительной колонии № 13 ГУФСИН по Свердловской области [33]. Обжалование его незаконного приговора продолжается.

Специальный докладчик ООН по ситуации с правами человека в Российской Федерации Мариана Кацарова обращалась к правительству Российской Федерации с заявлением о необходимости освобождения Дмитрия Талантова, однако данное заявление было проигнорировано [34].

1.1.4. 10 сентября 2025 г. опубликовано сообщение о том, что содержащийся под стражей по уголовному делу адвокат Алексей Липцер не сможет посетить похороны своей матери – известного адвоката Елены Липцер, скончавшейся после длительной болезни [35], поскольку Владимирский областной суд отказал в удовлетворении соответствующего ходатайства [36].

22 сентября 2025 г. опубликована информация о том, что ранее вынесенный обвинительный приговор с назначением наказания в виде лишения свободы в отношении адвокатов Вадима Коб-

зева*, Алексея Липцера* и Игоря Сергунина* Владимирским областным судом, рассматривавшим дело в апелляционном порядке, был оставлен без изменения в части признания адвокатов виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282.1 УК РФ («Участие в экстремистском сообществе») и в части ранее назначенного наказания в виде лишения свободы. Вследствие этого приговор вступил в законную силу, а адвокаты были направлены для отбытия назначенного наказания [37] в виде лишения свободы. По приговору Петушинского районного суда Владимирской области Вадим Кобзев ранее был приговорен к 5 годам 6 месяцам лишения свободы, Алексей Липцер – срок наказания 5 лет лишения свободы; Игорь Сергунин, единственный адвокат, признавший вину, – 3 года 6 месяцев лишения свободы [38]. 13 января 2026 г. появилась информация о том, что адвоката Алексея Липцера больше месяца этапируют по Сибири несмотря на тяжелое состояние здоровья. За это время он побывал в шести пересыльных тюрьмах [39].

Специальный докладчик ООН по ситуации с правами человека в Российской Федерации Мариана Кацарова обращалась к правительству Российской Федерации с заявлением о необходимости освобождения преследуемых адвокатов, как в личном качестве [40], так и совместно с другими мандатами [41], однако данные заявления были оставлены без ответа.

1.1.5. 25 сентября 2025 г. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения обвинительный приговор и апелляционное постановление в отношении адвоката из Краснодарского края Натальи Федоренко, признанной виновной в нарушении неприкосновенности частной жизни судьи (ч. 1 ст. 137 УК РФ) при заявлении ходатайства о его отводе. Защитники адвоката подчеркивают, что суды трех инстанций проигнорировали не просто «мнение» адвокатского сообщества, а документально оформленную процессуальную позицию защиты и нарушили принцип состязательности: налицо вынесение незаконного приговора с последующим игнорированием фундаментальных нарушений судами апелляционной и кассационной инстанций, а также нарушение права адвоката на осуществление своей деятельности в интересах доверителя, а также отмечают, что фундаментальные пороки на стадии возбуждения дела, его рассмотрение неуполномоченным судьей и игнорирование ключевых доводов защиты при постановлении приговора в совокупности привели к нарушению судами основных принципов уголовного судопроизводства [42].

1.1.6. 8 октября 2025 г. опубликована информация о том, что Туймазинский межрайонный следственный отдел завершил расследование уголовного дела в отношении адвоката (фамилия и имя адвоката не называются), обвиняемой в нарушении неприкосновенности частной жизни (ч. 1 ст. 137 УК РФ). По версии обвинения, с ноября 2024 г. по январь 2025 г. адвокат защищала свою клиентку в мировом суде по делу о побоях. Для опровержения доводов потерпевшей о проблемах со здоровьем после инцидента адвокат получила доступ к ее медицинским документам, сделала копии этих документов и представила их в суд, где в ходе заседания публично огласила конфиденциальные данные [43].

1.1.7. 22 октября 2025 г. стало известно о том, что Индустриальный районный суд г. Ижевска рассмотрел ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении адвоката, бывшего заместителя прокурора Балезинского района Удмуртской Республики [44], Владислава Радченко, обвиняемого по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ (участие в деятельности террористической организации).

По версии следствия, обвиняемый в 2025 году оказывал содействие запрещенной в Российской Федерации террористической организации путем предоставления интересующей информации о деятельности правоохранительных органов и Министерства обороны РФ на территории Удмуртской Республики. Как полагает следствие, Владислав Радченко, являясь действующим членом адвокатской палаты УР, инициативно установил контакт с террористами и передал им значимые для обороноспособности России сведения о деятельности правоохранительных органов и оборонного ведомства на территории региона. Мотивом его поступка, по данным следствия, послужило негативное отношение к проведению спецоперации и политическому руководству РФ. Отмечается, что обвиняемый неоднократно высказывался в поддержку вооруженных формирований и политики действующей власти Украины [45]. Объявлено, что деятельность выявлена и пресечена УФСБ России по Удмуртской Республике, а уголовное дело расследуют сотрудники Следственного управления Следственного Комитета России по Удмуртской Республике. Обвиняемый и его защитник возражали против удовлетворения ходатайства следователя, просили избрать меру пресечения, не связанную с изоляцией от общества. Суд избрал меру пресечения в виде заключения под стражу до 18 ноября

2025 г. [46].

В настоящее время расследование уголовного дела продолжается, адвокат содержится под стражей.

1.1.8. 27 октября 2025 г. опубликована новость о том, что в г. Казани против адвоката Инны Барлевой судом рассматривается уголовное дело по ее обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 137 УК РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни») и ч. 1 ст. 294 УК РФ («Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования»).

Дело было возбуждено после того, как адвокат добилась оправдания своего подзащитного Ибрагима Закиева по делу о двойном убийстве двадцатилетней давности, где обвинение, по ее словам, строилось в основном на показаниях двух свидетелей. По версии следствия, Барлева и журналист Искандер Сиразиев пытались повлиять на присяжных и раскрыли личные данные свидетелей через публичное видеообращение к прокурору Татарстана. Сама Барлева настаивает, что использовала только сведения, уже оглашенные в открытом судебном заседании и содержащиеся в материалах дела, а потому считает преследование местью за успешную защиту и оправдательный вердикт [47]. Отдельный конфликт возник вокруг попытки допросить ее как свидетеля без судебного решения: после отказа давать показания без соблюдения гарантий адвокатской тайны ее принудительно доставили к следователю, а затем, после жалобы в ФПА, против нее возбудили новое дело уже по статье о воспрепятствовании правосудию. Эта история вызвала заметный резонанс в адвокатском сообществе Татарстана, поскольку ставит вопрос о допустимых пределах уголовного преследования адвоката за действия, которые сама защита считает частью обычного исполнения профессиональных обязанностей. [48]

Из-за общественного резонанса и относительной безопасности для функционеров из ФПА и адвокатских палат данного, представители комиссии по защите профессиональных прав адвокатов ФПА обратили внимание на факт преследования адвоката Инны Барлевой и заявили, что после ознакомления с материалами дела Комиссия пришла к выводу об отсутствии в действиях адвоката состава преступления [49]. Однако адвокат была признана виновной и ей было назначено наказание в виде штрафа в сумме 200 000 рублей (примерно 2600 долларов США или 2300 Евро) [315].

1.1.9. 19 ноября 2025 г. опубликована информация о том, что Апелляционный военный суд оставил в силе приговор Владиславу Завгороднему, адвокату из Калининградской области. Его признали виновным в публичных призывах к терроризму за комментарий про украинский дрон. 13 августа Балтийский флотский военный суд признал 29-летнего адвоката виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.2 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, совершенные с использованием сети Интернет»). Завгородний был осужден к штрафу в размере 390 000 рублей (эквивалентно 4350 евро или 5140 долларов США) и к ограничению права администрирования интернет-ресурсов сроком на два года.

Суд отказался удовлетворить апелляционное представление прокуратуры, которая требовала ужесточения наказания и назначения реального срока лишения свободы. Прокурор счел назначенное наказание чрезмерно мягким и запросил 5 лет 6 месяцев лишения свободы с дополнительным двухлетним ограничением. В качестве отягчающего обстоятельства он просил признать тот факт, что преступление было совершено в период объявленной мобилизации. Завгородний заявил, что считает приговор суда первой инстанции справедливым и просил оставить его без изменения [50].

1.1.10. 26 ноября 2025 г. стало известно о том, что Следственный комитет Российской Федерации возбудил уголовное дело по статье о разглашении государственной тайны (ст. 283 УК РФ) в отношении адвокатов Ивана Павлова* и Евгения Смирнова, а Басманный районный суд г. Москвы по ходатайству следователей заочно санкционировал заключение адвокатов под стражу [51]. Следствие связывает новое обвинение с делом бывшего руководителя «Интер РАО» Карины Цуркан. Павлов* и Смирнов были ее защитниками.

В 2020 году Цуркан была осуждена к наказанию в виде 15 лет лишения свободы по обвинению в шпионаже в пользу Молдовы. По версии следствия, во время работы с материалами, содержащими гриф секретности, адвокаты «совместно и согласованно» допустили их утечку – а именно передали часть документов лингвисту-эксперту. Павлов* отвергает предъявленные претензии. Он заявил, что действительно направлял специалисту некоторые материалы, но все данные, которые могли быть отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну, он заранее удалил. По словам адвоката, и в приговоре Цуркан указано, что эксперту были переданы исключительно незасекреченные фрагменты. Для адвоката Ивана Павлова* это не первое уголовное дело: в 2021 году

его обвинили в разглашении данных предварительного следствия (ст. 310 УК РФ) в рамках расследования государственной измены, фигурантом которого был бывший журналист «Коммерсанта» Иван Сафронов. После начала преследования адвокат уехал из России [52].

1.1.11. 11 декабря 2025 г. опубликована информация о том, что в г. Челябинске возбудили уголовное дело о разглашении государственной тайны в отношении адвоката Игоря Морозова [53]. Сотрудники Следственного комитета сообщили, что возбудили уголовное дело в отношении 57-летнего адвоката, состоящего в региональной адвокатской палате. По версии следствия, он раскрыл сведения из административного дела, которые содержали государственную тайну, сообщила пресс-служба ведомства. По версии следствия, адвокат Игорь Морозов представлял в суде интересы иностранного гражданина, пытавшегося оспорить аннулирование своего вида на жительство в России. Весной и летом текущего года адвокат получил доступ к материалам дела, включая письмо, содержащие секретные сведения. Следствие полагает, что эти данные были переданы Морозовым третьим лицам. В отношении него возбуждено дело по ч. 1 ст. 283 УК РФ («Разглашение государственной тайны»), максимальная санкция которой – до четырех лет лишения свободы [54].

1.1.12. 12 декабря 2025 г. была опубликована информация [55] о том, что Московский городской суд вынес заочный приговор прокурору и судьям Международного уголовного суда. Прокурор МУС Карим Хан приговорен к 15 годам. Председатель суда Томоко Аканэ, бывший председатель Петр Хофманьский, замглавы суда Рене Алапини-Гансу, судьи Росарио Айтала, Серхио Годинес, Хайкель Бен Махфуд, Карранса Ибаньес, Бертрам Шмитт также были осуждены к различным срокам наказания в виде лишения свободы. Адвокаты-защитники по назначению отметили, что процесс прошел «на высшем уровне», с соблюдением состязательности сторон и прав подсудимых. Сотрудники МУС были обвинены в незаконных арестах, уголовном преследовании заведомо невиновных и подготовке нападения на лиц, находящихся под международной защитой по ч.2 ст.299, ч.2 ст.301, ч.1 ст.30 и ч.2 ст.360 УК РФ [56].

4 февраля 2026 г. опубликована информация о том, что эксперты ООН по правам человека осудили приговор, вынесенный прокурору и восьми действующим судьям Международного уголовного суда (МУС), назвав его вопиющим нарушением международного права [57].

1.1.13. 16 декабря 2025 г. опубликована информация о том, что в г. Екатеринбурге у правозащитников Алексея Соколова, Ларисы Захаровой и адвоката Романа Качанова проведены обыски и в отношении них возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 284.1 УК РФ (организация деятельности нежелательной организации): Соколов, Захарова и Качанов якобы получали гранты под видом правозащитной деятельности ряда организаций, которые признаны в РФ «нежелательными» [58]. 17 декабря 2025 г. Ленинский районный суд Екатеринбурга избрал адвокату и правозащитнику Роману Качанову меру пресечения в виде заключения под стражу [59]. 12 февраля 2026 г. мера пресечения Роману Качанову изменена на домашний арест [60].

1.1.14. 26 января 2026 г. опубликована информация о том, что в Ростовской области возбуждено уголовное дело в отношении адвоката Романа Попова.

18 декабря 2024 г. в квартире семьи Поповых был проведен обыск в рамках уголовного дела, возбужденного не в отношении адвоката Попова. В ходе обыска были изъяты ноутбуки и другая техника. Адвокатская палата Ростовской области признала, что обыск был проведен с нарушением профессиональных прав адвоката. В январе 2025 г. Ростовский областной суд изменил постановление Волгодонского районного суда от 17 декабря 2024 г., которым было разрешено проведение обыска. В постановлении суд указал на запрет изъятия предметов и документов, не относящихся к расследуемому уголовному делу. Однако, по словам супруги Попова, это решение суда до сих пор не исполнено. 20 мая 2025 г. в отношении Романа Попова было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 137 УК РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни»).

По версии следствия, адвокат осуществил аудиозапись закрытого судебного заседания, состоявшегося 24 октября 2023 г. по делу о продлении срока содержания под стражей С., обвиняемого по ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ (изнасилование и насильственные действия сексуального характера), а затем передал эту запись матери обвиняемого, которая являлась доверителем адвоката. В июне 2025 г. года адвокат был задержан, суд избрал ему меру пресечения в виде запрета определенных действий: запрет на выход из дома в ночное время и выезд за пределы области. Из-за этих мер адвокат не мог полноценно осуществлять свою деятельность, поскольку у него были доверители в других регионах [61].

Адвокат Романа Попова Алексей Акользин заявляет об отсутствии состава преступления: «Во-первых, происходящее в закрытом судебном заседании не может рассматриваться как «тайна» в смысле ст. 137 УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. В заседании участвовали сотрудники конвоя, секретарь суда, свидетели (около 30 человек), которые не давали подписок о неразглашении сведений, ставших им известными в ходе процесса. Во-вторых, по итогам закрытого судебного заседания составляется протокол, в котором фиксируются показания потерпевшей, свидетелей и подсудимого. По результатам рассмотрения дела выносится приговор, где подробно описывается признанное судом доказанным деяние с изложением доказательств, в том числе показаний участников процесса. При этом действующее уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает запретов на ознакомление адвоката с протоколом закрытого судебного заседания, его копирование, а также передачу протокола доверителю или иным лицам. Аналогичных ограничений не содержит ни УПК РФ, ни УК РФ. Также законодательство не запрещает получение приговора, вынесенного по итогам закрытого судебного заседания, и его передачу доверителю или другим лицам. Таким образом, обвинение, в рамках которого Попову вменяется ч. 1 ст. 137 УК РФ в связи с записью закрытого судебного заседания, противоречит требованиям уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ № 46 от 25.12.2018. Возбуждение уголовного дела в отношении Романа Попова, избрание ему меры пресечения в виде домашнего ареста и ее продление до 20.02.2026 являются явно незаконными и неправосудными» [62].

Адвокат Роман Попов считает, что все судьи Волгодонского районного суда заинтересованы в исходе его дела [63]. В связи с тем, что адвокат Роман Попов находится под домашним арестом, он не может осуществлять свою профессиональную деятельность, а его семья находится в сложном материальном положении [64].

4 февраля 2026 г. появилась информация о том, что адвоката Романа Попова, обвиняемого в нарушении неприкосновенности частной жизни, хотят подвергнуть «карательной психиатрии» и что 5 февраля его поместят в стационар для проведения судебно-психиатрической экспертизы [65]. До 24 марта 2026 г. адвокат продолжал находиться под домашним арестом, [66] а затем эта мера пресечения была заменена на подписку о невыезде и надлежащем поведении [67], которая отменена 8 апреля 2026 г. [68].

1.1.15. 30 января 2026 г. состоялись прения по уголовному делу в отношении адвоката Новосибирской области Владимира Бузюргина, обвиняемого по ст. 310 УК РФ в разглашении данных предварительного расследования. Также он выступил с последним словом. Защита Владимира Бузюргина сообщила, что в ходе прений гособвинитель просил назначить подсудимому наказание в виде 400 часов обязательных работ с лишением права заниматься адвокатской деятельностью на один год с освобождением от наказания. В свою очередь, защитники ссылались на отсутствие состава преступления и просили оправдать подсудимого. Владимир Бузюргин говорил об абсурдности предъявленного ему обвинения. По словам адвоката, он ранее уже получал согласие следователя на передачу этой видеозаписи специалисту, но когда дело уже находилось в суде, то он не смог бы получить очередное согласие следователя на разглашение данных в телепередаче, так как следствие было окончено. Подсудимый адвокат также утверждает, что формулировка «сведения» не конкретизирована гособвинением [69].

4 февраля 2026 г. мировой судья судебного участка №7 Дзержинского района Новосибирска признал адвоката Бузюргина виновным в разглашении данных предварительного расследования. Согласно приговору наказание определено в виде штрафа в 50 000 рублей (эквивалентно 557 евро или 657 долларов США) с лишением права заниматься адвокатской деятельностью на срок 1 год. От наказания адвокат освобожден. Приговор суда обжалован в апелляционном порядке [70].

1.1.16. 2 февраля 2026 г. опубликована информация о том, что известного челябинского адвоката Олега Степанова задержали в аэропорту г. Сочи после возвращения в Россию. Ранее Олег Степанов был вынужден покинуть Россию из-за своей профессиональной деятельности и антивоенной позиции. В Сербии он ожидал гуманитарную визу, приостановил адвокатский статус и работал курьером. 13 февраля 2026 г. стало известно, что адвокат Степанов заключен под стражу по делу об участи в «террористической организации» [71]. Расследование уголовного дела продолжается.

1.1.17. 18 февраля 2026 г. стало известно о том, что Октябрьский районный суд г. Мурманска вынес обвинительный приговор адвокату Юрию Першину по делам о подделке документов (п. «б» ч. 4 ст. 327 УК РФ) и нарушении неприкосновенности частной жизни (ч. 1 ст. 137 УК РФ). Суд установил, что в мае 2025 г. адвокат, исполь-

зуя поддельный ордер (документ, оформляемый адвокатским образованием, подтверждающий полномочия адвоката на представление интересов доверителя) [72] с ложными сведениями о представительстве, получил доступ к материалам уголовного дела. Целью действий был сбор персональных данных третьего лица в интересах знакомого за вознаграждение в 10 тысяч рублей. Першину назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года, штраф в размере 100 тысяч рублей (эквивалент 1115 евро or 1314 долларов США) и трехлетний запрет на осуществление адвокатской деятельности. На суде адвокат вину не признал [73].

1.1.18. 21 февраля 2026 г. опубликована информация о том, что Гагаринский районный суд г. Москвы заочно признал адвоката Николая Полозова [74]*** виновным по статье о распространении «фейков об армии» (ст. 207.3 УК РФ), о чем сообщила пресс-служба судов общей юрисдикции [75]. Суд назначил ему наказание в виде 8 лет 6 месяцев лишения свободы в исправительной колонии общего режима и дополнительно запретил в течение четырех лет заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов. Процесс проходил в заочном порядке – адвокат в заседаниях не участвовал, он проживает за границей. Еще в декабре 2024 г. стало известно о том, что Николай Полозов*** включен в реестр «иностранных агентов». В июле 2025 г. стало известно, что МВД объявило адвоката в розыск, а в октябре 2025 г. Росфинмониторинг внес Полозова*** в перечень «экстремистов и террористов». В январе 2025 г. Тверской районный суд г. Москвы оштрафовал Полозова*** на основании статьи о «дискредитации российской армии». Поводом стали его высказывания в интервью на «YouTube» в 2022 году. А в июне 2025 г. адвоката вновь оштрафовали – на этот раз за отсутствие маркировки «иноагента» в постах, размещенных в телеграм-канале [76].

1.1.19. 29 января 2026 г. была опубликована информация о том, что Замоскворецкий районный суд г. Москвы заочно избрал меру пресечения в виде заключения под стражу адвокату Дмитрию Проводину, и стало известно о том, что он обвиняется в мошенничестве в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ). По версии ГСУ СК РФ по Москве, он причастен к хищению имущества компании «Энигма». Сам адвокат утверждает, что ни он, ни его защитники не были уведомлены о судебном заседании по вопросу меры пресечения. Он связывает уголовное преследование со своей профессиональной деятельностью и защитой клиентов в спорах с участием влиятельных лиц, обладающих административным ресурсом. По его мнению, конфликт носит исключительно гражданско-правовой характер. При этом адвокат отмечает, что его правовая позиция по данным спорам ранее неоднократно поддерживалась судами, включая Верховный Суд РФ [77].

1.1.20. В феврале 2026 г. стало известно о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката АП Приморского края Руслана Омельченко. В настоящее время он обвиняется по ч. 1 ст. 318 УК РФ в применении насилия к сотруднице полиции Марии Ананченко после инцидента 12 декабря 2025 г. в СИЗО-1 Владивостока, однако свою вину он не признал. По версии следствия, конфликт возник из-за очереди, и адвокат якобы применил физическое воздействие, тогда как защита утверждает, что имели место лишь ответные движения без умысла причинить вред. Суд отказал в заключении под стражу и избрал меру пресечения в виде домашнего ареста, указав на недоказанность рисков давления на свидетелей или воспрепятствования следствию. Президент АП Приморского края Александр Илькун обратился к прокурору региона, заявив о сомнениях в законности возбуждения дела, отсутствии доказательств умысла и невозможности для адвоката идентифицировать оппонента как представителя власти. Сам Омельченко и его защитники настаивают, что преследование связано с исполнением им профессиональных обязанностей и представляет угрозу независимости адвокатской деятельности [78].

1.1.21. Уголовное преследование адвокатов за профессиональную или общественную деятельность приобрело системный и массовый характер. Основными траекториями преследования становятся криминализация политической и общественной позиции адвокатов и криминализация процессуальных инструментов судебной защиты. Как правило, преследование инициируется по надуманным основаниям и напрямую связано с их работой по защите доверителей. Следственные органы используют расширительное толкование норм об экстремизме, терроризме и государственной измене для преследования и стигматизации адвокатов, осуществляющих защиту лиц, признанных оппонентами государственной власти. Статьи 310 и 137 УК РФ превратились в институциональный инструмент блокирования защитника. Следственная тайна и тайна личной жизни используются как предлог для наказания адвокатов за осуществление их профессиональной деятельности. Следствие применяет

жесткие меры пресечения, включая длительное содержание под стражей, даже при наличии тяжелых заболеваний, игнорируя требования гуманности и международного права. Наблюдается тенденция к ужесточению обвинения в ходе расследования, что служит инструментом давления на адвоката с целью склонения к даче показаний против коллег. Адвокаты сталкиваются с препятствиями в доступе к материалам дела, которые скрываются под грифом секретности, что лишает их возможности эффективно защищать доверителей и самих себя. В ряде случаев адвокаты подвергаются бесчеловечному обращению и пыткам в следственных изоляторах, а медицинская помощь им либо не оказывается, либо оказывается ненадлежащим образом. Суды и следствие игнорируют медицинские противопоказания, нарушают право на конфиденциальное общение, а адвокатские палаты приостанавливают им статус адвоката без законных оснований. Уголовное преследование, судя по всему, стало основным методом нейтрализации неугодных адвокатов. Приведенные факты свидетельствуют о систематическом нарушении принципа запрета на отождествление защитника с доверителем. При этом наблюдается удручающая пассивность органов адвокатского самоуправления, потворствующих следственному произволу путем незаконного приостановления статуса преследуемых коллег.

1.2. Включение адвокатов и их объединений в проскрипционные списки

1.2.1. 29 августа 2025 г. опубликована информация о признании «иностранным агентом» известного российского адвоката Бориса Кузнецова*. Уголовное дело Бориса Кузнецова* – одно из первых в новейшей истории адвокатуры России преследований адвоката за профессиональную деятельность, которое продолжается до сих пор. В 2007 году Борис Кузнецов* в результате преследования вынужденно покинул Российскую Федерацию, а позже – добровольно прекратил статус адвоката в России в знак протеста против действий ФПА [79]. В ответ на признание «иностранным агентом» и необоснованные отказы в удовлетворении ходатайств [80] Борис Кузнецов* предъявил в Московский городской суд административный иск к Российской Федерации с требованием взыскать 21 миллион долларов в связи с нарушением права на уголовное судопроизводство в разумные сроки и препятствиями в доступе к правосудию. В своем иске Борис Кузнецов* утверждает, что уголовное дело против него (ч.1 ст. 283 УК РФ – «Разглашение государственной тайны») было возбуждено незаконно и расследовалось более 18 лет с многочисленными нарушениями закона. Помимо финансовой компенсации, истец требует предоставить материалы уголовного дела и вынести частные определения в адрес Генеральной прокуратуры, Следственного комитета РФ и Президента страны, указывая на многочисленные нарушения Конституции, национального законодательства и международного права [81].

1.2.2. 26 сентября 2025 г. опубликована новость о включении в список «иностранных агентов» адвоката Дмитрия Захватова* [82], защищавшего участниц «панк-молебна» в Храме Христа Спасителя, защитника бывшей сотрудницы «Первого канала» Марины Овсянниковой*, заочно приговоренной в 2023 году за фейки о ВС РФ. Ранее сообщалось, что против адвоката Дмитрия Захватова* возбуждено уголовное дело по статьям 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности) и 280.4 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства»), и он объявлен в розыск [83].

1.2.3. В деловой оборот вошли угрозы включения адвокатов и юристов, занимающихся правозащитной деятельностью, в проскрипционные списки, а также распространение государственными органами сообщений о якобы включении их в такие списки [84].

1.2.4. 3 апреля 2026 г. объявлено о том, что «Международная комиссия юристов»** признана в России нежелательной организацией [85]. Решение Министерства Юстиции о включении в соответствующий реестр было датировано 1 апреля, а опубликовано 2 апреля [86].

1.2.5. 15 мая 2026 г. в СМИ была опубликована информация об объявлении нежелательной организацией ассоциации «Международная ассоциация российских адвокатов»**, созданной в 2024 г. в г. Страсбурге (Франция) [87].

1.2.6. Включение адвокатов в проскрипционные списки, в том числе в перечень «иностранных агентов», является продолжением их преследования за профессиональную деятельность и используется как инструмент стигматизации и дискредитации, активно применяемый даже в отношении тех, кто уже покинул страну или прекратил статус адвоката, а также служит дополнительным инструментом ограничения профессиональной деятельности. Приведенные примеры показывают, что статус «иноагента» применяется к адвокатам, защищавшим участников резонансных дел или лицам, имевшим ярко выраженную политическую или общественную позицию. Эта мера, носящая репрессивный характер, приво-

дит к объявлению в розыск, блокировке счетов и дальнейшему уголовному преследованию. Данная практика создает дополнительные административные барьеры и препятствует правозащитной деятельности, формируя образ адвоката как «внешней угрозы». Признание «иноагентом» часто предшествует возбуждению уголовных дел по тяжким статьям, таким как содействие терроризму, что указывает на заранее спланированную репрессивную кампанию. Такие действия грубо нарушают право адвоката на свободу выражения мнения и право доверителя на свободный выбор защитника. Статус нежелательных организаций запрещает гражданам России любые контакты с такими организациями под угрозой административной и уголовной ответственности, что может стать основанием для преследования адвокатов в будущем. Включение объединений адвокатов в список нежелательных организаций подрывает право адвокатов на объединение.

1.3. Обыски и оперативно-розыскные мероприятия в отношении адвокатов

1.3.1. 24 сентября 2025 г. в отношении адвоката АП Краснодарского края Тиграна Адамяна были допущены грубые нарушения профессиональных прав. В его жилом помещении был произведен обыск без соответствующего судебного постановления. Несмотря на то, что представитель Адвокатской палаты официально уведомил следователя о недопустимости подобных действий без санкции суда, следственное мероприятие не было прекращено, а следователь обосновал продолжение обыска «неотложным характером», проигнорировав возражения [88].

1.3.2. 6 октября 2025 г. стало известно о том, что Адвокатская палата города Москвы обратилась к Председателю Следственного комитета РФ в связи с незаконным вторжением сотрудников правоохранительных органов в офис адвоката и изъятием адвокатского досье. Сотрудники правоохранительных органов вынудили стажера адвоката Анны Коваленко, Екатерину Шарову, открыть офис адвоката без ее ведома и накануне финального судебного заседания арбитражного суда изъяли из него оригиналы документов, необходимые адвокату для предъявления в суд. После этого они доставили стажера Шарову в ГСУ СК России по г. Москве, где ночью допрашивали об обстоятельствах рассматриваемого в арбитражном суде дела, отпустив лишь в 4 часа утра.

Как отмечается в заявлении, подписанном Президентом палаты Сергеем Зубковым, целенаправленное изъятие накануне судебного заседания материалов, необходимых адвокату для ведения дела, осуществленное с явными и грубыми нарушениями закона, с высокой вероятностью указывает на возможную заинтересованность причастных лиц в непоступлении данных документов в суд в целях препятствования принятию судом законного и обоснованного решения. Адвокатская палата Москвы также указала на то, что действия сотрудников правоохранительных органов грубо нарушают правила проведения процессуальных действий в отношении адвокатов. В действиях оперативников «могут усматриваться признаки уголовно наказуемого превышения должностных полномочий, похищения человека, а также возможные коррупционные проявления». В связи с этим Президент Адвокатской палаты города Москвы просил Председателя СКР провести под его личным контролем проверку фактов, изложенных в обращении адвоката Анны Коваленко, и по результатам проверки решить вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении виновных сотрудников.

Председатель Комиссии Совета Адвокатской палаты города Москвы по защите прав адвокатов Александр Иванов отметил, что «это уже не первый случай, когда действия сотрудников правоохранительных органов, в частности – ГСУ СК по Москве, в отношении адвокатов носят сомнительный характер». «Данную ситуацию я бы отметил особо как совершенно вопиющую. Мы рассчитываем на своевременную реакцию центрального аппарата Следственного комитета и пресечение недопустимого произвола со стороны правоохранительных органов», – добавил адвокат Александр Иванов [89]. О принятых по заявлению мерах до настоящего времени не известно.

1.3.3. 11 декабря 2025 г. была опубликована информация о том, что в офисах крымских адвокатов и правозащитников Эдема Семедляева*, Эмиля Курбединова*, Назима Шейхмамбетова*, Эльвины Семедляевой*, Рустема Кямилева* и Лили Гемеджи* сотрудниками Центра «Э» МВД под видом «обследования помещений» был проведен обыск и изъяты документы, составляющие адвокатскую тайну [90].

Совершенные представителями суда и полиции действия нарушили гарантии независимости адвокатуры и препятствуют оказанию квалифицированной юридической помощи гражданам. Преследование защитников – это посягательство не только на их личные права, но и на фундаментальные принципы правосудия и верховенства права. Ключевым нарушением было проведение обысков у лиц, оказывающих юридическую помощь по политически чувствительным делам, что

само по себе создавало угрозу адвокатской тайне и конфиденциальности общения с доверителями. Особую проблему представляет изъятие техники, документов и иных носителей информации, поскольку такие действия могли открыть доступ к сведениям, связанным с защитой других доверителей, не имеющих отношения к предмету проверки. В этом усматривается нарушение принципа соразмерности: вместо точечного получения конкретных данных применялось широкое вмешательство в профессиональную деятельность защитников. Кроме того, сам характер силовых действий, направленных против представителей юридической профессии несовместим с международными стандартами независимости адвокатуры и запретом вмешательства государства в осуществление защиты [91].

1.3.4. Обыски и оперативно-розыскные мероприятия в отношении адвокатов проводятся с грубейшими нарушениями профессиональных прав и адвокатской тайны. Факты в Краснодаре, Москве и Крыму подтверждают практику изъятия досье и техники без надлежащим образом обоснованных судебных постановлений, либо вообще в их отсутствие. Правоохранительные органы систематически нарушают процедурные гарантии адвокатов, проводя обыски в их жилых и рабочих помещениях без надлежащих судебных решений, ссылаясь на «неотложный характер» для оправдания грубых нарушений закона. Изъятие адвокатских досье и документов, составляющих адвокатскую тайну, происходит накануне судебных заседаний, что свидетельствует о цели воспрепятствовать правосудию. Силовые действия против адвокатов и юристов, сопровождаются изъятием техники и личных вещей, что подрывает конфиденциальность общения с доверителями.

Конституционный Суд Российской Федерации (в частности, Постановление от 17 декабря 2015 года № 33-П [92]) прямо и недвусмысленно указал, что обыск у адвоката возможен исключительно на основании предварительного судебного решения, в котором должны быть конкретизированы отыскиваемые предметы, а изъятие адвокатских досье по делам других доверителей категорически запрещено. Игнорирование правоохранительными органами данных императивных конституционных норм свидетельствует не просто о «перегибах на местах», а о коллапсе механизма судебного контроля над следствием.

Адвокатские палаты нередко лишь констатируют факты нарушений, не добиваясь реального наказания виновных и возврата незаконно изъятого имущества. Это создает атмосферу тотального контроля и запугивания и свидетельствует об институциональной беспомощности корпоративных органов адвокатуры как механизма защиты профессиональных прав.

1.4. Воспрепятствование в конфиденциальном общении с доверителем или участии в процессуальных действиях

1.4.1. 21 августа 2025 г. в Исправительной колонии № 3 Ульяновской области заключенного Сергея Левушкина пытали после подачи адвокатом ходатайства о замене наказания, а его адвокату Елене Стуловой не разрешили встретиться с ним наедине в конфиденциальной обстановке для оказания квалифицированной юридической помощи [93].

1.4.2. 25 августа 2025 г. адвокат художника Павла Крисевича* Оскар Черджиев не смог увидеть своего подзащитного в полиции в г. Мытищи Московской области, поскольку его отказались вывести к защитнику и не назвали причину составления протокола о неповиновении полиции. [94]

1.4.3. 6 сентября 2025 г. опубликована информация о том, что Ф. как адвокат – защитник по уголовному делу незаконно не был допущен судьей Всеволожского городского суда Ленинградской области к участию в процессе по уголовному делу. Ранее дело возвращалось прокурору, но после отмены данного постановления поступило на рассмотрение к другому судье, который мотивировал отстранение адвоката отсутствием нового ордера, проигнорировав тот факт, что надлежащим образом оформленный документ уже имелся в материалах дела и сохранял свою юридическую силу. Комиссия по защите профессиональных прав адвокатов Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга пришла к выводу, что требования судьи не основаны на нормах УПК, а отказ в признании полномочий защитника является нарушением профессиональных прав адвоката [95].

1.4.4. 29 сентября 2025 г. стало известно о нарушении права адвоката У. в Калининградской области. Адвокат У. на основании соглашения с М. прибыл в участковый пункт полиции Ленинский отдела полиции №2 УМВД России по г. Калининграду, где находились трое сотрудников и участковый инспектор Т. При общении с Т. адвокат передал ей служебное удостоверение адвоката и попросил сообщить статус доверителя для заполнения ордера. Т. отказалась сообщать статус и посоветовала узнать его у М. Затем участковый инспектор заявила, что удостоверение адвоката поддельное, так как в нем не указан «срок действия» и она сомневается в статусе адвоката.

Ей было предложено проверить Единый государственный реестр адвокатов России или позвонить в Адвокатскую палату Калининградской области, в ответ на это участковый инспектор Т. сообщила, что для ознакомления с материалами дела ей нужна нотариальная доверенность от М. и его заявление, которое нужно подать в ОМВД России по Московскому району г. Калининграда. Адвокат объяснил, что по закону для представления интересов доверителя достаточно удостоверения и ордера адвоката, и в случае отказа он будет вынужден обратиться с жалобой на ее действия в прокуратуру. После этих слов Т. взяла свой мобильный телефон и стала снимать его на видеокамеру, при этом комментировала в микрофон, что ей угрожают, затем потребовала от присутствующих сотрудников полиции написать рапорты. После этого Т. стала требовать у адвоката паспорт и служебное удостоверение, после чего заперла входную дверь и вызвала наряд полиции. После приезда наряда полиции У. вывели из участкового пункта и на патрульном автомобиле доставили в ОМВД по Московскому району г. Калининграда, где через непродолжительное время сообщили, что он свободен и может идти. Никаких документов при этом составлено не было, и он покинул отдел полиции.

Совет адвокатской палаты Калининградской области рассмотрев ситуацию, указал, что заявление участкового инспектора о поддельности удостоверения адвоката в связи с отсутствием «срока действия» незаконно, а удостоверение У. действительно до 2037 года, а также обратил внимание на то, что оснований для принудительного сопровождения адвоката У. сотрудниками полиции, которых вызвала участковый инспектор Т., в районный отдел полиции не имелось. В связи с изложенным, Совет палаты пришел к выводу о необходимости направления Заключения в защиту профессиональных прав адвоката У. для принятия соответствующих мер начальнику УМВД России по Калининградской области [96]. Однако о каких-либо принятых мерах до настоящего времени не известно.

1.4.5. 21 октября 2025 г. опубликована информация о том, что адвокату Ш. не были обеспечены условия для конфиденциального общения с доверителем в исправительной колонии: его встреча проходила посредством общения через стеклянную перегородку в помещении рядом с КПП и кабинетом охраны, предназначенном для краткосрочных свиданий с родственниками. Помещение состояло из коридора, по которому постоянно перемещались сотрудники колонии, изолированной запираемой части, в которой находятся заключенные за стеклянной перегородкой, а также примерно через метр от этого стекла другой стеклянной перегородки для прибывших на свидание. В ответ УФСИН сообщило о том, что свидания должны проходить с учетом требований постановления главного государственного санитарного врача в кабинах для проведения краткосрочных свиданий с разграничительным стеклом, оборудованных двумя телефонными трубками и работающих по принципу «точка – точка». Перемещение сотрудников мимо адвоката якобы не создает препятствий для конфиденциального общения. Однако впоследствии выяснилось, что вышеуказанное постановление главного санитарного врача отменено [97].

1.4.6. 24 октября 2025 г. опубликована информация о том, что адвоката Романа Морозова в г. Калининграде не допускают в ИВС на свидание с подзащитным, требуя предоставить ордер, при том, что накануне конвой отказал суду в предоставлении конфиденциального свидания с подзащитным. Суд при этом прямо указал, что конвоиры должны покинуть помещение во время ознакомления с материалами и конфиденциального общения. Адвокат отметил, что конвоир открыто признался, что слушает их разговор, чтобы убедиться, что они не обсуждают возможное бегство [98].

1.4.7. 30 декабря 2025 г адвокат Калой Ахильгов опубликовал выдержку из постановления следователя, которым его коллеге из адвокатского бюро «KALOY.RU» было отказано во вступлении в дело. Причина отказа – название адвокатского бюро. Следователь указал, что «создается впечатление коммерческой юридической фирмы с иностранным наименованием», что якобы нарушает требования адвокатской этики о рекламе. В качестве аргумента также упомянуто совпадение с названием телеграм-канала [99].

1.4.8. 19 января 2025 г. опубликована информация о том, что адвокату Наталии Тихоновой начальник СИЗО № 3 ГУФСИН по г. Москве отказал в свидании с подзащитным, поскольку, по его словам, удостоверение адвоката не дает ей такого права [100].

1.4.9. 6 февраля 2026 г. появились сообщения о том, что в Верхнеуральской тюрьме в Челябинской области имеются проблемы с допуском адвокатов к заключенным, особенно – к гражданам Украины [101].

1.4.10. 6 февраля 2026 г. адвокат Сайхан Джамалдинов рассказал об инциденте, произошедшем в одном из СИЗО, куда он пришел для встре-

чи с доверителем. Адвокат является инвалидом по слуху и носит слуховой аппарат. За все 16 лет работы, как отмечает адвокат, он ни разу не сталкивался с проблемами при проходе в СИЗО. Однако недавно сотрудники московского следственного изолятора указали ему на слуховой аппарат как на «электронное устройство» и попытались заставить сдать его в камеру хранения. Джамалдинов показал сотрудникам справку об инвалидности, аудиограммы и медицинские заключения, подтверждающие, что для работы ему необходим слуховой аппарат. Несмотря на все предоставленные документы, его не пустили в СИЗО. Сотрудники начали согласовывать его проход: дежурная часть позвонила оперативному сотруднику, который распорядился ждать его прихода для вынесения окончательного решения – пускать или нет. В итоге адвоката все же впустили, однако, как говорит адвокат, этот случай стал для него сигналом системной уязвимости [102].

1.4.11. 25 февраля 2026 г. стало известно о том, что адвоката Оскара Черджиева не допустили к его подзащитной Таисии Курбаналиевой, задержанной на Пушкинской площади с антивоенным плакатом и находящейся в отделе полиции по Тверскому району Москвы. Причины недопуска адвоката сотрудниками полиции не разъяснены [103]. В этот же день у памятника Лесе Украинке были задержаны как минимум 3 человека за возложение цветов к памятнику, а адвокат Тихонова была не допущена к одному из задержанных [104].

1.4.12. 15 марта 2026 г. опубликована информация о факте воспрепятствования адвокатской деятельности и нарушении профессиональных прав адвоката со стороны должностных лиц отдела полиции п. Калинино Управления МВД России по г. Краснодару. Адвокат Алексей Иванов, столкнувшийся с недопуском к подзащитному, подчеркнул, что защита профессиональных прав адвоката неразрывно связана с защитой прав доверителя: они не могут существовать в отрыве друг от друга [105].

1.4.13. 9 апреля 2026 г. обнародована информация о том, что адвокат Леонид Соловьев не был допущен Верховным Судом Российской Федерации к участию в процессе по делу о признании «международного движения «Мемориал»»**** экстремистской организацией и был удален из зала судебного заседания [106], несмотря на то, что к процессу было приковано внимание международных экспертов и наблюдателей. В связи с этим делом Специальными докладчиками ООН сделано заявление [107].

1.4.14. 9 апреля 2026 г. обнародована информация о том, что адвокаты Калой Ахильгов и Катерина Тертухина не были допущены к участию в следственных действиях (обыске), проведенном в редакции «Новой газеты»* [108]

1.4.15. При этом власти начинают работу над организацией свиданий адвокатов с заключенными под стражу подзащитными с применением дистанционных технологий, не вызывающих уверенности в сохранности адвокатской тайны [109].

1.4.16. Воспрепятствование конфиденциальному общению адвоката с доверителями стало повседневной практикой в СИЗО, ИВС и полиции. Адвокатам систематически отказывают в доступе к подзащитным, требуя предоставления документов, не предусмотренных законом, либо незаконно препятствуя свиданиям. Суды и администрация колоний игнорируют прямые указания вышестоящих инстанций о конфиденциальности. Более того, выявляются случаи, когда суды указывают, что следователь вправе своим письмом заблокировать доступ адвоката к своему подзащитному в следственном изоляторе [110]. Это лишает доверителей реальной квалифицированной юридической помощи и возможностей осуществлять свою защиту, а адвокатов – возможности эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность. Сотрудники правоохранительных органов и конвоя отказываются обеспечивать конфиденциальность встреч, прослушивая разговоры или отказываясь покидать помещение, что грубо нарушает право на защиту. Отказы в допуске к доверителям и к участию в следственных действиях зачастую не документируются, что затрудняет возможность адвокатов их обжаловать, а также способствует нарушению права граждан на квалифицированную юридическую помощь. Принятые по данным фактам меры остаются формальными: адвокаты и адвокатские палаты фиксируют нарушения и направляют заключения в органы власти, однако сведений о привлечении виновных сотрудников к ответственности в подавляющем большинстве случаев нет.

1.5. Иное преследование адвокатов по инициативе государственных органов

1.5.1. Межрегиональная общественная организация адвокатов и юристов «Инициатива 2018» еще в 2023 г., до принятия в 2024 году антиадвокатского законопроекта, вводившего, среди прочего [111], возможность прекращения статуса адвоката за выезд или пребывание за границей России, заявляла [112], что этот подход противоречит целому ряду положений российского и международного права.

Во-первых, поправки нарушают Конституцию РФ. Статья 27 гарантирует свободу выезда из страны, а статья 37 – право свободно выбирать род деятельности и распоряжаться своими способностями к труду. Новый закон фактически наказывает адвокатов за реализацию этих прав. Во-вторых, сам закон № 63-ФЗ не предусматривает требование постоянного проживания в России для адвоката. Статья 17 содержит исчерпывающий перечень оснований для прекращения статуса: добровольный отказ, смерть, утрата дееспособности или дисциплинарное нарушение. Проживание за границей к ним не относится. Кроме того, пункт 8 части 2 статьи 2 закона разрешает адвокатам представлять доверителей в иностранных судах и международных органах. А часть 3 статьи 2 подтверждает право оказывать юридическую помощь за рубежом, если это не запрещено другими законами. Следовательно, выезд за границу сам по себе не может служить основанием для наказания. Этот законопроект вызвал множество вопросов относительно возможности соблюдения Российской Федерацией принятых на себя международных обязательств, что было отражено, в частности, в заявлении Специального докладчика ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации и Специального Докладчика ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов [113].

Несмотря на это, закон был принят 22 апреля 2024 г. и начал действовать.

24 сентября 2025 г. опубликована информация о том, что статус адвоката и правозащитника Ольги Гнездиловой прекращен в Адвокатской палате Нижегородской области из-за ее длительного проживания за границей Российской Федерации [114].

14 октября 2025 г. опубликовано сообщение о том, что Министерство юстиции направило в адвокатскую палату г. Москвы представление о прекращении статуса адвокатов Юлия Тая, Дмитрия Проводина и Алексея Басистова. Все они покинули территорию России в 2023 и 2024 годах. Басистов отбыл в Азербайджан, Проводин – в ОАЭ, а Тай – в Турцию. Министерство юстиции настаивает: так как адвокаты находятся за пределами России более года, то к ним применим пп. 7 п. 2 ст. 17 закона от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», регулирующий основания прекращения статуса адвоката [115].

Адвокат Юлий Тай также прокомментировал сообщение о том, что Минюст направил в Адвокатскую палату г. Москвы представление о прекращении его статуса в связи с нахождением за пределами России. Он заявил, что не совершал никаких преступлений и не нарушал закон, а происходящее расценивает как продолжение давления, которому он подвергается из-за профессиональной деятельности [116].

3 ноября 2025 г. опубликована информация о том, что данные о преследованиях адвокатов по запросам государственных органов свидетельствуют о начале кампании преследования адвокатов, выехавших за пределы Российской Федерации [117]. Первым таким случаем, как известно, является прекращение статуса адвоката Ирины Гак в Адвокатской палате Ростовской области, о котором сообщалось 28 июля 2025 г. [118].

Это свидетельствует о том, что после принятия Федерального закона № 83-ФЗ от 22 апреля 2024 г. началась кампания массового преследования адвокатов, длительно находящихся за пределами России. Положение закона, позволяющее это делать, очевидно, противоречит международным обязательствам России по Международному пакту о гражданских и политических правах, Основным принципам ООН о роли юристов, Конституции Российской Федерации и самому смыслу законодательства об адвокатуре и носит дискриминационный, произвольный и репрессивный характер. Еще до принятия закона специальные докладчики ООН предупреждали российские власти о возможном конфликте этой поправки с международными стандартами защиты прав человека. В связи с этим очевидно, что следует предостеречь адвокатские палаты и Федеральную палату адвокатов от практического применения этой нормы, и потребовать от них инициировать ее отмену [119].

19 февраля 2026 г. опубликована информация о том, что Совет Адвокатской палаты г. Москвы прекратил дисциплинарное производство, возбужденное по представлению органа юстиции о прекращении статуса адвокатов Юлия Тая, Дмитрия Проводина и Алексея Басистова в связи с их проживанием за границей. Принимая это решение, Совет подчеркнул, что сам по себе выезд адвокатов за пределы Российской Федерации, в том числе на срок более года и в отсутствие уважительных причин, не является основанием дисциплинарной ответственности адвоката, поскольку такая ответственность может наступить только за неисполнение адвокатом профессиональных обязанностей либо за иные нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также профессиональной этики. Совет напомнил, что дисципли-

нарная ответственность возможна только в случае неисполнения профессиональных обязанностей, нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре или требований профессиональной этики. Сам факт нахождения за границей не может стать основанием для лишения статуса адвоката [120]. Несмотря на правильность этого подхода к решению вопроса о невозможности прекращения статуса адвоката за сам факт выезда или проживания за границей [121], другие адвокатские палаты, судя по имеющейся информации, не сочли возможным внедрять его в свою практику.

1 апреля 2026 года стало известно о том, что Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве обратилось в Хамовнический районный суд города Москвы с административным иском об оспаривании решения Совета адвокатской палаты по дисциплинарному производству и требованием к суду прекратить статус адвокатов Юлия Тая, Дмитрия Проводина и Алексея Басистова. Суд в беспрецедентно короткие сроки, не уведомив самих адвокатов, в качестве меры предварительной защиты приостановил их статус адвоката и выдал исполнительный лист для реализации этого решения. Рассмотрение дела судом назначено в рекордно короткие сроки – на 10 апреля 2026 года [122].

Между тем исключительное право приостанавливать и прекращать статус адвоката или оценивать уважительность причин для отъезда за пределы Российской Федерации в силу положений статьи 16 и подпункта 7 пункта 2 статьи 17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» принадлежит только Совету адвокатской палаты. Используя судебный иск, сотрудники Министерства юстиции превышают свои полномочия и пытаются незаконно передать функцию прекращения статуса адвоката суду. Сама норма закона, позволяющая наказывать адвоката за выезд из страны, носит репрессивный характер и нарушает Конституцию и законодательство Российской Федерации, а также Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов, положения Международного пакта о гражданских и политических правах, о чем заявила, в частности «Инициатива 2018» [123] и отдельные адвокаты [124], которые также обратили внимание на необходимость незамедлительной отмены незаконного судебного решения о приостановлении статуса адвокатов и прекращения производства по административному делу, направленному на прекращение их статуса помимо установленных законодательством механизмов.

Действия суда и Минюста вызвали негодование в юридическом сообществе [125].

10 апреля 2026 г. Хамовнический районный суд г. Москвы постановил отменить решение Совета адвокатской палаты г. Москвы о прекращении дисциплинарного производства и решил прекратить статус адвоката всем троим адвокатам.

В ходе процесса сторона ответчиков заявляла отвод судье и ходатайства о прекращении производства в связи с тем, что истец не имеет права обращаться в суд с таким требованием, а также о переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского процессуального законодательства вместо Кодекса административного судопроизводства, однако во всех случаях получила отказ. Также были отклонены ходатайства о вступлении в дело «Союза юристов, судебных представителей», о привлечении к делу центрального аппарата Министерства юстиции, ФПА, и о направлении запроса в Конституционный Суд РФ, а также об истребовании документов из Московского областного суда и признании ряда доказательств недопустимыми. Стороне ответчиков суд предоставил всего 40 минут на ознакомление с двумя томами дела. После перерыва адвокаты заявили, что не успели изучить материалы, и просили отложить заседание, но суд отказал. Поддержать адвокатов пришло большое количество слушателей, журналистов и коллег. В зал допустили представителей только трех изданий, остальным было отказано. Процесс проходил в присутствии экипированных оружием и специальными средствами представителей силовых структур одетых в маски. В процессе защита настаивала на отсутствии оснований для иска и указывала на нарушения при сборе доказательств, однако суд эти доводы отклонил [126].

Президент ФПА Светлана Володина под давлением общественности была вынуждена признать, что требование Минюста противоречит закону об адвокатуре: «иск представляет собой вторжение в конституционно обусловленный принцип независимости адвокатуры и создает недопустимый прецедент подчинения органов профессионального самоуправления воле исполнительной власти», – сказала она, отметив, что судебное решение будет обжаловано, при этом ФПА сама не вступала в процесс и не заявляла о привлечении ее в качестве стороны по делу, а суд, несмотря на ходатайство представителей ответчиков, также не привлек эту организацию к участию в деле. Детальные исследования матери-

алов дела подтверждают незаконность судебного решения, а также роль ФПА в продвижении поправок в законодательство которые были приняты в 2024 году и которые позволяют прекращать статус адвоката в случае выезда или длительного пребывания за границей. [127]

1.5.2. 6 марта 2026 г. стало известно о том, что еще 29 августа 2025 г. ФСБ направила в Минюст список адвокатов, составленный на основании проведения оперативно-розыскных мероприятий (названных «оперативно-служебной деятельностью»), которые, по данным спецслужбы, выехали из России и больше не возвращались. Документ был направлен «в порядке взаимодействия в целях принятия решения о наличии оснований для прекращения статуса адвоката» [128]. Впоследствии в Адвокатских палатах г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области возбудили дисциплинарные производства в отношении двух адвокатов, упомянутых в этом списке – Леонида Крикуна и Евгения Смирнова. Дела возбуждены по представлениям территориальных органов Минюста по причине выезда и длительного пребывания адвокатов за границей и в настоящее время рассматриваются. Упомянутый в списке адвокат Вадим Прохоров* также сообщал [129] о запросе Минюста в его коллегию адвокатов.

1.5.3. Государственные органы инициируют преследование адвокатов и по другим основаниям, но с той же самой целью – осуществить вмешательство в адвокатскую деятельность и воспрепятствовать оказанию адвокатами квалифицированной юридической помощи. Так, 8 августа 2025 г. опубликовано сообщение [130] о том, что Минюст потребовал у адвокатской палаты лишить адвоката Александра Молохова статуса за попытку защитить интересы движения «Талибан» ***** (ранее признано в России террористическим и запрещено) в Верховном суде России. Адвокат Александр Молохов попытался принять участие в заседании суда, предоставил суду удостоверение и ордер на защиту интересов движения. У председательствующего судьи Олега Нефедова возникли вопросы к адвокату, ведь на тот момент движение все еще было признано террористическим, тем самым не имело возможности предпринимать какие-либо действия в российской юрисдикции. Адвокат Молохов отказался рассказать, кто является его доверителем, сославшись на адвокатскую тайну [131]. О принятом по дисциплинарному производству решении не сообщается.

1.5.4. 25 сентября 2025 г. в СМИ со ссылкой на письмо руководства управления ФСБ по Магаданской области опубликована информация о том, что УФСБ просит проверить адвоката Максима Сикача из Владивостока, который заявил, что его клиента пытали ради признательных показаний. «Адвокат на момент публикаций не был допущен к участию в деле в установленном законом порядке, то есть не обладал ни процессуальными полномочиями, ни правом выступать от имени обвиняемого, следовательно, речь идет о распространении заведомо непроверенных и недостоверных сведений, которые адвокат не имел права озвучивать публично… Прошу провести проверку изложенных фактов в части соблюдения адвокатом Сикачом М.С. законодательства об адвокатской деятельности и кодекса профессиональной этики адвоката», – указано в тексте письма руководства управления ФСБ по Магаданской области к руководству Главного управления Минюста по Приморскому краю. Также в письме отмечается, что магаданское УФСБ просит рассмотреть возможность применения к адвокату дисциплинарного воздействия [132]. Таким образом, органами ФСБ осуществлено незаконное вмешательство в адвокатскую деятельность и попытка воздействия на адвоката посредством возбуждения процедуры дисциплинарного производства.

Адвокат Сикач выдвинутые обвинения отверг и заявил, что все его слова основывались на информации доверителей и подзащитного. А на претензии о «неоформленном статусе» ответил: его участие в деле было зарегистрировано по закону, и «все формальные процедуры были соблюдены на момент публикации». Адвокат указал, что получил поручение рассказать об этом, проверил информацию у подзащитного и только после этого вынес ее в публичное поле и что он действовал строго в рамках Конституции, закона и кодекса адвокатской этики. Проверку Минюста он назвал обычной бюрократической процедурой, итоговую оценку которой даст Адвокатская палата Приморского края [133]. О принятых к адвокату дисциплинарных мерах до настоящего времени не сообщалось.

1.5.5. 13 января 2026 г. опубликована информация о том, что следователь по делу адвоката Марии Бонцлер инициировал дисциплинарное производство против одного из ее адвокатов. Поводом для таких действий стал отказ адвоката Александра Чаузова дать подписку о неразглашении государственной тайны, из-за чего следствие не смогло ознакомить его с рядом материалов дела [134]. На основании обращения следователя Управление Минюста по Калининградской об-

ласти направило представление в региональную Адвокатскую палату, которая вследствие поправок, внесенных в 2024 году в Закон № 63-ФЗ, стала обязанной возбудить дисциплинарное дело.

Сам Александр Чаузов назвал эту ситуацию абсурдной и подчеркнул, что его доверительница не имеет никаких претензий к работе своих защитников. Он расценил происходящее как незаконное давление, вмешательство ведомств в тактику защиты и грубейшее нарушение независимости адвокатуры. Также он отметил, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации прямо допускает право стороны защиты отказываться от ознакомления с материалами дела, что делает попытки привлечения к ответственности безосновательными. В результате разработки детальной правовой позиции, коллективного обращения в защиту коллеги [135] и привлечения внимания к ситуации со стороны международных организаций [136], дисциплинарное производство в отношении адвоката Александра Чаузова было прекращено и он продолжает работу [137].

1.5.6. Государственные органы инициировали масштабную кампанию по прекращению статуса адвокатов, выехавших за пределы России, используя для этого закон, а также искаженную и даже прямо противоречащую ему практику его применения, не соответствующую Конституции и международным стандартам. ФСБ направляет списки адвокатов, составленные на основании оперативно-розыскных данных, оказывая при помощи Минюста прямое административное давление на органы адвокатского самоуправления. Сотрудники ФСБ также пытаются инициировать дисциплинарные производства против адвокатов, публично заявляющих о пытках своих клиентов, что является незаконным вмешательством в профессиональную деятельность. Действия силовых ведомств направлены не на защиту интересов правосудия, а на подавление независимости адвокатов и лишение их статуса за действия, не являющиеся дисциплинарными проступками. Преследования адвокатов по инициативе государственных органов направлены на принуждение к лояльности и прекращение статуса за выезд за границу. Представления используются для массового дисциплинарного давления. Палаты в большинстве случаев выполняют указания сверху, хотя Адвокатская палата г. Москвы продемонстрировала редкий пример сопротивления, которое было преодолено при помощи суда с применением не предусмотренной законом процедуры.

1.6. Создание препятствий для осуществления профессиональной деятельности адвокатов

1.6.1. 11 августа 2025 г. появилась информация о том, что в г. Калининград адвокат Роман Морозов после свидания с подзащитным обнаружил, что ячейка хранения личных вещей на входе в исправительную колонию, куда он проходил на встречу с подзащитным (ФКУ ИК-8) и где он оставил личные вещи перед визитом, была открыта, хотя он ее запирал [138].

1.6.2. 10 сентября 2025 г. опубликована информация о том, что в московских СИЗО «Матросская тишина» и «Кремлевский централ» адвокаты сталкиваются с унизительными условиями доступа: в бюро пропусков «Матросской тишины» закрыт единственный туалет, а в «Кремлевском централе» адвокатов не пускают в туалеты до прохождения нескольких контрольно-пропускных пунктов и досмотров, что занимает до 40 минут. Эта ситуация показывает, что даже базовые санитарные условия для защитников не обеспечиваются, что унижает достоинство адвокатов и дополнительно затрудняет осуществление права на защиту [139]. Аналогичная проблема была зафиксирована в СИЗО «Кресты» в г. Санкт-Петербурге [140].

1.6.3. 4 октября 2025 г. адвокат Тимур Идалов обратил внимание на ночные очереди в СИЗО-2 Москвы. На видео, опубликованном адвокатом на личной странице в социальной сети, видно, что защитники и следователи, желающие встретиться с заключенными, стоят в живой очереди в полной темноте. По словам Идалова, около полуночи у СИЗО-2 выстраивается очередь из десятка человек. В посте к видео адвокат задается вопросом, почему в 2025 году руководство ФСИН не может обеспечить нормальное функционирование уголовно-исполнительной системы. По его словам, если у ведомства такое отношение к адвокатам и следователям, вынужденным составлять списки в темноте, то можно представить, каково отношение к самим заключенным: «Неужели в XXI веке руководство ФСИН России не способно обеспечить функционирование УИС в столице должным образом, учитывая, что электронные очереди в СИЗО расписаны на месяц вперед, и непонятна прозрачность их распределения. Часто следственные кабинеты пустуют, а адвокаты могут попасть туда с титаническим трудом – на коленке, без света, в центре города Москвы записывая свои фамилии в списках. Почему Мороз (Начальник управления ФСИН по г. Москве – Примечание автора) и другие руководители не подают рапорта об увольнении

либо не устраняют эти препятствия, вместо того чтобы придумывать сказки про нехватку персонала и другие небылицы? Если такое отношение к адвокатам и следователям со стороны УИС, то каково ее отношение к заключенным?» – пишет адвокат [141].

1.6.4. 28 ноября 2025 г. стало известно о том, что Верховный Суд РФ отменил определение суда кассационной инстанции по делу адвоката Алексея Калугина и оставил в силе определение суда апелляционной инстанции, который посчитал, что извинения приносятся гражданину при нарушении полицейским его прав и свобод, а не адвокату. Согласно правовой позиции Верховного Суда, «исходя из направленности правового регулирования, предусмотренного ст. 9 Закона о полиции, на восстановление конституционных прав и свобод гражданина, нарушенных сотрудниками полиции, воспрепятствование деятельности адвоката не может рассматриваться в качестве основания для принесения извинений лично ему». В комментарии адвокат Алексей Калугин отметил, что не удивлен результатом. Один из представителей АП Ленинградской области сообщил, что решение Верховного Суда будет обжаловано [142].

1.6.5. 12 января 2026 г. появилась информация о том, что из Единого государственного реестра адвокатов за новогодние каникулы исчезло почти 15 тысяч записей о статусе адвокатов [143]. 13 января 2026 г. появилась информация о восстановлении пропавших из реестра данных [144]. В результате исследования [145] были выявлены значительные технологические и организационно-правовые уязвимости устройства реестра, которые сделали такую потерю возможной. Среди них – отсутствие механизмов верификации целостности данных, серьезные недостатки в архитектуре базы и размытость зон ответственности между администраторами. Время простоя системы при устранении сбоя превысило допустимую годовую норму, что ставит под сомнение надежность платформы. Выявленные критические недостатки в управлении цифровыми реестрами не только снижают уровень информационной безопасности, но и создают прямые угрозы для реализации права граждан на доступ к правосудию.

1.6.6. Адвокаты сталкиваются с необеспечением сохранности личных вещей и унизительными условиями труда при посещении СИЗО, включая отсутствие базовых санитарных условий и необходимость ночных дежурств в очередях, что свидетельствует о пренебрежении со стороны ФСИН к их профессиональному достоинству. Верховный Суд РФ принял решение, фактически лишающее адвокатов права на извинения со стороны полиции за воспрепятствование их деятельности, что существенно снижает уровень правовой защиты адвоката как субъекта профессиональной деятельности. С догматической точки зрения это решение закрепляет крайне опасную концепцию: статус адвоката трактуется государством не как самостоятельный и ценный объект правовой охраны, а исключительно как производный элемент судопроизводства. Адвокат низводится до уровня «процессуального обслуживающего персонала», лишенного собственной правосубъектности в публичных правоотношениях. Технические сбои в Едином государственном реестре адвокатов, приведшие к исчезновению записей о тысячах адвокатов, выявили критическую уязвимость системы и угрозу для реализации права на доступ к правосудию. Создание препятствий носит системный характер и дополнительно затрудняет работу. Эти меры унижают достоинство адвокатов и подрывают доступ к правосудию. Верховный Суд РФ прямо отказывает адвокатам в защите их профессиональных прав. Проблемы остаются нерешенными годами.

1.7. Применение насилия к адвокатам

1.7.1. 6 августа 2025 г. опубликована информация о том, что в Республике Крым полицейские избили адвоката и его семью. Согласно имеющимся данным, в ночь на 27 июля 2025 г. в поселке Симеиз Республики Крым, произошел инцидент, потерпевшим в котором стал Михаил Цховребов – адвокат, ранее подавший заявление на одного из сотрудников полиции г. Алупки. Спустя время он и его родственники были жестоко избиты, а после этого началось давление с целью принудить его к молчанию. По словам адвоката, в 2021 г. возник конфликт, когда он обратился с жалобой на тогдашнего заместителя начальника уголовного розыска г. Алупки Саракаева Недима. Спустя четыре года Цховребов находился в ночном клубе в Симеизе в компании брата и друга. К ним присоединилась сотрудник полиции по имени Анна, которая вскоре сообщила, что прибывший в заведение в состоянии алкогольного опьянения Саракаев Недим, ныне начальник уголовного розыска, якобы «его не любит» и настроен крайне агрессивно. Все это происходило на фоне алкоголя и демонстративного поведения «приближенных к системе». Спустя 20 минут в туалете клуба Саракаев неожиданно ударил друга адвоката без повода, явно в расчете на провокацию. Понимая возможное развитие событий, Цховребов начал фиксировать происхо-

дящее на видео. После чего компания покинула клуб и вызвала полицию. Но помощь не успела приехать. На улице на адвоката и его родственников напали трое – Саракаев Недим, его брат и, предположительно, действующий начальник полиции г. Красноперекопска Александр Яковлев. На видеозаписи зафиксированы не только удары, но и прямые этнические оскорбления в его адрес как осетина – со стороны сотрудника МВД. В итоге адвокат Михаил Цховребов получил телесные повреждения, его брат – разрыв мышцы руки, а пожилой отец, проживающий рядом и пришедший на помощь, – перелом носа. Все травмы зафиксированы в больницах. На следующий день адвоката Михаила Цховребова вызвали в отдел, где служит Саракаев, и прямо предложили отказаться от заявлений, «переосмыслить» события и «забыть, кто именно бил», иначе пообещали «запустить маховик», намекая на фабрикацию дел или иные меры давления. Утром 28 июля, уже у здания Ялтинского суда, Цховребов вновь столкнулся с Саракаевым, который, глядя ему в глаза, произнес: «Посмотрим, что ты с этого получишь». Адвокат вновь вызвал полицию и зафиксировал угрозу [146]. О наказании сотрудников полиции не сообщалось.

1.7.2. 11 августа 2025 г. опубликована информация о том, что неизвестный мужчина находясь в районе проспекта Мира в г. Москве напал на юриста коллегии адвокатов «Жорин и партнеры» Юлию Шуваеву [147]. Пострадавшая обратилась в правоохранительные органы и была госпитализирована. Личность нападавшего установлена, однако его вскоре отпустили из отделения полиции. В связи с этим коллегия «Жорин и партнеры» подала заявление о покушении на убийство и обратилась к Председателю СК РФ с просьбой взять расследование под личный контроль [148].

1.7.3. 15 августа 2025 г. опубликована информация о том, что в центре г. Саранска Республики Мордовия в уличном нападении были нанесены телесные повреждения члену Правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» Сергею Наумову, который сделал замечание гражданину на улице за его нецензурную брань и агрессивные высказывания в отношении женщины [149].

1.7.4. 5 февраля 2026 г. стало известно о том, что адвокат адвокатов Заур Кайтуев, которого летом прошлого года избили в Дагестане [150] обратился к председателю Следственного комитета РФ Александру Бастрыкину. По словам Кайтуева, уголовное дело о его избиении не расследуется: с момента происшествия не проводилось опознание сотрудников правоохранительных органов, причастных к избиению. Адвокат также сообщил, что на него и его близких оказывается давление, а из-за полученных травм он не может пройти повторную операцию на позвоночнике и в полном объеме вернуться к профессиональной деятельности. Президент Адвокатской палаты Республики Дагестан Акиф Бейбутов подтвердил, что результатов по уголовному делу до сих пор нет, хотя лица, применявшие насилие, известны и установить их не представляет сложности. Дело об избиении возбудили 24 июня – соответствующее постановление подписал старший следователь по Советскому району Махачкалы. 18 июня Кайтуев приехал к зданию отдела собственной безопасности МВД Дагестана, чтобы помочь своим подзащитным. Там, по его словам, появились люди в балаклавах – предположительно, сотрудники Центра по противодействию экстремизму. Они начали избивать его доверителя и его брата. Когда адвокат представился и показал удостоверение, его тоже избили. По словам Кайтуева, его повалили на землю, затолкали в автозак, отвезли в здание ЦПЭ, связали скотчем, надели пакет на голову и продолжили избивать – до потери сознания. После того как он пришел в себя, он напомнил, что он адвокат, но его все равно продолжали удерживать, допрашивать и смотреть содержимое телефона. Только спустя час его отпустили через черный выход. К Кайтуеву в день избиения не пускали других адвокатов, несмотря на то, что более 20 человек оформили ордера на его защиту и несколько из них приехали к зданию. Им отказали во входе, сославшись на указание начальства. Медицинское освидетельствование показало у Кайтуева закрытую черепно-мозговую травму. В июне он подал жалобу в Главное управление собственной безопасности МВД России и потребовал изъять записи с камер видеонаблюдения. Адвокат опасался, что эти записи могут уничтожить [151].

1.7.5. Применение насилия в отношении адвокатов и юристов носит целенаправленный и безнаказанный характер, служа инструментом мести за профессиональную деятельность и гражданскую позицию. Факты подтверждают растущую безнаказанность физического насилия против представителей юридической профессии, что создает атмосферу запугивания и напрямую препятствует независимому осуществлению адвокатской деятельности.

1.8. Проблемы социального обеспечения адвокатов и оплаты юридической помощи

1.8.1. 26 августа 2025 г. опубликована инфор-

мация о том, что адвокат Светлана Ерошина почти год добивалась в судах оплаты 2249 рублей (примерно 25 евро или 29 долларов США) за оказание квалифицированной юридической по назначению государства в выходной день: 31 августа 2024 г. она по вызову дознавателя прибыла в отдел полиции Орехово-Зуевского округа для участия в следственных действиях, но ни дознавателя, ни подзащитного на месте не оказалось, после чего она заявила ходатайство о переносе, а в оплате ей отказали со ссылкой на то, что следственные действия не проводились. Ерошина оспорила отказ в суде. Сначала ее поддержала первая инстанция, признав бездействие дознавателя незаконным и обязав выплатить адвокату вознаграждение. Однако прокуратура вмешалась и заявила, что адвокат «ничего не делала», а ходатайство якобы было подано по электронной почте. Московский областной суд отменил решение и вернул дело на новое рассмотрение. При новом рассмотрении дела Орехово-Зуевский суд пошел еще дальше: постановил, что присутствие адвоката в отделе дознания и подача ходатайства не свидетельствуют о реально затраченном времени. Адвокат снова обжаловала постановление. В марте 2025 г. Московский областной суд фактически признал очевидное: адвокат прибыла по вызову, а то, что следственные действия не состоялись по независящим от нее обстоятельствам, не отменяет факта потраченного времени. Но так как дело подзащитного к тому моменту уже было рассмотрено по существу, суд апелляционной инстанции предложил адвокату требовать оплату в ином порядке. Наконец, 7 июля 2025 г. Орехово-Зуевский суд удовлетворил заявление Светланы Ерошиной и взыскал в ее пользу 2249 рублей. В решении прямо указано: «То обстоятельство, что по независящим от адвоката обстоятельствам проведение следственного действия не состоялось, не опровергает факт реальной затраты адвокатом времени, данный факт связан с выполнением полномочий по защите подзащитного» [152].

1.8.2. 27 августа 2025 г. опубликована информация о том, что Конституционный Суд Российской Федерации отказал в рассмотрении жалобы адвоката-инвалида Александра Исакова на обязательные пенсионные взносы. Адвокат, являющийся участником ликвидации последствий чернобыльской катастрофы и инвалидом, оспорил обязанность уплачивать страховые взносы на обязательное пенсионное страхование как адвокат, несмотря на фактическое получение им пенсии по государственному пенсионному обеспечению. Адвокат считал противоречащими Конституции положения статей 6, 7, 14 и 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании», так как они обязывают адвокатов-инвалидов платить взносы без гарантии их учета при расчете получаемых ими выплат, и требовал освобождения от этих платежей наравне с военными пенсионерами. Конституционный Суд отказал в принятии жалобы, указав, что данные нормы не нарушают конституционные права заявителя, поскольку обязанность уплаты взносов обоснована необходимостью поддержания возможности выбора между страховой пенсией и пенсией по государственному обеспечению [153].

1.8.3. 19 августа 2025 г. опубликована информация о том, что президент Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга Вячеслав Тенишев публично охарактеризовал идею повышения пенсий адвокатов до уровня пенсий прокурорских работников как «адвокатские хотелки», которые «никогда не сбудутся». На ситуацию обратил внимание адвокат Александр Мелешко, который привел данные о том, что по информации «Независимой газеты» на февраль 2025 г., более 70 % адвокатов страны работают только «на государство» – по назначению или в системе бесплатной юридической помощи. Средняя пенсия адвоката в Москве в 2023 году составляла 16 257 рублей (182 евро или 214 долларов США) (без учета московской доплаты). Пенсионный калькулятор на портале государственных слуг показывает, что при 15-летнем стаже адвокатской деятельности (минимальный страховой стаж для назначения пенсии) средняя пенсия составила бы 15 409 рублей (172 евро или 203 доллара США). После 2024 г. лица без такого стажа будут исключены из страховой пенсионной системы и смогут рассчитывать лишь на социальную пенсию [154].

1.8.4. Адвокаты испытывают серьезные трудности с оплатой труда по назначению, при этом суды и прокуратура нередко отказывают в оплате фактически затраченного времени, ссылаясь на формальные основания, что требует длительных судебных тяжб для восстановления справедливости. Конституционный Суд отказался освободить адвокатов-инвалидов от уплаты обязательных пенсионных взносов, фактически возлагая на них двойное бремя содержания собственной пенсии наравне с пенсией по государственному обеспечению. Проблемы социального обеспечения и оплаты юридической помощи по назначению свидетельствуют о фактическом игнорировании прав адвокатов на достойное вознаграждение. Суды и иные государственные органы отказывают в выплатах даже при доказанных затратах времени.

Это приводит к оттоку специалистов из профессии. Данной тенденции также способствует нежелание руководства адвокатских палат организовывать систему социальной защиты адвокатов.

Раздел 2. Антиадвокатская деятельность Федеральной палаты адвокатов и адвокатских палат регионов России

2.1. Противоправное прекращение статуса адвоката

2.1.1. 9 октября 2025 г. опубликовано сообщение о том, что суд отменил решение Совета Адвокатской палаты Архангельской области о прекращении статуса адвоката С.С. (полные данные не называются). Поводом для дисциплинарного преследования стала жалоба его бывшего подзащитного. Он утверждал, что сотрудники ФСБ якобы оказали давление на следствие, чтобы заставить его отца оговорить себя, а его самого – обратиться именно к этому адвокату. По версии палаты, адвокат использовал связи в правоохранительных органах, чтобы заключить соглашение. Он якобы формально исполнял обязанности во время ночного допроса, не выяснил причин смены позиции клиента и не возражал против допроса в отсутствие основного защитника. Целью, по мнению палаты, было получение показаний, ухудшающих положение подзащитного. Однако суд с этими выводами не согласился по следующим основаниям. Квалификационная комиссия, не имея на то полномочий, самостоятельно провела проверку и установила факты незаконных действий ФСБ. Установление подобных фактов относится к исключительной компетенции правоохранительных органов и суда. Палата проигнорировала, что соглашение было заключено наедине, а доказательств невозможности отказаться от адвоката в тот момент не представлено. В показаниях адвоката и клиента были серьезные противоречия, но палата не попыталась их разрешить. Также не было доказано, что адвокат достоверно знал о самооговоре, а факт ненадлежащей помощи не подтвержден. Суд пришел к выводу, что дисциплинарное производство было проведено с нарушениями, а решение палаты является необоснованным. В реестре на сайте Адвокатской палаты Архангельской области под инициалами С.С. указан только один адвокат с прекращенным статусом – Сидоров Сергей Александрович [155].

2.1.2. 15 января 2025 г. опубликована информация о прекращении Советом адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга статуса известного адвоката и правозащитника, члена Правления организации «Инициатива 2018» Виктора Дроздова [156]. В заявлении Правления «Инициативы 2018» произвольное лишение профессионального статуса Виктора Дроздова решительно осуждается [157]. Отмечается, что это событие связано с продолжающимся кризисом и финансовой непрозрачностью в Адвокатской палате г. Санкт-Петербурга, руководство которой начало преследования адвокатов, требующих открытости и подотчетности. Истинными причинами давления на адвоката Виктора Дроздова названы его независимая позиция, активная общественная деятельность, открытая критика органов палаты и участие в резонансных судебных делах. Формальным же поводом для расправы послужило обращение адвоката в Следственный комитет Российской Федерации с жалобой на президента палаты Вячеслава Тенишева, ранее распространившего ложную информацию о неуплате Дроздовым сомнительных взносов в некий «фонд ветеранов». В тексте заявления подчеркивается, что само дисциплинарное разбирательство сопровождалось грубейшими процессуальными нарушениями закона и норм профессиональной этики. В частности, производство было инициировано неуполномоченным лицом, а квалификационная комиссия полностью проигнорировала объективные доводы защиты. Руководство региональной и федеральной палат использует дисциплинарные механизмы как инструмент карательной этики для подавления свободы слова и устранения неугодных правозащитников [158]. Данные выводы подтверждаются и результатами проведенных в отношении материалов дисциплинарного производства научных исследований [159]. Виктор Дроздов обратился в суд с иском об оспаривании решения Адвокатской палаты г. Санкт-Петербурга о прекращении его статуса адвоката [160]. В настоящее время осуществляется судебное рассмотрение дела.

2.1.3. Противоправное прекращение статуса адвоката адвокатскими палатами используется для расправы над неугодными адвокатами, то есть как инструмент внутрикорпоративных репрессий. Примеры показывают нарушение процессуальных гарантий и игнорирование доводов защиты. Палаты действуют по «политическим» мотивам, а не по закону. Прекращение статуса адвоката используется как инструмент давления на правозащитников, имеющих независимую позицию и критикующих руководство палат, что свидетельствует о кризисе корпоративной этики.

2.2. Продвижение Комплексной информационной системы адвокатуры России

2.2.1. 13 августа 2025 г. опубликовано сообщение о том, что Адвокатская палата Московской об-

ласти на основании Решения Совета палаты обязала всех адвокатов палаты, вне зависимости от их участия в делах по назначению государственных органов, зарегистрироваться в Комплексной информационной системе адвокатуры России (далее – КИС АР) и провести создать в ней личный кабинет [161].

2.2.2. 10 сентября 2025 г. в телеграм-канале «Инициатива 2018» опубликованы результаты исследования, подтверждающие, что мобильное приложение продвигаемой ФПА КИС АР несанкционировано получает доступ к камере, биометрии, отпечатку пальцев, чтению всех медиафайлов, хранящихся на мобильном телефоне пользователя [162], что фактически позволяет осуществлять действия по кибершпионажу за адвокатами при помощи их мобильных устройств связи.

2.2.3. 5 октября 2025 г. опубликована информация о том, что адвокаты из разных регионов сообщают о массовых сбоях в КИС АР. На информационных ресурсах адвокатских палат по этому поводу появились заявления о «миграции данных КИС АР в зону государственных информационных систем» как о причине блокировок доступа. Таким образом, оказался подтвержденным факт того, что ФПА передает данные из КИС АР (часть из которых составляет адвокатскую тайну) государству [163].

2.2.4. 3 декабря 2025 г. президент Адвокатской палаты Челябинской области Иван Казаков открыто заявил о том, что КИС АР несет за собой «прозрачность адвокатской деятельности», преподнеся ее как некое достижение со ссылкой на модели деятельности государственных органов [164]. Однако что это за «прозрачность»? Введение КИС АР действительно предоставило Минюсту, ФПА, а также коммерческим структурам – разработчикам системы, среди которых – компании, аффилированные со структурами «Сбербанка», неограниченные возможности доступа как к адвокатской «big data», так и сугубо конфиденциальной информации, в том числе составляющей адвокатскую тайну. Среди этой информации – персональные данные адвоката и его доверителей и данные о месте нахождения адвоката в реальном времени. В перспективе, о чем неоднократно заявлял бенефициар ФПА экс-президент организации Юрий Пилипенко, предстоит загрузка в КИС АР материалов адвокатских досье. Через механизмы оперативно-розыскной деятельности, а также при помощи неправомерного доступа, данные из КИС АР могут быть доступны любым государственным органам и третьим лицам. Однако насколько такая «прозрачность» нужна адвокатам – большой вопрос. Неясно и как быть с адвокатской тайной и независимостью адвоката, которым, безусловно, угрожает разрастание КИС АР за пределы «просто системы для распределения дел по назначению» [165].

2.2.5. 16 января 2026 г. опубликована информация о том, что в Республике Башкортостан всех адвокатов – членов палаты, даже не занятых в делах по назначению государственных органов, заставляют регистрироваться в КИС АР под угрозой привлечения к дисциплинарной ответственности. В октябре 2024 г. Совет ФПА принял решение о внедрении системы во все палаты до 1 октября 2025 г. Позже, в мае, от Адвокатской палатой Республики Башкортостан пришло распоряжение – до 1 сентября внести все необходимые сведения в КИС АР и обязать к регистрации всех членов палаты. Не все адвокаты выполнили распоряжение в срок, поэтому в конце декабря прошлого года Адвокатская палата, следуя примеру Волгоградской областной палаты адвокатов [166], начала требовать от адвокатов в обязательном порядке зарегистрироваться в системе до 15 января под угрозой привлечения к дисциплинарной ответственности: «...до настоящего времени не всеми адвокатами АП РБ пройдена обязательная процедура регистрации в системе КИС АР. В связи с изложенным адвокатам, не зарегистрированным в системе КИС АР, необходимо в кратчайшие сроки пройти данную процедуру, в противном случае будет рассмотрен вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности за неисполнение решений Совета Федеральной палаты адвокатов РФ и Совета Адвокатской палаты РБ», – говорится в заявлении палаты [167].

2.2.6. КИС АР обладает функциями, позволяющими получать несанкционированный доступ к личным данным адвокатов, их биометрии и медиафайлам, что создает угрозу кибершпионажа и нарушения адвокатской тайны. Система требует обязательной регистрации под угрозой дисциплинарной ответственности, передает данные государству и собирает биометрию. Это призвано превратить адвокатуру в полностью прозрачную для властей структуру. ФПА передает данные из системы в государственные информационные системы, что ставит под угрозу сохранность адвокатской тайны и конфиденциальность сведений о доверителях. ФПА и адвокатские палаты регионов принуждают адвокатов к регистрации в системе под угрозой дисциплинарной ответственности, не обеспечивая при этом правовых гарантий защиты их персональных данных.

2.3. Подавление свободы слова и нарушение права на выражение мнения

2.3.1. 12 августа 2025 г. во время проведения первого Всероссийского публичного общественного обсуждения законопроекта об «адвокатской монополии» [168] неизвестными субъектами осуществлена хакерская атака на ресурсы системы «Зум», через которую проводилось мероприятие. В ходе хакерской атаки имена участников мероприятия, выставленные в системе, менялись неизвестными лицами на нецензурные, некоторые участники были принудительно удалены из рабочего кабинета мероприятия [169]. По данному факту организаторы мероприятия направили заявление в правоохранительные органы. Ответ до настоящего времени получен не был.

2.3.2. 12 января 2026 г. была опубликована информация о том, что в декабре 2025 г. в издании «Брянские новости» вышло интервью адвоката Евгения Дружкова, посвященное спорам с недвижимостью по аналогии с известным «делом Ларисы Долиной». В своей публикации адвокат критически отозвался о работе брянских судов, назвав их подход к таким делам формальным и поверхностным. Это вызвало резкую реакцию Квалификационной коллегии судей Брянской области, которая потребовала от Адвокатской палаты предоставить конкретные судебные решения, на которых основаны подобные выводы. Столкнувшись с таким запросом, Адвокатская палата заявила, что в редакцию по ошибке был отправлен не тот текст. В итоге первоначальный материал пришлось скорректировать, а в самом издании было опубликовано официальное опровержение. Завершилась ситуация тем, что пресс-служба судов публично отчиталась об извинениях адвоката, а региональная палата выразила брянским судьям свое «глубокое уважение» [170]. Эта ситуация наглядно демонстрирует уязвимость адвокатуры и отсутствие реальной свободы слова при оценке работы судебной системы. Столкнувшись с административным давлением со стороны судейского сообщества, Адвокатская палата предпочла не защищать право своего коллеги на профессиональную и аргументированную критику, а моментально капитулировала, прикрывшись нелепой отговоркой об «ошибке». В данной ситуации проявил себя пример цензуры: открытое обсуждение системных проблем правосудия негласно находится под запретом, а страх перед судами оказывается для адвокатского руководства намного сильнее корпоративной солидарности и принципов независимости профессии.

2.3.3. Подавление свободы слова и свободы выражения мнений внутри адвокатуры осуществляется через хакерские атаки, давление судей и самоцензуру палат. Адвокатские палаты, вместо защиты своих коллег, капитулируют перед давлением судейского сообщества, заставляя адвокатов публично извиняться за критику судебной системы, что является актом цензуры и подавления свободы слова. Критика судебной системы фактически приравнена к дисциплинарному проступку, что уже не раз отражалось на судьбе адвокатов, привлеченных к ответственности по требованию судей. Руководство палат демонстрирует страх перед судами, который оказывается сильнее корпоративной солидарности и принципов независимости профессии.

2.4. Затруднение доступа к юридической профессии и продолжению ее осуществления

2.4.1. 17 марта 2026 г. опубликована информация, подтверждающая наличие существенных затруднений для доступа к профессии адвоката. Были подсчитаны расходы, ожидающие претендента на этот статус:

– технический сбор в адвокатскую палату за сдачу теста (15 000 руб.);

– вступительный взнос в адвокатскую палату после успешной сдачи экзамена (самый низкий взнос в адвокатской палате Москвы и Московской области – около 100 000 руб., а самый большой – в Республике Алтай 800 000 руб. Средний взнос по регионам составляет около 250 000 руб.);

– вступительный взнос в коллегию адвокатов (средний взнос около 10 000 руб.);

– ежемесячный взнос в коллегию адвокатов (от 8 000 до 15 000 руб.);

– ежемесячный взнос в адвокатскую палату региона, ФПА и взнос за обязательную подписку на адвокатскую газету (не менее 3 000 руб. в месяц);

– до 31 декабря каждого года фиксированный взнос в фонды социального страхования (около 54 000 руб. за 2025 год).

Таким образом, в первый год после получения статуса адвоката специалист в среднем должен затратить на обязательные выплаты около 500 000 рублей [171] (примерно 5400 евро или 6200 долларов США), что сопоставимо с медианной заработной платой (96 125 руб., 1024 евро, 1190 долларов США) [172] за 5-6 месяцев, что представляет собой весьма существенную денежную сумму.

2.4.2. Адвокатские палаты, даже крупнейшие из них, пытаются изыскать средства для поддержания своей деятельности у лиц, приостановивших статус адвоката, вводя для них обязательные

отчисления на свое содержание [173] и предъявляя иные требования, прямо не предусмотренные законодательством. 16 января 2026 г. опубликована информация [174] о том, что Адвокатская палата г. Москвы просит адвокатов с приостановленным статусом подтвердить документально, что они все еще не могут работать. На сайте палаты сообщается, что адвокатам, чей статус был приостановлен по основанию «неспособности исполнять профессиональные обязанности более шести месяцев» (подп. 2 п. 1 ст. 16 закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), необходимо предоставить документы, подтверждающие сохранение этого состояния. Речь идет о членах палаты, статус которых оставался приостановленным по этому основанию на 18 декабря 2025 г. Было указано, что документы необходимо представить в палату до 15 марта 2026 г. Отмечалось, что адвокатам, которые не предоставят документы в срок, придется написать заявление о смене основания приостановления статуса с подпункта 2 на подпункт 5 пункта 1 статьи 16 закона (приостановление статуса по личным причинам) [175]. Требование Адвокатской палаты подтвердить невозможность исполнения обязанностей указывает на переход от формального к фактическому контролю за основаниями приостановления статуса. Палата фактически устанавливает презумпцию восстановления способности к труду, если не доказано обратное. Непредставление документов автоматически трактуется как переход в категорию лиц, приостановивших статус по собственной воле. Адвокаты, не успевшие собрать медицинские или иные документы, рискуют потерять специфические гарантии, которые могут быть связаны с «вынужденным» приостановлением (например, в вопросах обязательных отчислений или последующего восстановления). Требование о «переписывании заявления» на личные причины – это мягкий способ актуализации реестра. Однако для адвокатов, которые действительно больны, но не могут в срок подать бумаги, это может стать поводом для дальнейших претензий со стороны палаты в будущем. Это подчеркивает тенденцию к повышению ответственности адвоката за свой статус: адвокат обязан активно подтверждать право на «льготное» приостановление, иначе корпорация в одностороннем порядке изменит правовое основание его нахождения в реестре, что может повлечь иные финансовые или регуляторные последствия.

2.4.3. Затруднение доступа к юридической профессии и продолжению профессиональной деятельности достигается высокими вступительными взносами и дополнительными требованиями к адвокатам с приостановленным статусом. Средние расходы первого года превышают полугодовой медианный заработок. ФПА и адвокатские палаты вводят не предусмотренные законом сборы, отпугивая новых специалистов и устанавливая непосильные финансовые барьеры для желающих войти в адвокатскую профессию.

2.5. Публичная демонстрация неподотчетности

2.5.1. ФПА и ее высшее руководство продолжают активно демонстрировать общественности, что обычные адвокаты фактически отстранены от процесса выбора своих представителей как на уровне адвокатских палат, так и на уровне ФПА. Система «вертикального» управления в адвокатуре России выстроена таким образом, что решения принимаются узким кругом несменяемых функционеров, которые кооптируют друг друга в советы через формальные процедуры ротации, исключающие реальную конкуренцию и представительство интересов профессионального сообщества. Такая модель управления ведет к глубокому кризису доверия внутри корпорации и превращает ФПА из органа защиты прав адвокатов в инструмент их подавления. Нужды, запросы и предложения адвокатов ФПА категорически не учитывает. Наглядным примером этого явилось задокументированное на видеозаписи пятилетнее игнорирование руководством ФПА запросов о проведении демократических реформ и введении прямых выборов [176]. Вместо открытого диалога с адвокатским сообществом руководство ФПА укрепляет свои позиции путем репрессивного нормотворчества и сближения с государственными структурами, что делает адвокатуру уязвимой перед внешним давлением и лишает ее статуса независимого института гражданского общества. Отсутствие легитимности у руководства ФПА в глазах самих адвокатов подрывает авторитет профессии на национальном и международном уровнях.

2.5.2. Публичная демонстрация неподотчетности ФПА перед адвокатами подтверждает отсутствие реального самоуправления. Руководство ФПА игнорирует запросы о демократических реформах и кооптирует себя в органы управления. Адвокаты лишены влияния на решения, которые оплачивают и которым вынуждены подчиняться под угрозой изгнания из профессии.

2.6. Неспособность Федеральной палаты адвокатов и адвокатских палат выполнять свое функциональное предназначение

2.6.1. 13 октября 2025 г. опубликованы новости о том, что Росфинмониторинг подготовил проект приказа, регламентирующий перечень должностных лиц этого ведомства, уполномоченных направлять адвокатам, предпринимателям, оказывающим юридические или бухгалтерские услуги, аудиторским организациям и индивидуальным аудиторам, нотариусам, а также иным субъектам письменные или электронные запросы о предоставлении информации, а также формы таких запросов в письменном виде. Вице-президент ФПА Сергей Зубков заметил, что проект приказа Росфинмониторинга является технической реализацией Правил передачи информации в Федеральную службу по финансовому мониторингу адвокатами и иными лицами, и направления службой запросов указанным лицам, утвержденных постановлением Правительства РФ в феврале этого года. Также он указал, что ФПА еще при изучении самого проекта Правил направляла отзыв с предложением конкретизировать полномочия органов Росфинмониторинга запрашивать у адвокатов информацию или документы с учетом обеспечения профессиональной гарантии соблюдения адвокатской тайны, предусмотренной как законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, так и Законом о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Однако предложения ФПА не были учтены [177]. Новый приказ Росфинмониторинга, опубликованный 10 февраля 2026 г., создает потенциальное противоречие с законом, поскольку требует предоставления сведений о клиентах адвоката без их согласия и без уведомления, что может рассматриваться как нарушение принципа конфиденциальности и профессиональной тайны, закрепленного федеральным законодательством [178]. По поводу неучета своих предложений ФПА, судя по всему, не предприняла никаких действий, направленных на доведение позиции и ее реализацию, поскольку о них не сообщалось.

2.6.2. 25 сентября 2025 г. Адвокатская палата Калининградской области признала нарушение прав адвоката Романа Морозова, о чем приняла соответствующее заключение [179]. Палата отметила, что в мае 2025 г. в ходе обследования у адвоката были изъяты мобильный телефон и жесткие диски, на которых могла находиться адвокатская тайна. Нарушения зафиксированы в протоколах и отмечены адвокатами. Совет палаты пришел к выводу, что действия сотрудников ФСБ фактически превратились в обыск без законных оснований и не обеспечивали сохранность адвокатской тайны. Нарушения также коснулись адвоката Александра Чаузова, чей кабинет зарегистрирован по тому же адресу, но судебного решения о проведении ОРМ там не было. Адвокат обращался в несколько ведомств, указывая на противоправные действия в отношении него [180]. В СК РФ ему сообщили, что никаких процессуальных действий по делу адвоката Марии Бонцлер в отношении Морозова не проводилось. Его заявление о возбуждении уголовного дела по признакам превышения должностных полномочий – в связи с незаконным удержанием адвоката на протяжении нескольких часов и изъятием его личных вещей – до сих пор пересылается из одной инстанции в другую. По последним сведениям, этим вопросом занимается военный следственный отдел Следственного комитета Российской Федерации по Калининградской области. Совет Адвокатской палаты направил [181] заключение о нарушении профессиональных прав адвокатов председателю Калининградского областного суда, руководителю ФСБ по области, в Прокуратуру, Управление Минюста и военному прокурору по гарнизону [182]. Однако каких-либо иных активных действий, направленных на содействие в реальном восстановлении прав адвоката и возвращении ему необоснованно изъятых вещей, палата не предпринимает.

2.6.3. 19 ноября 2025 г. ФПА опубликовала результаты опроса среди адвокатов на тему давления со стороны правоохранительных органов. По данным исследования, 72,1 % адвокатов сталкивались с попытками склонить их к побуждению подсудимого признать вину. 63,4 % адвокатов сталкивались с требованиями формально ознакомиться с материалами дела, а 52,1 % – с препятствиями в доступе к вещественным доказательствам. Больше половины респондентов (53,5 %) сталкивалась с угрозами привлечения к ответственности за активную защиту. Кроме того, 79,6 % адвокатов сталкиваются с несвоевременным уведомлением о следственных действиях [183]. Публикация подтвердила ранее сделанные выводы о том, что российские адвокаты вынуждены осуществлять профессиональную деятельность во враждебной среде [184]. Отсутствие активных действий ФПА, направленных на противодействие выявленным негативным тенденциям, даже несмотря на их бесспорное наличие и признание самой ФПА, также фактически нашло свое подтверждение.

2.6.4. Проблемы недопуска адвокатов к подзащитным продолжают активно обсуждаться в СМИ [185], признаются ФПА и адвокатскими па-

латами [186], однако на протяжении многих лет они системно не решаются.

2.6.5. 15 августа 2025 г. опубликована информация о том, что в ходе судебного процесса по рассмотрению апелляционной жалобы на приговор суда в отношении адвокатов Вадима Кобзева*, Алексея Липцера* и Игоря Сергунина* Владимирский областной суд отказался приобщать заключение ФПА о нарушении прав адвокатов к материалам дела, чем снял с себя обязанность оценки этого, по сути, единственного порыва ФПА, направленного на демонстрацию защиты адвокатов в их уголовном деле [187].

2.6.6. Вместо активной защиты адвокатов, руководители органов ФПА ограничиваются заявлениями о том, что «...теперь российским адвокатам придется учитывать, что адвокатская тайна при их свиданиях наедине с подзащитными в специально отведенных для этого помещениях колоний, тюрем и следственных изоляторов не имеет в судебной практике полной защиты...» [188].

2.6.7. Между тем, процесс распада адвокатуры постепенно переходит в следующую фазу. 24 ноября 2025 г. ФПА проинформировала о том, что на Чукотке две из девяти юридических консультаций лишены возможности принимать граждан. В ФПА отметили, что обсудили ситуацию, с которой столкнулась адвокатура Чукотского автономного округа. Адвокатская палата этого региона, а также две юридические консультации лишились помещений, в которых работали сотрудники аппаратов данных некоммерческих организаций и осуществляли прием граждан непосредственно адвокаты – в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и уголовного судопроизводства по назначению органов дознания, предварительного следствия и суда. В письме президента Адвокатской палаты Чукотского автономного округа на имя президента ФПА указывается, что в связи с малочисленностью профессионального сообщества в регионе (17 адвокатов) у палаты отсутствуют собственные денежные средства для аренды помещений, как для юридических консультаций, так и для адвокатской палаты. [189] О решении возникшей проблемы до настоящего времени не сообщалось.

2.6.8. 12 февраля 2026 г. опубликована информация о том, что в Адвокатской палате Удмуртской Республики зафиксировано сокращение числа адвокатов, работающих в государственной системе бесплатной юридической помощи. Об этом президент палаты Людмила Лямина сообщила на встрече с президентом ФПА Светланой Володиной. По словам Ляминой, отток связан с изменением подсудности по ряду категорий дел, а также с тем, что часть из них была отнесена к сведениям, составляющим государственную тайну. Эти изменения повлияли на условия участия адвокатов в делах по назначению и, как отмечается, стали одной из причин снижения их вовлеченности [190].

2.6.9. Представитель Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в ходе выступления на заседании Совета ФПА, состоявшемся в октябре 2025 года, представил данные о массовых случаях неявки адвокатов в судебные заседания и признана неспособность ФПА и адвокатских палат решить данную проблему [191]. На основе анализа официальной статистики и реакции ФПА очевиден вывод о кризисе дисциплинарной и организационной системы адвокатуры в России, потере ею функций саморегулируемого профессионального сообщества и утрате репутации института, призванного содействовать правосудию, что подтверждает необходимость системной реформы российской адвокатуры в части подотчетности, прозрачности и реальной независимости от административного влияния.

2.6.10. 5 апреля 2026 г. в Совете Федерации состоялся круглый стол на тему «Ответственность за воспрепятствование адвокатской деятельности. Защита прав адвоката в цифровой среде». В ходе мероприятия президент ФПА Светлана Володина высказалась о давлении на адвокатское сообщество со стороны правоохранительных органов. По ее словам, адвокаты боятся активно защищать своих доверителей и вести громкие дела, так как знают, что могут столкнуться с уголовным преследованием. [192] О более решительных действиях направленных на прекращение порочной практики давления на адвокатов и адвокатуру в целом, чем просто высказывание на мероприятии, не сообщалось.

2.6.11. Неспособность ФПА и адвокатских палат выполнять свои функции проявляется в бездействии по защите адвокатов и решении системных проблем. Несмотря на признание фактов давления, реальных мер не предпринимается. Руководство ФПА и адвокатских палат предпочитает подотчетность перед властью, а не защиту профессии и подотчетность перед адвокатами. Три четверти адвокатского корпуса подвергаются системному процессуальному шантажу, а ФПА ограничивается лишь публикацией результатов опросов без организации массовых протестных действий (например, общенациональных забастовок защитников), что доказывает полный

паралич воли корпоративного руководства. Более того, ФПА не смогла защитить адвокатов от включения в орбиту Росфинмониторинга и сферу действия закона о противодействии легализации (отмыванию) доходов, что привело к созданию механизмов, позволяющих запрашивать у адвокатов конфиденциальную информацию о клиентах без их согласия, что вынудит адвокатов нарушать конфиденциальность и фактически доносить на своих клиентов, разрушая фидуциарную основу профессии. ФПА и адвокатские палаты по большинству дел проявляют пассивность в защите прав адвокатов, ограничиваясь формальными заключениями и не добиваясь реального восстановления нарушенных прав и наказания виновных должностных лиц. Публикация опросов ФПА о давлении на адвокатов не сопровождается сколько-нибудь активными и результативными действиями по противодействию этим негативным тенденциям, что подтверждает неспособность ФПА и адвокатских палат выполнять свою защитную функцию.

2.7. Обсуждение антиадвокатских изменений в Кодекс профессиональной этики адвоката

2.7.1. 10 сентября 2025 г. опубликовано сообщение о том, что ФПА вновь планирует обновить КПЭА, и планирует обсудить изменения на Ежегодной научно-практической конференции «Адвокатура. Государство. Общество» в Москве. Каждая адвокатская палата представлена ограниченным числом участников: от 2 до 5 человек в зависимости от численности адвокатской палаты. На проведенной 24 октября 2025 г. конференции были предложены точечные изменения в КПЭА: уточнить запрет на представление интересов оппонента бывшего доверителя, закрепить необходимость учитывать последствия проступка при решении вопроса о прекращении статуса, обсудить введение новых мер взыскания – повторной сдачи квалификационного экзамена и штрафа [193].

2.7.2. Обсуждение антиадвокатских изменений в Кодекс профессиональной этики направлено на ужесточение контроля и введение новых санкций. Предложения ограничивают свободу адвокатов и усиливают дисциплинарное давление. Процесс обсуждения корпоративных норм поведения фактически закрыт и непредставителен. Предлагаемые изменения носят точечный характер и не решают системных проблем независимости адвокатуры. Обсуждение повторной сдачи квалификационного экзамена и штрафа как мер дисциплинарного взыскания при системном использовании дисциплинарных механизмов для политического преследования адвокатов создает угрозу расширения карательных инструментов без одновременного усиления гарантий от их злоупотребления.

2.8. Политизация деятельности Федеральной палаты адвокатов и адвокатских палат регионов России

2.8.1. Изучение публикаций в СМИ показывает, что СМАР и адвокатские палаты регионов, как и ранее, регулярно продолжают проводить мероприятия на площадке политической партии «Единая Россия» [194], что приводит к политизации сферы юридической помощи.

2.8.2. 8 сентября 2025 г., в День памяти жертв блокады Ленинграда, в г. Москве и г. Санкт-Петербурге показали фильм «Блокадная юстиция. Адвокаты». Формально лента посвящена работе адвокатов в блокадном Ленинграде 1941–1944 годов, однако историческая тематика здесь скорее фон. Центральная задача проекта – показать адвокатуру как институт с особыми заслугами и укрепить ее престиж в глазах общества и государства. Автор проекта заявляет, что он имеет задачу «повышать престиж института адвокатуры» и выстраивать доверие к корпорации на фоне предстоящей реформы судебного представительства. В итоге зритель получает не столько документальный рассказ о юристах в условиях блокады, сколько еще один элемент корпоративной пиар-кампании, обрамленной патриотическим нарративом [195].

2.8.3. 13 декабря 2025 г. опубликована информация о том, что Пленум Верховного суда РФ принял постановление о признании утратившим силу своего же постановления от 27 июня 2013 г. «О применении судами Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». Речь о Европейской конвенции, на основании которой принимает решения Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) и которая фактически была денонсирована РФ еще в марте 2022 г. До этого она соблюдалась частично: в июле 2015 г. Конституционный Суд признал неприменимыми в РФ решения ЕСПЧ, если они противоречат российской Конституции. Нынешнее постановление старательно исключает все ссылки на Конвенцию и на решения ЕСПЧ из всех своих прежних документов [196]. Представитель ФПА Нвер Гаспарян по этому поводу заявил, что постановление Пленума Верховного Суда России, которым принято решение избавиться от следов Европейской конвенции и практики ЕСПЧ, выглядит последовательным и логичным [197]. Этот представитель позже высказывался также в

поддержку иных репрессивных норм, вводимых в законодательство [198]. ФПА в лице представителя Елены Авакян также высказывала поддержку введению телесных наказаний для кибермошенников в Сингапуре [199].

2.8.4. В сентябре 2025 г. было объявлено о реализации ФПА проекта «Я – гражданин: Право. Ответственность. Действие» [200]. О реализации проекта Президент ФПА Светлана Володина регулярно публично отчитывается перед представителями государственных органов [201]. Однако исследования [202] показали, что под благовидным предлогом правового просвещения и патриотического воспитания юношества скрывается механизм жесткой идеологической индоктринации. Хотя проект официально заявлен как просветительский, его институциональное оформление, содержательные акценты и риторика создают основания для сопоставления с практиками институциональной идеологизации и мобилизации, характерными для авторитарных и тоталитарных государственных систем. Анализ содержания программы проекта показал, что большая часть предложенной им лекции декларирует объяснение понятий «конституция», «права», «ответственность», но при этом делает упор на «безопасность государства», «противодействие врагам», «шпионаж». Мероприятия проходят в формате публично-ориентированных лекций с апелляциями к «единству» и государственной повестке. Между тем в содержании предложенных проектом лекций явно прослеживается слабое присутствие вопросов, направленных на развитие навыков гражданской критики, правовую защиту интересов меньшинств, защиту прав оппонентов; при этом преобладают практики конформизма и мобилизации. Это расходится с научной концепцией зрелого патриотизма, основанной на уважении к правам человека и верховенству права. Правовая грамотность в проекте представлена преимущественно как средство предотвращения «угроз государственности», а не как средство расширения доступа к защите, защиты прав человека и развития независимого правового мышления. Такое «правовое воспитание» превращается в инструмент пропаганды, а не в воспитание активного гражданина-патриота. Поэтому проект не соответствует здравой научно-правовой модели патриотизма, ориентированной на защиту прав и верховенство права. Он ориентирован, прежде всего, на формирование лояльности, что ставит под сомнение его заявленную образовательную и гражданско-просветительскую цель. Анализ содержания программы проекта показывает, что она, прикрываясь голословными декларациями о «правовом просвещении» и «активной гражданской позиции», на деле представляет собой инструмент идеологической обработки и запугивания. Программа содержит фундаментальные несоответствия, правовые искажения и манипулятивные приемы, направленные не на воспитание свободного гражданина, а на формирование пассивного, лояльного и запуганного субъекта-подданного. В программе заложено вопиющее противоречие между заявленными целями и фактическим содержанием. Целью ставится формирование «осознанного понимания гражданственности и патриотизма как активной позиции». В задачах указано: «помочь слушателям осознать себя действующими гражданами» и «мотивировать к действию». Однако все содержание программы системно и целенаправленно блокирует, криминализует и маргинализует любую форму реальной гражданской активности, связанной с политической и общественной жизнью. Все «правовое просвещение» сводится к запугиванию статьями Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях, причем в самой репрессивной, а нередко в неправильной их трактовке. Вместо воспитания свободных граждан, осознающих свои права, проект насаждает парадигму безоговорочной лояльности, подменяя понятие гражданского достоинства банальным страхом перед государственными санкциями. Подобная инициатива в корне противоречит самой природе адвокатуры как независимого института гражданского общества. Вместо того чтобы просвещать молодежь о фундаментальных правах человека, свободе слова и механизмах правового контроля над властью, программа фокусируется на запретительной риторике и обязанностях. Более того, проект создает серьезные риски нарушения адвокатской тайны при использовании предлагаемых в рамках проекта цифровых сервисов, что является совершенно недопустимым. Реализация проекта свидетельствует об отказе руководящих структур адвокатуры в лице ФПА от своей изначальной правозащитной миссии и превращении их в послушный придаток государственного аппарата.

2.8.5. ФПА и многие адвокатские палаты активно и различными способами демонстрируют свою политизацию, прежде всего, тем, что их руководство поддерживают проведение Специальной военной операции (далее – СВО). Информация об этом регулярно публикуется в телеграм-каналах и на интернет-ресурсах. Так, Президент ФПА Светлана Володина заявляет: «Наше единство

проявляется и в солидарности со всеми гражданами нашей страны. Адвокатура реализует гуманитарные проекты для участников СВО и их семей, оказывает бесплатную юридическую помощь в рамках государственной системы и pro bono, поддерживает различные благотворительные акции» [203]. Представители ФПА и адвокатских палат участвуют в мероприятиях для участников и членов семей участников СВО и мероприятиях, посвященных вопросам оказания помощи этим лицам [204], публикуют интервью с адвокатами – участниками СВО [205]. Представление адвокатами интересов участников СВО и их юридическое консультирование популяризируется путем размещения информации на сайтах ФПА и адвокатских палат, [206] как и проведение адвокатами консультационных мероприятий специально для этих лиц [207]. При помощи размещения информации о награждениях адвокатов – участников СВО популяризируется непосредственное участие адвокатов в СВО [208], а также финансовая и материальная помощь СВО [209]. Так, например, 20 февраля 2026 г. АП Республики Башкортостан сообщила о том, что адвокатами палаты были куплены прицеп и два мотоцикла. Помимо техники, в груз вошли портативные электростанции, аккумулятор для квадрокоптеров, печь-буржуйка, блиндажные свечи, маскировочные сети, медикаменты, мед, продовольствие и прочие предметы первой необходимости, которые президент палаты Булат Юмадилов вместе с помощниками лично доставил в зону СВО [210]. Подобные грузы в зону СВО адвокатская палата направляла уже более 10 раз [211]. 13 марта 2026 г. опубликована новость о том, что Адвокатской палатой Челябинской области по просьбе военнослужащих, проходящих службу в зоне СВО, в феврале 2026 г. был объявлен сбор на приобретение трех мотоциклов. Сумма сбора с доставкой составила 470 000 руб. Оставшиеся после приобретения мотоциклов денежные средства палата решила направить в виде благотворительной помощи на нужды госпиталя Чебаркульской дивизии. 28 мая 2026 года Президентом ФПА было объявлено, что в СВО участвуют 345 адвокатов, 38 адвокатов погибли, еще 1 числится пропавшим без вести. [212].

2.8.6. С точки зрения догматики международного права и Основных положений ООН о роли юристов [213], профессиональные объединения адвокатов обязаны сохранять строгий политический нейтралитет. Интеграция ФПА в государственную идеологическую повестку (проведение патриотических лекций о противодействии шпионажу вместо лекций о правах человека) означает, что адвокаты, придерживающиеся пацифистских или оппозиционных взглядов, вынуждены через свои обязательные отчисления финансировать деятельность, противоречащую их убеждениям. Это является грубым нарушением свободы совести. Реализуемые ФПА проекты «правового просвещения» по сути являются инструментом идеологической обработки и запугивания молодежи, что противоречит правозащитной миссии адвокатуры. ФПА открыто демонстрирует отказ от международных стандартов прав человека. ФПА и региональные палаты активно интегрируются в государственную политическую повестку, поддерживая специальную военную операцию, проводя мероприятия на площадках политической партии «Единая Россия» и поддерживая репрессивные законодательные инициативы.

2.9. Нецелевые траты обязательных отчислений адвокатов

2.9.1. 22 сентября 2025 г. опубликована новость об установке памятника адвокату Федору Плевако (1842 –1909). Обращается внимание, на то, что адвокатской палатой Челябинской области было выделено 10 миллионов рублей, а средства на установку памятника собирали с адвокатов [214]. При этом в прошлом году президент ФПА Светлана Володина предложила увеличить на 200 рублей (примерно 2,1 евро или 2,6 доллара США) размер ежемесячных адвокатских взносов на нужды организации, а среди статей расходов, которые необходимо профинансировать, была и установка памятника Плевако [215]. Между тем данные расходы не являются необходимыми для адвокатов и адвокатских палат. Помимо памятника, администрация города потратила 28 миллионов рублей на благоустройство сквера, который в этом не нуждался, вызвав крайнее неудовольствие местных жителей [216].

2.9.2. Нецелевые траты взимаемых с адвокатов отчислений подтверждаются финансированием памятников и благоустройства вместо нужд профессии. Данные траты не связаны с обеспечением профессиональных прав и интересов адвокатов. Адвокаты фактически вынуждены оплачивать имидж ФПА и палат, а не свою защиту. Это подрывает доверие и свидетельствует о финансовой непрозрачности деятельности ФПА и адвокатских палат.

2.10. Продвижение «адвокатской монополии»

2.10.1. Федеральная палата Российской Федерации на протяжении всего времени, прошедшего с августа 2025 г., продолжала активно продвигать принятие законопроекта об «адвокатской

монополии» [217]. Сторонники инициативы (в основном – это представители органов управления адвокатских палат и зависимых от них членов СМАР) считают, что реформа повысит качество юридических услуг. Они указывают на то, что для получения статуса адвоката необходимо иметь высшее юридическое образование, стаж работы по специальности, успешно сдать квалификационный экзамен и соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. Это, по их мнению, отсеивает неподготовленных и недобросовестных лиц. Также адвокаты несут дисциплинарную и профессиональную ответственность, а в случае нарушений могут быть лишены статуса. Кроме того, сторонники реформы подчеркивают важность наличия у представителя режима «адвокатской тайны» и механизма адвокатского запроса к государственным органам [218]. Пропаганда идей «адвокатской монополии» ФПА активно ведется уже на протяжении длительного времени [219], при этом частнопрактикующих юристов и иных противников «адвокатской монополии», бенефициары из ФПА в публикациях сравнивают с «амбарными мышами» [220].

2.10.2. Объединение адвокатов и юристов «Инициатива 2018» [221], а также ряд иных общественных организаций, выступили против законопроекта об «адвокатской монополии» [222].

Законопроект о введении «адвокатской монополии», инициированный Минюстом и поддержанный ФПА, формально направленный на «профессионализацию судебного представительства», представляет собой инструмент контрреформы, проводимой в целях демонтажа независимой юридической профессии и тотального подчинения адвокатов и юристов государству. Предложенное к введению требование обязательного наличия адвокатского статуса у судебных представителей на самом деле не связано с квалификацией или этикой, а представляет собой организационную меру, превращающую адвокатуру в инструмент государственного регулирования юридического рынка.

Разработчиками законопроекта предложено осуществить ликвидацию возможности самостоятельной правозащитной деятельности частнопрактикующих юристов, юристов – сотрудников юридических фирм и юристов-правозащитников, не входящих в адвокатуру, посредством введения механизма их принудительной инкорпорации в адвокатуру как в фактически подчиненную государству структуру, вследствие чего законопроект вступает в противоречие со значительным числом положений Конституции Российской Федерации, не соответствует международным обязательствам России в сфере прав человека и противоречит идеям и принципам правового государства и верховенства права. Вместо укрепления правозащитной функции юридической профессии, законопроект устанавливает чрезмерные ограничения доступа к ней, усиливает давление на адвокатов и юристов и способствует «монополизации» профессии под эгидой ФПА.

Законопроект угрожает социально-экономической стабильности в сфере юридической помощи и юридических услуг, приведет к уничтожению частного сегмента на рынке юридических услуг, повлечет вытеснение десятков тысяч юристов с рынка труда, рост безработицы, ликвидацию малого и среднего бизнеса в юридической сфере, увеличение стоимости юридических услуг и снижение их доступности для населения, что приведет к затруднению доступа к правосудию. Для принудительно инкорпорированных в адвокатуру юристов предлагается установить ограничения по стажу для создания адвокатских образований и ввести непрозрачные механизмы распределения вознаграждения. Их имущественное положение существенно ухудшится вследствие утраты ими права пользоваться механизмами социальной защиты, предусмотренными для работников, вынужденного следования системе налогообложения, применяемой в отношении адвокатов и адвокатских образований, не адаптированной под бизнес-процессы, а также необходимости уплаты обязательных отчислений и вступительных взносов в ФПА и адвокатские палаты. При этом в законопроекте не обоснована потребность в исключительном праве адвокатов на судебное представительство в гражданских, административных и арбитражных делах, не приведено доказательств системно низкого качества юридической помощи со стороны частнопрактикующих юристов, которую бы не мог устранить иными способами существующий государственный надзор и общественный контроль.

Целью контрреформы является не только принудительная инкорпорация всех судебных юристов в адвокатуру под угрозой потери профессии, но и окончательное подавление независимости адвокатуры и адвокатов. В настоящее время состояние организации российской адвокатуры уже не соответствует международным стандартам независимости, самоуправления и подотчетности. ФПА и региональные палаты утратили признаки независимых профессиональных организаций. Они функционируют в логике

и интересах беспрецедентного государственного контроля и репрессивного давления, а не в интересах адвокатов и граждан. Адвокаты не являются членами ФПА, не участвуют в управлении этой организацией и не могут влиять на ее решения, однако они вынужденно содержат ее и подчиняются ее императивным нормам. Система управления адвокатурой в России недемократична, непрозрачна и не подотчетна адвокатскому сообществу. Контроль над процедурами выборов, составом органов, порядком ротации и голосования сконцентрирован в руках узкой группы лиц, что исключает участие адвокатов в управлении профессией. Органы ФПА и адвокатских палат формируют регламенты, утверждают собственное вознаграждение и исключают реальный контроль со стороны адвокатского сообщества.

Предложенные в законопроекте идеи (кроме сокращения срока ответа на запрос адвоката) противоречат международным стандартам и направлены на дальнейшее подчинение адвокатуры государству посредством деятельности поставленных в зависимость и фактически не избираемых демократическим путем чиновников из ФПА и адвокатских палат, и, как следствие, на окончательное подавление независимости адвокатов, особенно тех, кто осуществляет защиту доверителей по так называемым «чувствительным делам». Предложенный законопроект выходит далеко за рамки только вопроса о статусе судебных представителей и предлагает введение масштабных изменений, затрагивающих практически все аспекты организации и деятельности адвокатуры, вследствие чего экстремально усиливается роль ФПА и Минюста в контроле над адвокатами.

Законопроект в нарушение международных стандартов организации и деятельности адвокатуры, усиливает репрессивный контроль государственных органов над адвокатами и адвокатскими палатами и предлагает внедрить ряд опасных для независимости адвокатуры и адвокатов правовых механизмов:

– усиление роли президента адвокатской палаты и одновременное его включение в состав совета палаты и квалификационной комиссии;

– предоставление членам органов управления палаты права участвовать в работе высшего органа управления палаты не в силу избрания делегатами, а в силу занимаемой ими должности;

– введение права Минюста на отложенное вето при допуске в профессию, механизм «ведомственной апелляции», включающий возможность Минюста обжаловать не устраивающее его должностных лиц решения органов адвокатских палат в ФПА, а решений ФПА – в суд;

– введение порядка приостановления статуса адвоката, который может повлечь автоматическое прекращение статуса при несвоевременном его восстановлении;

– введение системы принудительной стандартизации оформления вывесок адвокатских образований и содержания интернет-сайтов, а фактически – системы контроля Минюста еще и за этими аспектами адвокатской деятельности;

– установление Минюстом контроля над порядком прохождения стажировки в адвокатуре;

– введение механизма отмены решений адвокатских палат и принятия ФПА решения вместо органов палат;

– введение механизма отстранения президентов палат по требованию Минюста;

– введение новых ограничений при допуске к профессии и новых оснований для прекращения статуса адвоката;

– легализация введения обязательных отчислений при приостановленном статусе адвоката и вступительных взносов в адвокатские палаты;

– введение обременительных ограничений в отношении иностранных адвокатов;

– формирование предпосылок для создания механизма дисциплинарного преследования адвокатов на уровне адвокатских образований.

Очевидно, что предлагаемые нововведения подрывают принципы независимости, корпоративности, самоуправления и равноправия адвокатов, превращая адвокатуру в подчиненную воле должностных лиц ФПА и чиновников Минюста вертикально управляемую структуру, в связи с чем был сделан вывод о том, что принятие законопроекта способно привести к окончательному демонтажу независимой юридической профессии в России и к разрушению остаточных демократических институтов адвокатского самоуправления, усилению атмосферы страха и репрессий в адвокатуре и окончательному разрушению независимой правозащитной функции профессии адвоката и юриста.

Законопроект способен негативно повлиять на доступность квалифицированной юридической помощи, ведет к нарушению права каждого на юридическую помощь специалиста, выбранного им самим, усугубит и без того непростую ситуацию с соблюдением прав человека в России.

«Адвокатская монополия» в предложенном варианте – это кульминация процесса завершения деградации юридической профессии в Рос-

сии, в связи с чем представленный законопроект подлежит отклонению [223].

2.10.3. Противники принятия законопроекта – здравомыслящие адвокаты, правозащитники, частнопрактикующие юристы, представители науки и бизнеса активно и консолидировано выступили против законопроекта [224]. Они создали общественное движение «Объединение юристов», сейчас в нем более 4,2 тыс. участников [225], создали саморегулируемое объединение «Юристов судебных представителей» [226], направили огромное количество возражений против законопроекта [227] и провели протестное голосование на портале общественного обсуждения, обеспечив достижение 11 000 голосов против законопроекта при менее чем 1000 за него [228], подготовили разборы положений законопроекта [229], собрали и опубликовали критические мнения [230], видеоинтервью [231], видеосюжеты [232] и стримы [233], проводили сами [234] и участвовали в проведении многочисленных открытых обсуждений [235], в том числе – в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации [236], организовывали общественные обсуждения в прямом эфире в формате круглосуточного онлайн Интернет-марафона [237], инициировали судебный процесс по иску к Министерству юстиции о незаконном непроведении оценки регулирующего воздействия при подготовке законопроекта и привлекли к нему общественное внимание и более 200 соистцов (в настоящее время производство по делу прекращено судом, что было обжаловано истцами [238], но на стадии апелляции – пока безуспешно [239]) [240], обращались в прокуратуру с требованием привлечь министра юстиции к административной ответственности за непредставление информации по запросу граждан (ст. 5.39 КоАП РФ) [241], осуществляли личное посещение сотрудников Министерства юстиции на приеме [242]. Велась и активная работа по обсуждению вопроса о недопустимости введения «адвокатской монополии» в социальных сетях. Видеозапись [243], подтверждающая доклад министра юстиции Константина Чуйченко президенту России Владимиру Путину, в котором первый заявил, что якобы все заинтересованные органы и правительство поддержали идею «адвокатской монополии» (представленную как «профессионализация судебного представительства»), размещенная в профессиональных группах социальных сетей, всего за пять дней набрала более 300 000 просмотров и более 600 гневных комментариев [244].

2.10.4. Анализ СМИ показал, что противники законопроекта выдвинули и организовали продвижение ряда убедительных возражений против введения «адвокатской монополии»:

– дефицит адвокатов. По данным на 2025 год, в России насчитывалось около 75–76 тысяч адвокатов, тогда как юристов без адвокатского статуса – около 440 тысяч. При этом адвокаты неравномерно распределены по регионам, что могло привести к недоступности юридической помощи в отдаленных районах [245].

– рост стоимости услуг. Адвокаты несут дополнительные расходы (вступительные взносы, обязательные отчисления в ФПА, адвокатские палаты, адвокатские образования), что неизбежно отразится на стоимости услуг для клиентов [246].

– угроза независимости адвокатуры. Расширение полномочий Минюста (например, право оспаривать решения адвокатских палат в суде) могло усилить административное давление на адвокатуру и нарушить принцип ее независимости [247].

– ограничение конституционных прав. Противники считают, что реформа нарушает право граждан на доступ к правосудию и право юристов на выбор рода деятельности [248].

– экономические потери и ограничение конкуренции. Многие юристы могут лишиться работы, а малый бизнес столкнется с ростом расходов на адвокатов [249], а также ограничится конкуренция на рынке юридических услуг [250].

Высказывались обоснованные соображения и об иных отрицательных свойствах «адвокатской монополии» [251] в том числе, и о коррупциогенных факторах предложенного законопроекта [252].

2.10.5. Чтобы показать, что адвокаты поддерживают «адвокатскую монополию», ФПА использовала в своих целях так называемых «молодых адвокатов» из СМАР. С 21 июля по 7 августа 2025 г. СМАР проводил акцию в поддержку законопроекта Минюста, который руководство ФПА предписало называть не иначе как «законопроект о профессионализации судебного представительства». Членов СМАР привлекали к публикации мнений в телеграм-канале и социальных сетях [253]. Для продвижения инициативы был создан специальный сайт [254], на котором развернута публикация отзывов зависимых от ФПА адвокатов, высказывающихся только в пользу законопроекта. Кроме того, адвокатские палаты некоторых регионов России размещали на своих информационных ресурсах ссылки на законопроект с текстом в его поддержку и призывами ставить «лайки». Среди таких палат – Калининградская, Нижегородская, Удмуртская. В Адвокатской

палате Республики Дагестан просили не только поставить «лайк», но и присылать подтверждающий скриншот [255]. Вице-президент ФПА Михаил Толчеев сделал в своем телеграм-канале репост поста, в котором один из адвокатов, активно поддерживающих ФПА, назвал всех не поддерживающих инициативу введения «адвокатской монополии» «дегенератами» [256].

В августе 2025 г. силами ФПА осуществлялось лоббирование законопроекта в Государственной Думе [257].

8 октября 2025 г. СМАР объявил о запуске третьего этапа информационной кампании «За профессионализацию судебного представительства». На этом этапе подготовлены карточки «Как стать адвокатом», которые помогут претендентам пройти путь в профессию шаг за шагом, а также «Как стать стажером адвоката», в которых рассказывается о стажировке в адвокатуре и содержится пошаговый алгоритм для желающих пройти такую стажировку. По словам председателя СМАР Екатерины Худовой, карточки сделают путь в адвокатуру доступным, прозрачным и понятным. Президент ФПА Светлана Володина назвала карточки оптимальным форматом для желающих стать адвокатами [258].

В интернет-опросе ФПА по проблеме «адвокатской монополии» из более чем 80 000 адвокатов приняли участие лишь 4 979 человек, что составляет всего лишь около 6 % от общего числа адвокатов страны. Подавляющее большинство респондентов (77,4 %) поддержало принятие поправок (55,7 % – «полностью поддерживают», 21,7 % – «скорее поддерживают»), 8,1 % относятся «нейтрально», 7 % – «скорее не поддерживают», 7,5 % – «категорически против») [259]. Однако ФПА с привлечением крупнейшего государственного СМИ (ТАСС), попыталась представить результаты этого опроса, таким образом, будто бы он получил поддержку 77 % от всех представителей адвокатского сообщества [260], в то время как реальные цифры показали обратное: десятки тысяч адвокатов, не участвовавших в опросе, своим пассивным поведением показали, что они не желают принимать участие в действиях ФПА по продвижению законопроекта и вообще в какой-либо деятельности этой организации [261].

15 сентября 2025 г. Минюст и ФПА делая вид, что учли предложения, поступившие в рамках общественного обсуждения, заявили, что будут скорректированы проектируемые нормы о принесении присяги адвоката, а также о том, что положения законопроекта будут доработаны в части расширения круга лиц, на которых не распространяются его положения: в частности, представителями граждан, за исключением индивидуальных предпринимателей, смогут быть также супруги, родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, полнородные и неполнородные братья и сестры при наличии у них высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности. Кроме того, действия, не связанные с оказанием лицу, участвующему в деле, квалифицированной юридической помощи по делу, смогут осуществляться лицами, имеющими выданную лицом, участвующим в деле, доверенность на совершение таких действий независимо от соответствия лиц, имеющих доверенность, требованиям, предъявляемым к представителям граждан и организаций законодательством, а также «предоставляется возможность штатным юристам компаний представлять не только свои фирмы, но и те, которые входят в общую с их работодателем группу» [262].

Минюст также вел активную информационную кампанию по лоббированию законопроекта об «адвокатской монополии» среди юристов, заявляя, в частности о том, что законопроект поддержал Общественный совет при Минюсте. Одним из членов Общественного совета оказался бенефициар ФПА Владимир Плигин [263], который, выступая как сопредседатель «Ассоциации юристов России» на заседании Общественного Совета «подчеркнул чрезвычайную важность обсуждаемого законопроекта» и «особо указал на то, что положения законопроекта будут способствовать повышению качества представительства интересов граждан и юрлиц в судах и, как следствие, самого судебного процесса» [264].

Министр юстиции Константин Чуйченко для поддержки законопроекта делал заявления в СМИ, в частности, о том, что закон об «адвокатской монополии» призван защитить конституционные права граждан на квалифицированную юридическую помощь, которую способны оказывать лишь «лица, которые подчинены этическим и профессиональным стандартам». Он также подчеркнул, что инициатива обеспечит «достойное» поведение защитников. «Если они таковыми не являются, то государство должно иметь право объявлять их нерукопожатными и не допускать в представительство», – заявил Константин Чуйченко, также указав, что «любое наведение порядка предполагает определенное недовольство». Министр юстиции также отметил, что не согласен с тем, что закон об «адвокатской монополии» сократит поступления в бюджет страны. По его мнению, инициа-

тива лишь отсеет тех представителей профессии, кто вообще не платит налогов [265]. Однако при этом мотивировки своих утверждений Министр не привел, в отличие от экспертов, доказательно утверждающих обратное и указывающих на весьма вероятный значительный вред экономике от введения «адвокатской монополии» [266].

Кампанию пропаганды «адвокатской монополии» проводили и представители ФПА. Причем эта кампания проводилась по правилам «информационных войн», что приводило к фактическому утаиванию не устраивающей руководство ФПА информации от адвокатов. Так, например, в ФПА ожидаемо не сочли нужным освещать в опубликованном на своем сайте материале [267] конструктивные возражения против «адвокатской монополии», прозвучавшие на круглом столе в Государственной Думе [268]. Аналогичным образом ФПА поступила и при освещении второго круглого стола, проведенного там же [269].

ФПА активно применяла агрессивную рекламу законопроекта об «адвокатской монополии», основываясь на нескольких нерелевантных примерах, делая заявления о том, что в России якобы растет число юристов, желающих получить статус адвоката [270].

Другой пример: экс-вице-президент Федеральной палаты адвокатов, а ныне – «руководитель цифровой трансформации» ФПА Елена Авакян пыталась убедить участников Сибирской юридической недели (SibLegalWeek) в том, что «адвокатская монополия» – это «новая реальность», которую даже уже нельзя изменить. По итогам форума она заявила о том, что дискуссию ей якобы удалось «завершить в ее пользу», раскрыла ряд характеристик примененной ею технологии обмана. Оказывается, она «старалась построить диалог таким образом: объяснить, что адвокатская корпорация не пытается «перетянуть одеяло на себя», как утверждают противники реформы, а, наоборот, в сложной жизненной ситуации подставляет юридическому сообществу плечо, давая возможность объединиться на базе корпорации с более чем 160-летней историей», на что участник мероприятия юрист Евгений Шестаков публично отреагировал следующим комментарием: «Реальность была другой. Президиум круглого стола из четырех человек: три адвоката и один юрист (я), за исключением Елены Авакян, выступал против монополии. Зал также не был на стороне Елены. Заметка на сайте ФПА – конечно же, образец постправды» [271], который был поддержан другими участниками и наблюдателями события [272].

Впрочем, в информационной политике ФПА встречались и более явные «проколы». Например – попытка автоматической накрутки позитивных реакций к постам в телеграм-канале [273]. Были и случаи курьезных высказываний. Так, например, Президент Адвокатской палаты Калининградской области Евгений Галактионов в одном из своих выступлений в СМИ заявил, что для адвокатской палаты «количество приходящих всегда должно быть больше количества уходящих», иначе «у нас не будет денег на учебу, на проведение мероприятий, не будет денег на организацию всего нашего адвокатского сообщества» [274], чем фактически подтвердил доводы противников «адвокатской монополии» об экономическом подтексте действий ФПА и адвокатских палат, активно участвующих в продвижении законопроекта об «адвокатской монополии».

Адвокат Генри Резник в рамках мероприятий по продвижению «адвокатской монополии» обвинил ее противников в демагогии и популизме и поблагодарил министра юстиции Константина Чуйченко за подготовку законопроекта, добавив, что его благодарность «дорогого стоит», ведь исходит от него, от «правозащитника», при этом пытаясь убедить присутствующих, что инициатива исходила не от Минюста: «Первое. Кому нужен этот законопроект? Ошибочно было бы считать, что это продукт творчества Минюста. В последнее время абсолютно неожиданно пришел новый министр и решил: давайте-ка объединим судебное представительство на базе адвокатуры – и ничего подобного. Десять лет разрабатывалась программа юстиции. Десять лет. Менялось руководство Министерства юстиции. Существовала рабочая группа, в которую входили адвокаты. Я, грешный, входил в нее, и Пепеляев, и Буробин». Также он заявил, что документ нужно принять в первом чтении, а поправки, если потребуется, внести потом – «во втором», пытаясь таким образом успокоить сомневающихся. Единственный момент в законопроекте, который вызывает у него недовольство, – это положение, позволяющее Минюсту вмешиваться в работу адвокатских палат, включая возможность отстранения их руководства; он сравнил это с «отделением мух от котлет» [275].

Президент ФПА Светлана Володина в ходе мероприятий по обсуждению законопроекта об «адвокатской монополии» пыталась представить ее не как насильственное вытеснение свободных юристов с рынка, а как некий естественный и желательный процесс вхождения в адвокатуру – условный «брак по любви». По ее логике, речь идет

не о запрете профессии для судебных представителей, а о переводе их в более правильную, организованную и этически стандартизированную форму профессиональной деятельности. Она также возражала критикам тем, что адвокатура якобы открыта для вступления, а значит говорить о «лишении профессии» некорректно. Кроме того, в ее позиции содержится мысль о том, что единый профессиональный статус, общие стандарты, дисциплинарный контроль и корпоративная организация должны повысить качество юридической помощи и доверие к судебному представительству. Критика законопроекта подается Светланой Володиной как преувеличенная, эмоциональная и не учитывающая интересы граждан и самой профессии. Между тем, очевидно, что для огромного числа практикующих юристов переход в адвокатуру не будет свободным выбором: если их фактически лишают права профессионально представлять доверителей в судах вне адвокатского статуса, то это уже не «любовь», а принуждение. Формальная возможность вступления в адвокатуру не отменяет существа проблемы, потому что речь идет не о добровольном расширении возможностей, а о нормативном вытеснении всех иных форм юридической профессии из ключевой части рынка. В этой логике возражение Володиной о том, что «никого не лишают профессии», является словесной подменой: юристу могут не запретить называться юристом, но у него отнимут основную профессиональную функцию – судебное представительство. Сама по себе корпоративизация не доказывает роста качества, зато создает дополнительные риски зависимости, дисциплинарного давления и административного контроля. Иначе говоря, обещание «более высокого уровня профессии» у Светланы Володиной строится на предпосылке, которая не является доказанной: усиление корпоративного фильтра может не улучшить правовую помощь, а лишь сделать профессию менее свободной и более управляемой. Вместо содержательного ответа на ключевые претензии – о конкуренции, свободе профессии, риске дисциплинарного произвола, зависимости адвокатуры от ее руководящих органов – Светланой Володиной используется смягчающая риторика о профессиональном единстве, цивилизованном рынке и заботе о гражданах. Поэтому ее возражения являются не опровержением критики по существу, а лишь попыткой представить принудительную перестройку рынка юридической помощи в более привлекательном и безобидном виде [276].

2.10.6. В ноябре 2025 г. ФПА, не дожидаясь принятия законопроекта «об адвокатской монополии», фактически начала осуществлять имплементационную кампанию для не принятых еще положений предполагаемого закона. Так, Комиссия по этике и стандартам ФПА разъяснила, как будет учитываться стаж работы по юридической специальности для будущих адвокатов, которые работают как индивидуальные предприниматели или самозанятые. Разъяснение вызвано вопросами о том, можно ли включать в стаж работу помощником адвоката до получения высшего юридического образования и деятельность индивидуальных предпринимателей или самозанятого лица, основной деятельностью которых является оказание юридических услуг. ФПА решила, что будет требовать у юристов, принудительно инкорпорируемых в адвокатуру, подтвердить, что претендент вел юридическую практику не менее двух лет, и дополнительно – что эта деятельность велась по собственноручно заранее разработанному и утвержденному регламенту. Для зачета стажа претендент также должен предоставить подтверждение регистрации деятельности – выписку из ЕГРИП с кодом ОКВЭД 69.10 или справку о постановке на учет как самозанятого; документы, подтверждающие юридическую практику – копии судебных актов, где он выступал в качестве представителя, за период не менее двух лет; подтверждение уплаты страховых взносов на обязательное пенсионное страхование. Юрист из Санкт-Петербурга Екатерина Гуленкова, которая активно выступает против законопроекта об «адвокатской монополии», в связи с этими требованиями отметила, что они выглядят практически невыполнимыми. По сути, претендент должен заранее «сам себе прописать правила» работы, а затем доказать, что два года строго следовал им. Кроме того, остается непонятным, как требование о пенсионных взносах будет применимо к самозанятым [277] (которые их не уплачивают).

28 октября 2025 г. была опубликована информация о том, что Совет ФПА рекомендовал адвокатским палатам регионов установить вступительный взнос на уровне 8-кратного минимального размера оплаты труда в соответствующем регионе [278]. Информация о том, сделали ли это палаты – не сообщается.

21 ноября 2025 г. появилась информация о том, что «в основе пояснительной записки к обсуждаемому законопроекту Министерства юстиции Российской Федерации о профессионализации судебного представительства на основе адвокатуры лежит исследование качества оказания юридических услуг, проведенное Минюстом России совместно с Роспотребнадзором, проку-

ратурой и профессиональным сообществом», а также о том, что эта информация была озвучена сотрудниками Минюста. Следов опубликования этого исследования или его конкретных результатов, представленных общественности, обнаружить не удалось [279].

Кратко описанные выше информационная и преждевременная имплементационная кампания ФПА привели к формированию у большинства представителей юридического сообщества мнения о том, что заявления отдельных представителей высшего руководства ФПА и адвокатских палат показывают, что они не являются носителями высоких моральных стандартов, поскольку ими поддерживается антиправовая система мер по дискриминации новых потенциальных членов корпорации и внутрикорпоративным репрессиям, на уровне руководства корпорации имеет место глубокое пренебрежение к основам правовой системы страны в целом [280].

Введение «адвокатской монополии» и принудительное установление вступительных взносов для почти полумиллиона свободных юристов создает колоссальный финансовый пул для ФПА и региональных адвокатских палат, исчисляемый десятками миллиардов рублей. И именно этот фискальный мотив обусловливает рентно-ориентированное поведение ФПА и региональных корпоративных элит, представляющих органы управления адвокатскими палатами. Кроме того, в результате проведенных исследований было выявлено, что доступ к правосудию даже без введения «адвокатской монополии» в России остается неравным по причине, в том числе, достаточно высоких ставок адвокатского гонорара, рекомендованных адвокатскими палатами. При доступной средней стоимости консультаций полноценное ведение дела в суде обходится «среднему потребителю» дороже месячного дохода в большинстве регионов, превращая юридическую помощь в фактически недоступную услугу [281].

2 декабря 2025 г. ФПА обнародовала идею о необходимости принудительного введения специализации в адвокатуре России [282]. Эта идея противоречит международным стандартам, Конституции РФ и закону об адвокатуре, поскольку подрывает универсальный характер статуса адвоката и ограничивает его профессиональную независимость. В руках ФПА специализация может превратиться в инструмент корпоративного контроля, при котором адвокатов будут фактически делить на «допущенных» и «недопущенных» к определенным категориям дел. Такая модель не расширяет гарантии качества юридической помощи, а, наоборот, создает риски дискриминации внутри профессии и ослабления права доверителя свободно выбирать защитника. Эта инициатива связана с более широкой тенденцией усиления административного влияния ФПА на адвокатское сообщество в связи с чем навязываемая специализация может стать еще одним шагом к ограничению автономии российской адвокатуры [283]. Результаты проведенного ФПА опроса показали, что 69,4 % от общего числа опрошенных высказались против введения специализации в адвокатуре [284], что однако, не положило конец идеям руководства ФПА о принудительном введении специализации адвокатов.

2.10.7. Специальный докладчик ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Мариана Кацарова в своем докладе от 15 сентября 2025 г. A/HRC/60/59 [285] обратила внимание на проблему «адвокатской монополии» и указала: «Сохраняется выраженная в предыдущих докладах обеспокоенность в связи с усилением преследования адвокатов, ведущих защиту лиц в политически чувствительных делах или делах, связанных с национальной безопасностью, ростом количества закрытых судебных процессов и внесением в июле 2025 г. законопроекта, в котором предлагается усилить полномочия контролируемой государством Федеральной палаты адвокатов путем введения обязательного требования о наличии у всех юристов, представляющих интересы в суде в области гражданского и коммерческого права, статуса адвоката» [286].

2.10.8. В ходе судебного процесса по иску ряда частнопрактикующих юристов к Минюсту выяснилось, что министерство утверждает, что законопроект об «адвокатской монополии» уже был передан в Правительство 31 июля 2025 г. Вместе с тем, из 3211 предложений на сайте его общественного обсуждения 1168 до сих пор (по состоянию на 09 ноября 2025 г.) остаются необработанными. Это значит, что в Правительство был направлен законопроект без результатов рассмотрения поступивших предложений, то есть имеет место нарушение п. 20 Правил раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения (утв. Постановлением Правительства РФ от 25.08.2012 г. № 851). В соответствии с этим пунктом разработчик обязан рассмотреть все предложения, поступившие в установленный срок в электронной или письменной форме по результатам общественного обсуждения проекта нормативного правового акта, и не позднее дня

направления проекта нормативного правового акта на согласование с федеральными органами исполнительной власти разместить на официальном сайте сводку предложений, поступивших в рамках общественного обсуждения проекта нормативного правового акта, с указанием позиции разработчика. То есть все результаты рассмотрения обращений должны были быть размещены на сайте не позднее 31 июля 2025, но их там нет до сих пор. При этом на момент публикации информации, судя по сайту, были обработаны 2043 предложения из поступивших 3211 [287].

2.10.9. В результате продолжающегося и постоянно нарастающего активного сопротивления противников законопроекта об «адвокатской монополии» [288], против его принятия выступили представители некоммерческого сектора [289], предпринимательского сообщества, в том числе представители крупных корпораций [290], бизнес-омбудсмены [291], представители торгово-промышленных палат [292], общественных палат [293], депутаты Государственной Думы [294], в том числе председатель профильного Комитета Павел Крашенинников [295], представители Верховного Суда [296], представители органов власти регионов [297]. Среди причин ими назывались сопротивление юридического сообщества, экономические риски, политические соображения и методологические ошибки при разработке реформы [298]. Не продемонстрировали поддержку идеи «адвокатской монополии» и Председатель Комитета Совета Федерации по Государственному строительству Андрей Клишас [299], а также и Игорь Краснов [300] и Александр Гуцан [301], назначаемые на должности соответственно Председателя Верховного Суда РФ и Генерального Прокурора РФ [302].

Член Совета Федерации – сенатор Айрат Гибатдинов и депутат Государственной Думы Алексей Куринный даже предложили превентивно защитить конституционное право юристов, у которых нет статуса адвоката, быть представителями потерпевших в рамках гражданского и административного судопроизводства и внесли соответствующий законопроект [303], который в 2026 г. был все же отклонен [304].

Не было достигнуто единство мнений по вопросу «адвокатской монополии» и в «Ассоциации юристов России». Комиссия по вопросам правового регулирования некоммерческого сектора Московского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» выступила против законопроекта [305]. В то же время публикуется информация о том, что эта организация планирует предложить себя на роль института, консолидирующего судебных представителей [306]. При этом обращает на себя внимание то, что значительная часть неизбираемых адвокатами демократическим путем сотрудников ФПА занимает управленческие должности и в «Ассоциации юристов России».

2.10.10. 29 декабря 2025 г. в адрес Правительства Российской Федерации Специальным докладчиком ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов, представителем рабочей группы ООН по произвольным задержаниям, Специальным докладчиком ООН по вопросу о положении правозащитников, Специальным докладчиком ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации и Специальным докладчиком по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом направлено Письмо с утверждениями о нарушениях по вопросу, о состоянии дел в адвокатуре № AL RUS 13/2025, затрагивающее, в том числе, вопросы «адвокатской монополии» [307]. В письме перед Правительством Российской Федерации были поставлены, в частности, следующие вопросы, непосредственно связанные с законопроектом об «адвокатской монополии»: «3. Пожалуйста, предоставьте обновленную информацию о статусе законопроекта, касающегося реорганизации адвокатуры. Поясните, каким образом его положения обеспечивают самоуправляемый характер, институциональную независимость и способность адвокатов свободно выполнять свои профессиональные обязанности в соответствии с международными стандартами в области прав человека и Основными принципами ООН, касающимися роли юристов. … Пожалуйста, укажите шаги, предпринимаемые для гарантии того, что адвокатские палаты и другие профессиональные органы остаются независимыми, свободными от политического влияния или административного контроля, чтобы они могли эффективно защищать независимость своих членов и поддерживать целостность системы правосудия». Ответ на данное письмо, по имеющимся на настоящее время данным, его авторами не получен.

Тем не менее, по имеющимся на настоящее время данным, законопроект об «адвокатской монополии» на рассмотрение органа законодательной власти (Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации) не внесен, фактически заморожен [308] и даже снят с повестки

дня [309], но его дальнейшая судьба остается неопределенной. Однако ФПА, несмотря на заявления о постановке законопроекта «на паузу» [310], продолжает попытки его продвижения, используя для этого примеры лиц, приобретших статус адвоката после объявления о введении «адвокатской монополии» [311]. Министр юстиции также делает заявления о том, что министерство продолжит проработку инициативы [312].

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать, что институт адвокатуры в России подошел к критической черте, за которой наступает полная утрата его правозащитной сущности.

Исследование фактов, зафиксированных в период с августа 2025 г. по май 2026 г., позволяет сформулировать однозначный вывод: в Российской Федерации сложилась и последовательно укрепляется система государственного подавления независимой адвокатуры, угрожающая существованию права граждан на квалифицированную юридическую защиту.

Текущая правоприменительная практика, направленная на запугивание и маргинализацию адвокатов, наносит непоправимый урон основам конституционного строя и доверию общества к адвокатуре и к правосудию.

Особую обеспокоенность вызывает использование уголовного законодательства в отношении адвокатов, выполняющих свои профессиональные обязанности, в результате которого защитники неправомерно отождествляются со своими доверителями. Уголовное преследование видных адвокатов носит явный характер репрессий за их профессиональную и гражданскую позицию. Использование норм уголовного законодательства для криминализации стандартных процессуальных действий защиты представляет собой опасную форму злоупотребления правом со стороны следственных органов. Преследование адвокатов по делам о якобы совершенных государственной измене, экстремизме, терроризме и военных фейках и по иным разнообразным основаниям создало атмосферу страха, в которой исполнение профессионального долга стало опасным для свободы и жизни.

Отдельные случаи свидетельствуют о прямом вмешательстве силовых структур в адвокатскую деятельность. Это подрывает принцип независимости защиты и равенства сторон в процессе. Также следует отметить отсутствие эффективных механизмов защиты адвокатов от подобных нарушений.

ФПА и адвокатские палаты регионов России, которые по закону призваны защищать независимость адвокатов, на практике становятся проводниками государственной политики, направленной на уничтожение независимости адвокатуры.

Органы корпоративного самоуправления де-факто узурпированы узкой группой лиц, что делает невозможной демократическую ротацию. Узурпация властных полномочий руководством ФПА и палат требует немедленного вмешательства со стороны членов сообщества и более широкого участия, для восстановления базовых демократических процедур.

Дополнительную угрозу представляет законодательное регулирование и выходящая за его пределы судебная практика, допускающая произвольное лишение статуса адвоката. Такая практика противоречит как Конституции Российской Федерации, так и международным обязательствам государства.

Наряду с этим ухудшение условий работы и социального обеспечения усиливает общий кризис в профессии. Дисциплинарные механизмы, цифровизация через подконтрольную, опасную с точки зрения сохранения адвокатской тайны систему и идеологические проекты ФПА вкупе с ее политизацией, служат не развитию адвокатуры, а установлению тотального контроля над каждым адвокатом.

Продвигаемый Министерством юстиции законопроект об «адвокатской монополии» выступает не средством повышения качества юридических услуг, а инструментом окончательного уничтожения независимой профессии. Противодействие этому законопроекту со стороны десятков тысяч адвокатов, юристов, бизнес-омбудсменов, депутатов и международных организаций показало, что общество осознает смертельную опасность таких реформ для правосудия и экономики. Вместе с тем реакция ФПА и адвокатских палат на критику проявилась в широком спектре действий: от попыток манипуляции данными опросов до прямого оскорбления несогласных адвокатов и юристов, что свидетельствует о деградации руководства этих организаций.

Международные гарантии независимости юридической профессии в текущих национальных условиях носят сугубо декларативный характер. Построение провозглашенного в Конституции Российской Федерации правового государства требует немедленного прекращения репрессий, пересмотра антиадвокатского законодательства и проведения глубокой демократиче-

ской реформы органов корпоративного управления адвокатуры.

Доклад позволяет сделать вывод о наличии устойчивых негативных тенденций в сфере обеспечения независимости адвокатуры. Факты, изложенные в нем, не являются единичными, а в совокупности с ранее опубликованным докладом [313] формируют целостную картину системного давления.

Всестороннее изучение приведенных выше фактов в совокупности с положениями ранее опубликованных докладов свидетельствует о наличии правового дефолта и глубокого, многоуровневого институционального кризиса адвокатуры в Российской Федерации, требующего незамедлительного, системного и высокопрофессионального вмешательства всего юридического сообщества. Существенным является и то, что нарушения затрагивают не только самих адвокатов, но и их доверителей. Ограничение доступа к защите, нарушение конфиденциальности и препятствия в работе подрывают основы справедливого судебного разбирательства. Важным аспектом является и пассивность либо противоречивость действий органов адвокатского самоуправления.

Соотношение выводов предыдущего доклада о «захвате» адвокатуры и нового доклада демонстрирует эволюцию кризиса российской адвокатуры от потери внутреннего демократического самоуправления к полномасштабному слиянию адвокатской верхушки с представителями государственного аппарата. В докладе о «захвате» адвокатуры доказано, что система «вертикального» управления в адвокатуре выстроена так, что решения принимаются узким кругом лиц, кооптирующих друг друга в советы через формальные процедуры, что исключает реальную конкуренцию.

Новый доклад показывает, как эта узурпированная власть используется на практике. ФПА и региональные палаты окончательно утратили свою правозащитную функцию и превратились в послушный придаток государственного аппарата. Вместо защиты коллег, дисциплинарные механизмы палат используются как инструмент «карательной этики» для расправы над правозащитниками и неугодными адвокатами, критикующими руководство. Адвокатские палаты, за редким исключением, покорно исполняют волю Министерства юстиции и ФСБ, незаконно приостанавливая или прекращая статус адвокатов, в том числе за длительное нахождение за границей.

Предшествующий доклад предупреждал об опасности разрушения гарантий независимости. Настоящий доклад фиксирует: уголовное преследование адвокатов за профессиональную или общественную деятельность приобрело системный и массовый характер. За исследуемый период задокументировано уголовное преследование не менее двадцати адвокатов по статьям, напрямую касающимся их профессиональной, правозащитной или иной общественной деятельности. Наблюдается систематическое нарушение фундаментального международного принципа – запрета на отождествление защитника с его доверителем.

Если ранее «захват» адвокатуры выражался в основном в административном контроле, то теперь он перешел в цифровую плоскость. Внедрение Комплексной информационной системы адвокатуры России продвигается принудительно, под угрозой дисциплинарных взысканий. Согласно независимым исследованиям, эта система является инструментом кибершпионажа и тотального контроля, осуществляя несанкционированный сбор биометрии и медиафайлов. При этом ФПА открыто передает данные из системы в государственные базы, что уничтожает институт адвокатской тайны. Это логическое завершение процесса «захвата», когда корпоративная тайна добровольно передается государству узурпаторами корпорации.

Ранее сформулированные выводы находят свое полное подтверждение и в новом докладе. Законопроект, инициированный Минюстом и поддержанный ФПА, позиционируется как «реформа качества». Однако в действительности – это инструмент контрреформы, направленный на демонтаж независимой юридической профессии и тотальное подчинение юристов государству. Внедрение монополии приведет к принудительной инкорпорации всех частнопрактикующих юристов в уже «захваченную» и подчиненную государству структуру. Истинный мотив руководства ФПА и адвокатских палат имеет ярко выраженный фискальный характер: принудительные вступительные взносы от сотен тысяч новых юристов создадут многомиллиардный неконтролируемый финансовый пул для корпоративных элит.

Соотношение предыдущих и нового докладов выявляет четкую причинно-следственную связь: потеря внутрикорпоративной демократии («захват») неизбежно ведет к неспособности корпорации защитить своих членов от внешнего государственного давления и, более того, к превращению самой корпорации в инструмент такого давления.

Сохранение текущих тенденций приведет к полному уничтожению института независимой

адвокатуры, что свидетельствует о состоянии глубокого правового дефолта.

В своей совокупности, изложенные выше обстоятельства указывают на необходимость системных реформ. Требуется приведение национальной практики в соответствие с международными стандартами. Необходимо усиление гарантий независимости адвокатуры и установление ответственности за вмешательство в деятельность адвоката.

ФПА и адвокатским палатам регионов России надлежит вспомнить о своем истинном предназначении и выступить в защиту преследуемых государством коллег.

Государству необходимо отказаться от практики использования уголовного закона в качестве инструмента устранения процессуальных оппонентов.

Международные стандарты защиты профессии адвоката, включая Конвенцию Совета Европы, должны стать нормативной базой прямого действия для национальных судов. В противном случае правовая система рискует деградировать до состояния, при котором функции адвокатуры, независимого суда и следствия окончательно сольются в единый карательный механизм.

Международное сообщество и правозащитные организации должны обратить пристальное внимание на ситуацию. Необходима немедленная отмена антиадвокатских норм и реформа управления палатами. Только демократизация и прозрачность смогут вернуть адвокатуре статус независимого института. Без этого право на квалифицированную юридическую помощь останется декларативным.

Без коренной реформы системы самоуправления, восстановления реальной независимости судебной системы и прекращения практики уголовного преследования адвокатов за их профессиональную деятельность Россия рискует окончательно утратить институт, гарантирующий конституционное право граждан на квалифицированную юридическую помощь.

Без устранения выявленных проблем невозможно обеспечить эффективную защиту прав и свобод граждан. Сохранение текущих тенденций приведет к уничтожению института адвокатуры, что в конечном итоге поставит под угрозу функционирование правосудия и государства.

Introduction

This report represents a logical continuation of the research conducted in 2025 on the state of the legal profession and systemic violations of the rights of advocates in the Russian Federation [1].

The report, prepared relying on the results of previous publications, covers the period from August 2025 to May 2026 and reflects the systemic and multidimensional nature of interference in the Bar in the Russian Federation and the suppression of the independent legal profession in the country.

While previous report concentrated on examining the causes and mechanisms of the usurpation of power within the Federal Chamber of Advocates (hereinafter – the FCA) and regional chambers of advocates by an irremovable corporate elite, the report under consideration presents a chronicle of the destructive consequences of the «capture» of the legal profession in action.

The report records specific facts supported by references to primary sources: judicial acts, mass media publications, official statements of the FCA, regional chambers of advocates, Russian and international organizations.

The period under study is characterized by unprecedented pressure on advocates who carried out defense in politically motivated cases, including those related to the anti-war position of their clients. No fewer than twenty advocates were subjected to criminal prosecution under cases directly related to their professional activity.

In parallel with criminal repressions, the state actively uses the mechanism of recognizing advocates as «foreign agents» and conducts a campaign to terminate the status of advocates who have been abroad for a long time. This process is carried out with the active participation of the Ministry of Justice of the Russian Federation (hereinafter – the Ministry of Justice), bodies of the Federal Security Service of the Russian Federation (hereinafter – the FSB), the FCA and regional chambers of advocates.

Of particular concern are the facts of obstruction of confidential communication between advocates and their clients in places of deprivation of liberty: dozens of cases have been recorded of illegal denial of access for defenders to their clients, wiretapping of confidential conversations, and illegal seizure of advocates' dossiers and technical devices.

A significant part of the violations stems not from external structures, but from the bodies of advocates' self-government themselves – the FCA and regional chambers. They increasingly act as an instrument for suppressing the independence of advocates, rather than protecting it, which poses a threat to the very nature of the legal profession as an institution of civil society.

The Comprehensive Information System of the Advocacy of Russia (hereinafter – CIS AR), promoted by the FCA, according to the results of independent research, is an instrument of unauthorized data collection, including information constituting advocate-client privilege. Its mandatory implementation is accompanied by threats of disciplinary sanction against advocates who refuse to register.

The draft law on the «advocate monopoly», initiated by the Ministry of Justice of Russia with the support of the FCA, is the central systemic event of the period under consideration. Its adoption would mean the forced incorporation of all private-practicing lawyers into the Bar, which threatens the destruction of the independent legal market and the strengthening of state control over the profession.

A broad public coalition – advocates, human rights defenders, private-practicing lawyers, business representatives, deputies of the State Duma and UN special rapporteurs – consolidatedly spoke out against this draft law, which led to its de facto freezing. Nevertheless, the FCA continues lobbying for it, including through the structures of subordinate and interacting organizations, such as the Union of Young Advocates of Russia (hereinafter – UYAR) in coordination with and supported by the leadership of the Ministry of Justice.

During the period under consideration, facts of the use of physical violence against advocates by law enforcement officers were recorded, while criminal cases concerning these incidents are not being investigated properly. This undermines the basic guarantees of the personal inviolability of advocates.

The Supreme Court of the Russian Federation has taken the position according to which the obstruction of advocacy activity is not grounds for bringing personal apologies to an advocate, which de facto deprives advocates of an effective means of judicial protection of their professional rights. The courts began to terminate the status of an advocate instead of to the chambers of advocates and instead of the procedures established by law, effectively «inventing» new procedures at the request of the Ministry of Justice.

The FCA's own survey, conducted in November 2025 among advocates, confirmed the systemic nature of the violations: 72.1 % of respondents encountered attempts to induce them to urge their client to admit guilt, 79.6 % – with untimely notification of investigative actions [2]. These data generally coincide with the conclusions of scientific research and the results of independent monitoring that conducted by advocates and showed that for the year 2025, 591

events related to the persecution of advocates and the obstruction of advocacy activity were recorded, which is more than in 2024 (412) [3].

The international community – UN special rapporteurs, international lawyer and human rights organizations, have repeatedly drawn attention to systemic violations against Russian advocates, however, the Russian authorities consistently ignore these statements.

The crisis of the Russian legal profession is acquiring an irreversible character: the advocacy community is being deprived of independent representation, the profession is becoming increasingly dependent on state control, and the guarantees of the right to qualified legal assistance for citizens are being consistently destroyed. The totality of the analyzed facts testifies to a purposeful policy aimed at the dismantling of the Bar as independent human rights institution.

The report is structured by thematic sections: from specific cases of criminal prosecution of individual advocates to the generalization of the corresponding systemic institutional problems. Such an approach allows providing both a detailed analysis of each type of violation and their generalized assessment in the context of the degradation of the independence of the Russian legal profession.

The present analytical report is not exhaustive: many violations do not receive public disclosure due to the advocates' fear of persecution. The real scale of restrictions on advocacy activity in Russia significantly exceeds the documented one. This circumstance should be taken into account when evaluating the situation by the international community.

The report is prepared on the basis of open sources, official documents and materials of human rights organizations. All the stated facts are supported by references to primary sources, which ensures the verifiability of the drawn conclusions and their suitability for use in international human rights mechanisms.

Section 1. Interference with and Obstruction of Legal Practice, Persecution of Advocates

1.1. Criminal Prosecution of Advocates for Professional or Public Activity

1.1.1. On September 6, 2025, in Kaliningrad, Vladimir Sorokin, an advocate, the member of the «Yabloko» party [4] and the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018» was arrested [5]. He was accused of financing an extremist and banned organization: he was charged with a single transfer in the amount of 500 rubles (equivalent of 6 euro or 6,5 US dollars), allegedly made by him in November 2021, and his actions were qualified under Part 1 of Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CC RF) [6]. Vladimir Sorokin did not admit guilt in making the transfer and the crime imputed to him. On September 7, 2025, thanks to the active and consolidated actions of the defense, which substantiated the absence of the need to take the advocate into custody, the court chose a preventive measure for the Vladimir Sorokin in the form of a prohibition of certain actions preventing the exercise of professional activities (using a telephone and the Internet) and released him from custody [7]. As a result, the lawyer was sentenced to one year in prison and imprisoned [314].

1.1.2. Advocate Maria Bontsler [8], persecuted for exercising professional activities [9], detained in Kaliningrad on May 28, 2025, taken into custody and initially accused of confidential cooperation with a foreign state (Article 275.1 of the CC RF), continues to be held in custody in a pre-trial detention center [10]. Appeals to change the preventive measure are systematically and unmotivatedly rejected by the higher court [11], despite Bontsler having a disease that precludes being in a pre-trial detention center («hypertensive disease of the 3rd degree of the 3rd stage, risk 4 – highest»), and several crises that she experienced in confinement [12].

In August 2025, data was published that during the arrest procedures, operative Kirill Takhtov took the mobile phone from advocate Maria Bontsler, held it for several hours, and twisted her arms to unlock it [13]. Earlier, Maria Bontsler stated that the case against her was initiated by this very officer out of personal hostility [14].

On September 27, 2025, commenting on the course of the criminal case investigation, Maria Bontsler's advocate Ilya Sidorov [15] noted that although the application for a medical examination, which should confirm to the investigation the presence of Bontsler`s chronic diseases, was granted a month ago, it has not yet been conducted. The human rights defender had already been taken to the hospital, but for some reason, doctors did not examine her. Ilya Sidorov said that for all 4 months of Bontsler's detention in custody, the investigation has not provided a single piece of evidence of her guilt. From the materials of the criminal case [16] it is known that a year ago Maria corresponded with a certain SBU officer Dyachuk, who allegedly is a relative of Ivan Kveselevich, convicted in Russia under the same article that is imputed to the human rights defender. Kveselevich's mother asked Bontsler to provide her son with the services as an advocate. Subsequently, the man concluded a pre-trial agreement with the investigation, and the advocate assumes that his testimony could

have formed the basis of the criminal case. The correspondence with Dyachuk itself, as Sidorov claims, is not shown either to Bontsler or to the defense, and the materials necessary for the defense are hidden under the classification of secrecy [17].

On October 10, 2025, advocate Maria Bontsler had an ill attack again during the court hearing, her advocate Alexander Chauzov called an ambulance, however, it refused to come to the court [18].

On October 26, 2025, information was published that the investigation threatens to requalify the case to «state treason» if Maria Bontsler does not sign a pre-trial agreement, giving testimony against her good friend and colleague in the profession [19].

On November 4, 2025, it became known that the Chamber of Advocates of the Kaliningrad Region forcibly, without her consent, on the initiative of the vice-president of the chamber of advocates Alexey Sozvariev [20], suspended the Maria Bontsler`s status of advocate [21]. Maria Bontsler's advocate Ilya Sidorov stated that he considers the Chamber's actions on suspending the Maria Bontsler`s status of advocate to be arbitrariness that has nothing to do with the law [22]. The suspension of Maria Bontsler's advocate status is arbitrary and repressive in nature, and her prosecution itself is directly linked to her professional activities in defending clients, including in politically motivated cases. The decision of the Council of the Bar Association of the Kaliningrad Region to suspend the status was adopted without an application from Bontsler herself, before the expiration of the six-month period provided for by law, and without establishing an actual inability to perform professional duties. For this reason, the decision of the Bar Association is classified as a violation of the Russian law on the legal profession and international standards of professional independence, including the UN Basic Principles on the Role of Lawyers. At the same time, the Federal Chamber of Advocates and the regional chamber are not taking any measures to protect the persecuted advocate [23].

On March 6, 2026, information was published that in the Kaliningrad department of the Investigative Committee, advocate Maria Bontsler was presented with a final charge under Article 275 of the CC RF («state treason»), thereby her charge was requalified and tightened [24]. Earlier, on February 5, 2026, the defense filed an application to establish a disability for Bontsler, however, this requires a medical commission, which has not yet been conducted. The defense has filed more than 50 complaints, several administrative lawsuits, and organized the adoption of interim measures by the UN Human Rights Committee [25].

On March 21, 2026, information was published that Maria Bontsler is subjected to inhuman treatment and torture in the pre-trial detention center. The provision of qualified medical care to her is not carried out, and for the most part is only simulated. Also, the defense pointed out that the case is under consideration by the UN Human Rights Committee, which has already applied urgent measures. It is about «saving the life and health» of Bontsler and the need to «exclude unjustified detention in custody with a risk to her life» by choosing a different preventive measure. The Russian authorities were given a deadline to respond until January 16, 2026 [26].

The UN Special Rapporteur on the Situation of Human Rights in the Russian Federation, Mariana Katzarova, appealed to the government of the Russian Federation with a statement on the need to release advocate Maria Bontsler, however, the statement was left without a proper response [27].

1.1.3. On October 31, 2025, information was published that the court of appeal mitigated by two months the sentence of the advocate, the first president of the Chamber of Advocates of the Udmurt Republic, the Chairman of the Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018», the laureate of the Ludovic Trarieux International Human Rights Prize [28] Dmitry Talantov, persecuted for exercising professional and public activities [29]. The court of appeal reduced the imposed punishment in the form of deprivation of liberty – to six years and ten months in a general regime penal colony [30].

In November 2024, Dmitry Talantov was sentenced to seven years in a penal colony in a case on spreading «fakes about the army» and «inciting hatred and enmity» for anti-war posts on social networks. The Supreme Court of the Udmurt Republic requalified Dmitry Talantov's actions under the article on inciting enmity (Article 282 of the CC) from two episodes to a single continuing crime, and recognized the conviction for false information about the Armed Forces of the Russian Federation (Article 207 of the CC) as lawful and justified. The court established that advocate Dmitry Talantov posted five posts on social networks, in which he expressed a harsh opinion and assessed what was happening in the conflict zone in Ukraine. During the investigation, advocate Dmitry Talantov insisted that he did not write anything negative about the Russian army, but merely «recorded events», including quoting the speech of the President of Ukraine Volodymyr Zelensky at the UN, and insisted that his publications are a reflection of those «humanistic values» that he professes [31].

On December 24, 2025, information was published that Dmitry Talantov`s advocate status was terminated by the decision of the chamber of advocates upon the submission of the head of the Directorate of the Ministry of Justice of Russia for the Udmurt Republic. The basis was the entry into legal force of the verdict of the Zavyalovsky District Court of the Udmurt Republic dated November 28, 2024.

In connection with the termination of the status of an advocate, Dmitry Talantov's powers as a member of the Council of the chamber of advocates were also prematurely terminated [32].

Currently, advocate Dmitry Talantov is held in the penal colony № 13 of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service in the Sverdlovsk Region [33]. The appeal against his unlawful verdict continues.

The UN Special Rapporteur on the Situation of Human Rights in the Russian Federation, Mariana Katzarova, appealed to the government of the Russian Federation with a statement on the need to release Dmitry Talantov, however, this statement was ignored [34].

1.1.4. On September 10, 2025, a message was published that advocate Alexey Liptser, held in custody in a criminal case, will not be able to attend the funeral of his mother – well-known advocate Elena Liptser, who died after a long illness [35], because the Vladimir Regional Court refused to satisfy the corresponding petition [36].

On September 22, 2025, information was published that the previously rendered guilty verdict with the imposition of punishment in the form of deprivation of liberty of advocates Vadim Kobzev*, Alexey Liptser* and Igor Sergunin*, was left unchanged by the Vladimir Regional Court, which considered the case on appeal. The Court regarding the finding of the advocates guilty of committing a crime stipulated by Part 2 of Article 282.1 of the CC RF (participation in an extremist community) and regarding the previously imposed punishment in the form of deprivation of liberty. As a result, the verdict entered into legal force, and the advocates were sent to serve the imposed punishment [37] in the form of deprivation of liberty. According to the verdict of the Petushinsky District Court of the Vladimir Region, Vadim Kobzev was previously sentenced to 5 years and 6 months of deprivation of liberty, Alexey Liptser – term of punishment 5 years of deprivation of liberty; Igor Sergunin, the only advocate who admitted his guilt, – 3 years and 6 months of deprivation of liberty [38]. On January 13, 2026, information appeared that advocate Alexey Liptser has been transferred across Siberia region for more than a month despite his severe health condition. During this time, he visited six transit prisons [39].

The UN Special Rapporteur on the Situation of Human Rights in the Russian Federation, Mariana Katzarova, appealed to the government of the Russian Federation with a statement on the need to release the persecuted advocates, both in a personal capacity [40], and jointly with other mandates [41], however, these statements were left unanswered.

1.1.5. On September 25, 2025, the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction left unchanged the guilty verdict and the appellate resolution regarding the advocate from the Krasnodar Territory Natalia Fedorenko, found guilty of violating the inviolability of the private life of a judge (Part 1 of Article 137 of the CC RF) when stating a petition for his recusal. The advocate's defenders emphasize that the courts of three instances ignored not just the «opinion» of the advocacy community, but the documented procedural position of the defense and violated the principle of adversariality: there is a rendering of an unlawful verdict with subsequent ignoring of fundamental violations by the courts of appellate and cassation instances, as well as a violation of the advocate's right to carry out their activities in the interests of the client, and they also note that fundamental flaws at the stage of initiating the case, its consideration by an unauthorized judge, and the ignoring of key defense arguments when rendering the verdict collectively led to a violation by the courts of the basic principles of criminal proceedings [42].

1.1.6. On October 8, 2025, information was published that the Tuymazy Interdistrict Investigative Department completed the investigation of a criminal case against an advocate (the advocate was not named), accused of violating the inviolability of private life (Part 1 of Article 137 of the CC RF). According to the prosecution, from November 2024 to January 2025, the advocate defended her client in a magistrate's court in a battery case. To refute the victim's arguments about health problems after the incident, the advocate gained access to her medical documents, made copies of these documents and presented them to the court, where during the hearing she publicly disclosed confidential data [43].

1.1.7. On October 22, 2025, it became known that the Industrialny District Court of Izhevsk considered the investigator's petition to choose a preventive measure in the form of taking into custody of the advocate, former deputy prosecutor of the Balezinsky district of the Udmurt Republic [44], Vladislav Radchenko, accused under Part 2 of Article 205.5 of the CC RF (participation in the activities of a terrorist organization). According to the investigation, the ac-

cused in 2025 assisted a terrorist organization banned in the Russian Federation by providing requested information about the activities of law enforcement agencies and the Ministry of Defense of the Russian Federation on the territory of the Udmurt Republic.

As the investigation believes, Vladislav Radchenko, being an active member of the chamber of advocates, proactively established contact with terrorists and transferred to them information significant for Russia's defense capability concerning the activities of law enforcement agencies and the defense department in the territory of the region. The motive for his action, according to the investigation, was a negative attitude towards the conduct of the special operation and the political leadership of the Russian Federation. It is noted that the accused repeatedly spoke out in support of armed formations and the policy of the current government of Ukraine [45]. It is announced that the activity was identified and suppressed by the FSB Directorate of Russia for the Udmurt Republic, and the criminal case is being investigated by employees of the Investigative Directorate of the Investigative Committee of Russia for the Udmurt Republic. The accused and his defender objected to the satisfaction of the investigator's petition, asked to choose a preventive measure not related to isolation from society. The court chose a preventive measure in the form of taking into custody until November 18, 2025 [46].

Currently, the investigation of the criminal case continues, the advocate is kept in custody.

1.1.8. On October 27, 2025, news was published that in Kazan, a criminal case is being considered by a court against advocate Inna Barleva on charges of committing crimes stipulated by Part 1 of Article 137 of the CC RF (violation of the inviolability of private life) and Part 1 of Article 294 of the CC RF (Obstruction of the administration of justice and the conduct of a preliminary investigation).

The case was initiated after the advocate secured the acquittal of her client Ibrahim Zakiev in a double murder case twenty years ago, where the prosecution, according to her, was based mainly on the testimony of two witnesses. According to the investigation, Barleva and journalist Iskander Siraziev tried to influence the jury and disclosed the personal data of the witnesses through a public video appeal to the prosecutor of Tatarstan. Barleva herself insists that she used only information already announced in an open court hearing and contained in the case materials, and therefore considers the persecution as revenge for a successful defense and an acquittal verdict [47]. A separate conflict arose around an attempt to interrogate her as a witness without a court decision: after refusing to testify without observing the guarantees of advocate's secrecy, she was forcibly brought to the investigator, and then, after a complaint to the Federal Chamber of Advocates, a new case was initiated against her, this time under the article on obstruction of justice. This story caused a noticeable resonance in the advocacy community of Tatarstan, as it raises the question of the permissible limits of criminal prosecution of an advocate for actions that the defense itself considers part of the normal performance of professional duties [48].

Due to public resonance and relative safety for the functionaries from the FCA and chambers of advocates in this matter, representatives of the commission for the protection of professional rights of advocates of the FCA drew attention to the fact of the persecution of advocate Inna Barleva and stated that after reviewing the case materials, the Commission concluded that there was no corpus delicti in the advocate's actions [49]. However, the lawyer was found guilty and she was fined 200,000 rubles (approximately 2,600 US dollars or 2,300 Euros) [315].

1.1.9. On November 19, 2025, information was published that the Appellate Military Court upheld the verdict against Vladislav Zavgorodny, an advocate from the Kaliningrad region. He was found guilty of public calls for terrorism for a comment about a Ukrainian drone. On August 13, the Baltic Fleet Military Court found the 29-year-old advocate guilty of committing a crime stipulated by Part 2 of Article 205.2 of the CC RF (public calls to carry out terrorist activities committed using the Internet). Zavgorodny was sentenced to a fine in the amount of 390 000 rubles (equivalent of 4350 euro or 5140 US dollars) and to a restriction of the right to administer Internet resources for a period of two years.

The court refused to satisfy the appellate submission of the prosecutor's office, which demanded a toughening of the punishment and the imposition of a real term of deprivation of liberty. The prosecutor considered the imposed punishment excessively lenient and requested 5 years and 6 months of deprivation of liberty with an additional two-year restriction. As an aggravating circumstance, he asked to recognize the fact that the crime was committed during a period of declared mobilization. Zavgorodny stated that he considers the verdict of the court of first instance fair and asked to leave it unchanged [50].

1.1.10. On November 26, 2025, it became known that the Investigative Committee of the Russian Federation initiated a criminal case under the article on the disclosure of state secrets (Article 283 of the CC RF) against advocates Ivan Pavlov* and Evgeny Smirnov, and the Basmanny District Court of Moscow, upon the petition of investigators, in absentia sanctioned

the taking of the advocates into custody [51]. The investigation connects the new accusation with the case of the former top manager of «Inter RAO» Karina Tsurkan. Pavlov* and Smirnov were her defenders.

In 2020, Tsurkan was sentenced to a punishment in the form of 15 years of deprivation of liberty on charges of espionage in favor of Moldova. According to the investigation, while working with materials containing a secrecy classification, the advocates «jointly and concertedly» allowed their leakage – namely, they transferred some of the documents to an expert linguist. Pavlov* rejects the presented claims. He stated that he indeed sent some materials to a specialist, but all the data that could be attributed to information constituting a state secret, he removed in advance. According to the advocate, the Tsurkan verdict also indicates that only unclassified fragments were transferred to the expert. For advocate Ivan Pavlov*, this is not the first criminal case: in 2021 he was accused of disclosing data of a preliminary investigation (Article 310 of the CC RF) in the framework of the investigation of state treason, a person involved in which was the former «Kommersant» journalist Ivan Safronov. After the beginning of the persecution, the advocate left Russia [52].

1.1.11. On December 11, 2025, information was published that in Chelyabinsk a criminal case was initiated on the disclosure of a state secret against advocate Igor Morozov [53]. Employees of the Investigative Committee reported that they initiated a criminal case against a 57-year-old advocate who is a member of the regional chamber of advocates. According to the investigation, he disclosed information from an administrative case that contained a state secret, the press service of the department reported. According to the investigation, advocate Igor Morozov represented in court the interests of a foreign citizen who tried to challenge the annulment of his residence permit in Russia. In the spring and summer of this year, the advocate gained access to the case materials, including a letter containing secret information. The investigation believes that this data was transferred by Morozov to third parties. A case was initiated against him under Part 1 of Article 283 of the CC RF (disclosure of a state secret), the maximum sanction for which is up to four years of deprivation of liberty [54].

1.1.12. On December 12, 2025, information was published [55] that the Moscow City Court pronounced an in absentia verdict against the prosecutor and judges of the International Criminal Court. ICC Prosecutor Karim Khan was sentenced to 15 years. The President of the Court Tomoko Akane, former President Piotr Hofmański, Deputy Head of the Court Reine Alapini-Gansou, judges Rosario Aitala, Sergio Godinez, Haykel Ben Mahfoudh, Carranza Ibañez, Bertram Schmitt were also sentenced to various terms of punishment in the form of deprivation of liberty. Appointed defense advocates noted that the process took place «at the highest level», with observance of the adversarial nature of the parties and the rights of the defendants. The ICC staff were accused of unlawful arrests, criminal prosecution of knowingly innocent persons and preparation of an attack on internationally protected persons under Part 2 of Article 299, Part 2 of Article 301, Part 1 of Article 30 and Part 2 of Article 360 of the CC RF [56].

On February 4, 2026, information was published that UN human rights experts condemned the verdict handed down to the prosecutor and eight active judges of the International Criminal Court (ICC), calling it a blatant violation of international law [57].

1.1.13. On December 16, 2025, information was published that in Yekaterinburg, human rights defenders Alexey Sokolov, Larisa Zakharova and advocate Roman Kachanov had their places searched and a criminal case was initiated against them under Part 3 of Article 284.1 of the CC RF (organization of the activities of an undesirable organization): Sokolov, Zakharova and Kachanov allegedly received grants under the guise of human rights activities of a number of organizations that are recognized in the RF as «undesirable» [58]. On December 17, 2025, the Leninsky District Court of Yekaterinburg chose a preventive measure for advocate and human rights defender Roman Kachanov in the form of taking into custody [59]. On February 12, 2026, the preventive measure for Roman Kachanov was changed to house arrest [60].

1.1.14. On January 26, 2026, information was published that a criminal case was initiated in the Rostov Region against advocate Roman Popov.

On December 18, 2024, a search was conducted in the apartment of the Popov family in the framework of a criminal case initiated not against advocate Popov. During the search, laptops and other equipment were seized. The Chamber of Advocates of the Rostov Region recognized that the search was conducted in violation of the professional rights of the advocate. In January 2025, the Rostov Regional Court changed the resolution of the Volgodonsk District Court of December 17, 2024, by which the search was authorized. In the resolution, the court indicated a ban on the seizure of objects and documents not related to the criminal case being investigated. However, according to Popov's spouse, this court decision has not yet been executed. On May 20, 2025, a criminal case was initiated against Roman Popov under

Part 1 of Article 137 of the CC RF («Violation of the inviolability of private life»).

According to the investigation, the advocate made an audio recording of a closed court hearing held on October 24, 2023, in the case of extending the term of detention of S., accused under Part 1 of Article 131 and Part 1 of Article 132 of the CC RF (rape and sexual violence), and then transferred this recording to the mother of the accused, who was the client of the advocate. In June 2025, the advocate was arrested but the court chose a preventive measure for him in the form of a prohibition of certain actions: a ban on leaving home at night and traveling outside the region. Because of these measures, the advocate could not carry out his activities, since he had clients in other regions [61].

Roman Popov's advocate Alexey Akolzin declares the absence of a corpus delicti: «Firstly, what happens in a closed court hearing cannot be considered a «secret» within the meaning of Article 137 of the CC RF and the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the RF. The hearing was attended by convoy officers, the court secretary, witnesses (about 30 people), who did not give nondisclosure subscriptions about information that became known to them during the process. Secondly, following the results of a closed court hearing, a protocol is drawn up, which records the testimony of the victim, witnesses and the defendant. Based on the results of the case consideration, a verdict is rendered, which describes in detail the act recognized by the court as proven with a statement of evidence, including the testimony of the trial participants. At the same time, the current criminal procedural legislation does not establish prohibitions on familiarizing the advocate with the protocol of a closed court hearing, copying it, as well as transferring the protocol to a client or other persons. Neither the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation nor the Criminal Code of the Russian Federation contains similar restrictions. Also, the legislation does not prohibit receiving a verdict handed down following the results of a closed court hearing and transferring it to a client or other persons. Thus, the charge within the framework of which Popov is imputed with Part 1 of Article 137 of the CC RF in connection with the recording of a closed court hearing, contradicts the requirements of the criminal and criminal procedural legislation, as well as the clarifications of the Plenum of the Supreme Court» [62].

Advocate Roman Popov believes that all the judges of the Volgodonsk District Court are interested in the outcome of his case [63]. Due to the fact that advocate Roman Popov is under house arrest, he cannot carry out his professional activities, and his family is in a difficult financial situation [64].

On February 4, 2026, information appeared that advocate Roman Popov, accused of violating the inviolability of private life, is intended to be subjected to «punitive psychiatry» and that on February 5 he will be placed in a hospital for conducting a forensic psychiatric examination [65]. Until March 24, 2026, the advocate continued to be under house arrest, [66] and then this preventive measure was replaced by a recognizance not to leave and to behave properly [67], which was canceled on April 8, 2026 [68].

1.1.15. On January 30, 2026, arguments were held in a criminal case against the advocate of the Novosibirsk Region Vladimir Buzyurgin, accused under Article 310 of the CC RF of disclosing preliminary investigation data. He also gave a final statement. Vladimir Buzyurgin's defense reported that during the arguments the state prosecutor asked to assign the defendant a punishment in the form of 400 hours of compulsory labor with a deprivation of the right to engage in advocacy activities for one year with an exemption from punishment. In turn, the defenders referred to the absence of a corpus delicti and asked to acquit the defendant. Vladimir Buzyurgin spoke about the absurdity of the charge brought against him. According to the advocate, he had previously received the investigator's consent to transfer this video recording to a specialist, but when the case was already in court, he would not have been able to obtain the investigator's regular consent to disclose the data in a television program, since the investigation had been completed. The defendant advocate also claims that the wording «information» is not concretized by the state prosecution [69].

On February 4, 2026, the magistrate of judicial precinct № 7 of the Dzerzhinsky district of Novosibirsk found advocate Buzyurgin guilty of disclosing preliminary investigation data. According to the verdict, the punishment was determined in the form of a fine of 50 000 rubles (equivalent of 557 euro or 657 US dollars) with the deprivation of the right to engage in advocacy activities for a period of 1 year. The advocate was exempted from punishment. The court's verdict was appealed [70].

1.1.16. On February 2, 2026, information was published that the well-known Chelyabinsk advocate Oleg Stepanov was arrested at the Sochi airport after returning to Russia. Earlier Oleg Stepanov was forced to leave Russia due to his professional activities and anti-war stance. In Serbia, he awaited a humanitarian visa, suspended his advocate status and worked as a courier. On February 13, 2026, it became known that advocate Stepanov was taken into custody in a case

of participation in a «terrorist organization» [72]. The investigation of the criminal case continues.

1.1.17. On February 18, 2026, it became known that the Oktyabrsky District Court of Murmansk rendered a guilty verdict against advocate Yury Pershin in cases on the forgery of documents (paragraph «b» Part 4 of Article 327 of the CC RF) and the violation of the inviolability of private life (Part 1 of Article 137 of the CC RF). The court established that in May 2025, the advocate, using a forged warrant (a document issued by a lawyer's office confirming the lawyer's authority to represent the client's interests) [71] with false information about representation, gained access to criminal case materials. The goal of the actions was the collection of personal data of a third party in the interests of an acquaintance for a reward of 10 000 rubles. Pershin was assigned a punishment in the form of 2 years of deprivation of liberty conditionally with a probation period of 3 years, a fine in the amount of 100 thousand rubles (equivalent of 1115 euro or 1314 US dollars) and a three-year ban on carrying out advocacy activities. At the trial, the advocate did not admit guilt [73].

1.1.18. On February 21, 2026, information was published that the Gagarinsky District Court of the city of Moscow in absentia found advocate Nikolay Polozov [74]*** guilty under the article on spreading «fakes about the army» (Article 207.3 of the CC RF), as reported by the press service of the courts of general jurisdiction of Moscow [75]. The court assigned him a punishment in the form of 8 years and 6 months of deprivation of liberty in a general regime penal colony and additionally banned him from engaging in activities related to site administration for four years. The trial took place in absentia – the advocate did not participate in the hearings, he lives abroad. Back in December 2024, it became known that Nikolay Polozov*** was included in the register of «foreign agents». In July 2025, it became known that the Ministry of Internal Affairs put the advocate on the wanted list, and in October 2025, Rosfinmonitoring entered Polozov*** into the list of «extremists and terrorists». In January 2025, the Tverskoy District Court of Moscow fined Polozov*** on the basis of the article on «discrediting the Russian army». The reason was his statements in an interview on «YouTube» in 2022. And in June 2025, the advocate was fined again – this time for the absence of a «foreign agent» marking in posts placed on a telegram channel [76].

1.1.19. On January 29, 2026, information was published that the Zamoskvoretsky District Court of Moscow in absentia chose a preventive measure in the form of taking into custody for advocate Dmitry Provodin, and it became known that he is accused of fraud on an especially large scale (Part 4 of Article 159 of the CC RF). According to the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for Moscow, he is involved in the embezzlement of the property of the «Enigma» company. The advocate himself claims that neither he nor his defenders were notified about the court hearing regarding the preventive measure. He links the criminal prosecution to his professional activities and the defense of clients in disputes involving influential persons possessing administrative resources. In his opinion, the conflict has an exclusively civil law character. At the same time, the advocate notes that his legal position in these disputes had previously been repeatedly supported by the courts, including the Supreme Court [77].

1.1.20. In February 2026, it became known about the initiation of a criminal case against the advocate of the Chamber of Advocates of the Primorsky Territory Ruslan Omelchenko. Currently, he is accused under Part 1 of Article 318 of the CC RF of using violence against a police officer Maria Ananchenko after an incident on December 12, 2025 in SIZO-1 in Vladivostok, however, he did not admit his guilt. According to the investigation, the conflict arose due to a queue, and the advocate allegedly used physical force, while the defense claims that there were only responsive movements without the intent to cause harm. The court refused taking into custody and chose a preventive measure in the form of house arrest, indicating the unproven nature of the risks of pressure on witnesses or obstruction of the investigation. The President of the Chamber of Advocates of the Primorsky Territory Alexander Ilkun appealed to the regional prosecutor, declaring doubts about the legality of the initiation of the case, the lack of evidence of intent and the impossibility for the advocate to identify the opponent as a representative of authority. Omelchenko himself and his defenders insist that the prosecution is linked to the performance of his professional duties and poses a threat to the independence of advocacy activities [78].

1.1.21. Criminal prosecution of advocates for professional or public activities has acquired a systemic and mass character. The main trajectories of persecution become the criminalization of the political and public stance of advocates and the criminalization of procedural tools of judicial defense. As a rule, persecution is initiated on far-fetched grounds, which is directly related to their work in defending clients. In the considered cases, investigative bodies use a broad interpretation of the norms on extremism, terrorism, and state treason for prosecuting and stigmatizing advocates carrying out the defense of

persons recognized as opponents of the state power. Articles 310 and 137 of the CC RF have turned into an institutional tool for blocking a defender. Investigative secrecy and privacy secrecy are used to punish lawyers for carrying out their professional activities.

The investigation uses harsh preventive measures, including prolonged detention in custody, even in the presence of severe illnesses, ignoring the requirements of humanity and international law.

There is a tendency towards tightening the charge during the investigation, which serves as an instrument of pressure on the advocate to incline them to testify against colleagues. Advocates face obstacles in accessing case materials that are hidden under a secrecy classification, which deprives them of the ability to effectively defend clients. In a number of cases, advocates are subjected to inhuman treatment and torture in pre-trial detention centers, and medical care is either not provided to them or is provided inappropriately. Courts and the investigation ignore medical contraindications, violate the right to confidential communication. Criminal prosecution has become the main method of neutralizing undesirable advocates. The cited facts testify to a systematic violation of the principle of the prohibition on identifying lawyer with a client. At the same time, an depressing passivity of the Bar bodies is observed, which indulges the arbitrariness of the investigation through the illegal suspension of the status of persecuted colleagues.

1.2. Inclusion of Advocates and Their Associations in Proscription Lists

1.2.1. On August 29, 2025, information was published about the recognition of the well-known Russian advocate Boris Kuznetsov* as a «foreign agent». The criminal case of Boris Kuznetsov* is one of the first in the modern history of the Russian legal profession of the persecution of an advocate for professional activities, which continues to this day. In 2007, as a result of persecution, Boris Kuznetsov* was forced to leave the Russian Federation, and later – voluntarily terminated his advocate status in Russia in protest against the actions of the FCA [79]. In response to being recognized as a «foreign agent» and unreasonable refusals to satisfy his motions [80] Boris Kuznetsov* filed an administrative lawsuit in the Moscow City Court against the Russian Federation demanding to recover 21 million dollars in connection with the violation of the right to criminal proceedings within a reasonable time and obstacles to accessing justice. In his lawsuit, Boris Kuznetsov* claims that the criminal case against him (Part 1 of Article 283 of the CC RF – «Disclosure of state secrets») was initiated illegally and was investigated for over 18 years with numerous violations of the law. In addition to financial compensation, the plaintiff demands the provision of the criminal case materials and the issuance of private rulings addressed to the Prosecutor General's Office, the Investigative Committee of the Russian Federation, and the President of the country, pointing to numerous violations of the Constitution, national legislation, and international law [81].

1.2.2. On September 26, 2025, news was published regarding the inclusion of advocate Dmitry Zakhvatov, who defended the participants of the «punk prayer» in the Cathedral of Christ the Savior, the defender of the former «Channel One» employee Marina Ovsyannikova*, who was sentenced in absentia in 2023 for fakes about the Armed Forces of the Russian Federation, in the list of «foreign agents» [82]. It was previously reported that a criminal case was initiated against hum under Articles 205.1 of the CC RF («Assistance to terrorist activities») and 280.4 of the CC RF («Public calls to carry out activities directed against the security of the state»), and he was declared wanted [83].

1.2.3. Threats to include advocates engaged in human rights activities in proscription lists, as well as the dissemination by state bodies of reports about their alleged inclusion in such lists, have entered business practice [84].

1.2.4. On April 3, 2026, it was announced that the «International Commission of Jurists»** was recognized as an undesirable organization in Russia [85]. The decision of the Ministry of Justice to include it in the corresponding register was dated April 1 and published on April 2 [86].

1.2.5. On May 15, 2026, information was published in the media regarding the designation of the «International Association of Russian Advocates»**, established in 2024 in Strasbourg (France), as an undesirable organization [87].

1.2.6. The inclusion of advocates in proscription lists, including the list of «foreign agents», is a continuation of their persecution for professional activities and is used as an instrument of stigmatization and discrediting, actively applied even to those who have already left the country or terminated their advocate status, and also serves as an additional tool for restricting professional activities. The given examples show that the status of a «foreign agent» is applied to advocates who defended participants in high-profile cases or to persons who had a pronounced political or social position. This measure, which is repressive in nature, leads to individuals being declared wanted, to the blocking of accounts, and further criminal prosecution. This practice creates additional admin-

istrative barriers and obstructs human rights activities, forming the image of the advocate as an «external threat». Being recognized as a «foreign agent» often precedes the initiation of criminal cases under serious articles, such as assisting terrorism, which indicates a pre-planned repressive campaign. Such actions flagrantly violate the advocate's right to freedom of expression and the clients's right to the free choice of a defender. The status of undesirable organizations forbids Russian citizens from having any contacts with such organizations under the threat of administrative and criminal liability, which may become grounds for the persecution of advocates in the future. Inclusion of advocates' associations in the list of undesirable organizations undermines the right of advocates to association.

1.3. Searches and Operational-Search Measures in Relation to Advocates

1.3.1. On September 24, 2025, gross violations of professional rights were committed against the advocate of the Chamber of Advocates of the Krasnodar Territory, Tigran Adamyan. A search was conducted in his residential premises without an appropriate court order. Despite the fact that the representative of the Chamber of Advocates officially notified the investigator of the inadmissibility of such actions without court authorization, the investigative measure was not terminated, and the investigator justified the continuation of the search by its «urgent nature», ignoring the objections [88].

1.3.2. On October 6, 2025, it became known that the Chamber of Advocates of the city of Moscow appealed to the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation in connection with the illegal intrusion of law enforcement officers into an advocate's office and the seizure of an advocate's dossier. Law enforcement officers forced the trainee of advocate Anna Kovalenko, Ekaterina Sharova, to open the advocate's office without her knowledge and, on the eve of the final court hearing of the arbitration court, seized the original documents from it that the advocate needed to present to the court. After that, they delivered trainee Sharova to the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of Russia for the city of Moscow, where she was interrogated at night about the circumstances of the case being considered in the arbitration court, releasing her only at early morning.

As noted in the statement signed by the President of the chamber, Sergey Zubkov, the targeted seizure on the eve of the court hearing of the materials necessary for the advocate to conduct the case, carried out with flagrant and gross violations of the law, points with a high probability to the possible interest of the involved persons in preventing these documents from reaching the court in order to obstruct the adoption of a lawful and justified decision by the court. The Chamber of Advocates of Moscow also pointed out that the actions of law enforcement officers flagrantly violate the rules for conducting procedural actions against advocates. In the actions of the operatives, «signs of criminally punishable abuse of office, kidnapping, as well as possible corrupt manifestations can be seen». In this regard, the President of the Chamber of Advocates of the city of Moscow asked the Chairman of the Investigative Committee to conduct an audit of the facts stated in the appeal of advocate Anna Kovalenko under his personal control, and based on the results of the audit, to resolve the issue of initiating a criminal case against the guilty officers.

The Chairman of the Commission of the Council of the Chamber of Advocates of the city of Moscow for the Protection of the Rights of Advocates, Alexander Ivanov, noted that «this is not the first case when the actions of law enforcement officers, in particular – the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee for Moscow, against advocates are of a questionable nature». «I would particularly note this situation as absolutely egregious. We count on a timely reaction from the central office of the Investigative Committee and the suppression of unacceptable arbitrariness on the part of law enforcement agencies», – added advocate Alexander Ivanov [89]. The measures taken on the application are still unknown.

1.3.3. On December 11, 2025, information was published that in the offices of Crimean advocates and human rights defenders Edem Semedlyaev*, Emil Kurbedinov*, Nazim Sheikhmambetov*, Elvina Semedlyaeva*, Rustem Kyamilev*, and Liliya Gemedzhi*, officers of the Center «E» of the Ministry of Internal Affairs, under the guise of «inspecting the premises», conducted a search and seized documents constituting advocate secrecy [90].

The actions carried out by representatives of the court and the police violated the guarantees of the independence of the legal profession and hinder the provision of qualified legal assistance to citizens. The persecution of defense attorneys is an encroachment not only on their personal rights but also on the fundamental principles of justice and the rule of law. A key violation was the conduct of searches of persons providing legal assistance in politically sensitive cases, which in itself created a threat to attorney-client privilege and the confidentiality of communication with clients. A particular problem is the seizure of equipment, documents, and other information storage media, as such actions could open access to in-

formation related to the defense of other clients who have no connection to the subject of the investigation. This constitutes a violation of the principle of proportionality: instead of targeted retrieval of specific data, broad interference in the professional activities of defense attorneys was employed. Furthermore, the very nature of the forceful actions directed against representatives of the legal profession is incompatible with international standards of the independence of the legal profession and the prohibition of state interference in the exercise of the defense [91].

1.3.4. Searches and operational-search measures against advocates are conducted with gross violations of professional rights and advocate secrecy. The facts in Krasnodar, Moscow, and Crimea confirm the practice of seizing dossiers and equipment without properly justified court orders, or even in their absence. Law enforcement agencies systematically violate the procedural guarantees of advocates by conducting searches in their residential and work premises without proper court decisions, citing an «urgent nature» to justify gross violations of the law. The seizure of advocate dossiers and documents constituting advocate secrecy happens on the eve of court hearings, which testifies to the goal of obstructing justice. Forceful actions against advocates and lawyers, are accompanied by the seizure of equipment and personal belongings, which undermines the confidentiality of communication with clients.

The Constitutional Court of the Russian Federation (in particular, Resolution № 33-P of December 17, 2015 [92]) explicitly and unambiguously indicated that a search of an advocate is possible exclusively on the basis of a preliminary court decision, in which the items being searched for must be specified, and the seizure of advocate dossiers on the cases of other clients is strictly prohibited. Ignoring by law enforcement agencies of these imperative constitutional norms testifies not simply to «excesses on the ground», but to the collapse of the mechanism of judicial control over the investigation.

The chambers of advocates often only state the facts of violations without seeking real punishment for the perpetrators and the return of illegally seized property. This creates an atmosphere of total control and intimidation and testifies to the institutional helplessness of the corporate bodies of the legal profession as a mechanism for protecting professional rights.

1.4. Obstruction of Confidential Communication with Client or Participation in Procedural Actions

1.4.1. On August 21, 2025, in Penal Colony № 3 of the Ulyanovsk Region, prisoner Sergey Levushkin was tortured after his advocate submitted a motion to commute his sentence, and his advocate Elena Stulova was not allowed to meet with him privately in a confidential setting to provide qualified legal assistance [93].

1.4.2. On August 25, 2025, the advocate of artist Pavel Krisevich*, Oskar Cherdzhiev, could not see his client at the police station in Mytishchi, Moscow Region, because policemen refused to bring him out to the defender and did not state the reason for drawing up a protocol on disobeying the police. [94]

1.4.3. On September 6, 2025, information was published that F. as a defense advocate in a criminal case was illegally not allowed by the judge of the Vsevolozhsk City Court of the Leningrad Region to participate in the trial of the criminal case. Previously, the case was returned to the prosecutor, but after the cancellation of this decision, it was submitted for consideration to another judge, who justified the removal of the advocate by the absence of a new warrant ignoring the fact that a properly executed document was already present in the case materials and retained its legal force. The Commission for the Protection of the Professional Rights of Advocates of the Chamber of Advocates of St. Petersburg concluded that the judge's demands are not based on the norms of the Code of Criminal Procedure, and the refusal to recognize the authority of the defender is a violation of the professional rights of the advocate [95].

1.4.4. On September 29, 2025, it became known about the violation of the rights of advocate U. in the Kaliningrad Region. Advocate U., on the basis of an agreement with M., arrived at the district police station Leninsky of police department № 2 of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Kaliningrad, where there were three officers and district inspector T. When communicating with T., the advocate handed her his official advocate identity card and asked to report the status of the client to fill out a warrant. T. refused to report the status and advised him to find it out from M. Then the district inspector stated that the advocate's identity card was fake, since it did not indicate an «expiration date» and she doubted the advocate's status. She was offered to check the Unified State Register of Advocates of Russia or call the Chamber of Advocates of the Kaliningrad Region, in response to which district inspector T. reported that to familiarize himself with the case materials, he needed a notarized power of attorney from M. and his application, which needed to be filed with the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Moskovsky district of Kaliningrad. The advocate explained that by law, the identity card and warrant of an advocate are suf-

ficient to represent the interests of a client, and in case of refusal, he would be forced to file a complaint against her actions with the prosecutor's office. After these words, T. took her mobile phone and began recording him on a video camera, while commenting into the microphone that she was being threatened, then demanded that the police officers present write reports. After that, T. began demanding the advocate's passport and official identity card, after which she locked the front door and called a police squad. After the arrival of the police squad, U. was taken out of the district station and delivered by a patrol car to the Department of the Ministry of Internal Affairs for the Moskovsky district of Kaliningrad, where a short time later he was told that he was free and could go. No documents were drawn up during this, and he left the police department.

The Council of the Chamber of Advocates of the Kaliningrad Region, having considered the situation, pointed out that the statement of the district inspector about the forgery of the advocate's identity card due to the absence of an «expiration date» is illegal, and U.'s identity card is valid until 2037, and also drew attention to the fact that there were no grounds for the forcible escort of advocate U. by the police officers, whom district inspector T. had called, to the district police department. In connection with the above, the Council of the Chamber came to the conclusion about the necessity of sending an Opinion in defense of the professional rights of advocate U. for taking appropriate measures to the head of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kaliningrad Region [96]. However, nothing is known to date about any measures taken.

1.4.5. On October 21, 2025, information was published that advocate Sh. in Saint Petersburg was not provided with conditions for confidential communication with a client in the penal colony: his meeting took place through communication via a glass partition in a room next to the checkpoint and the security office, intended for short-term visits with relatives. The room consisted of a corridor along which colony staff constantly moved, an isolated locked part in which the prisoners are located behind a glass partition, and also, approximately a meter from this glass, another glass partition for those arriving for the visit. In response, the Federal Penitentiary Service reported that visits must take place taking into account the requirements of the decree of the chief state sanitary doctor in booths for short-term visits with a dividing glass, equipped with two telephone receivers and operating on the «point-to-point» principle. The movement of staff past the advocate allegedly does not create obstacles to confidential communication. However, it later turned out that the above-mentioned decree of the chief sanitary doctor had been canceled [97].

1.4.6. On October 24, 2025, information was published that advocate Roman Morozov in Kaliningrad is not allowed into the temporary detention facility for a visit with his client, demanding the provision of a warrant, despite the fact that the day before the convoy refused the court to provide a confidential visit with the client. The court at the same time explicitly indicated that the convoy guards must leave the room during the familiarization with the materials and confidential communication. The advocate noted that the convoy guard openly admitted that he listens to their conversation to ensure that they do not discuss a possible escape [98].

1.4.7. On December 30, 2025, advocate Kaloy Akhilgov published an excerpt from an investigator's resolution refusing his colleague from the law office «KALOY.RU» entry into the case. The reason for the refusal was the name of the law office. The investigator pointed out that «an impression is created of a commercial law firm with a foreign name», which allegedly violates the requirements of legal ethics regarding advertising. The reason also was the coincidence with the name of the telegram channel [99].

1.4.8. On January 19, 2025, information was published that the head of SIZO № 3 of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service for Moscow refused advocate Natalia Tikhonova a visit with her client because, according to him, the advocate's identity card does not give her such a right [100].

1.4.9. On February 6, 2026, reports appeared that there are problems with the access of advocates to prisoners in the Verkhneuralsk prison in the Chelyabinsk Region, especially to citizens of Ukraine [101].

1.4.10. On February 6, 2026, advocate Saykhan Dzhamaldinov spoke about an incident that occurred in pre-trial detention center, where he came to meet with a client. The advocate is hearing impaired and wears a hearing aid. For all 16 years of work, as the advocate notes, he has never encountered problems when passing into a pre-trial detention center. However, recently the staff of the Moscow pre-trial detention center pointed to his hearing aid as an «electronic device» and tried to force him to turn it into the storage room. Dzhamaldinov showed the staff a certificate of disability, audiograms, and medical reports confirming that he needs a hearing aid to work. Despite all the documents provided, he was not allowed into the pre-trial detention center. The staff began coordinating his entry: the duty station called the operational officer, who ordered them to wait for his arrival to make a final decision – whether to let him

in or not. In the end, the advocate was still allowed in, however, as the advocate says, this case became a signal of systemic vulnerability for him [102].

1.4.11. On February 25, 2026, it became known that advocate Oskar Cherdzhiev was not allowed to see his client Taisiya Kurbanalieva, who was detained on Pushkin Square with an anti-war poster and is currently in the police department for the Tverskoy district of Moscow. The reasons for the non-admission of the advocate by police officers were not explained [103]. On the same day, at least 3 people were detained at the monument to Lesya Ukrainka for laying flowers at the monument, and advocate Natalia Tikhonova was not allowed to see one of the detainees [104].

1.4.12. On March 15, 2026, information was published about the fact of obstruction of advocacy activities and the violation of the professional rights of an advocate on the part of officials of the police department of the settlement of Kalinino of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Krasnodar. Advocate Alexey Ivanov, who faced non-admission to his client, emphasized that the protection of the professional rights of an advocate is inextricably linked with the protection of the rights of the client: they cannot exist in isolation from each other [105].

1.4.13. On April 9, 2026, information was made public that advocate Leonid Solovyov was not allowed by the Supreme Court of the Russian Federation to participate in the trial of the case on the recognition of the «international movement «Memorial»»**** as an extremist organization and was removed from the courtroom [106], despite the fact that the attention of international experts and observers was riveted to the process. In connection with this case, the UN Special Rapporteurs made a statement [107].

1.4.14. On April 9, 2026, information was made public that advocates Kaloy Akhilgov and Katerina Tertukhina were not allowed to participate in investigative actions (search) conducted at the editorial office of «Novaya Gazeta»* [108].

1.4.15. At the same time, the authorities are beginning work on organizing meetings between advocates and their clients detained in custody using remote technologies that do not inspire confidence in the preservation of advocate secrecy [109].

1.4.16. Obstruction of confidential communication between an advocate and client has become an everyday practice in pre-trial detention centers, temporary detention facilities, and the police. Advocates are systematically denied access to clients, demanding the provision of documents not provided for by law, or simply illegally impeding visits. Courts and the administration of colonies ignore direct instructions from higher authorities about confidentiality. Moreover, cases are revealed when courts indicate that an investigator has the right to block an advocate's access to his client in a pre-trial detention center with his letter [110]. This deprives clients of qualified legal assistance and the opportunity to exercise their defense, and advocates – of the opportunity to effectively carry out their professional activities. Law enforcement and convoy officers refuse to ensure the confidentiality of meetings, listening to conversations or refusing to leave the room, which flagrantly violates the rights of defense. Refusals of admission to clients and participation in investigative actions are often not documented, which complicates the ability of advocates to appeal them, and also contributes to the violation of citizens' right to qualified legal assistance. The measures taken regarding these facts remain formal: advocates and chambers of advocates record violations and send conclusions to the authorities, however, there is no information about bringing the guilty officers to responsibility in the overwhelming majority of cases.

1.5. Other Ways of Persecution of Advocates Initiated by State Bodies

1.5.1. The Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018» as far back as 2023, before the adoption in 2024 of the anti-advocacy bill introducing, among other things [111], the possibility of terminating an advocate's status for leaving or staying abroad of Russia, stated [112] that this approach contradicts a number of provisions of Russian and international law.

Firstly, the amendments violate the Constitution of the Russian Federation. Article 27 guarantees freedom of departure from the country, and Article 37 – the right to freely choose one's occupation and dispose of one's abilities to work. The new law practically punishes advocates for exercising these rights. Secondly, Law № 63-FZ itself does not provide for a requirement of permanent residence in Russia for an advocate. Article 17 contains an exhaustive list of grounds for terminating the status: voluntary renunciation, death, loss of legal capacity, or a disciplinary violation. Living abroad is not one of them. In addition, paragraph 8 of Part 2 of Article 2 of the law allows advocates to represent clients in foreign courts and international bodies. And Part 3 of Article 2 confirms the right to provide legal assistance abroad if it is not prohibited by other laws. Therefore, traveling abroad cannot in itself serve as grounds for punishment. This bill raised many questions regarding the possibility of the Russian Federation observing its as-

sumed international obligations, which was reflected, in particular, in the statement of the UN Special Rapporteur on the Situation of Human Rights in the Russian Federation and the UN Special Rapporteur on the Independence of Judges and Lawyers [113].

Despite this, the law was adopted 22 of April 2024 and came into force.

On September 24, 2025, information was published that the advocate and human rights defender Olga Gnezdilova's status was terminated in the Chamber of Advocates of the Nizhny Novgorod Region due to her prolonged residence outside the Russian Federation [114].

On October 14, 2025, a report was published that the Ministry of Justice sent a submission to the Chamber of Advocates of the city of Moscow regarding the termination of the status of advocates of Yuly Tay, Dmitry Provodin, and Alexey Basistov. All of them left the territory of Russia in 2023 and 2024. Basistov departed for Azerbaijan, Provodin – to the UAE, and Tay – to Turkiye. The Ministry of Justice insists: since the advocates have been outside Russia for more than a year, sub-clause 7 of clause 2 of Article 17 of the Law № 63-FZ, which regulates the grounds for terminating an advocate's status, is applicable to them [115]. Advocate Yuly Tay also commented on the message that the Ministry of Justice sent a submission to the Chamber of Advocates of the city of Moscow on terminating his status due to his presence outside Russia. He stated that he had not committed any crimes and had not broken the law, and he regards what is happening as a continuation of the pressure he is subjected to due to his professional activities [116].

On November 3, 2025, information was published that data on the persecutions of advocates upon requests from state bodies indicate the start of a campaign of persecution of advocates who have left the Russian Federation [117]. The first such case, as is known, is the termination of the status of advocate Irina Gak in the Chamber of Advocates of the Rostov Region, which was reported on July 28, 2025 [118].

This is evidence that, following the adoption of Federal Law № 83-FZ of April 22, 2024, a campaign of mass persecution began against lawyers who have been residing outside Russia for an extended period. The provision of the law that allows for this is clearly in contradiction with Russia's international obligations under the International Covenant on Civil and Political Rights, the UN Basic Principles on the Role of Lawyers, the Constitution of the Russian Federation, and the very meaning of legislation on the legal profession, and it is discriminatory, arbitrary, and repressive in nature. Even before the law was adopted, UN Special Rapporteurs warned the Russian authorities about the potential conflict between this amendment and international human rights protection standards. In this regard, it is evident that legal chambers and the Federal Chamber of Advocates (FCA) should be warned against the practical application of this norm and that they should be urged to initiate its repeal [119].

On February 19, 2026, information was published that the Council of the Chamber of Advocates of the city of Moscow terminated the disciplinary proceedings initiated upon the submission of the justice body to terminate the status of advocates Yuly Tay, Dmitry Provodin, and Alexey Basistov in connection with their residence abroad. In making this decision, the Council emphasized that the departure of advocates outside the Russian Federation itself, including for a period of more than a year and in the absence of valid reasons, is not a ground for the disciplinary responsibility of an advocate, since such responsibility can only arise for the advocate's failure to perform professional duties or for other violations of the requirements of legislation on advocacy activities and the legal profession, as well as professional ethics. The Council reminded that disciplinary responsibility is possible only in the event of failure to perform professional duties, a violation of legislation on advocacy activities and the legal profession, or requirements of professional ethics. The mere fact of being abroad cannot become a basis for depriving the status of an advocate [120]. Despite the correctness of this approach to resolving the issue of the impossibility of terminating the status of an advocate for the mere fact of departure or residence abroad [121], other chambers of advocates, judging by available information, did not consider it possible to introduce it into their practice.

On April 1, 2026, it became known that the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the city of Moscow filed an administrative lawsuit with the Khamovniki District Court of the city of Moscow challenging the decision of the Council of the Chamber of Advocates in disciplinary proceedings and demanding that the court terminate the status of advocates Yuly Tay, Dmitry Provodin, and Alexey Basistov. The court, in an unprecedentedly short time, without notifying the advocates themselves, suspended their advocate status as a measure of preliminary protection and issued a writ of execution to implement this decision. The consideration of the case by the court was scheduled in a record short time – for April 10, 2026 [122].

Meanwhile, the exclusive right to suspend and terminate the status of an advocate or evaluate the

validity of the reasons for leaving the Russian Federation, by virtue of the provisions of Article 16 and sub-clause 7 of clause 2 of Article 17 of Federal Law № 63-FZ, belongs only to the Council of the Chamber of Advocates. By using a lawsuit, employees of the Ministry of Justice exceed their powers and attempt to illegally transfer the function of terminating an advocate's status to the court. The legal norm itself, which allows punishing an advocate for leaving the country, is repressive in nature and violates the Constitution and legislation of the Russian Federation, as well as the UN Basic Principles on the Role of Lawyers and the provisions of the International Covenant on Civil and Political Rights, as declared by «Initiative 2018» [123] and the lawyers [124], which also drew attention to the need for the immediate cancellation of the illegal court decision to suspend the status of the advocates and the termination of the proceedings in the administrative case aimed at terminating their status bypassing the mechanisms established by the law.

The actions of the court and the Ministry of Justice caused indignation in the legal community [125].

On April 10, 2026, the Khamovniki District Court of the city of Moscow decided to cancel the decision of the Council of the Chamber of Advocates of the city of Moscow to terminate the disciplinary proceedings and decided to terminate the status of all three advocates. During the trial, the defense side declared a recusal to the judge and motions to terminate the proceedings on the grounds that the plaintiff does not have the right to appeal to the court with such a claim, as well as on moving to the consideration of the case under the rules of civil procedural legislation instead of the Code of Administrative Legal Proceedings, but received a refusal in all cases. Motions for the entry into the case of the «Union of Lawyers, Judicial Representatives», the involvement in the case of the central apparatus of the Ministry of Justice, the FCA, and the dispatch of a request to the Constitutional Court, as well as the requisitioning of documents from the Moscow Regional Court and recognizing a number of proofs as inadmissible, were also rejected. The court granted the defense side only 40 minutes to familiarize themselves with the two volumes of the case. After the break, the advocates stated that they did not have time to study the materials and asked to postpone the hearing, but the court refused. A large number of listeners, journalists, and colleagues came to support the advocates. Representatives of only three media were allowed into the hall; the rest were refused. The trial took place in the presence of representatives of law enforcement agencies equipped with weapons and special equipment and wearing masks. The defense insisted on the lack of grounds for the lawsuit and pointed to violations during the collection of evidence, however, the court rejected these arguments [126].

The President of the FCA Svetlana Volodina under public pressure was forced to admit that the requirement of the Ministry of Justice contrary to the law on the legal profession: «the lawsuit represents an invasion into the constitutionally stipulated principle of the independence of the legal profession and creates an unacceptable precedent of subordinating professional self-government bodies to the will of executive power», she said, and she said also that that the court decision would be appealed. Meanwhile the FCA itself did not enter into the process and did not announce its involvement as a party to the case, and the court, despite the motion of the defendants' representatives, also did not involve this organization in participating in the trial. Detailed studies of the materials of the case confirm the illegality of the court's decision, as well as the role of the FCA in promoting amendments to legislation that were adopted in 2024 and which allow the termination of lawyer`s status of an advocate in case of departure or longstay abroad [127].

1.5.2. On March 6, 2026, it became known that back on August 29, 2025, the FSB sent the Ministry of Justice a list of advocates compiled on the basis of conducting operational-search measures (called «operational-service activities») who, according to the special service, had left Russia and not returned. The document was sent «by way of interaction in order to make a decision on the existence of grounds for terminating the status of an advocate» [128]. Subsequently, the Chambers of Advocates of St. Petersburg and the Leningrad Region initiated disciplinary proceedings against two advocates mentioned in this list – Leonid Krikun and Evgeny Smirnov. The cases were initiated upon the submissions of the territorial bodies of the Ministry of Justice due to the departure and prolonged stay of the advocates abroad and are currently being considered. Advocate Vadim Prokhorov*, mentioned in the list, also reported [129] a request from the Ministry of Justice to his law firm.

1.5.3. State bodies initiate the persecution of advocates on other grounds as well, but with the very same goal – to carry out interference in their professional activities and to obstruct the provision of qualified legal assistance. Thus, on August 8, 2025, a message was published [130] that the Ministry of Justice demanded that the Chamber of Advocates to disbar advocate Alexander Molokhov for attempting to defend the interests of the «Taliban»***** (previously recognized in Russia as terrorist and banned) move-

ment when it was recognized as terrorist and banned in Russia in the Supreme Court of Russia. Advocate Alexander Molokhov attempted to take part in the court hearing, providing the court with an identity card and a warrant to defend the interests of the movement. The presiding judge Oleg Nefedov had questions for the advocate, because at that time the movement was still recognized as terrorist, thus not having the opportunity to take any actions in Russian jurisdiction. Advocate Molokhov refused to say who his client was, using advocate secrecy [131]. There are no reports about the decision made in the disciplinary proceedings yet.

1.5.4. On September 25, 2025, the media, citing a letter from the leadership of the FSB directorate for the Magadan Region, published information that the FSB requests to use disciplinary control measures to advocate Maxim Sikach from Vladivostok, who stated that his client was tortured for a confession. «The advocate at the time of the publications was not allowed to participate in the case in the manner prescribed by law, that is, he possessed neither procedural powers nor the right to speak on behalf of the accused, therefore, we are talking about the dissemination of knowingly unverified and inaccurate information that the advocate had no right to voice publicly… I request you to conduct a check of the stated facts in terms of the compliance by advocate M.S. Sikach with the legislation on advocacy activities and the code of professional ethics of an advocate», – states the text of the letter from the leadership of the FSB directorate for the Magadan Region to the leadership of the Main Directorate of the Ministry of Justice for the Primorsky Territory. The letter also notes that the Magadan FSB requests to consider the possibility of applying disciplinary measures to advocate [132]. Thus, the FSB bodies carried out illegal interference in advocacy activities and an attempt to influence the advocate through the initiation of a disciplinary proceedings procedure.

Advocate Sikach rejected the brought accusations and stated that all his words were based on the information of his client. And to claims about «unregistered status» he replied that his participation in the case was registered according to the law, and «all formal procedures were observed at the time of publication». The advocate pointed out that he received instructions to talk about this, checked the information with the client, and only after that brought it into the public field and that he acted strictly within the framework of the Constitution, the law, and the code of advocate ethics. He called the Ministry of Justice check a routine bureaucratic procedure, the final assessment of which would be given by the Chamber of Advocates of the Primorsky Territory [133]. No disciplinary measures taken against the advocate have been reported to date.

1.5.5. On January 13, 2026, information was published that the investigator in the case of advocate Maria Bontsler initiated disciplinary proceedings against one of her advocates. The reason for such actions was the refusal of advocate Alexander Chauzov to sign a non-disclosure agreement regarding state secrets, because of which the investigation could not familiarize him with some materials of the case [134]. Based on the appeal of the investigator, the Directorate of the Ministry of Justice for the Kaliningrad Region sent a submission to the regional Chamber of Advocates, which due the introduced in 2024 amendments in Law № 63-FZ now is obliged to initiate a disciplinary case.

Alexander Chauzov himself called this situation absurd and emphasized that his client has no complaints about the work of her defenders. He regarded what is happening as illegal pressure, the interference of departments in defense tactics, and a flagrant violation of the independence of the legal profession. He also noted that the Criminal Procedural Code of the Russian Federation directly allows the right of the defense to refuse to familiarize themselves with the case materials, which makes attempts to bring to responsibility groundless. As a result of the development of a detailed legal position, a collective appeal in defense of the colleague [135], and drawing attention to the situation from international organizations [136], the disciplinary proceedings against advocate Alexander Chauzov were terminated [137] and he keeps working.

1.5.6. State bodies have initiated a large-scale campaign of disbarment of advocates who left Russia, using the law for this purpose, as well as the distorted and even directly contradicting practice of its application, which contravene Constitution and the international standards. The FSB sends to the Ministry of Justice lists of advocates compiled on the basis of operational-search data, exerting direct administrative pressure on the bodies of professional self-government. FSB officers also attempt to initiate disciplinary proceedings against advocates who publicly state the torture of their clients, which is illegal interference in professional activity. The actions of power agencies are directed not at protecting the interests of justice, but at suppressing the independence of advocates and depriving them of status for actions that are not disciplinary offenses. Persecutions of advocates initiated by state bodies aim to coerce loyalty and terminate status for traveling abroad. Submissions are used for mass disciplinary pressure.

The chambers in most cases comply with instructions from above, although the Chamber of Advocates of the city of Moscow demonstrated a rare example of resistance, which was overcome with the help of the court applying a procedure not provided for by law.

1.6. Creating Other Obstacles to the Implementation of the Professional Activities

1.6.1. On August 11, 2025, information appeared that advocate Roman Morozov in Kaliningrad, after visiting his client found that the locker for storing personal items at the entrance to the penal colony, where he went to meet with his client (FKU IK-8) and where he left his personal items before the visit, was open, although he had locked it [138].

1.6.2. On September 10, 2025, information was published that advocates face humiliating access conditions during their work in Moscow pre-trial detention centers «Matrosskaya Tishina» and «Kremlin Central»: the only toilet in the pass office of «Matrosskaya Tishina» is closed, and advocates are not allowed into the toilets in the «Kremlin Central» until passing through several checkpoints and inspections, which takes up to 40 minutes. This situation shows that even basic sanitary conditions for lawyers are not provided, which degrades the dignity of advocates and additionally complicates the exercise of the right to defense [139]. A similar problem was recorded in the «Kresty» in St. Petersburg [140].

1.6.3. On October 4, 2025, advocate Timur Idalov drew attention to night queues in SIZO-2 in Moscow. In a video published by the advocate on his personal page on a social network, it is clear that defenders and investigators wishing to meet with prisoners stand in a live queue in complete darkness. According to Idalov, around midnight a queue of a dozen people forms at SIZO-2. In a post to the video, the advocate questions why in 2025 the leadership of the Federal Penitentiary Service cannot ensure the normal functioning of the penal system. According to him, if the department has such an attitude towards advocates and investigators, forced to make lists in the dark, then one can imagine the attitude towards the prisoners themselves: «Can it be that in the XXI century the leadership of the Federal Penitentiary Service of Russia is not capable of ensuring the functioning of the penal system in the capital properly, considering that electronic queues in the SIZO are scheduled a month in advance, and the transparency of their distribution is unclear. Often investigative rooms are empty, and advocates can get there with titanic labor – on their knees, without light, in the center of the city of Moscow writing down their surnames on lists. Why do Moroz (Head of the Federal Penitentiary Service Directorate for Moscow – Author's Note) and other leaders not submit resignation letters or eliminate these obstacles, instead of inventing fairy tales about a shortage of personnel and other fabrications? If there is such an attitude towards advocates and investigators on the part of the penal system, then what is its attitude towards prisoners?» – writes Idalov [141].

1.6.4. On November 28, 2025, it became known that the Supreme Court of the Russian Federation canceled the ruling of the court of cassation instance in the case of advocate Alexey Kalugin and upheld the ruling of the court of appellate instance, which considered that apologies are brought to a citizen when a police officer violates his rights and freedoms, and not to an advocate. According to the legal position of the Supreme Court, «based on the focus of the legal regulation provided for by Article 9 of the Law on the Police on restoring the constitutional rights and freedoms of a citizen violated by police officers, the obstruction of an advocate's activities cannot be considered as grounds for bringing apologies to him personally». In a comment, advocate Alexey Kalugin noted that he is not surprised by the result. One of the representatives of the Chamber of Advocates of the Leningrad Region reported that the decision of the Supreme Court will be appealed [142].

1.6.5. On January 12, 2026, information appeared that during the New Year holidays, almost 15 thousand records regarding the status of advocates disappeared from the Unified State Register of Advocates [143]. On January 13, 2026, information appeared about the restoration of the data that had disappeared from the register [144]. As a result of a study conducted by the independent lawyers [145], significant technological and organizational-legal vulnerabilities in the registry's structure were identified, which made such a loss possible. Among them – the lack of data integrity verification mechanisms, serious flaws in the database architecture, and blurred areas of responsibility between administrators. The system downtime during the elimination of the failure exceeded the permissible annual norm, which calls into question the reliability of the platform. The identified critical shortcomings in the management of digital registries not only lower the level of information security but also create direct threats to the realization of citizens' right to access justice.

1.6.6. Advocates face a lack of securing the safety of personal belongings and humiliating working conditions when visiting pre-trial detention centers, including the lack of basic sanitary conditions and the need for night watches in queues, which testifies to the neglect on the part of the Federal Penitentiary Service for their professional dignity. The Supreme

Court of the Russian Federation made a decision that practically deprives advocates of the right to an apology from the police for obstructing their activities, which significantly reduces the level of legal protection of the advocate as a subject of professional activity. From a dogmatic point of view, this decision solidifies a highly dangerous concept: the status of an advocate is interpreted by the state not as an independent and valuable object of legal protection, but exclusively as a derivative element of legal proceedings. The advocate is reduced to the level of «procedural service personnel», deprived of their own legal personality in public legal relations. Technical failures in the Unified State Register of Advocates, which led to the disappearance of records about thousands of advocates, revealed the critical vulnerability of the system and a threat to the realization of the right to access justice. The creation of obstacles is systematic in nature and further complicates the work. These measures degrade the dignity of advocates and undermine access to justice. The Supreme Court of the Russian Federation directly refuses advocates the protection of their professional rights. The problems remain unresolved for years.

1.7. Violence Against Advocates

1.7.1. On August 6, 2025, information was published that in the Republic of Crimea, police officers beat an advocate and his family. According to the available data, on the night of July 27, 2025, in the village of Simeiz of the Republic of Crimea, an incident occurred, the victim of which was Mikhail Tskhovrebov – an advocate who had previously filed a report against one of the police officers of the city of Alupka. After some time, he and his relatives were brutally beaten, and after that, pressure began in order to force him into silence. According to the advocate, in 2021, a conflict arose when he filed a complaint against the then deputy head of the criminal investigation department of Alupka, Nedim Sarakaev. Four years later, Tskhovrebov was in a nightclub in Simeiz accompanied by his brother and a friend. A police officer named Anna joined them, who soon reported that Nedim Sarakaev, now the head of the criminal investigation department, who had arrived at the establishment in a state of alcoholic intoxication, allegedly «does not like him» and is extremely aggressive. All this took place against the background of alcohol and the demonstrative behavior of those «close to the system». After 20 minutes in the club's toilet, Sarakaev unexpectedly struck the advocate's friend without a reason, clearly counting on a provocation. Realizing the possible development of events, Tskhovrebov began recording what was happening on video. After which the group left the club and called the police. But the help did not arrive in time. Outside, the advocate and his relatives were attacked by three people – Nedim Sarakaev, his brother and, presumably, the current head of the police of the city of Krasnoperekopsk, Alexander Yakovlev. The video recording captures not only hits, but also direct ethnic insults addressed to him as an Ossetian from the side of the MIA officer. As a result, the advocate Mikhail Tskhovrebov received bodily injuries, his brother – a torn arm muscle, and his elderly father, who lives nearby and came to help, – a broken nose. All injuries were officially documented in hospitals. The next day, advocate Mikhail Tskhovrebov was summoned to the department where Sarakaev serves, and was directly offered to withdraw his statements, «rethink» the events and «forget who exactly was beating». Otherwise, they promised to «start the flywheel», hinting at the fabrication of cases or other measures of pressure. On the morning of July 28, already outside the building of the Yalta court, Tskhovrebov again ran into Sarakaev, who, looking into his eyes, said: «Let's see what you will get out of this». The advocate again called the police and recorded the threat [146]. The punishment of the police officers was not reported.

1.7.2. On August 11, 2025, information was published that an unknown man, while in the area of Prospect Mira in Moscow, attacked Julia Shuvaeva, the employee of the «Zhorin and Partners» advocates collegium [147]. The victim contacted law enforcement agencies and was hospitalized; her condition is assessed as stable. The identity of the attacker has been established, however, he was soon released from the police station. In this regard, the «Zhorin and Partners» collegium filed a statement about attempted murder and appealed to the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation with a request to take the investigation under personal control [148].

1.7.3. On August 15, 2025, information was published that in the center of the city of Saransk, Republic of Mordovia, in a street attack, bodily injuries were inflicted on Sergey Naumov, a member of the Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018», who made a remark to a citizen on the street for his obscene language and aggressive statements towards a woman [149].

1.7.4. On February 5, 2026, it became known that an advocate of Zaur Kaituev, who was beaten in Dagestan last summer [150], applied to the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Alexander Bastrykin. According to Kaituev, the criminal case concerning his beating is not being investigated: since the moment of the incident, no identification of the law enforcement officers in-

volved in the beating has been conducted. The advocate also reported that pressure is being exerted on him and his loved ones, and due to the injuries sustained, he cannot undergo a second spine surgery and fully return to his professional activities. The President of the Chamber of Advocates of the Republic of Dagestan, Akif Beibutov, confirmed that there are still no results in the criminal case, although the persons who used violence are known and it is not difficult to establish them. The beating case was opened on June 24 – the corresponding resolution was signed by the senior investigator for the Sovetsky district of Makhachkala. On June 18, Kaituev arrived at the building of the internal security department of the Ministry of Internal Affairs of Dagestan to help his clients. There, according to him, people in balaclavas appeared – presumably, officers of the Center for Combating Extremism. They began to beat his client and his brother. When the advocate introduced himself and showed his ID, he was also beaten. According to Kaituev, he was thrown to the ground, pushed into a paddy wagon, taken to the CCE building, bound with tape, had a bag put over his head and was continuously beaten – until he lost consciousness. After he regained consciousness, he reminded them that he was an advocate, but he was still continuously held, interrogated and his phone contents were looked through. Only an hour later was he released through the back door. On the day of the beating, other advocates were not allowed to see Kaituev, despite the fact that more than 20 advocates issued warrants for his defense and several of them arrived at the building. They were denied entry, citing the instructions of the authorities. Medical examination showed Kaituev had a closed craniocerebral injury. In June, he filed a complaint with the Main Directorate of Internal Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia and demanded the seizure of video surveillance camera recordings. The advocate feared that these recordings could be destroyed [151].

1.7.5. The application of violence against advocates and jurists is of a targeted and unpunished nature, serving as an instrument of revenge for professional activity and civil stance. The facts confirm the growing impunity of physical violence against representatives of the legal profession, which creates an atmosphere of intimidation and directly hinders the independent implementation of their practice.

1.8. Problems of Social Security of Advocates and Payment for Legal Assistance

1.8.1. On August 26, 2025, information was published that advocate Svetlana Eroshina had been fighting in courts for almost a year for the payment of 2,249 rubles (approximately 25 euro or 29 US Dollars) for provision of qualified legal assistance by appointment of the state on a day off: on August 31, 2024, at the summons of an interrogator, she arrived at the police department of the Orekhovo-Zuyevo district to participate in investigative actions, but neither the interrogator nor the client were there, after which she filed a motion for postponement, and she was denied payment with reference to the fact that no investigative actions were conducted. Eroshina challenged the refusal in court. Initially, she was supported by the first instance, which recognized the interrogator's inaction as illegal and obliged them to pay the advocate's remuneration. However, the prosecutor's office intervened and stated that the advocate «did nothing», and the motion was allegedly submitted by email. The Moscow Regional Court canceled the decision and returned the case for a new trial. During the new consideration of the case, the Orekhovo-Zuyevo Court went even further: it ruled that the presence of the advocate in the interrogation department and the submission of a motion do not indicate the actual time spent. The advocate appealed the decision again. In March 2025, the Moscow Regional Court actually recognized the obvious: the advocate arrived upon summons, and the fact that the investigative actions did not take place due to circumstances beyond her control does not cancel the fact of the time spent. But since the client's case had already been considered on its merits by that time, the appellate court suggested that the advocate demand payment in a different order. Finally, on July 7, 2025, the Orekhovo-Zuyevo Court satisfied Svetlana Eroshina's application and recovered 2,249 rubles in her favor. The decision explicitly states: «due to circumstances beyond the advocate's control, the investigative action did not take place, does not refute the fact of the actual expenditure of time by the advocate, this fact is connected with the fulfillment of the powers to defend the client» [152].

1.8.2. On August 27, 2025, information was published that the Constitutional Court of the Russian Federation refused to consider the complaint of a disabled advocate, Alexander Isakov, regarding mandatory pension contributions. The advocate, who is a participant in the liquidation of the consequences of the Chernobyl disaster and a disabled person, challenged the obligation to pay insurance contributions for mandatory pension insurance, despite he is already receiving a state provision pension. The advocate considered the provisions of Articles 6, 7, 14 and 28 of the Federal Law «On Mandatory Pension Insurance» to be contrary to the Constitution, as they oblige disabled advocates to pay contributions without a guarantee of their consideration when cal-

culating their payments, and demanded exemption from these payments on an equal basis with military pensioners. The Constitutional Court refused to accept the complaint, pointing out that these norms do not violate the constitutional rights of the applicant, since the obligation to pay contributions is justified by the need to maintain the possibility of choosing between an insurance pension and a state provision pension [153].

1.8.3. On August 19, 2025, information was published that the President of the Chamber of Advocates of Saint Petersburg Vyacheslav Tenishev publicly characterized the idea of raising the pensions of advocates to the level of pensions of prosecutorial workers as «advocates' wishlists» that «will never come true». The situation was brought to attention by advocate Alexander Meleshko, who cited data that according to the information of the «Nezavisimaya Gazeta» as of February 2025, more than 70 % of the country's advocates work only «for the state» – by appointment or in the system of free legal aid. The average monthly pension of an advocate in Moscow in 2023 was 16,257 rubles (182 euro or 214 US dollars) (excluding the Moscow surcharge). The pension calculator on the public services portal shows that with 15 years of working as advocate (the minimum insurance record for assigning a pension), the average pension would be 15,409 rubles (172 euro *или* 203 US dollars). After 2024, persons without such record will be excluded from the insurance pension system and will be able to count only on a social pension [154].

1.8.4. Advocates experience serious difficulties with payment for appointed labor, while courts and the prosecutor's office often refuse to pay for the actually spent time, citing formal grounds, which requires lengthy litigation to restore justice. The Constitutional Court refused to exempt disabled advocates from paying mandatory pension contributions, actually placing on them a double burden of maintaining their own pension on an equal basis with the state provision pension. Problems of social security and payment for appointed legal assistance indicate actual disregard for the rights of advocates to decent remuneration. Courts and other state bodies refuse payments even with proven time expenditures. This leads to an outflow of specialists from the profession. This trend is also facilitated by the reluctance of the leadership of chambers of advocates to organize a system of social protection for advocates.

Section 2. Anti-Advocacy Activity of the Federal Chamber of Advocates and Chambers of Advocates of the Regions of Russia

2.1. Unlawful Termination of the Status of an Advocate

2.1.1. On October 9, 2025, a message was published that the court canceled the decision of the Council of the Chamber of Advocates of the Arkhangelsk Region on the termination of the status of advocate S.S. (full details are not named). The reason for the disciplinary prosecution was a complaint from his former client. He claimed that the FSB officers allegedly exerted pressure on the investigation to force his father to incriminate himself, and him to turn exactly to this advocate. According to the chamber's version, the advocate used connections in law enforcement agencies to conclude an agreement. He allegedly formally fulfilled his duties during a night interrogation, did not find out the reasons for the change in the client's position, and did not object to the interrogation in the absence of the main defender. The goal, according to the chamber, was to obtain testimony that worsened the client's position. However, the court did not agree with these conclusions on the following grounds. The qualification commission, without having the authority to do so, independently conducted an audit and established the facts of illegal actions by the FSB. The establishment of such facts belongs to the exclusive competence of law enforcement agencies and the court. The chamber ignored that the agreement was concluded in private, and no evidence of the impossibility of refusing the advocate at that moment was presented. There were serious contradictions in the testimonies of the advocate and the client, but the chamber did not try to resolve them. It was also not proven that the advocate reliably knew about the self-incrimination, and the fact of improper assistance was not confirmed. The court came to the conclusion that the disciplinary proceedings were conducted with violations, and the decision of the chamber is unjustified. In the registry on the website of the Chamber of Advocates of the Arkhangelsk Region, under the initials S.S., only one advocate with a terminated status is listed – Sidorov Sergey Alexandrovich [155].

2.1.2. On January 15, 2025, information was published on the termination by the Council of the Chamber of Advocates of St. Petersburg of the status of the well-known advocate and human rights defender, member of the Board of the «Initiative 2018» organization Viktor Drozdov [156].

In the statement of the Board of «Initiative 2018», the arbitrary deprivation of Viktor Drozdov's professional status is strongly condemned [157]. It is noted that this event is connected with the ongoing crisis and financial opacity in the Chamber of Advocates of St. Petersburg, whose leadership began persecuting advocates demanding openness and accountability. The true reasons for the pressure on advocate Vik-

tor Drozdov are named as his independent position, active public work, open criticism of the chamber's bodies and participation in high-profile court cases. The formal pretext for the reprisal was the advocate's appeal to the Investigative Committee of the Russian Federation with a complaint against the president of the chamber Vyacheslav Tenishev, who had previously spread false information about Drozdov's nonpayment of dubious contributions to a certain «veterans' fund». The text of the statement emphasizes that the disciplinary proceeding itself was accompanied by gross procedural violations of the law and norms of professional ethics. In particular, the proceeding was initiated by an unauthorized person, and the qualification commission completely ignored the objective arguments of the defense. The leadership of the regional and federal chambers uses disciplinary mechanisms as an instrument of punitive ethics to suppress freedom of speech and eliminate undesirable human rights defenders [158]. These conclusions are also confirmed by the results of scientific research conducted in relation to the materials of the disciplinary proceeding [159].

Viktor Drozdov filed a lawsuit in court challenging the decision of the Chamber of Advocates of St. Petersburg to terminate his status as an advocate [160]. Currently, the judicial consideration of the case is underway.

2.1.3. Unlawful termination of the status of an advocate by chambers of advocates is used for reprisals against undesirable advocates, that is, as an instrument of intracorporate repressions. Examples show the violation of procedural guarantees and the ignoring of defense arguments. Chambers act out of «political» motives, and not according to the law. The termination of the status of an advocate is used as an instrument of pressure on human rights defenders who have an independent position and criticize the leadership of the chambers, which indicates a crisis of corporate ethics.

2.2. Promotion of the Comprehensive Information System of the Advocacy of Russia

2.2.1. On August 13, 2025, a message was published that the Chamber of Advocates of the Moscow Region, on the basis of the Decision of the Council of the Chamber, obliged all advocates of the chamber, regardless of their participation in cases by appointment of state bodies, to register in the Comprehensive Information System of the Advocacy of Russia (hereinafter – CIS AR) and to create a personal account in it [161].

2.2.2. On September 10, 2025, the results of a study were published in the telegram channel «Initiative 2018», confirming that the mobile application of the CIS AR promoted by the FCA unauthorizedly gains access to the camera, biometrics, fingerprints, and reading of all media files stored on the user's mobile phone [162], which actually allows carrying out acts of cyber espionage against advocates using their mobile communication devices.

2.2.3. On October 5, 2025, information was published that advocates from different regions report mass failures in the CIS AR. On the information resources of the chambers of advocates on this occasion, statements appeared about the «migration of CIS AR data into the zone of state information systems» as the reason for access blockings. Thus, the fact that the FCA transfers data from the CIS AR (some of which constitutes attorney-client privilege) to the state was confirmed [163].

2.2.4. On December 3, 2025, the President of the Chamber of Advocates of the Chelyabinsk Region, Ivan Kazakov, openly stated that the CIS AR entails the «transparency of advocacy activity», presenting it as some kind of achievement with reference to the models of activity of state bodies [164]. However, what kind of «transparency» is this? The introduction of the CIS AR indeed provided the Ministry of Justice, the FCA, as well as commercial structures – the developers of the system, among which are companies affiliated with «Sberbank» structures, with unlimited possibilities of access both to advocate «big data» and purely confidential information, including that constituting attorney-client privilege. Among this information is personal data of the advocate and his clients and data on the advocate's location in real time. In perspective, as repeatedly stated by the beneficiary of the FCA, ex-president of the organization Yury Pilipenko, the uploading of materials of advocate dossiers into the CIS AR is forthcoming. Through the mechanisms of operational-search activity, as well as through unauthorized access, data from the CIS AR can be accessible to any state bodies and third parties. However, how much such «transparency» is needed by advocates is a big question. It is also unclear what to do with attorney-client privilege and the independence of the advocate, which are undoubtedly threatened by the expansion of the CIS AR beyond «just a system for distributing appointed cases» [165].

2.2.5. On January 16, 2026, information was published that in the Republic of Bashkortostan, all advocates – members of the chamber, even those not engaged in state-appointed cases, are forced to register in the CIS AR under the threat of bringing to disciplinary liability. In October 2024, the Council of the FCA adopted a decision to implement the system in all chambers by October 1, 2025. Later, in May, an

order came to the Chamber of Advocates of Bashkortostan – to enter all the necessary information into the CIS AR by September 1 and oblige all members of the chamber to register. Not all advocates fulfilled the order on time, therefore at the end of December last year, the Chamber of Advocates, following the example of the Volgograd Regional Chamber of Advocates [166], began to demand that advocates mandatorily register in the system by January 15 under the threat of bringing to disciplinary liability: «...to date, not all advocates of the Chamber of Advocates of Bashkortostan have completed the mandatory registration procedure in the CIS AR system. In connection with the above, advocates not registered in the CIS AR system must complete this procedure as soon as possible, otherwise the issue of bringing to disciplinary liability for non-execution of the decisions of the Council of the FCA and the Council of the Chamber of Advocates of the Republic of Bashkortostan will be considered», – the statement says [167].

2.2.6. CIS AR has functions that allow obtaining unauthorized access to the personal data of advocates, their biometrics and media files, which creates a threat of cyber espionage and violation of attorney-client privilege. The system requires mandatory registration under the threat of disciplinary liability, transfers data to the state and collects biometrics. This is designed to turn the advocacy into a structure completely transparent to the authorities. The FCA transfers data from the system to state information systems, which jeopardizes the preservation of attorney-client privilege and the confidentiality of information about clients. FCA and regional chambers of advocates force advocates to register in the system under the threat of disciplinary liability, without providing legal guarantees for the protection of their personal data.

2.3. Suppression of Freedom of Speech and Violation of the Right to Express an Opinion

2.3.1. On August 12, 2025, during the first All-Russian public discussion of the draft law on the «advocate monopoly» [168], unknown elements carried out a hacker attack on the resources of the «Zoom» system through which the event was held. During the hacker attack, the names of the event participants displayed in the system were changed by unknown persons to obscene ones, some participants were forcibly removed from the working room of the event [169]. In connection with this fact, the organizers of the event sent a statement to law enforcement agencies. No response has been received so far.

2.3.2. On January 12, 2026, information was published that in December 2025, an interview with advocate Evgeny Druzhkov, dedicated to real estate disputes by analogy with the famous «Larisa Dolina case», was published in the «Bryanskie Novosti» publication. In his publication, the advocate critically spoke about the work of Bryansk courts, calling their approach to such cases formal and superficial. This caused a sharp reaction from the Qualification Collegium of Judges of the Bryansk Region, which demanded that the Chamber of Advocates provide specific court decisions on which such conclusions are based. Faced with such a request, the Chamber of Advocates stated that the wrong text was allegedly sent to the editorial office by mistake. As a result, the original material had to be corrected, and an official refutation was published in the publication itself. The situation ended with the press service of the courts publicly reporting the advocate's apologies, and the regional chamber expressing its «deep respect» to the Bryansk judges [170]. This situation clearly demonstrates the vulnerability of the Bar and the absence of real freedom of speech when assessing the work of the judicial system. Faced with administrative pressure from the judicial community, the Chamber of Advocates chose not to protect the right of its colleague to professional and reasoned criticism, but instantly capitulated, hiding behind a ridiculous excuse about a «mistake». In this situation, an example of censorship manifested itself: open discussion of systemic problems of justice is tacitly banned, and fear of the courts turns out to be much stronger for the Bar leadership than corporate solidarity and the principles of independence of the profession.

2.3.3. The suppression of freedom of speech and freedom of expression of opinions within the advocacy is carried out through hacker attacks, pressure from judges and self-censorship of chambers. Chambers of advocates, instead of protecting their colleagues, capitulate before the pressure of the judicial community, forcing advocates to publicly apologize for criticizing the judicial system, which is an act of censorship and suppression of freedom of speech. Criticism of the judicial system is actually equated to a disciplinary offense, which has more than once reflected on the fate of advocates held liable at the demand of judges. The leadership of the chambers demonstrates a fear of the courts, which turns out to be stronger than corporate solidarity and the principles of the independence of the profession.

2.4. Hindrance to Access to the Legal Profession and the Continuation of its Implementation

2.4.1. On March 17, 2026, information confirming the presence of significant hindrances to accessing the profession of an advocate was published. The expenses awaiting an applicant for this status were calculated:

– technical fee to the chamber of advocates for passing the test (15,000 rubles);

– entrance fee to the chamber of advocates after successfully passing the exam (the lowest fee is in the Chamber of Advocates of Moscow and the Moscow Region – about 100,000 rubles, and the highest – in the Republic of Altai 800,000 rubles. The average fee across regions is about 250,000 rubles);

– entrance fee to a collegium of advocates (average fee about 10,000 rubles);

– monthly fee to a collegium of advocates (from 8,000 to 15,000 rubles);

– monthly fee to the regional chamber of advocates, FCA and fee for a mandatory subscription to the advocate newspaper (not less than 3,000 rubles per month);

– fixed contribution to social insurance funds until December 31 of each year (about 54,000 rubles for 2025).

Thus, in the first year after receiving the status of an advocate, a specialist on average must spend about 500,000 rubles [171] (approximately 5,400 euros or 6,200 US dollars), which is comparable to the median salary (96,125 rubles, 1,024 euros, 1,190 US dollars) [172] for 5-6 months, which represents a very significant amount of money.

2.4.2. Chambers of advocates, even the largest of them, are trying to find funds to support their activities from persons who have suspended the status of an advocate, introducing mandatory deductions for their maintenance for them [173] and imposing other requirements not directly provided for by law. On January 16, 2026, information was published [174] that the Chamber of Advocates of Moscow asks advocates with suspended status to confirm with documents that they still cannot work. On the Chamber website, it is reported that advocates whose status was suspended on the basis of «inability to perform professional duties for more than six months» (sub-paragraph 2 of paragraph 1 of Article 16 of the law «On advocacy activity and advocacy in the Russian Federation»), must provide documents confirming the preservation of this state. This concerns the members of the chamber whose status remained suspended on this basis as of December 18, 2025. It was indicated that the documents must be submitted to the chamber by March 15, 2026. It was noted that advocates who do not provide the documents on time will have to write an application to change the basis for suspending the status from sub-paragraph 2 to sub-paragraph 5 of paragraph 1 of Article 16 of the law (suspension of status for personal reasons) [175]. The demand of the Chamber of Advocates to confirm the inability to perform duties indicates a transition from formal to actual control over the grounds for suspending status. The chamber effectively establishes a presumption of restoration of the ability to work, unless proven otherwise. Failure to provide documents is automatically interpreted as a transition into the category of persons who have suspended status of their own free will. Advocates who have not managed to collect medical or other documents risk losing specific guarantees that may be associated with «forced» suspension (for example, in matters of mandatory deductions or subsequent restoration). The requirement to «rewrite the application» for personal reasons is a soft way of updating the registry. However, for advocates who are truly ill but cannot submit papers on time, this can become a reason for further claims from the chamber in the future. This emphasizes the tendency to increase the advocate's responsibility for their status: the advocate is obliged to actively confirm the right to «preferential» suspension, otherwise the corporation will unilaterally change the legal basis of their presence in the registry, which may entail other financial or regulatory consequences.

2.4.3. The hindrance to access to the legal profession and the continuation of professional activity is achieved by high entrance fees and additional requirements for suspended advocates. The average expenses of the first year exceed the semi-annual median earnings. The FCA and chambers of advocates introduce fees not provided for by law, scaring away new specialists and establishing unbearable financial barriers for those wishing to enter the advocacy profession.

2.5. Public Demonstration of Non-Accountability

2.5.1. The FCA and its top leadership continue to actively demonstrate to the public that ordinary advocates are practically excluded from the process of electing their representatives both at the level of chambers of advocates and at the level of the FCA. The system of «vertical» management in the advocacy of Russia is built in such a way that decisions are made by a narrow circle of irremovable functionaries who co-opt each other into councils through formal rotation procedures that exclude real competition and representation of the interests of the professional community. Such a management model leads to a deep crisis of trust within the corporation and turns the FCA from a body for the protection of advocates' rights into an instrument of their suppression. The needs, requests and proposals of advocates are categorically not taken into account by the FCA. A clear example of this was the five-year ignoring by the FCA leadership, documented on

video, of requests for holding democratic reforms and introducing direct elections [176]. Instead of an open dialogue with the advocate community, the FCA leadership strengthens its positions through repressive rule-making and approaching state structures, which makes the legal profession vulnerable to external pressure and deprives it of the status of an independent institution of civil society. The lack of legitimacy of the FCA leadership in the eyes of the advocates themselves undermines the authority of the profession at the national and international levels.

2.5.2. The public demonstration of the FCA's non-accountability to advocates confirms the absence of real self-government. The FCA leadership ignores requests for democratic reforms and co-opts itself into management bodies. Advocates are deprived of influence on decisions that they pay for and which they are forced to obey under the threat of expulsion from the profession.

2.6. Inability of the Federal Chamber of Advocates and Regional Chambers of Advocates to Fulfill their Functional Purpose

2.6.1. On October 13, 2025, news were published that Rosfinmonitoring prepared a draft order regulating the list of officials of this agency authorized to send to advocates, entrepreneurs providing legal or accounting services, audit organizations and individual auditors, notaries, as well as other subjects, written or electronic requests to provide information, as well as forms of such requests in writing. The Vice-President of the FCA Sergey Zubkov, noted that the draft order of Rosfinmonitoring is a technical implementation of the Rules for the transfer of information to the Federal Service for Financial Monitoring by advocates and other persons, and the sending by the Service of requests to the specified persons, approved by a resolution of the Government in February of this year. He also pointed out that the FCA, even when studying the draft Rules themselves, sent feedback with a proposal to specify the powers of the Rosfinmonitoring bodies to request information or documents from advocates, taking into account the provision of a professional guarantee of observing attorney-client privilege and the Law on Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism. However, the proposals of the FCA were not taken into account [177]. The new order of Rosfinmonitoring, published on February 10, 2026, creates a potential contradiction with the law on attorney-client privilege, as it requires the provision of information about an advocate's clients without their consent and without notification, which can be regarded as a violation of the principle of confidentiality and professional secrecy enshrined in federal legislation [178]. Regarding the non-consideration of its proposals, the FCA, apparently, has not taken any actions aimed at communicating the position and its implementation, since they were not reported.

2.6.2. On September 25, 2025, the Chamber of Advocates of the Kaliningrad Region recognized the violation of the rights of advocate Roman Morozov, about which it adopted a corresponding conclusion [179]. The chamber noted that in May 2025, during an inspection, advocate Morozov's mobile phone and hard drives, which might have contained attorney-client privilege, were seized. The violations were recorded in protocols and noted by advocates. The Council of the chamber concluded that the actions of the FSB officers effectively turned into a search without legal grounds and did not ensure the safety of attorney-client privilege. The violations also affected advocate Alexander Chauzov, whose office is registered at the same address, but there was no court decision to conduct operational-search measures there. The advocate applied to several agencies, pointing out the illegal actions against him [180]. In the Investigative Committee of the RF, he was informed that no procedural actions in the case of advocate Maria Bontsler were carried out against Morozov. His application to initiate a criminal case on the grounds of abuse of official authority – in connection with the illegal detention of the advocate for several hours and the seizure of his personal belongings – is still being forwarded from one instance to another. According to the latest information, this issue is being handled by the military investigation department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Kaliningrad Region. The Council of the Chamber of Advocates sent [181] a conclusion on the violation of the professional rights of advocates to the Chairman of the Kaliningrad Regional Court, the head of the FSB for the region, the Prosecutor's Office, the Department of the Ministry of Justice and the military prosecutor for the garrison [182]. However, the chamber does not take any other active actions aimed at assisting in the real restoration of the advocate's rights and returning his unreasonably seized belongings to him.

2.6.3. On November 19, 2025, the FCA published the results of a survey among advocates on the topic of pressure from law enforcement agencies. According to the research data, 72.1 % of advocates faced attempts to incline them to induce the defendant to admit guilt. 63.4 % of advocates faced demands to formally familiarize themselves with the case materials, and 52.1 % – with obstacles in accessing material

evidence. More than half of the respondents (53.5 %) faced threats of being held liable for active defense. In addition, 79.6 % of advocates face untimely notification of investigative actions [183]. The publication confirmed previously made conclusions that Russian advocates are forced to carry out professional activity in a hostile environment [184]. The lack of active actions by the FCA aimed at countering the identified negative trends, even despite their indisputable presence and recognition by the FCA itself, has also effectively found its confirmation.

2.6.4. The problems of non-admission of advocates to clients continue to be actively discussed in the media [185], are recognized by the FCA and chambers of advocates [186], however, for many years they have not been systematically resolved.

2.6.5. On August 15, 2025, information was published that during the trial to consider the appeal against the court verdict regarding advocates Vadim Kobzev*, Alexey Liptser* and Igor Sergunin*, the Vladimir Regional Court refused to attach the FCA's conclusion on the violation of the rights of advocates to the case materials, by which it relieved itself of the obligation to evaluate this, in fact, the only impulse of the FCA aimed at demonstrating the defense of advocates in this criminal case [187].

2.6.6. Instead of actively defending advocates, the leaders of the FCA bodies limit themselves to statements that «...now Russian advocates will have to take into account that attorney-client privilege during their private meetings with clients in premises of colonies, prisons and pre-trial detention centers specially designated for this purpose does not have full protection in judicial practice...» [188].

2.6.7. Meanwhile, the process of disintegration of the advocacy is gradually moving into the next phase. On November 24, 2025, the FCA informed that in Chukotka, two out of nine legal consultations have been deprived of the possibility to receive citizens. The FCA noted that they discussed the situation faced by the advocacy of the Chukotka Autonomous Okrug. The Chamber of Advocates of this region, as well as two legal consultations, lost the premises in which the staff of these non-profit organizations worked and the advocates themselves received citizens – within the framework of the state system of free legal aid and criminal proceedings by appointment of bodies of inquiry, preliminary investigation and court. In the letter from the President of the Chamber of Advocates of the Chukotka Autonomous Okrug addressed to the President of the FCA, it is indicated that due to the small size of the professional community in the region (17 advocates), the chamber lacks its own monetary funds to rent premises both for legal consultations and for the chamber of advocates as a whole. [189] No solution to the problem that arose has been reported to date.

2.6.8. On February 12, 2026, information was published that a reduction in the number of advocates working in the state system of free legal aid was recorded in the Chamber of Advocates of the Udmurt Republic. The President of the Chamber, Lyudmila Lyamina, reported this at a meeting with the President of the FCA, Svetlana Volodina. According to Lyamina, the outflow is connected with a change in jurisdiction for a number of categories of cases, as well as with the fact that some of them were classified as information constituting a state secret. These changes affected the conditions of advocates' participation in appointed cases and, as noted, became one of the reasons for the decrease in their involvement [190].

2.6.9. A representative of the Judicial Department under the Supreme Court of the RF, during a speech at a meeting of the Council of the FCA held in October 2025, presented data on mass cases of advocates' non-appearance at court hearings and recognized the inability of the FCA and chambers of advocates to solve this problem [191]. Based on the analysis of official statistics and the reaction of the FCA, the conclusion about the crisis of the disciplinary and organizational system of the advocacy in Russia, the loss by it of the functions of a self-regulating professional community and the loss of the reputation of an institution designed to promote justice is obvious, which confirms the need for a systemic reform of the Russian Bar in terms of accountability, transparency and real independence from administrative influence.

2.6.10. On April 5, 2026, a round table was held in the Federation Council on the topic «Liability for obstructing advocacy. Protection of advocate rights in the digital environment». During the event, President of the FCA Svetlana Volodina spoke about the pressure on the advocate community from law enforcement agencies. According to her, advocates are afraid to actively defend their clients and handle high-profile cases, as they know that they may face criminal prosecution. No more decisive actions aimed at ending the vicious practice of pressure on advocates and the Bar as a whole, other than just making a statement at the event, were reported [192].

2.6.11. The inability of the FCA and chambers of advocates to perform their functions manifests itself in inaction in protecting advocates and solving systemic problems. Despite the recognition of the facts of pressure, real measures are not being taken. The leadership of the FCA and chambers of advocates prefers accountability to the authorities, and

not protection of the profession and accountability to advocates. If three quarters of the advocate corps are subjected to systemic procedural blackmail, and the FCA limits itself only to publishing the results of surveys without organizing mass protest actions (for example, nationwide strikes by defenders), this proves the complete paralysis of the will of the corporate leadership. Moreover, the FCA could not protect advocates from being included in the orbit of Rosfinmonitoring and the scope of the law on combating the legalization (money laundering) of proceeds, which led to the creation of mechanisms allowing to request confidential information about clients from advocates without their consent, which will force advocates to violate confidentiality and actually inform on their clients, destroying the fiduciary foundation of the profession. The FCA and chambers of advocates in most cases show passivity in protecting the rights of advocates, limiting themselves to formal conclusions and not achieving the real restoration of violated rights and the punishment of guilty officials. The publication of FCA surveys on pressure on advocates is not accompanied by any active and effective actions to counter these negative trends, which confirms the inability of the FCA and chambers of advocates to perform their protective function.

2.7. Discussion of Anti-Advocate Amendments to the Code of Professional Ethics of the Advocate

2.7.1. On September 10, 2025, a message was published stating that the FCA once again plans to update the Code of Professional Ethics of the Advocate, and plans to discuss the amendments on the Annual Scientific and Practical Conference «Advocacy. State. Society» in Moscow. Each chamber of advocates is represented by a limited number of participants: from 2 to 5 people depending on the size of the chamber of advocates. At the conference held on October 24, 2025, targeted amendments to the Code of Professional Ethics of the Advocate were proposed: to clarify the ban on representing the interests of a former clients's opponent, to establish the need to consider the consequences of a misconduct when deciding on the termination of status and to discuss the introduction of new penalties – retaking the qualification exam and a fine [193].

2.7.2. The discussion of anti-advocate amendments to the Code of Professional Ethics is aimed at tightening control and introducing new sanctions. The proposals restrict the freedom of advocates and increase disciplinary pressure. The process of discussing corporate norms of behavior is actually closed and unrepresentative. The proposed amendments are of a targeted nature and do not solve the systemic problems of the independence of the legal profession. The discussion of retaking the qualification exam and a fine as measures of disciplinary punishment, given the systemic use of disciplinary mechanisms for the political persecution of advocates, creates a threat of expanding punitive tools without simultaneously strengthening guarantees against their abuse.

2.8. Politicization of the Activities of the Federal Chamber of Advocates and Regional Chambers of Advocates

2.8.1. A study of media publications shows that the Union of Young Advocates of Russia and the regional chambers of advocates, as before, regularly continue to hold events on the platform of the «United Russia» political party [194], which leads to the politicization of the sphere of legal assistance.

2.8.2. On September 8, 2025, on the Day of Remembrance of the Victims of the Siege of Leningrad, the film «Siege Justice. Advocates» was shown in Moscow and St. Petersburg. Formally, the film is dedicated to the work of advocates in besieged Leningrad from 1941 to 1944, however, the historical theme here is rather a backdrop. The central task of the project is to show the Bar as an institution with special merits and to strengthen its prestige in the eyes of society and the state. The author himself says that directly combines the project with the task to «raise the prestige of the institution of Bar» and build trust in the corporation against the background of the upcoming reform of judicial representation. As a result, the viewer receives not so much a documentary story about lawyers in the conditions of the siege, but rather another element of a corporate PR-campaign framed by a patriotic narrative [195].

2.8.3. On December 13, 2025, information was published that the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation adopted a resolution invalidating its own resolution of June 27, 2013 «On the application by courts of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols». This refers to the European Convention, on the basis of which the European Court of Human Rights (ECHR) makes decisions and which was actually denounced by the Russian Federation back in March 2022. Prior to this, it was partially observed: in July 2015, the Constitutional Court recognized ECHR decisions as inapplicable in the Russian Federation if they contradict the Russian Constitution. The current resolution carefully excludes all references to the Convention and to ECHR decisions from all its previous documents [196]. FCA representative Nver Gasparyan stated on this occasion that the resolution of the Plenum of the Supreme Court of Russia, which decided to get rid of the traces of the European Convention and the practice of the ECHR,

looks consistent and logical [197]. This representative later also spoke out in support of other repressive norms introduced into the legislation [198]. The FCA, represented by Elena Avakyan, also expressed support for the introduction of corporal punishment for cyber fraudsters in Singapore [199].

2.8.4. In September 2025, the implementation of the FCA project «I am a citizen: Law. Responsibility. Action» was announced [200]. The President of the FCA, Svetlana Volodina, regularly publicly reports on the implementation of the project to representatives of state bodies [201]. However, studies [202] have shown that under the plausible pretext of legal education and patriotic upbringing of youth, a mechanism of harsh ideological indoctrination is hidden. Although the project is officially declared as educational, its institutional design, substantive accents and rhetoric create grounds for comparison with the practices of institutional ideologization and mobilization characteristic of authoritarian and totalitarian state systems. An analysis of the content of the project's program showed that most of the lecture proposed by it declares the explanation of the concepts of «constitution», «rights», «responsibility», but at the same time emphasizes «state security», «countering enemies», «espionage». Events take place in the format of publicly oriented lectures with appeals to «unity» and the state agenda. Meanwhile, the content of the lectures proposed by the project clearly shows a weak presence of issues aimed at developing skills of civic criticism, legal protection of the interests of minorities, protection of the rights of opponents; while practices of conformism and mobilization prevail. This diverges from the scientific concept of mature patriotism based on respect for human rights and the rule of law. Legal literacy in the project is presented mainly as a means of preventing «threats to statehood», and not as a means of expanding access to protection, protecting human rights and developing independent legal thinking. Such «legal upbringing» turns into an instrument of propaganda, rather than the upbringing of an active citizen-patriot. Therefore, the project does not comply with a sound scientific and legal model of patriotism focused on protecting rights and the rule of law. It is primarily focused on forming loyalty, which calls into question its stated educational and civic-enlightenment goal. An analysis of the content of the project's program shows that it, hiding behind unfounded declarations about «legal education» and an «active civic position», is in fact an instrument of ideological processing and intimidation. The program contains fundamental inconsistencies, legal distortions and manipulative techniques aimed not at raising a free citizen, but at forming a passive, loyal and intimidated subject. A blatant contradiction between the stated goals and the actual content is embedded in the program. The goal is to form a «conscious understanding of citizenship and patriotism as an active position». The tasks state: «to help listeners realize themselves as acting citizens» and «to motivate them to action». However, the entire content of the program systematically and purposefully blocks, criminalizes and marginalizes any form of real civic activity related to political and public life. All «legal education» is reduced to intimidation with articles of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses, moreover in their most repressive, and often incorrect interpretation. Instead of raising free citizens who are aware of their rights, the project implants a paradigm of unconditional loyalty, substituting the concept of civic dignity with banal fear of state sanctions. Such an initiative fundamentally contradicts the very nature of the advocacy as an independent institution of civil society. Instead of educating youth about fundamental human rights, freedom of speech and mechanisms of legal control over the authorities, the program focuses on prohibitive rhetoric and obligations. Furthermore, the project creates serious risks of violating attorney-client privilege when using the digital services proposed within the project, which is completely unacceptable. The implementation of the project indicates the rejection by the leading structures of the advocacy, represented by the FCA, of their initial human rights mission and their transformation into an obedient appendage of the state apparatus.

2.8.5. The FCA and many chambers of advocates actively and in various ways demonstrate their politicization, primarily by the fact that their leadership supports the conduct of the Special Military Operation (hereinafter – SMO). Information about this is regularly published in telegram channels and on Internet resources. Thus, the President of the FCA Svetlana Volodina states: «Our unity is also manifested in solidarity with all citizens of our country. The Bar implements humanitarian projects for SMO participants and their families, provides free legal assistance within the framework of the state system and pro bono, supports various charitable actions» [203]. Representatives of the FCA and regional chambers of advocates participate in events for participants and family members of SMO participants and events dedicated to providing assistance to these persons [204], publish interviews with advocates – SMO participants [205]. Representation of the interests of SMO participants by advocates and their legal counseling is popularized by posting information on the websites

of the FCA and chambers of advocates, [206] as well as by holding consulting events specially for these persons by advocates [207]. By posting information about the awarding of advocates – SMO participants, the direct participation of advocates in the SMO is popularized [208], as well as financial and material assistance to the SMO [209]. Thus, for example, on February 20, 2026, the Chamber of Advocates of the Republic of Bashkortostan reported that advocates of the chamber had purchased a trailer and two motorcycles. In addition to equipment, the cargo included portable power stations, a battery for quadcopters, a potbelly stove, trench candles, camouflage nets, medicines, honey, food, and other basic necessities, which the president of the chamber Bulat Yumadilov, together with assistants, personally delivered to the SMO zone [210]. The chamber of advocates had already sent such cargoes to the SMO zone more than 10 times [211]. On March 13, 2026, news was published that the Chamber of Advocates of the Chelyabinsk Region, at the request of military personnel serving in the SMO zone, announced a collection in February 2026 for the purchase of three motorcycles. The collection amount with delivery was 470,000 rubles. The chamber decided to send the funds remaining after the purchase of the motorcycles as charitable aid for the needs of the hospital of the Chebarkul division. On May 28, 2026, the President of the FCA announced that 345 advocates are participating in the SMO, 38 advocates have died, and another 1 is listed as missing in action [212].

2.8.6. From the point of view of the dogmatics of international law and the UN Basic Principles on the Role of Lawyers [213], professional associations of advocates are obliged to maintain strict political neutrality. The integration of the FCA into the state ideological agenda (conducting patriotic lectures on countering espionage instead of lectures on human rights) means that advocates holding pacifist or opposition views are forced to finance activities contrary to their beliefs through their mandatory contributions. This is a gross violation of freedom of conscience. The «legal education» projects implemented by the FCA are essentially an instrument of ideological processing and intimidation of youth, which contradicts the human rights mission of the Bar. The FCA openly demonstrates a rejection of international human rights standards. The FCA and regional chambers are actively integrating into the state political agenda, supporting the special military operation, holding events on the platforms of the «United Russia» political party, and supporting repressive legislative initiatives.

2.9. Misuse of Mandatory Contributions of Advocates

2.9.1. On September 22, 2025, news was published about the installation of a monument to the advocate Fyodor Plevako (1842 – 1909). Attention is drawn to the fact that the chamber of advocates of the Chelyabinsk region allocated 10 million rubles, and the funds for the installation of the monument were collected from advocates [214]. At the same time, last year the president of the FCA Svetlana Volodina proposed to increase the amount of monthly advocate fees for the needs of the organization by 200 rubles (2,1 euro or 2,6 US dollars), and among the expenditure items that needed to be financed was the installation of the monument to Plevako [215]. Meanwhile, these expenses are not necessary for advocates and chambers of advocates. In addition to the monument, the city administration spent 28 million rubles on the landscaping of a public garden that did not need it, causing extreme dissatisfaction among local residents [216].

2.9.2. The non-targeted spending of deductions collected from advocates is confirmed by the financing of monuments instead of the needs of the profession. These expenses are not related to ensuring the professional rights and interests of advocates. Advocates are actually forced to pay for the image of the FCA and the chambers, rather than for their own protection. This undermines trust and indicates the financial opacity of the activities of the FCA and the chambers of advocates.

2.10. Promotion of the «Advocate Monopoly»

2.10.1. The Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation throughout the entire time that has passed since August 2025, continued to actively promote the adoption of the bill on the «advocate monopoly» [217]. Supporters of the initiative (mostly representatives of the management bodies of the chambers of advocates and dependent members of Union of Young Advocates of Russia) believe that the reform will improve the quality of legal services. They point out that to obtain the status of an advocate, one must have a higher legal education, work experience in the specialty, successfully pass the qualification exam and comply with the Code of Professional Ethics of the Advocate. This, in their opinion, weeds out unprepared and unscrupulous individuals. Advocates also bear disciplinary and professional liability, and in case of violations they can be deprived of their status. In addition, supporters of the reform emphasize the importance of the representative having an «attorney-client privilege» regime and the mechanism of an advocate's request to state bodies [218]. The propaganda of the ideas of the «advocate monopoly» by the FCA has been actively conducted for a long time [219], while private

practitioners and other opponents of the «advocate monopoly» compare to «barn mice» by beneficiaries from the FCA in their publications [220].

2.10.2. The «Initiative 2018» [221] as well as a number of other public organizations, opposed the bill on the «advocate monopoly» [222].

The bill on the introduction of the «advocate monopoly», initiated by the Ministry of Justice and supported by the FCA, formally aimed at the «professionalization of judicial representation», is an instrument of counter-reform carried out in order to dismantle the independent legal profession and totally subordinate advocates and another jurists to the state. The proposed requirement for judicial representatives to mandatorily hold advocate status is actually not related to qualification or ethics, but is an organizational measure that turns the Bar into an instrument of state regulation of the legal market.

The developers of the bill proposed to liquidate the possibility of independent human rights activities of private practicing jurists, jurists – employees of law firms and human rights lawyers who are not members of the Bar, by introducing a mechanism for their forced incorporation into the Bar as a structure practically subordinated to the state, as a result of which the bill contradicts a significant number of provisions of the Constitution of the Russian Federation, does not comply with Russia's international human rights obligations and contradicts the ideas and principles of a rule-of-law state.

Instead of strengthening the human rights function of the legal profession, the bill establishes excessive restrictions on access to it, increases pressure on advocates and jurists and contributes to the «monopolization» of the profession under the auspices of the FCA.

The bill threatens socio-economic stability in the sphere of legal assistance and legal services, will lead to the destruction of the private segment in the market of legal services, entail the displacement of tens of thousands of jurists from the labor market, an increase in unemployment, the liquidation of small and medium-sized businesses in the legal sphere, an increase in the cost of legal services and a decrease in their accessibility to the population, which will lead to difficult access to justice. For jurists forcibly incorporated into the Bar, it is proposed to establish seniority restrictions for the creation of law offices and to introduce opaque mechanisms for the distribution of remuneration. Their property status will deteriorate significantly due to the loss of their right to use social protection mechanisms provided for employees, forced adherence to the taxation system applied to advocates and law offices, which is not adapted to business processes, as well as the need to pay mandatory contributions and entrance fees to the FCA and chambers of advocates. At the same time, the bill does not justify the need for an exclusive right of advocates to judicial representation in civil, administrative and arbitration cases, nor does it provide evidence of a systemically low quality of legal assistance by private practicing jurists, which the existing state supervision and public control could not eliminate by other means.

The goal of the counter-reform is not only the forced incorporation of all jurists into the Bar under the threat of losing the profession, but also the final suppression of the independence of the Bar and advocates. Currently, the state of the organization of the Russian Bar no longer complies with international standards of independence, self-government and accountability. The FCA and regional chambers have lost the features of independent professional organizations. They function in the logic and interests of unprecedented state control and repressive pressure, and not in the interests of advocates and citizens. Advocates are not members of the FCA, do not participate in the management of this organization and cannot influence its decisions, however, they are forced to maintain it and obey its mandatory rules. The management system of the Bar in Russia is undemocratic, opaque and not accountable to the advocate community. Control over election procedures, the composition of bodies, rotation and voting procedures is concentrated in the hands of a narrow group of individuals, which excludes the participation of advocates in managing the profession. The bodies of the FCA and chambers of advocates form regulations, approve their own remuneration and exclude real control by the advocate community. The ideas proposed in the bill (except for reducing the response time to an advocate's request) contradict international standards and are aimed at the further subordination of the Bar to the state through the activities of dependent and practically undemocratically elected officials from the FCA and chambers of advocates, and, as a result, at the final suppression of the independence of advocates, especially those who carry out the defense of clients in so-called «sensitive cases». The proposed bill goes far beyond just the issue of the status of judicial representatives and proposes the introduction of large-scale changes affecting almost all aspects of the organization and activities of the Bar, as a result of which the role of the FCA and the Ministry of Justice in controlling advocates is extremely strengthened.

The bill, in violation of international standards of the organization and activities of the Bar associations, strengthens the repressive control of state bo-

dies over advocates and chambers of advocates and proposes to introduce a number of legal mechanisms dangerous for the independence of the Bar and advocates:

– strengthening the role of the president of the chamber of advocates and simultaneously including him in the council of the chamber and the qualification commission;

– granting members of the management bodies of the chamber the right to participate in the work of the highest management body of the chamber not by virtue of being elected as delegates, but by virtue of their position;

– introducing the right of the Ministry of Justice to a delayed veto upon admission to the profession, a «departmental appeal» mechanism, including the possibility for the Ministry of Justice to appeal decisions of the bodies of chambers of advocates that do not suit its officials to the FCA, and FCA decisions – to the court;

– introducing a procedure for suspending the status of an advocate, which can entail automatic termination of status if it is not restored in a timely manner;

– introducing a system of mandatory standardization of the design of signs of law offices and the content of websites, and in fact – a system of control by the Ministry of Justice over these aspects of advocacy as well;

– establishing control by the Ministry of Justice over the procedure for undergoing an internship in the Bar;

– introducing a mechanism for canceling decisions of chambers of advocates and the adoption of decisions by the FCA instead of the bodies of the chambers;

– introducing a mechanism for dismissing presidents of chambers at the request of the Ministry of Justice;

– introducing new restrictions upon admission to the profession and new grounds for terminating the status of an advocate;

– legalizing the introduction of mandatory contributions when the status of an advocate is suspended and entrance fees to chambers of advocates;

– introducing burdensome restrictions with respect to foreign advocates;

– forming prerequisites for creating a mechanism for disciplinary prosecution of advocates at the level of law offices.

The proposed innovations undermine the principles of independence, corporateness, self-government and equality of advocates, turning the Bar into a vertically managed structure subordinated to the will of FCA unelected officials and officials of the Ministry of Justice, in connection with which it was concluded that the adoption of the bill could lead to the final dismantling of the independent legal profession in Russia and to the destruction of the residual democratic institutions of Bar self-government, strengthening the atmosphere of fear and repression in the Bar and the final destruction of the independent human rights function of the profession of advocate and jurist. It is also emphasized that the bill could negatively affect the availability of qualified legal assistance, leads to a violation of everyone's right to legal assistance from a specialist chosen by him, and will exacerbate the already difficult situation with the observance of human rights in Russia.

The «advocate monopoly» in the proposed version is the culmination of the process of completing the degradation of the legal profession in Russia, in connection with which the presented bill should be rejected [223].

2.10.3. Opponents of the adoption of the bill – advocates, human rights defenders, private practicing jurists, representatives of science and business actively and consolidatedly opposed the bill [224]. They created the social movement «Union of Jurists», which now has more than 4.2 thousand participants [225], created the self-regulatory association «Union of Judicial Representatives» [226], sent a huge number of objections against the bill [227] and held a protest vote on the portal of public discussion, ensuring the achievement of 11,000 votes against the bill with less than 1,000 for it [228], prepared analyses of the provisions of the bill [229], collected and published critical opinions [230], video interviews [231], video reports [232] and streams [233], conducted themselves [234] and participated in numerous public discussions [235], including in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation [236], organized public discussions live in the format of a round-the-clock online Internet marathon [237], initiated a lawsuit against the Ministry of Justice regarding the illegal failure to conduct a regulatory impact assessment when preparing the bill and attracted public attention and more than 200 co-plaintiffs to it (currently the proceedings in the case have been terminated by the court, which was appealed by the plaintiffs [238], but at the appeal stage – so far unsuccessfully [239]) [240], appealed to the prosecutor's office demanding to bring the Minister of Justice to administrative responsibility for failure to provide information upon a citizen's request (Art. 5.39 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) [241], and made personal visits to the employees of the Ministry of Justice at receptions [242].

Active work was also carried out to discuss the inadmissibility of introducing the «advocate monopoly» on social networks. A video recording [243], confirming the report of the Minister of Justice Konstantin Chuychenko to the President of Russia Vladimir Putin, in which the former stated that allegedly all interested bodies and the government supported the idea of an «advocate monopoly» (presented as the «professionalization of judicial representation»), posted in professional groups of social networks, gained more than 300,000 views and more than 600 angry comments in just five days [244].

2.10.4. Media analysis showed that opponents of the bill put forward and organized the promotion of a number of convincing objections against the introduction of the «advocate monopoly»:

– Deficit of advocates. According to data for 2025, there were about 75–76 thousand advocates in Russia, while there were about 440 thousand jurists without advocate status. At the same time, advocates are unevenly distributed across regions, which could lead to the inaccessibility of legal assistance in remote areas [245].

– Rise in the cost of services. Advocates bear additional expenses (entrance fees, mandatory contributions to the FCA, chambers of advocates, law offices), which will inevitably affect the cost of services for clients [246].

– Threat to the independence of the Bar. Expanding the powers of the Ministry of Justice (for example, the right to challenge decisions of chambers of advocates in court) could increase administrative pressure on the Bar and violate the principle of its independence [247].

– Restriction of constitutional rights. Opponents believe that the reform violates the right of citizens to access justice and the right of lawyers to choose their occupation [248].

– Economic losses and restriction of competition. Many jurists could lose their jobs, and small businesses will face an increase in expenses for advocates [249], and competition in the legal services market will also be restricted [250]. Reasonable considerations were also expressed about other negative properties of the «advocate monopoly» [251] including corruption-generating factors of the proposed bill [252].

2.10.5. To show that advocates support the «advocate monopoly», the FCA used for its own purposes so-called «young advocates» from UYAR. From July 21 to August 7, 2025, UYAR held an action in support of the Ministry of Justice bill, which the FCA leadership ordered to be called nothing other than the «bill on the professionalization of judicial representation». UYAR members were involved in publishing opinions on the telegram channel and social networks [253]. To promote the initiative, a special website was created [254], on which the publication of reviews of advocates dependent on the FCA, who speak only in favor of the bill, is deployed. In addition, the chambers of advocates of some regions of Russia posted links to the bill on their information resources with text in its support and calls to leave «likes». Among such chambers are the Kaliningrad, Nizhny Novgorod, Udmurt ones. In the Chamber of Advocates of the Republic of Dagestan, asked not only to leave a «like», but also to send a confirming screenshot [255]. The Vice-President of the FCA Mikhail Tolcheev made a repost in his telegram channel of a post in which one of the advocates actively supporting the FCA called everyone who does not support the initiative of introducing an «advocate monopoly» as «degenerates» [256].

In August 2025 the FCA lobbied for the bill in the State Duma [257].

On October 8, 2025, UYAR announced the launch of the third stage of the information campaign «For the professionalization of judicial representation». At this stage, «How to become an advocate» cards were prepared, which will help applicants navigate the path to the profession step-by-step, as well as «How to become an intern advocate», which describe internship in the advocacy and contain a step-by-step algorithm for those wishing to undergo such an internship. According to the chairman of UYAR Ekaterina Khudova, the cards will make the path to the Bar accessible, transparent and understandable. The President of the FCA Svetlana Volodina called the cards the optimal format for those wishing to become advocates [258].

In the FCA's internet survey on the problem of the «advocate monopoly», out of more than 80,000 advocates, only 4,979 people took part, which is only about 6 % of the total number of advocates in the country. The vast majority of respondents (77.4 %) supported the adoption of the amendments (55.7 % – «fully support», 21.7 % – «rather support»), 8.1 % are «neutral», 7 % – «rather do not support», 7.5 % – «categorically against») [259]. However, the FCA, involving the largest state media (TASS), tried to present the results of this survey in such a way as if it received the support of 77 % of all representatives of the advocate community [260], while the real numbers showed the opposite: tens of thousands of advocates who did not participate in the survey showed by their passive behavior that they do not want to take part in the actions of the FCA to promote the bill and generally in any activity of this organization [261].

On September 15, 2025, the Ministry of Justice and the FCA, pretending to have taken into account the proposals received during the public discussion, stated that the proposed norms on taking the advocate's oath would be adjusted, and also that the provisions of the bill would be finalized in terms of expanding the circle of persons to whom its provisions do not apply: in particular, spouses, relatives in direct ascending and descending line, full and half brothers and sisters, provided they have a higher legal education or a scientific degree in a legal specialty, will also be able to be representatives of citizens, except for individual entrepreneurs. In addition, actions not related to providing a person participating in a case with qualified legal assistance in the case can be carried out by persons holding a power of attorney issued by the person participating in the case to perform such actions, regardless of the compliance of the persons holding the power of attorney with the requirements set for representatives of citizens and organizations by law, and also «the possibility is provided for staff jurists of companies to represent not only their firms, but also those included in a common group with their employer» [262].

The Ministry of Justice also conducted an active information campaign lobbying for the bill on the «advocate monopoly» among lawyers, stating, in particular, that the Public Council under the Ministry of Justice supported the bill. One of the members of the Public Council turned out to be the beneficiary of the FCA Vladimir Pligin [263], who, speaking as co-chairman of the «Association of Jurists of Russia» at a meeting of the Public Council, «emphasized the extreme importance of the discussed bill» and «especially pointed out that the provisions of the bill will contribute to improving the quality of representation of the interests of citizens and legal entities in courts and, as a result, of the judicial process itself» [264].

The Minister of Justice Konstantin Chuychenko made statements in the media to support the bill, in particular, that the law on the «advocate monopoly» is designed to protect the constitutional rights of citizens to qualified legal assistance, which can be provided only by «persons who are subject to ethical and professional standards». He also emphasized that the initiative will ensure «worthy» behavior of defenders. «If they are not such, then the state should have the right to declare them unhandshakeable and not allow them into representation», – stated Konstantin Chuychenko, also pointing out that «any establishment of order implies a certain dissatisfaction». The Minister of Justice also noted that he did not agree that the law on the «advocate monopoly» would reduce revenues to the country's budget. In his opinion, the initiative will only bad to those jurists who do not pay taxes at all [265]. However, at the same time, the Minister did not provide reasons for his statements, unlike experts who argumentatively assert the opposite and point out the highly probable significant harm to the economy from the introduction of the «advocate monopoly» [266].

The campaign of propaganda for the «advocate monopoly» was also conducted by representatives of the FCA. Moreover, this campaign was conducted according to the rules of «information wars», which led to the actual concealment of information that did not suit the FCA leadership from advocates. Thus, for example, the FCA expectedly did not consider it necessary to highlight in the material published on its website [267] the constructive objections against the «advocate monopoly» voiced at the round table in the State Duma [268]. The FCA acted in a similar way when covering the second round table held in the same place [269].

The FCA actively used aggressive advertising of the bill on the «advocate monopoly», relying on several irrelevant examples, making statements that in Russia the number of jurists wishing to obtain the status of an advocate is allegedly growing [270].

Another example: ex-vice-president of the FCA, and now – «head of digital transformation» of the FCA Elena Avakyan tried to convince the participants of the Siberian Legal Week (SibLegalWeek) that the «advocate monopoly» is a «new reality» that cannot even be changed anymore. Following the forum, she stated that she allegedly managed to «end the discussion in her favor», and revealed a number of characteristics of the deception technology she used. It turns out she «tried to build a dialogue in this way: to explain that the Bar is not trying to «pull the blanket over itself», as opponents of the reform claim, but, on the contrary, in a difficult life situation it offers its shoulder to the legal community, giving the opportunity to unite on the basis of a corporation with more than a 160-year history», to which the event participant, jurist Evgeny Shestakov publicly reacted with the following comment: «The reality was different. The presidium of the round table of four people: three advocates and one jurist (me), except for Elena Avakyan, opposed the monopoly. The hall was also not on Elena's side. The note on the FCA website is, of course, a model of post-truth» [271], which was supported by other participants and observers of the event [272].

However, there were also more obvious «blunders» in the information policy of the FCA. For example – an attempt to artificially boost positive reactions to posts in the telegram channel [273]. There

were also cases of comical statements. Thus, for example, the President of the Chamber of Advocates of the Kaliningrad Region Evgeny Galaktionov, in one of his speeches in the media, stated that for the chamber of advocates «the number of newcomers should always be greater than the number of leavers», otherwise «we will not have money for study, for holding events, there will be no money for organizing our entire advocate community» [274], thereby virtually confirming the arguments of the opponents of the «advocate monopoly» about the economic subtext of the actions of the FCA and chambers of advocates actively participating in the promotion of the bill on the «advocate monopoly».

Advocate Genri Reznik, in the framework of events promoting the «advocate monopoly», accused its opponents of demagoguery and populism and thanked the Minister of Justice Konstantin Chuychenko for preparing the bill, adding that his gratitude «is worth a lot», since it comes from him, a «human rights defender», while trying to convince those present that the initiative did not come from the Ministry of Justice: «First. Who needs this bill? It would be a mistake to assume that this is a product of the creativity of the Ministry of Justice. Recently, a new minister suddenly came and decided: let's unite judicial representation on the basis of the Bar – and nothing of the sort. The justice program has been developed for ten years. Ten years. The leadership of the Ministry of Justice changed. There was a working group that included advocates. I, sinner, was included in it, and Pepelyaev, and Burobin». He also stated that the document should be adopted in the first reading, and amendments, if necessary, introduced later – «in the second», thus trying to calm the doubters. The only point in the bill that causes him dissatisfaction is the provision allowing the Ministry of Justice to interfere in the work of chambers of advocates, including the possibility of removing their leadership; he compared this to «separating the flies from the cutlets» [275].

The President of the FCA Svetlana Volodina, during events discussing the bill on the «advocate monopoly», tried to present it not as a forced expulsion of free jurists from the market, but as some natural and desirable process of entering the Bar – a conditional «marriage of love». According to her logic, this is not a ban on the profession for judicial representatives, but their transfer to a more correct, organized and ethically standardized form of professional activity. She also countered critics that the Bar is allegedly open to entry, and therefore it is incorrect to speak of «deprivation of the profession». In addition, her position contains the idea that a unified professional status, common standards, disciplinary control and corporate organization should improve the quality of legal assistance and trust in judicial representation. Criticism of the bill is presented by Svetlana Volodina as exaggerated, emotional and not taking into account the interests of citizens and the profession itself. Meanwhile, it is obvious that for a huge number of practicing jurists the transition to the advocacy will not be a free choice: if they are actually deprived of the right to professionally represent clients in courts outside the advocate status, then this is no longer «love», but coercion. The formal possibility of entering the Bar does not cancel the essence of the problem, because we are not talking about a voluntary expansion of opportunities, but about the normative displacement of all other forms of the legal profession from a key part of the market. In this logic, Volodina's objection that «no one is deprived of a profession» is a verbal substitution: a jurist may not be banned from calling himself a jurist, but his main professional function – judicial representation – will be taken away. Corporatization in the Bar itself does not prove an increase in quality, but creates additional risks of dependence, disciplinary pressure and administrative control. In other words, the promise of a «higher level of profession» from Svetlana Volodina is built on a premise that has not been proven: strengthening the corporate filter may not improve legal assistance, but only make the profession less free and more manageable. Instead of a substantive response to key claims – about competition, freedom of profession, the risk of disciplinary arbitrariness, the dependence of the Bar on its governing bodies – Svetlana Volodina uses softening rhetoric about professional unity, a civilized market and care for citizens. Therefore, her objections are not a refutation of the criticism on the merits, but only an attempt to present the forced restructuring of the legal assistance market in a more attractive and harmless form [276].

2.10.6. In November 2025, the FCA, without waiting for the adoption of the bill on the «advocate monopoly», actually began to carry out an implementation campaign for the unadopted provisions of the proposed law. Thus, the Commission on Ethics and Standards of the FCA explained how the length of work experience in the legal specialty for future advocates who work as individual entrepreneurs or self-employed will be calculated. The explanation was prompted by questions about whether it is possible to include in the length of service work as an advocate's assistant before obtaining a higher legal education and the activities of individual entrepreneurs or a self-employed person, whose main activity is the

provision of legal services. The FCA decided that it will require jurists forcibly incorporated into the Bar to prove that the applicant has conducted a legal practice for at least two years, and additionally – that this activity was conducted according to a regulation self-developed and approved in advance. To credit the length of service, the applicant must also provide confirmation of registration of activity – an extract from the state databases code 69.10 or a certificate of registration as self-employed; documents confirming legal practice – copies of judicial acts where he acted as a representative for a period of at least two years; confirmation of payment of insurance premiums for compulsory pension insurance. Lawyer from St. Petersburg Ekaterina Gulenkova, who actively opposes the bill on the «advocate monopoly», noted in connection with these requirements that they look practically impossible to fulfill. In fact, the applicant must write the rules of work for himself in advance, and then prove that he strictly followed them for two years. In addition, it remains unclear how the requirement for pension contributions will be applicable to the self-employed [277] (who do not pay them).

On October 28, 2025, information was published that the FCA Council recommended that regional chambers of advocates set an entrance fee at the level of 8 times the minimum wage in the corresponding region [278]. Information on whether the chambers did this is not reported.

On November 21, 2025, information appeared that «the basis of the explanatory note to the discussed bill of the Ministry of Justice of the Russian Federation on the professionalization of judicial representation in the Bar based on a study of the quality of the provision of legal services conducted by the Ministry of Justice of Russia jointly with Rospotrebnadzor, the prosecutor's office and the professional community», and also that this information was voiced by employees of the Ministry of Justice. No traces of the publication of this study or its specific results presented to the public could be found [279].

The information and premature implementation campaigns of the FCA briefly described above led to the formation among the majority of representatives of the legal community of the opinion that the statements of individual representatives of the top management of the FCA and chambers of advocates show that they are not bearers of high moral standards, since they support an anti-legal system of measures for the discrimination of new potential members of the corporation and internal corporate repressions, and at the level of corporate leadership there is deep disdain for the foundations of the country's legal system as a whole [280].

The introduction of the «advocate monopoly» and the forced establishment of entrance fees for almost half a million free jurists creates a colossal financial pool for the FCA and regional chambers of advocates, calculated in tens of billions of rubles. And it is exactly this fiscal motive that conditions the rent-seeking behavior of the FCA and regional corporate elites representing the management bodies of the chambers of advocates. In addition, as a result of conducted research, it was revealed that access to justice, even without the introduction of an «advocate monopoly», in Russia remains unequal due to, among other things, the rather high rates of advocate's fees recommended by chambers of advocates. With the affordable average cost of consultations, the full conduct of a case in court costs the «average consumer» more than a monthly income in most regions, turning legal assistance into an actually inaccessible service [281].

On December 2, 2025, the FCA released the idea of the need for the forced introduction of specialization in the Bar [282]. This idea contradicts international standards, the Constitution of the Russian Federation and the law, since it undermines the universal nature of the status of an advocate and limits his professional independence. In the hands of the FCA, specialization could turn into an instrument of corporate control, in which advocates will actually be divided into those «admitted» and «not admitted» to certain categories of cases. Such a model does not expand the guarantees of the quality of legal assistance, but, on the contrary, creates risks of discrimination within the profession and the weakening of the client's right to freely choose a lawyer. This initiative is associated with a broader trend of strengthening the administrative influence of the FCA on the advocate community, in connection with which the imposed specialization may become another step toward limiting the autonomy of the Russian legal profession [283]. The results of the survey conducted by the FCA showed 69.4 % of the total number of respondents opposed the introduction of specialization [284], which, however, did not put an end to the ideas of the FCA leadership about the forced introduction of specialization.

2.10.7. The UN Special Rapporteur on the Situation of Human Rights in the Russian Federation Mariana Katzarova in her report of September 15, 2025 A/HRC/60/59 [285] drew attention to the problem of the «advocate monopoly» and indicated: concerns outlined in previous reports persisted, 30 with increasing persecution of legal professionals defending individuals in politically sensitive or national security-related cases, a growing number of closed-door

trials, and a bill, presented in July 2025, proposing to consolidate the power of the government-controlled Federal Chamber of Advocates by requiring all lawyers practicing in civil and commercial law to join the Russian Bar [286].

2.10.8. During the trial of a lawsuit brought by a number of private practicing jurists against the Ministry of Justice, it became clear that the ministry claims that the bill on the «advocate monopoly» had already been submitted to the Government on July 31, 2025. At the same time, out of 3,211 proposals on the website of its public discussion, 1,168 still (as of November 09, 2025) remain unprocessed. This means that a bill was sent to the Government without the results of consideration of the received proposals, that is, there is a violation of paragraph 20 of the Rules for disclosure by federal executive bodies of information on the preparation of draft normative legal acts and the results of their public discussion (approved by Decree of the Government of the Russian Federation of August 25, 2012 № 851). In accordance with this paragraph, the developer is obliged to consider all proposals received within the established period in electronic or written form based on the results of the public discussion of the draft normative legal act, and no later than the day the draft normative legal act is sent for approval with federal executive bodies, to post on the official website a summary of the proposals received during the public discussion of the draft normative legal act, indicating the position of the developer. That is, all results of consideration of appeals should have been posted on the website no later than July 31, 2025, but they are still not there. Moreover, at the time of publication of the information, judging by the website, 2,043 proposals were processed out of the 3,211 received [287].

2.10.9. As a result of the ongoing and constantly growing active resistance of opponents of the bill on the «advocate monopoly» [288], representatives of the non-profit sector [289], the business community, including representatives of large corporations [290], business ombudsmen [291], representatives of chambers of commerce and industry [292], civic chambers [293], State Duma deputies [294], including the chairman of the relevant Committee Pavel Krasheninnikov [295], representatives of the Supreme Court [296], representatives of regional authorities [297] spoke out against its adoption. Among the reasons they cited were the resistance of the legal community, economic risks, political considerations, and methodological errors in the development of the reform [298]. The Chairman of the Federation Council Committee on State Building Andrey Klishas [299], Igor Krasnov [300] and Alexander Gutsan [301], who appointed to the positions of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor General of the Russian Federation, respectively [302], demonstrated no support for the idea of an «advocate monopoly».

Member of the Federation Council – Senator Ayrat Gibatdinov and State Duma Deputy Alexey Kurinny even proposed to preventively protect the constitutional right of jurists who do not have advocate status to be representatives of parties in civil and administrative proceedings and submitted a corresponding bill [303], which in 2026 was nonetheless rejected [304].

There was no unity of views on the issue of the «advocate monopoly» in the «Association of Jurists of Russia» either. The Commission on Issues of Legal Regulation of the Non-Profit Sector of the Moscow Regional Branch of the All-Russian Public Organization «Association of Jurists of Russia» opposed the bill [305]. At the same time, information is published that this organization plans to propose itself for the role of an institution consolidating judicial representatives [306]. At the same time, attention is drawn to the fact that a significant part of the undemocratically elected FCA employees occupies managerial positions in the «Association of Jurists of Russia» as well.

2.10.10. On December 29, 2025, a Letter with allegations of violations regarding the state of affairs in the advocacy № AL RUS 13/2025, touching upon, among other things, issues of the «advocate monopoly» was sent to the Government of the Russian Federation by the UN Special Rapporteur on the Independence of Judges and Lawyers, the representative of the UN Working Group on Arbitrary Detention, the UN Special Rapporteur on the Situation of Human Rights Defenders, the UN Special Rapporteur on the Situation of Human rights in the Russian Federation and the UN Special Rapporteur on the Promotion and Protection of Human rights and Fundamental Freedoms while Countering Terrorism [307]. In the letter to the Government of the Russian Federation, in particular, the following questions were raised directly related to the bill on the «advocate monopoly»: 3. Please provide updated information on the status of the bill concerning the reorganization of the advocacy. Clarify how its provisions ensure the self-governing nature, institutional independence and the ability of advocates to freely perform their professional duties in accordance with international human rights standards and the UN Basic Principles on the Role of Lawyers. ... Please indicate the steps taken to guarantee that the chambers of advocates and other professional bodies remain independent, free from political influence or administrative con-

trol, so that they can effectively defend the independence of their members and maintain the integrity of the justice system. Based on currently available data, the authors have not received an answer to this letter. Nevertheless, according to currently available data, the bill on the «advocate monopoly» has not been submitted for consideration by the legislative authority (the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Fede-ration), it is actually frozen [308] and even removed from the agenda [309], but its further fate remains uncertain.

However, the FCA, despite statements about putting the bill «on pause» [310], continues its attempts to promote it, using for this purpose examples of persons who acquired advocate status after the announcement of the introduction of the «advocate monopoly» [311]. The Minister of Justice also makes statements that the ministry will continue working on the initiative [312].

Conclusion

Summing up the conducted research, it should be stated that the institution of the Bar in Russia has reached a critical line, beyond which comes a complete loss of its human rights essence.

The study of the facts recorded in the period from August 2025 to May 2026 allows us to formulate an unambiguous conclusion: a system of state suppression of the independent advocacy has developed and is being consistently strengthened in the Russian Federation, threatening the existence of citizens' right to qualified legal defense.

Current law enforcement practice, aimed at intimidating and marginalizing advocates, inflicts irreparable damage to the foundations of the constitutional system and public trust in the Bar and the justice.

Of particular concern is the use of criminal legislation against advocates performing their professional duties, as a result of which defense attorneys are unlawfully identified with their clients.

The criminal prosecution of prominent advocates bears the clear character of repressions for their professional and civic position. The use of norms of criminal legislation to criminalize standard procedural actions of the defense represents a dangerous form of abuse of right on the part of investigative bodies. The prosecution of advocates in cases of allegedly committed state treason, extremism, terrorism, and military fakes, and on various other grounds has created an atmosphere of fear in which the performance of professional duty has become dangerous for freedom and life.

Isolated cases testify to the direct interference of law enforcement agencies in advocacy activities. This undermines the principle of the independence of the defense and the equality of the parties in the process. It should also be noted that there is a lack of effective mechanisms for protecting advocates from such violations.

The FCA and the chambers of advocates of the regions of Russia, which by law are called upon to protect the independence of advocates, in practice become conduits of state policy aimed at destroying the independence of advocacy.

The Bar bodies of corporate self-government are de facto usurped by a narrow group of individuals, which makes democratic rotation impossible. The usurpation of power authority by the leadership of the chambers requires immediate intervention on the part of members of the community and more broader quantity of actors to restore basic democratic procedures.

An additional threat is posed by legislative regulation and judicial practice going beyond its limits, allowing the arbitrary deprivation of the status of an advocate. Such practice contradicts both the Constitution of Russian Federation and the international obligations of the state. Along with this, the deterioration of working conditions and social security intensifies the general crisis in the profession. Disciplinary mechanisms, digitalization through a controlled system that is dangerous from the point of view of preserving advocate secrecy, the ideological projects of the FCA and its politization, serve not the development of the Bar, but the establishment of total control over every advocate.

The draft law on the «advocacy monopoly» promoted by the Ministry of Justice acts not as a means of improving the quality of legal services, but as an instrument for the final destruction of the independent profession. The opposition to this draft law on the part of tens of thousands of advocates, jurists, business ombudsmen, deputies, and international organizations has shown that society is aware of the deadly danger of such reforms for justice and the economy. At the same time, the reaction of the FCA and the chambers of advocates to criticism manifested itself in a wide range of actions: from attempts to manipulate survey data to the outright insult of dissenting advocates and jurists, which testifies to the degradation of the leadership of these organizations.

International guarantees of the independence of the legal profession under current national conditions are of a purely declarative character. Building a state governed by the rule of law proclaimed in the Constitution of the Russian Federation requires the immediate cessation of repressions, the revision of anti-advocate legislation, and the implementation

of a profound democratic reform of corporate governance bodies.

The report allows us to conclude that there are steady negative trends in the sphere of ensuring the independence of the Bar. The facts set out in it are not isolated, but in conjunction with previously published report [313] form a holistic picture of systemic pressure.

A comprehensive study of the above facts in conjunction with the provisions of previously published reports testifies to the existence of a legal default and a deep, multi-level institutional crisis of advocacy in the Russian Federation, requiring immediate, systemic, and highly professional intervention by the entire legal community. It is also significant that the violations affect not only the advocates themselves, but also their clients. Restricting access to defense, violating confidentiality, and obstacles in work undermine the foundations of a fair trial. An important aspect is also the passivity or inconsistency of the actions of the bodies of advocate self-government.

The correlation of the conclusions of the previous report on the «capture» of advocacy and the new report demonstrates the evolution of the crisis of the Russian Bar from the loss of internal democratic self-government to a full-scale merger of the Bar top leadership with representatives of the state apparatus.

The report on the «capture» of advocacy proved that the system of «vertical» management in the Bar is built in such a way that decisions are made by a narrow circle of individuals who co-opt each other into councils through formal procedures, which excludes real competition.

The new report shows how this usurped power is used in practice. The FCA and regional chambers have completely lost their human rights function and turned into an obedient appendage of the state apparatus. Instead of protecting colleagues, the disciplinary mechanisms of the chambers are used as an instrument of «punitive ethics» to crack down on human rights defenders and undesirable advocates who criticize the leadership. The chambers of advocates, with rare exceptions, submissively execute the will of the Ministry of Justice and the FSB, unlawfully suspending or terminating the status of advocates, including for prolonged stays abroad.

The previous report warned of the danger of destroying the guarantees of independence. The present report records: the criminal prosecution of advocates for their professional or public activities has acquired a systemic and mass character. During the studied period, the criminal prosecution of at least twenty advocates under articles directly relating to their professional, human rights, or other public activities has been documented. There is a systematic violation of the fundamental international principle – the prohibition on identifying a defense attorney with his client.

If earlier the «capture» of advocacy was expressed mainly in administrative control, now it has moved into the digital plane. The implementation of the Comprehensive Information System of the Advocacy of Russia is being promoted compulsorily, under the threat of disciplinary sanctions. According to independent studies, this system is an instrument of cyber espionage and total control, carrying out the unauthorized collection of biometrics and media files. At the same time, the FCA openly transfers data from the system to state databases, which destroys the institution of advocate secrecy. This is the logical conclusion of the «capture» process, when corporate secrets are voluntarily transferred to the state by the usurpers of the corporation.

The previously formulated conclusions find their full confirmation in the new report as well. The draft law initiated by the Ministry of Justice and supported by the FCA is positioned as a «quality reform». However, in reality, it is an instrument of counter-reform aimed at dismantling the independent legal profession and totally subordinating lawyers to the state. The introduction of the monopoly will lead to the forced incorporation of all private practitioners into the already «captured» and state-subordinated structure. The true motive of the leadership of the chambers of advocates has a pronounced fiscal character: compulsory entrance fees from hundreds of thousands of new lawyers will create a multi-billion uncontrolled financial pool for corporate elites.

The correlation between the previous and new reports reveals a clear cause-and-effect relationship: the loss of intra-corporate democracy («capture») inevitably leads to the inability of the corporation to protect its members from external state pressure and, moreover, to the transformation of the corporation itself into an instrument of such pressure.

The continuation of the current trends will lead to the complete destruction of the institution of independent advocacy, which testifies to a state of profound legal default.

In their totality, the circumstances set out above indicate the need for systemic reforms. It is required to bring national practice into compliance with international standards. It is necessary to strengthen the guarantees of the independence of advocacy and establishing responsibility for interference in the activities of an advocate.

FCA and regional advocate chambers ought to remember their true purpose and stand up for their colleagues persecuted by the state.

The state must abandon the practice of using the criminal law as an instrument for eliminating procedural opponents.

International standards for the protection of the profession of an advocate, including the Council of Europe Conventions, must become a direct-acting normative base for national courts. Otherwise, the legal system risks degrading to a state in which the functions of an independent court and investigation will completely merge into a single punitive mechanism.

The international community and human rights organizations must pay close attention to the situation. The immediate repeal of anti-advocate norms and the reform of the management of the chambers are necessary. Only democratization and transparency will be able to return the status of an independent institution to the Bar. Without this, the right to qualified legal assistance will remain declarative.

Without a radical reform of the Bar self-government system, the restoration of the real independence of the judicial system, and an end to the practice of criminal prosecution of advocates for their professional activities, Russia risks definitively losing the institution that guarantees the citizens' constitutional right to qualified legal assistance.

Without eliminating the identified problems, it is impossible to ensure the effective protection of the rights and freedoms of citizens. The continuation of the current trends will lead to the destruction of the institution of Bar, which will ultimately jeopardize the functioning of justice and the state.

Список источников / References

1. https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu
2. https://fparf.ru/news/fpa/opros-o-praktike-obespecheniya-garantiy-advokatov/
3. https://legalpetition.org/monitoring-narusheniya-professionalnyhprav-i-presledovaniya-advokatov-v-2025-godu/
4. https://t.me/initiative2018/3130
5. https://t.me/initiative2018/3098
6. https://t.me/initiative2018/3100; https://defendlawyers.wordpress.com/2025/09/07/russia-kaliningrad-lawyer-vladimir-sorokin-detained-in-fbk-donation-case-navalny-foundation/
7. https://t.me/initiative2018/3104; https://t.me/initiative2018/3106
8. https://www.youtube.com/watch?v=r_dcHzVZ0wE; https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obschestvennoy-organizatsii-advokatov-i-yuristov-initsiativa-2018-o-presledovanii-i-obyskah-u
9. https://t.me/initiative2018/3151
10. https://t.me/initiative2018/3198
11. https://t.me/initiative2018/3077; https://t.me/initiative2018/3081; https://svobodnykaliningrad.com/main/100575-karatelnoe-pravosudie.html
12. https://t.me/initiative2018/3266
13. https://t.me/initiative2018/2887
14. https://t.me/initiative2018/2874
15. https://t.me/initiative2018/3327
16. https://t.me/endoflaw/1339?single
17. https://t.me/initiative2018/3318
18. https://t.me/initiative2018/3481
19. https://t.me/initiative2018/3681
20. https://t.me/initiative2018/3835; https://t.me/initiative2018/3853
21. https://t.me/initiative2018/3801
22. https://t.me/initiative2018/3845
23. https://t.me/endoflaw/1672; https://t.me/endoflaw/1656; https://t.me/endoflaw/1636
24. https://t.me/initiative2018/4644
25. https://t.me/initiative2018/4644
26. https://t.me/initiative2018/4685
27. https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2025/07/russia-must-release-ill-lawyer-maria-bontsler-detained-retaliation-human
28. https://ludovictrarieux.org/fr-page3.callplt2025.htm; https://cyberleninka.ru/article/n/advokat-dmitriy-talantov-laureat-mezhdunarodnoy-premii-imeni-lyudovika-trarie-v-oblasti-prav-cheloveka-2025-1; https://defendlawyers.wordpress.com/2025/11/15/russia-speech-by-lawyer-dmitry-talantov-winner-of-ludovic-trarieux-international-human-rights-prize-2025/
29. https://cyberleninka.ru/article/n/dmitriy-talantov-i-initsiativa-2018-advokaty-i-yuristy-za-demokratiyu-i-verhovenstvo-prava
30. https://www.youtube.com/watch?v=S1QPUtcQN4M; https://t.me/initiative2018/3760; https://t.me/initiative2018/3761; https://t.me/initiative2018/3765
31. https://www.kommersant.ru/doc/8177941
32. https://t.me/initiative2018/4320
33. https://t.me/initiative2018/4344
34. https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458796
35. https://t.me/initiative2018/3134
36. https://t.me/initiative2018/3140
37. https://t.me/rusnews/75069; https://t.me/initiative2018/3230
38. https://www.kommersant.ru/doc/7442840
39. https://t.me/initiative2018/4389; https://t.me/initiative2018/4395
40. https://news.un.org/ru/story/2025/01/1460536
41. https://cyberleninka.ru/article/n/pismo-s-utverzhdeniyami-o-narusheniyah-ot-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-nezavisimosti-sudey-i-advokatov-rabochey-gruppy
42. https://t.me/initiative2018/3335; https://t.me/initiative2018/3340
43. https://www.kommersant.ru/doc/8099617; https://ufanovosti.ru/news/social/2025-10-08/v-bashkirii-advokat-poydet-pod-sud-za-razglashenie-vrachebnoy-tayny-4419063

44. https://t.me/udm_info/25611
45. https://www.kommersant.ru/doc/8140728
46. https://t.me/sudUdm/2968; https://tass.ru/proisshestviya/25419929
47. https://t.me/initiative2018/3702
48. https://prokazan.ru/news/view/v-kazani-advokata-sudat-za-opravdanie-podzasitnogo-ee-obvinaut-v-davlenii-na-prisaznyh; https://dzen.ru/a/aP9yJUi7FkCl_aA; https://www.business-gazeta.ru/news/686322, https://kazanonline24.ru/novosti-tatarstana/view/advokatu-iz-kazani-grozit-sud-posle-vyigrysa-dela-ob-ubijstvah-delo-inna-barleva; https://novosti.tatar/proishestvie/3803-advokat-vyigrala-staroe-delo-ob-ubijstvakh-v-kazani; https://rutube.ru/video/2194a794661f8ffd300860187e7d9355; https://116.ru/text/gorod/2025/10/26/76090426; https://defendlawyers.wordpress.com/2025/10/28/russia-lawyer-and-journalist-tried-in-kazan-for-obstructing-justice/
49. https://t.me/initiative2018/3750
50. https://t.me/initiative2018/3950
51. https://teletype.in/@ozero2.0/delo-protiv-pavlova-smirnova-pervyj-otdel?ysclid=mn6emkgo60858136291
52. https://news.ru/incidents/udar-po-komande-za-chto-zaderzhali-advokata-ivana-pavlova
53. https://chel.sledcom.ru/news/item/2039784/?ysclid=mj1r5bl7av80426368
54. https://t.me/initiative2018/4176
55. https://t.me/initiative2018/4183
56. https://t.me/sledcom_press/25474
57. https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2026/02/russia-must-end-reprisals-and-intimidation-icc-prosecutor-and-judges-un
58. https://t.me/initiative2018/4223; https://www.e1.ru/text/criminal/2025/12/16/76173863/; https://t.me/initiative2018/4226; https://t.me/initiative2018/4228
59. https://t.me/initiative2018/4252; https://www.kommersant.ru/doc/8294047
60. https://t.me/initiative2018/4558
61. https://t.me/initiative2018/4454
62. https://t.me/initiative2018/4459
63. https://t.me/initiative2018/4462
64. https://t.me/initiative2018/4484
65. https://t.me/initiative2018/4522
66. https://t.me/initiative2018/4650
67. https://t.me/initiative2018/4696
68. https://t.me/initiative2018/4781
69. https://t.me/initiative2018/4486
70. https://t.me/initiative2018/4528; https://t.me/initiative2018/4539
71. https://t.me/initiative2018/4490; https://t.me/initiative2018/4562; https://dzen.ru/a/aY-UidSrMzjM0zP0; https://www.cpiong.fr/2026/02/13/oleg-stepanov-arestovan-po-delu-ob-uchastii-v-deyatelnosti-terroristicheskoj-organizaczii/
72. https://slovo-zashite.org/analysis/novyi-prikaz-miniusta-ob-advokatskom-ordere-razbor-podvodnykh-kamnei; https://cyberleninka.ru/article/n/antiadvokatskiy-zakon-v-deystvii-chem-grozit-novyy-prikaz-ministerstva-yustitsii-rossiyskoy-federatsii-ob-advokatskom-ordere
73. https://murmansk.mk.ru/incident/2026/02/18/advokat-v-murmanske-poddelal-order-i-slil-chuzhie-lichnye-dannye-za-10-tysyach.html
74. https://t.me/endoflaw/907
75. https://t.me/moscowcourts/8257
76. https://t.me/initiative2018/4595
77. https://www.rbc.ru/society/29/01/2026/697b9d079a79475ac5fcbaf0; https://www.kommersant.ru/doc/8397915; https://pravo.ru/news/262239/
78. https://www.advgazeta.ru/novosti/primorskogo-advokata-obvinyayut-v-primenenii-nasiliya-v-otnoshenii-sotrudnitsy-politsii/; https://vladivostok1.ru/text/gorod/2026/01/31/76238182/; https://www.newsvl.ru/vlad/2026/02/12/236737/; https://vl.aif.ru/society/sud-ne-stal-arestovyvat-advokata-kotorogo-podozrevayut-v-nasilii
79. https://t.me/initiative2018/3057; https://www.kommersant.ru/doc/8228564 https://novayagazeta.ru/articles/2024/08/02/deistvuiushchikh-sudei-est-kem-zamenit*
80. https://www.kommersant.ru/doc/8228444
81. https://t.me/initiative2018/3111
82. https://t.me/initiative2018/3312; https://t.me/initiative2018/3315; https://defendlawyers.wordpress.com/2025/09/27/russia-lawyer-dmitry-zakhvatov-who-defended-dissidents-declared-foreign-agent/
83. https://ria.ru/20250426/delo-2013537909.html; https://www.kommersant.ru/doc/8076665?ysclid=mn6jfuw96q269845086#id2917623
84. https://t.me/endoflaw/2491
85. https://t.me/initiative2018/4751
86. https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-inostrannyh-i-mezhdunarodnyh-organizacij-deyatelnost-kotoryh-priznana-nezhelatelnoj-na-territorii-rossijskoj-federacii/
87. https://rg.ru/documents/2026/05/29/organizacii-dok.html; https://www.vesti.ru/ns/minyust-vnes-tri-organizacii-iz-francii-i-ssha-v-spisok-nezhelatelnykh-v-rf; https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6a0723a49a7947d3df0c4452
88. https://www.advgazeta.ru/novosti/ap-krasnodarskogo-kraya-vyrazila-obespokoennost-provedeniem-obyska-v-zhilishche-advokata-bez-sanktsi/
89. https://www.advokatymoscow.ru/press/news/15083/
90. https://t.me/initiative2018/4177
91. https://t.me/endoflaw/1896
92. https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17122015-n/
93. https://t.me/initiative2018/2980; https://www.advgazeta.ru/novosti/ulyanovskiy-advokat-soobshchila-o-narusheniyakh-konfidentsialnosti-svidaniy-s-zaklyuchennymi-v-kolonii/
94. https://t.me/initiative2018/3019
95. https://t.me/initiative2018/3096; https://t.me/apspbprotection/417
96. https://www.palatakd.ru/content/news/3030/
97. https://t.me/apspbprotection/433
98. https://t.me/initiative2018/3662
99. https://t.me/endoflaw/1990
100. https://t.me/initiative2018/4422
101. https://t.me/initiative2018/4533
102. https://t.me/initiative2018/4536
103. https://t.me/initiative2018/4610
104. https://t.me/initiative2018/4611
105. https://t.me/initiative2018/4674
106. https://t.me/initiative2018/4786
107. https://www.ohchr.org/en/press-releases/2026/04/strategy-blatant-abuse-counter-terrorism-and-extremism-laws-destroy-russian

108. https://t.me/initiative2018/4790; https://www.forbes.ru/society/558923-v-redakcii-novoj-gazety-v-moskve-zaversilis-obyski
109. https://www.kommersant.ru/doc/8553587
110. https://t.me/initiative2018/4756
111. https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-zaschitim-rossiyskuyu-advokaturu-2023; https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy; https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-zakonoproekt-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy-deyatelnosti-i-advokature-v-rossiyskoy-federatsii-put-k; https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-v-zakonodatelstvo-ob-advokature-napravleny-na-podavlenie-nezavisimosti-advokatov-i-advokatury-v-rossii
112. https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-vvedenii-vozmozhnosti-prekrascheniya-statusa-advokata-pri-vyyavlenii-fakta-ego-vyezda-na-postoyannoe-mesto-zhitelstva
113. https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-polozhenii-v-oblasti-prav-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-i-spetsialnogo
114. https://t.me/initiative2018/3273
115. https://www.kommersant.ru/doc/8119426; https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/10/14/1146562-minyust-hochet-prekratit-status-treh-izvestnih-advokatov; https://www.rbc.ru/society/20/10/2025/68ed2dfb9a79475dd4a2d574?
116. https://t.me/tayskayaGramota/1152
117. https://t.me/initiative2018/3793
118. https://t.me/endoflaw/866
119. https://defendlawyers.wordpress.com/2026/05/30/russia-silencing-the-defense/
120. https://t.me/initiative2018/4585; https://t.me/moscow_bar_association/2605
121. https://pravo.ru/news/262490/
122. https://t.me/initiative2018/4745
123. https://t.me/initiative2018/4783
124. https://www.kommersant.ru/doc/6280611; https://defendlawyers.wordpress.com/2026/04/09/russia-statement-on-unlawful-practice-aimed-at-terminating-status-of-advocate-in-connection-with-prolonged-stay-abroad/
125. https://t.me/initiative2018/4744; https://t.me/initiative2018/4759; https://t.me/initiative2018/4760; https://t.me/initiative2018/4761; https://t.me/initiative2018/4766; https://t.me/initiative2018/4775; https://t.me/initiative2018/4782
126. https://t.me/initiative2018/4818
127. https://www.kommersant.ru/doc/8586401; https://zakon.ru/blog/2026/4/17/antologiya_bespraviya_kak_sudebnoe_reshenie_o_prekraschenii_statusa_advokatov_alekseya_basistova_dmi_115822
128. https://t.me/initiative2018/4645
129. https://t.me/initiative2018/4586
130. https://t.me/initiative2018/2819
131. https://www.kommersant.ru/doc/7659601
132. https://lenta.ru/news/2025/09/25/zayavivshiy-o-pytkah-klienta-advokat-navlek-na-sebya-problemy-ot-fsb/; https://ria.ru/20250925/advokat-2044285267.html; https://defendlawyers.wordpress.com/2025/09/26/russia-lawyer-who-reported-clients-torture-lands-himself-in-trouble-with-fsb-faces-disciplinary-proceedings/
133. https://t.me/initiative2018/3337; https://www.rbc.ru/society/26/09/2025/68d5aee89a7947275b3768c8
134. https://t.me/initiative2018/4388
135. https://legalpetition.org/trebuem-prekratit-disciplinarnoe-proizvodstvo-v-otnoshenii-advokata-aleksandra-chauzova/
136. https://defendlawyers.wordpress.com/2026/01/14/russia-disciplinary-proceedings-initiated-against-lawyer-bontslers-lawyer/
137. https://t.me/initiative2018/4437
138. https://t.me/initiative2018/2857
139. https://t.me/initiative2018/3138
140. https://t.me/initiative2018/3792
141. https://t.me/initiative2018/3388
142. https://www.kommersant.ru/doc/8231619; https://fparf.ru/news/law-chambers/reshenie-suda-bylo-ozhidaemym/
143. https://t.me/initiative2018/4376; https://t.me/initiative2018/4378; https://defendlawyers.wordpress.com/2026/01/13/russia-more-than-15000-lawyers-with-active-status-disappeared-from-justice-ministry-register/
144. https://t.me/initiative2018/4387
145. https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-funktsionirovaniya-edinogo-gosudarstvennogo-reestra-advokatov-analiz-uyazvimostey-na-primere-intsidenta-2026-goda
146. https://t.me/initiative2018/2805?single
147. https://tass.ru/proisshestviya/24758339
148. https://t.me/initiative2018/2936
149. https://t.me/initiative2018/2923; https://t.me/initiative2018/2924; https://defendlawyers.wordpress.com/2025/08/16/russia-rights-lawyer-sergey-naumov-beaten-by-a-hooligan-in-saransk/
150. https://t.me/endoflaw/859
151. https://t.me/initiative2018/4531
152. https://t.me/initiative2018/3023; https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-otstoyala-v-sude-pravo-na-oplatu-zashchity-po-naznacheniyu/
153. https://t.me/initiative2018/3031
154. https://t.me/initiative2018/2960
155. https://www.ugpr.ru/news/8902-sud-vernul-advokatu-status-ap-ne-predstavila-dostatochnyh-dokazatelstv-ego-karmannosti; https://t.me/initiative2018/3437
156. https://t.me/initiative2018/4401; https://slovo-zashite.org/news/advokatskaia-palata-peterburga-davit-na-advokata-viktora-drozdova-pozhalovavshegosia-v-sk-rf-na-ee-rukovodstvo-za-pobory-i-klevetu
157. https://t.me/initiative2018/4609
158. https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obschestvennoy-organizatsii-advokatov-i-yuristov-initsiativa-2018-o-proizvolnom-prekraschenii; https://defendlawyers.wordpress.com/2026/03/21/russia-disciplinary-case-against-advocate-viktor-drozdov-illegal-contributions-and-punitive-ethics/?fbclid=IwdGRjcAQrcrZjbGNrBCtysGV4dG4DYWVtAjExAHNydGMGYXBwX2lkDDM1MDY4NTUzMTcyOAABHslTMXeafXclOlfw2CdycxyOyqleVuqZXk03nNq0Vi5pkCC3jTL3wYsPzTNI_aem_PNG3Tg2XqLEra4nu7yg5MQ

159. https://cyberleninka.ru/article/n/distsiplinarnoe-delo-advokata-viktora-drozdova-nezakonnye-vznosy-i-karatelnaya-etika
160. https://t.me/initiative2018/4594
161. https://t.me/initiative2018/2885
162. https://t.me/initiative2018/3137; https://t.me/initiative2018/3397
163. https://t.me/initiative2018/3391
164. https://t.me/fparf/13664
165. https://t.me/initiative2018/4097
166. https://t.me/endoflaw/986
167. https://t.me/initiative2018/4410
168. https://t.me/initiative2018/2867; https://cyberleninka.ru/article/n/24-chasa-yuridicheskogo-soprotivleniya-itogi-pervogo-antimonopolnogo-marafona-natsionalnogo-profsoyuza-yuristov
169. https://t.me/initiative2018/2872
170. https://t.me/initiative2018/4381; https://t.me/broblsud/6100; https://t.me/initiative2018/4396
171. https://t.me/initiative2018/4671
172. https://finance.mail.ru/card/mediannaya-zarplata-1140/#card-76714
173. https://cyberleninka.ru/article/n/fiskalnaya-izoschryonnost-v-moskovskoy-advokature-o-protivopravnosti-ustanovleniya-obyazatelnyh-ezhemesyachnyh-otchisleniy; https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-regulirovaniya-instituta-priostanovleniya-statusa-advokata-v-svete-resheniy-advokatskoy-palaty-goroda-moskvy
174. https://t.me/initiative2018/4412
175. https://www.advokatymoscow.ru/advocate/activity/info/15316/
176. https://cyberleninka.ru/article/n/ne-izbiraemye-advokatami-demokraticheskim-putem-upravlentsy-iz-federalnoy-palaty-pyat-let-na-otvet-bez-otveta; https://t.me/initiative2018/3227
177. https://t.me/initiative2018/3519
178. https://t.me/initiative2018/4551
179. https://t.me/initiative2018/3332; https://t.me/initiative2018/3333; https://t.me/initiative2018/3338
180. https://slovo-zashite.org/api/v1/shorter/EVJ47
181. https://t.me/rvmorozov/16293
182. https://t.me/initiative2018/4140; https://t.me/initiative2018/4141
183. https://fparf.ru/news/fpa/opros-o-praktike-obespecheniya-garantiy-advokatov/; https://www.kommersant.ru/doc/8212487; https://www.mk.ru/social/2025/11/19/bolee-poloviny-oproshennykh-advokatov-priznalis-chto-im-ugrozhali-sledovateli.html
184. https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu
185. https://www.ng.ru/politics/2026-02-01/3_9427_fsin.html
186. https://fparf.ru/news/media/nedopusk-eto-sistemnaya-problema/
187. https://t.me/initiative2018/2911
188. https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchitniki-advokatov-alekseya-navalnogo-poluchili-tekst-apellyatsionnogo-opredeleniya/
189. https://fparf.ru/news/law-chambers/v-fpa-rf-postupilo-trevozhnoe-soobshchenie-s-dalnego-vostoka/; https://t.me/initiative2018/4023
190. https://fparf.ru/news/fpa/svetlana-volodina-i-lyudmila-lyamina-obsudili-aktualnye-zadachi/
191. https://cyberleninka.ru/article/n/ocherednoy-proval-storonnikov-advokatskoy-monopolii-sudebnyy-departament-obyavil-prigovor-federalnoy-palate-advokatov
192. https://t.me/initiative2018/4916
193. https://t.me/endoflaw/1294; https://fparf.ru/news/fpa/advokatskoe-soobshchestvo-v-tselom-udovletvorenokpea/
194. https://t.me/initiative2018/3384; https://t.me/initiative2018/4161
195. https://slovo-zashite.org/text/golodnye-advokaty-gumannye-tribunaly
196. https://t.me/initiative2018/4198
197. https://fparf.ru/news/law-chambers/budet-sformirovana-edinaya-sudebnaya-praktika-osnovannaya-na-deystvuyushchikh-mezhdunarodnykh-obyaza/; https://t.me/initiative2018/4178
198. https://t.me/initiative2018/4279; https://t.me/initiative2018/4284
199. https://t.me/initiative2018/4302
200. https://fparf.ru/news/fpa/ya-grazhdanin-pravo-otvetstvennost-deystvie/
201. https://fparf.ru/news/fpa/zhizn-pokazala-esli-my-ne-nachnem-rano-budet-pozdno/
202. https://t.me/initiative2018/3848; https://cyberleninka.ru/article/n/ya-poddannyy-bespravie-bezotvetstvennost-bezdeystvie-istinnaya-sut-psevdopatrioticheskogo-proekta-ot-repressivnyh-pedagogov-iz
203. https://t.me/fparf/13454
204. https://fparf.ru/news/law-chambers/predstavitel-tulskoy-oblastnoy-advokatskoy-palaty-prinyal-uchastie-vo-vstreche-shtaba-komiteta-semey/; https://fparf.ru/news/law-chambers/predstavitel-ap-chelyabinskoy-oblasti-vystupil-v-ramkakh-seminara-realizatsiya-prav-uchastnikov-svo/; https://fparf.ru/news/law-chambers/v-advokatskoy-palate-astrakhanskoy-oblasti-proveden-seminar-po-voprosam-okazaniya-besplatnoy-yuridich/;https://fparf.ru/news/law-chambers/advokaty-tulskoy-oblasti-prinyali-uchastie-vo-vstrechev-s-semyami-uchastnikov-svo/; https://fparf.ru/news/law-chambers/advokaty-tulskoy-oblasti-prinyali-uchastie-v-aktsii-geroi-odnoy-strany-svo-10.25/; https://fparf.ru/news/law-chambers/vitse-prezident-ap-omskoy-oblasti-roman-kazakov-prinyal-uchastie-vo-vserossiyskom-soveshchanii/; https://fparf.ru/news/law-chambers/vstrecha-advokatskikh-palat-bashkortostana-i-kabardino-balkarii-voprosy-podderzhki-uchastnikov/; https://fparf.ru/news/law-chambers/otmechena-vazhnost-planiruemoy-reformy-sudebnogo-predstavitelstva/; https://fparf.ru/news/law-chambers/ap-altayskogo-kraya-provela-obuchayushchee-meropriyatie-posvyashchennoe-voprosam-okazaniya-yuridiche/; https://fparf.ru/news/law-chambers/v-upravlenii-minyusta-rossii-po-permskomu-krayu-s-uchastiem-predstaviteley-advokatskoy-palaty-sostoya/; https://fparf.ru/news/law-chambers/v-arkhangelske-s-uchastiem-predstaviteley-upravleniya-minyusta-rossii-upravleniya-fssp-rossii/; https://fparf.ru/news/law-chambers/prezident-ap-respubliki-bashkortostan-bulat-yumadilov-

vystupil-na-kruglom-stole-posvyashchennom-okaz/; https://fparf.ru/news/law-chambers/v-lyuberetskom-sudebnom-rayone-s-uchastiem-predstavitelya-ap-moskovskoy-oblasti-podveli-itogi/; https://fparf.ru/news/law-chambers/12-fevralya-pervyy-vitse-prezident-advokatskoy-palaty-ulyanovskoy-oblasti-valeriy-chernyshov-prinyal/

205. https://fparf.ru/news/law-chambers/advokatskaya-palata-ulyanovskoy-oblasti-opublikovala-intervyu-s-advokatom-uchastnikom-svo-sergeem-ra/?clckid=4fd26454

206. https://fparf.ru/news/law-chambers/pobeda-nad-formalizmom-i-byurokratizmom/; https://fparf.ru/news/law-chambers/advokat-respubliki-tatarstan-prinyal-uchastie-v-okazanii-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshchi-uchastni/; https://fparf.ru/news/law-chambers/sudebnye-akty-prinyaty-v-polzu-isttsa/; https://fparf.ru/news/law-chambers/bryanskiy-advokat-valeriya-artemeva-okazala-besplatnuyu-yuridicheskuyu-pomoshch-nuzhdayushchimsya/; https://fparf.ru/news/law-chambers/advokatskaya-palata-voronezhskoy-oblasti-opublikovala-informatsiyu-ob-intervyu-chlena-soveta-palaty/; https://fparf.ru/news/law-chambers/bryanskiy-advokat-lyudmila-nikolskaya-prokonsultirovala-veterana-svo-v-khode-pervogo/;https://fparf.ru/news/law-chambers/v-ulyanovskoy-oblasti-pri-uchastii-advokatskoy-palaty-regiona-provedena-aktsiya-v-podderzhku-uchastn/; https://fparf.ru/polemic/opinions/zashchishchaya-togo-kto-zashchishchal-nas/; https://fparf.ru/news/law-chambers/bryanskiy-advokat-elena-zaytseva-na-regulyarnoy-osnove-okazyvaet-besplatnuyu-yuridicheskuyu-pomoshch/; https://fparf.ru/news/law-chambers/ap-bryanskoy-oblasti-soobshchila-ob-okazanii-advokatom-besplatnoy-yuridicheskoy-pomoshchi-grazhdanam/

207. https://fparf.ru/news/law-chambers/advokaty-chuvashskoy-respubliki-proveli-priyem-po-pravovym-voprosam-dlya-uchastnikov-svo-i-chlenov/; https://fparf.ru/news/law-chambers/sostoyalsya-besplatnyy-priem-uchastnikov-svo-i-chlenov-ikh-semey-pri-sodeystvii-advokatov-stavropols/; https://fparf.ru/news/law-chambers/advokaty-leningradskoy-oblasti-na-strazhe-interesov-uchastnikov-svo-i-chlenov-ikh-semey/; https://fparf.ru/news/law-chambers/v-yaroslavskoy-oblasti-s-uchastiem-advokatov-proshlo-pravovoe-konsultirovanie-uchastnikov-svo/; https://fparf.ru/news/law-chambers/okazanie-pomoshchi-organizovano-na-raznykh-plozhadkakh/; htt https://fparf.ru/news/law-chambers/v-arkhangelske-s-uchastiem-predstaviteley-upravleniya-minyusta-rossii-upravleniya-fssp-rossii/; https://fparf.ru/news/law-chambers/pri-uchastii-advokatov-respubliki-bashkortostan-provedena-aktsiya-zashchitniki-otechestva-napravlenn/; https://fparf.ru/news/law-chambers/advokatskaya-palata-respubliki-bashkortostan-opublikovala-informatsiyu-o-prieme-grazhdan-v-sterlitam/

208. https://fparf.ru/news/law-chambers/voronezhskim-advokatam-vruchili-nagrady-minyusta-rossii-za-uchastie-v-svo/; https://fparf.ru/news/law-chambers/advokatu-altayskogo-kraya-uchastniku-svo-vruchena-medal-anatoliya-koni/; https://fparf.ru/news/law-chambers/advokat-amurskoy-oblasti-uchastnik-svo-nagrazhden-medalyu-anatoliya-koni/; https://fparf.ru/news/law-chambers/advokatam-rostovskoy-oblasti-uchastnikam-svo-vrucheny-medali-anatoliya-koni/; https://fparf.ru/news/law-chambers/prezident-advokatskoy-palaty-respubliki-bashkortostan-bulat-yumadilov-prinyal-uchastie-vo-vserossiys/

209. https://fparf.ru/news/law-chambers/advokat-tulskoy-oblasti-veteran-boevykh-deystviy-okazal-gumanitarnuyu-pomoshch-uchastnikam-svo/

210. https://fparf.ru/news/law-chambers/predstaviteli-advokatskoy-palaty-respubliki-bashkortostan-dostavili-13-y-gumanitarnyy-gruz/

211. https://fparf.ru/news/law-chambers/predstaviteli-ap-respubliki-bashkortostan-vnov-dostavili-gumanitarnyy-gruz-v-zonu-svo/; https://fparf.ru/news/law-chambers/predstaviteli-advokatskoy-palaty-respubliki-bashkortostan-v-desyatyy-raz-dostavili-gumanitarnyy-gruz/; https://fparf.ru/news/law-chambers/predstaviteli-ap-respubliki-bashkortostan-v-ocherednoy-raz-dostavili-gumanitarnyy-gruz-dlya-voennosl/

212. https://fparf.ru/news/law-chambers/ap-chelyabinskoy-oblasti-peredala-pomoshch-voennosluzhashchim-v-zone-provedeniya/; https://t.me/initiative2018/5023

213. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml

214. https://t.me/initiative2018/3226

215. https://t.me/endoflaw/265

216. https://74.ru/text/gorod/2025/04/16/75342131/

217. https://rg.ru/2025/07/11/miniust-obnarodoval-zakonoproekt-ob-advokatskoj-monopolii.html

218. https://cyberleninka.ru/article/n/kak-prezident-rogachev-napryazhennost-u-yuristov-snimal-o-vstreche-advokatov-s-yuristami-v-nizhnem-novgorode; https://cyberleninka.ru/article/n/strah-i-nenavist-v-izmaylovo-obsuzhdenie-advokatskoy-monopolii-putem-degumanizatsii-chastnopraktikuyuschih-yuristov

219. https://pravo.ru/review/view/40979/; https://fparf.ru/news/fpa/advokatskaya-monopoliya-kto-protiv/; https://news.rambler.ru/world/54556695-stalina-gurevich-otsenila-plany-po-vvedeniyu-v-rossii-advokatskoy-monopolii/

220. https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/bunt-ambarnykh-myshey/; https://www.zakonia.ru/analytics/77/52395

221. https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obschestvennoy-organizatsii-advokatov-i-yuristov-initsiativa-2018-o-zakonoproekte-ob

222. https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-generalnogo-soveta-mezhdunarodnoy-assotsiatsii-rossiyskih-advokatov-o-proekte-zakona-o-vvedenii-advokatskoy-monopolii-v; https://slovo-zashite.org/text/odin-bolshoi-uzhasnyi-zakonoproekt

223. https://cyberleninka.ru/article/n/oshibochnyy-put-rossiyskoy-advokatury-ot-instituta-grazhdanskogo-obschestva-k-instrumentu-regulirovaniya-rynka-yuridicheskih-uslug

224. https://www.kommersant.ru/doc/7989561; https://www.fontanka.ru/2025/10/20/76079185/

225. https://law-unity.ru/

226. https://t.me/initiative2018/3290

227. https://t.me/initiative2018/3181

228. https://t.me/initiative2018/3172

229. https://law-unity.ru/razbory

230. https://law-unity.ru/opinions; https://t.me/initiative2018/2766
231. https://rutube.ru/video/6c9077bf5bb79f0ee41af4b1dd5121fd/
232. https://youtu.be/wh2AIM6RzdM?si=tzaf1h6D3GeGPAxX
233. https://t.me/initiative2018/2764
234. https://www.youtube.com/watch?v=ZD3ZmqIQX10&t=8409s; https://cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-v-sankt-peterburge-holodnyy-dush-dlya-popirayuschih-normy-advokatskoy-etiki-svideteley-advokatskoy-monopolii-iz; https://t.me/initiative2018/4013
235. https://cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-v-sankt-peterburge-holodnyy-dush-dlya-popirayuschih-normy-advokatskoy-etiki-svideteley-advokatskoy-monopolii-iz; https://gt-tomsk.ru/spread/filtr-dlya-neugodnyx-ili-zashhita-prav-lyudej/
236. https://cyberleninka.ru/article/n/advokatskaya-monopoliya-razoblachenie-antinarodnoy-kontrreformy-v-stenah-parlamenta; https://www.kommersant.ru/doc/8101430; https://www.rbc.ru/society/10/10/2025/68e7fdea9a794783108279c1?
237. https://cyberleninka.ru/article/n/24-chasa-yuridicheskogo-soprotivleniya-itogi-pervogo-antimonopolnogo-marafona-natsionalnogo-profsoyuza-yuristov; https://cyberleninka.ru/article/n/24-chasa-yuridicheskogo-soprotivleniya-prodolzhenie-antimonopolnogo-marafona-natsionalnogo-profsoyuza-yuristov; https://rutube.ru/channel/42477901/
238. https://t.me/initiative2018/3861; https://t.me/initiative2018/3862; https://t.me/initiative2018/3870; https://t.me/initiative2018/3876
239. https://t.me/initiative2018/4727
240. https://t.me/initiative2018/2791; https://t.me/initiative2018/3292; https://t.me/initiative2018/3319; https://t.me/initiative2018/3423; https://t.me/initiative2018/3424;https://t.me/initiative2018/3435;https://t.me/initiative2018/3516; https://t.me/initiative2018/3552; https://t.me/initiative2018/3704; https://t.me/initiative2018/3708; https://t.me/initiative2018/3709; https://www.kommersant.ru/doc/8196329; https://peterburg2.ru/news/sud-v-moskve-prekratil-delo-yuristov-protiv-advokatskoy-monopolii-205071.html; https://myurist.online/news/sud-prekratil-spor-yuristov-s-minyustom-o-reforme-predstavitelstva; https://t.me/initiative2018/3834; https://t.me/initiative2018/3838; https://t.me/initiative2018/3839; https://t.me/initiative2018/3847; https://t.me/initiative2018/3860
241. https://vk.com/wall-42591457_24469; https://t.me/initiative2018/3479
242. https://t.me/initiative2018/3568; https://t.me/initiative2018/3886; https://t.me/initiative2018/3956
243. https://vk.com/video-42591457_456239954
244. https://t.me/initiative2018/3216; https://t.me/initiative2018/3322
245. https://www.kommersant.ru/doc/7989561; https://eanews.ru/ekaterinburg/20251101171842/nuzhna-li-v-rossii-advokatskaya-monopoliya-i-k-chemu-ona-privedet-mneniya-ekspertov-kruglogo-stola-ean-prostoy-vopros; https://www.kommersant.ru/doc/7926033;https://zakon.ru/blog/2025/12/5/geografiya_pravovoj_uyazvimosti_kak_regionalnaya_koncentraciya_advokatov_uglublyaet_neravenstvo_v_ro
246. https://lenta.ru/articles/2025/08/05/advokat/; https://www.kommersant.ru/doc/7926033; https://omsk.plus.rbc.ru/news/68d4fc827a8aa9dff63ef4c3?from=from_main_13; https://tass.ru/obschestvo/25379811; https://eanews.ru/rossiya/20251101131020/ekaterinburgskiy-advokat-uslugi-yuristov-rezko-podorozhayut-iz-za-advokatskoy-monopolii
247. https://www.dp.ru/a/2025/08/11/est-serjoznie-opasenija-advokatskaja
248. https://bfmspb.ru/novosti/biznes-ombudsmen-kalugin-vyslushal-argumenty-za-i-protiv-advokatskoy-monopolii/
249. https://www.kommersant.ru/doc/7991778; https://tass.ru/ekonomika/25379719?ysclid=mgux8udo8p866108430
250. https://t.me/initiative2018/4145
251. https://www.v2b.ru/articles/advokatskaya-monopoliya-poslednie-novosti/; https://t.me/initiative2018/3777
252. https://t.me/initiative2018/3073
253. https://fparf.ru/news/fpa/aktsiya-zavershilas-no-rabota-tolko-nachinaetsya/; https://t.me/initiative2018/2831
254. https://адвокаты-за.рф/
255. https://slovo-zashite.org/text/fpa-posle-provedennogo-na-svoikh-resursakh-oprosa-o-podderzhke-advokatskoi-monopolii-otchitalas-chto-initsiativu-podderzhivaet-774-advokatov
256. https://t.me/Talkcheev/13
257. https://t.me/initiative2018/2849
258. https://fparf.ru/news/fpa/sostavlen-poshagovyy-algoritm/
259. https://fparf.ru/news/fpa/fpa-rf-obnarodovala-rezultaty-oprosa-advokatskogo-soobshchestva/
260. https://t.me/initiative2018/3184
261. https://t.me/initiative2018/3176
262. https://fparf.ru/news/fpa/ryad-predlozheniy-i-zamechaniy-uchten/
263. https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu
264. https://t.me/initiative2018/3231
265. https://www.kommersant.ru/doc/8059979
266. https://t.me/initiative2018/3280
267. https://fparf.ru/news/fpa/znachitelnaya-chast-konstruktivnykh-predlozheniy-i-zamechaniy-uchtena/
268. https://cyberleninka.ru/article/n/advokatskaya-monopoliya-razoblachenie-antinarodnoy-kontrreformy-v-stenah-parlamenta; https://t.me/initiative2018/3627
269. https://fparf.ru/news/fpa/v-advokature-deystvuyut-ottochennye-ponyatnye-i-predskazuemye-pravila/
270. https://rg.ru/2025/10/20/zashchitnaia-reakciia.html
271. https://zakon.ru/blog/2025/10/7/advokatskaya_monopoliya__-_plecho_federalnoj_palaty_advokatov_propagandistka_avakyan_maskiruet_zahva
272. https://t.me/initiative2018/3420; https://t.me/initiative2018/3421
273. https://t.me/initiative2018/3743
274. https://t.me/initiative2018/3219
275. https://t.me/initiative2018/3661
276. https://cyberleninka.ru/article/n/brak-po-lyubvi-ili-lishenie-professii-kak-prezident-federalnoy-palaty-

advokatov-otvechaet-na-kritiku-zakonoproekta-ob-advokatskoy?ysclid=mn4xyyfwsb711539139; https://zakon.ru/blog/2025/11/29/brak_po_lyubvi_ili_lishenie_professii_kak_prezident_federalnoj_palaty_advokatov_otvetila_na_kritiku__112709

277. https://t.me/initiative2018/3887

278. https://pravo.ru/news/260945/

279. https://t.me/initiative2018/3996

280. https://zakon.ru/blog/2025/10/26/po_sledam_konferencii_fap_advokatura_gosudarstvo_obschestvo_2025

281. https://zakon.ru/blog/2025/11/14/kak_advokatskie_palaty_regionov_sdelali_yuridicheskuyu_pomosch_v_rossii_nedostupnoj_issledovanie_rek_112418; https://cyberleninka.ru/article/n/kak-advokatskie-palaty-regionov-sdelali-yuridicheskuyu-pomosch-v-rossii-nedostupnoy-issledovanie-rekomenduemyh-stavok-gonorarov; https://zakon.ru/blog/2025/11/14/kak_advokatskie_palaty_regionov_sdelali_yuridicheskuyu_pomosch_v_rossii_nedostupnoj_issledovanie_rek_112418

282. https://t.me/initiative2018/4075; https://www.ng.ru/politics/2025-12-04/3_9394_lawyers.html; https://rapsinews.ru/incident_news/20251225/311476612.html

283. https://cyberleninka.ru/article/n/spetsializatsiya-v-advokature-novaya-spetsialnaya-operatsiya-federalnoy-palaty-advokatov-protiv-nezavisimosti-advokatskoy-professii

284. https://t.me/initiative2018/4235

285. https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/hrc/regular-sessions/session60/list-reports

286. https://docs.un.org/ru/A/HRC/60/59

287. https://t.me/initiative2018/3851

288. https://probankrotstvo.ru/news/zakonoproekt-ob-advokatskoi-monopolii-zastoporilsia-posle-kritiki-profsoobshhestva-9585

289. https://www.kommersant.ru/doc/8118466; https://rusfond.ru/society/573; https://tass.ru/obschestvo/25380115; https://ruzpp.ru/novosti/vliyanie-advokatskoj-monopolii-na-obshchestva-zashchity-prav-potrebitelej

290. https://t.me/initiative2018/3564; https://t.me/initiative2018/4070

291. https://t.me/initiative2018/3170; https://t.me/initiative2018/3258; https://t.me/initiative2018/3281; https://t.me/initiative2018/3311; https://t.me/initiative2018/3336; https://t.me/initiative2018/3375; https://t.me/initiative2018/3376; https://t.me/initiative2018/3413; https://t.me/initiative2018/3415; https://t.me/initiative2018/3550; https://t.me/initiative2018/3607; https://t.me/initiative2018/3621;https://t.me/initiative2018/3942; https://nta-pfo.ru/news/society/2025/news_726721/?ysclid=mh0w9iwlbu133763412

292. https://tsargrad.tv/novost/vice-prezident-tpp-vadim-chubarov-predlozhil-otkazatsja-ot-advokatskoj-monopolii_1403042

293. https://t.me/initiative2018/3626; https://t.me/initiative2018/3653

294. https://www.mk.ru/social/2025/10/09/v-gosdume-raskritikovali-ideyu-advokatskoy-monopolii-privedet-k-zagnivaniyu.html; https://m.business-gazeta.ru/news/687201; https://t.me/initiative2018/3274; https://www.pnp.ru/social/deputat-poprosil-glavu-minyusta-ocenit-riski-advokatskoy-monopolii.html; https://t.me/initiative2018/3644

295. https://t.me/initiative2018/3405; https://www.interfax.ru/russia/1052339

296. https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/10/29/1150606-vvedenie-advokatskoi-monopolii-tormozitsya

297. https://t.me/initiative2018/3962

298. https://ppt.ru/obzory/advokatskaya-monopoliya-zamorozhena-daydzhest-reaktsiy-telegrama

299. https://t.me/initiative2018/3261

300. https://t.me/initiative2018/3262

301. https://www.rbc.ru/politics/23/09/2025/68d16da09a79476972fee033

302. https://t.me/initiative2018/3277

303. https://t.me/initiative2018/3347; https://vk.com/video-42591457_456240015; https://t.me/initiative2018/3348; https://www.pnp.ru/social/pravo-yuristov-bez-statusa-advokata-na-dostup-k-pravosudiyu-predlozhili-zashhitit.html; https://news.rambler.ru/politics/55383516-duma-rassmotrit-proekt-zakona-lishayuschego-advokatov-monopolii-na-predstavitelstvo-v-sude/; https://www.kommersant.ru/doc/8079537; https://t.me/initiative2018/3959

304. https://t.me/initiative2018/4386; https://t.me/initiative2018/4653

305. https://t.me/initiative2018/3359

306. https://t.me/initiative2018/2783; https://t.me/initiative2018/4508; https://t.me/initiative2018/4506; https://t.me/initiative2018/4547

307. https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownLoadPublicCommunicationFile?gId=30470; https://cyberleninka.ru/article/n/pismo-s-utverzhdeniyami-o-narusheniyah-ot-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-nezavisimosti-sudey-i-advokatov-rabochey-gruppy

308. https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/29/27055580.shtml; https://alrf.ru/news/zakonoproekt-ob-advokatskoy-monopolii-zastoporilsya-posle-kritiki-profsoobshchestva/; https://t.me/initiative2018/3731; https://t.me/initiative2018/3798; https://t.me/initiative2018/4452

309. https://t.me/initiative2018/4519

310. https://fparf.ru/news/law-chambers/v-pervuyu-ochered-oni-advokaty/

311. https://fparf.ru/polemic/opinions/osoznannyy-vybor-v-polzu-bolee-vysokogo-urovnya-otvetstvennosti-kompetentnosti-i-eticheskoy-distsipl/

312. https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/04/08/1188670-minyust-prodolzhit-prorabativat-initsiativu-s-advokatskoi-monopoliei

313. https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu

314. https://www.kommersant.ru/doc/8725900

315. https://realnoevremya.ru/news/401291-sud-vynes-prigovoril-kazanskogo-advokata-innu-barlevu-k-shtrafu-200-tysyach

Статья поступила в редакцию 31.05.26;
одобрена после рецензирования 12.06.26;
принята к публикации 12.06.26.

The article was submitted 31.05.26;
approved after reviewing 12.06.26;
accepted for publication 12.06.26.

ПРИМЕЧАНИЯ:

* ВКЛЮЧЕН (А) В РЕЕСТР ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ И ЛИЦ, ПРИЗНАННЫХ УЧАСТНИКАМИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ

** ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИЗНАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ И ЗАПРЕЩЕНА

*** ВКЛЮЧЕН (А) В СПИСОК ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ И В ПЕРЕЧЕНЬ ЭКСТРЕМИСТОВ И ТЕРРОРИСТОВ РОСФИНМОНИТОРИНГА

**** ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИЗНАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ И ЗАПРЕЩЕНА

***** ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИЗНАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЗАПРЕЩЕНА

В случае наличия технических проблем с открытием ссылок на ресурсы мессенджера «Telegram» по указанным в списке источников адресам
*(например https://t.me/initiative2018/3962), ссылка может быть открыта при указании полного адреса в таком виде: https://t**elegram**.me/initiative2018/3962.*

NOTES:

* INCLUDED IN THE LIST OF FOREIGN AGENTS AND PERSONS RECOGNIZED AS PARTICIPANTS OF FOREIGN AGENTS

** THE ORGANIZATION IS RECOGNIZED IN THE RUSSIAN FEDERATION AS AN EXTREMIST ORGANIZATION AND PROHIBITED

*** INCLUDED IN THE LIST OF FOREIGN AGENTS AND IN THE LIST OF EXTREMISTS AND TERRORISTS OF ROSFINMONITORING

**** THE ORGANIZATION IS RECOGNIZED IN THE RUSSIAN FEDERATION AS AN EXTREMIST ORGANIZATION AND PROHIBITED

***** THIS ORGANIZATION HAS BEEN RECOGNIZED AS A TERRORIST ORGANIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IS BANNED.

In case of technical problems with opening links to the resources of the «Telegram» messenger at the addresses specified in the list of sources
*(for example https://t.me/initiative2018/3962), the link can be opened when specifying the full address in this format: https://t**elegram**.me/initiative2018/3962 .*